Воспоминания о Сретенской духовной семинарии

Москва
Сретенский монастырь
2010 год

УДК 271.22(470-25)-754(084.1)
ББК 86.372
В77

Дорогие отцы и братия!

Именно так я могу обращаться к вам: среди вас, наряду с мирянами, теперь уже есть и священники, и диакона.

Что можно добавить к тому, чему мы учили вас на протяжении пяти лет? Только одно — более всего на свете дорожите не сравнимым ни с чем в мире великим призванием от Господа — служением Богу и Его Святой Церкви.

Не изменяйте этому призванию ни при каких обстоятельствах! Не посрамите ту надежду, с которой взирает на вас Церковь! Ни на что не разменивайте то чистое, прекрасное и спасительное для вашей души вдохновение, которое когда-то привело вас к решимости всего себя отдать Богу, стать апостолами-учениками Господа Иисуса Христа.

Наместник Сретенского монастыря,
ректор Сретенской духовной семинарии

архимандрит Тихон

ISBN 978-5-7533-0499-5

© Сретенский монастырь, 2010

Содержание

Воспоминания преподавателей 5

6 **Протоиерей Максим Козлов** «Фальшь отталкивает – вот это нужно помнить пастырям»

14 **Протоиерей Максим Козлов** Сравнительное богословие как курс духовной школы

21 **Протоиерей Владислав Цыпин** «Активное сотрудничество канонистов и юристов принесет добрые плоды и Церкви, и обществу»

29 **Профессор Алексей Иванович Сидоров** «Патрология — это живая жизнь Церкви»

37 **Профессор Алексей Константинович Светозарский** «Для понимания современной церковной жизни важно знание ее истории»

42 **Профессор Ольга Юрьевна Васильева** «Без прошлого у нас нет будущего»

50 **Павел Кузенков** «Ложь в истории — страшная по своему гибельному воздействию сила»

56 **Профессор Лариса Ивановна Маршева** «Церковнославянский язык является выражением чувств христианской души»

64 **Галина Ивановна Трубицына** «Церковнославянский язык вырабатывает иконичность сознания»

69 **Священник Вадим Леонов** «Значение догматов веры не уменьшается из века в век»

78 **Доцент Олег Викторович Стародубцев** «Знание церковного искусства необходимо священнику»

88 **Доцент Надежда Касимовна Малинаускене** О преподавании древнегреческого языка

93 **Иеромонах Никодим (Шматько)** «Нужно возвещать людям о свободе во Христе»

102 **Иеромонах Ириней (Пиковский)** О преподавании библейских дисциплин в современной семинарии

110 **Протоиерей Алексий Круглик** «Для пастыря очень важно быть духовно зрелым, готовым идти к Богу, указывая путь другим»

114 **Священник Алексей Лымарев** «Священник должен любить тех, к кому он обращает свою проповедь»

127 **Николай Иванович Завьялов** «Звоны в России — это огромный пласт духовной культуры»

134 **Доцент Роман Михайлович Конь** «В борьбе с сектантством чрезвычайно важен святоотеческий опыт»

138 **Татьяна Алексеевна Шутова** «Научиться и научить понимать друг друга»

147 **Ирина Евгеньевна Ковынева** «Человеку больше всего нужно благодушие»

152 **Ирина Николаевна Мошкова** «Сотрудничество священнослужителя и психолога актуально в наше время»

161 **Протоиерей Андрей Рахновский** «Слово Божие живо и действенно»

165 **Игумен Амвросий (Коньков)** «Духовное образование не должно стать бездуховным»

171 **Федор Алексеевич Куприянов** «Основы Ветхого Завета должны быть известны любому христианину»

Воспоминания выпускников 2010 года 175

176 **Диакон Андрей Тихонов** «Церковное служение имеет вечное сотериологическое значение»

186 **Степан Бажков** «Христианину всегда надо поступать так, как велит совесть»

192 **Виталий Ляховский** «Главное в духовной жизни семинарии — молитва во всех случаях жизни»

199 **Кирилл Чистяков** «Семинария воспитала меня как личность, как верующего человека»

206 **Владислав Павлушенко** «Надо быть терпеливыми друг к другу и помнить, что трудности делают нас сильнее»

215 **Геннадий Новиков** «Семинария дала мне самое главное — она заложила фундамент духовной жизни»

225 **Денис Павлов** «Семинария укрепила мой дух, научила быть стойким во мнении и при этом понимать людей»

230 **Иван Коханов** Моя семинария

236 **Гурий Балаянц** «Человек, который не приемлет дисциплину, не может обучаться в духовной школе»

240 **Георгий Мовчан** «Мы не имеем права отвернуть человека от Бога»

245 **Александр Красиков** «Каждый наш миссионерский шаг — это всегда соучастие в Божием Промысле о людях»

248 **Алексей Ковалев** «Духовная школа дала мне возможность жить настоящей жизнью»

252 **Дмитрий Корольков** Воспоминания о Сретенской семинарии

257 **Иоанн Середа** О жизни семинарской

261 **Инок Киприан (Литвиченко)** «Учеба в семинарии — это важное церковное послушание»

267 **Иван Ефимов** Семинарская жизнь

Пожелания выпускников 2010 года студентам Сретенской семинарии 273

Фотогалерея 281

Воспоминания преподавателей

«Фальшь отталкивает – вот это нужно помнить пастырям»

Протоиерей Максим Козлов

Отец Максим, как давно вы читаете в Сретенской духовной семинарии курс пастырского богословия?

— Курс пастырского богословия в Сретенской духовной семинарии я читаю недавно. Ранее эту дисциплину преподавал архимандрит Тихон (Шевкунов) — наш ректор. Он сначала попросил меня замещать его в дни своего отсутствия, а потом, когда его занятость еще больше выросла, стало понятно, что мне придется читать пастырское богословие полностью, за что в конечном итоге я отцу ректору очень благодарен. Дело в том, что основной предмет, который я веду в духовных школах, это сравнительное богословие. Им занимаюсь уже много лет. Но все же восемнадцать лет служения в священном сане дали определенный опыт, о котором видится небесполезным рассказывать семинаристам — будущим пастырям.

— Как менялись ваши взгляды на пастырство с течением времени?

— Как и любой священник, я проходил стадии (они хорошо описаны в известном учебнике архимандрита Киприана (Керна), когда те или иные опасности подступали в той или иной степени. Конечно, молодые клирики зачастую то слишком ригористичны, то слишком либеральны, а иногда проявляют книжный подход к своей пастве, заменяя им фундаментальный духовный опыт, который еще не накоплен... Только со временем к священнику приходит понимание правоты слов, недавно услышанных мною от митрополита Илариона (Алфеева), который, вспоминая свое священнослужение, сказал, что к нему, когда он был молодым иеромонахом, стояла большая очередь, потому что он все время молчал, ничего не говорил. Мне, пожалуй, в начале моего служения такой мудрости не хватало, но чем дальше, тем больше я понимал: надо давать действовать Богу, а самому меньше поучать, меньше назидать и меньше слов говорить. А отсюда со всей очевидностью вытекает следующее: и люди должны

говорить гораздо меньше, чем им хочется, нельзя превращать исповедь в психотерапевтическую процедуру, когда человек выговаривается и ему легче становится. То есть вместо покаяния наступает эмоциональное облегчение. Граница здесь довольно тонкая, и от такой практики людей необходимо удерживать.

— Из чего, повашему мнению, складывается пастырское служение?

— Пастырское служение складывается из известных вещей. Они изложены во всех учебниках: священник должен проповедовать слово Божие, должен совершать богослужения и таинства, должен заниматься душепопечением. Если отсутствует хотя бы что-то одно, это уже некая ущербность в служении. При этом, конечно, и в жизни, и в образе служения, и в опыте обычно превалирует одна из этих составляющих. Кто-то благоговейно совершает литургию, другому Господь дал дар слова, третий — хороший духовник. Но нельзя полностью уйти только в то, что тебе лучше дается, к чему у тебя больше дарования, — нужно трудиться над тем, что у тебя получается хуже.

— Расскажите, пожалуйста, о ваших учителях, наставниках в пастырском служении.

— Назову прежде всего приснопамятного протоиерея Александра Егорова — священнослужителя, который пятьдесят лет стоял у престола Божия в храме святого пророка Илии Обыденного. Именно отца Александра Господь — едва не единственного из московских священников в те страшные годы атеистической советской власти — сохранил так, что он из храма никуда не переводился и что его ни разу, о чем он, по его рассказам, горячо молился, не назначали настоятелем. Он всегда был только пастырем — и только в одном храме. Батюшка был удивительным. И для меня он навсегда останется образом доброго пастыря, я у него после крещения в 14 лет впервые исповедовался и до самой его кончины окормлялся — на протяжении почти четверти века. Немало житейских и пастырских знаний я почерпнул от ныне покойного протопресвитера Александра Киселева, с которым Господь дал встретиться в последние годы его жизни, когда он вернулся из США и жил на покое в Донском монастыре. Это был незабываемый опыт общения со святым — я в этом уверен полностью. Тогда я понял, что рядом со святыми долго быть трудно, поскольку это требует внутренней высоты, честности, отсутствия лицемерия и фальши. Тогда мне стало ясно, хотя бы отчасти, что такое святость. Ее нельзя путать с лубком, с рисунком добренького деда Щукаря — это нечто совсем иное. И еще один священник, образ которого навсегда запечатлен в моей памяти и молитвах, — это протоиерей Владимир Жаворонков, наш духовник, у которого я, как и многие члены клира города Москвы, исповедовался на протяжении ряда лет до его кончины. Батюшка Владимир умел к каждому отнестись со вниманием, каждому сказать краткое, но очень точное и лечащее слово. Вот этих трех добрых, опытных пастырей я хотел бы помянуть прежде всего.

— Как можно накапливать пастырский опыт, обучаясь в семинарии?

— Пастырский опыт в семинариях приобретается несколькими путями. В первую очередь нельзя недооценивать учебу, так как пять лет на семинарской скамье, в условиях ограниченной свободы, необходимости нести те или иные послушания в учебное и свободное время — это само по себе значит очень много. Пребывание в семинарии, на мой взгляд, дает неизмеримо больше, чем подготовка к пастырскому служению на теологических и богословских факультетах, когда молодые люди проживают в семье, тесно общаются со светскими друзьями и знакомыми. Наконец очень нежелательно идти к священническому поприщу мимо регулярного духовного образования. Принципиально важно, что в большинстве семинарий (и Сретенская духовная школа здесь не исключение) студенты имеют возможность общаться со священнослужителями, мирянами, у которых есть большой опыт духовной жизни. Такие люди, умные, много лет служащие Церкви и что-то уже засвидетельствовавшие своими трудами и всей своей жизнью, если можно так выразиться, сконцентрированы в духовных школах. А в Сретенской семинарии их концентрация более высокая, чем где-либо. Поэтому воспитанникам нужно благодарить Бога за счастливую возможность слушать не только глубокие и интересные лекции, но и за возможность поговорить, задать вопрос, что-то запомнить, к чему-то просто присмотреться. Знаете, я сам старался всегда так делать, когда общался со старой университетской и академической профессурой, стремился запоминать какие-то особенности их поведения,

слова, стиль общения, то, что они делают и от чего удерживаются. Кроме того, пастырский опыт в семинариях приобретается в рамках различных практических занятий: миссионерские беседы, посещение тюрем, домов престарелых, детских домов и др. Будущий священник должен учиться разговаривать с умирающими людьми, которые, может быть, и сами не понимают, что их конец близок. Ему нужно уметь общаться с людьми с ограниченными умственными способностями, потому что и они Царствия Божия наследники. А как непросто окормлять заключенных! Вот, помню, когда я впервые, уже будучи священником, перешагнул порог колонии, меня мороз по коже пробрал. Ведь за мной закрылось трое ворот. Внутри я увидел офицеров, которые постоянно следят за заключенными. Это потом ты понимаешь, что так и должно быть в исправительных учреждениях, а вначале от первой реакции надо прийти в себя, и поэтому такие навыки следует приобретать уже в семинарии, что и делают студенты-сретенцы.

— Что вам помогало на первых порах священнического служения?

— По милости Божией я не сразу стал настоятелем. Я служил в двух храмах, и в каждом из них во главе прихода стояли очень яркие личности, хотя и очень разные. Не скрою, научился я тогда и положительному, и отрицательному. Учился дисциплине, учился уважать волю настоятеля. Это с одной стороны. А с другой стороны, я отчетливо понял: тот, кто несет ответственность за подчиненных, тот имеет право требовать от них соблюдения порядка. Вместе с тем я осознал: нельзя требовать любви к себе и ждать, чтобы тебя любили. Это дар Божий. Вот это я бы хотел сказать молодым священникам, которые зачастую соблазняются призывом: «Полюбите меня!» Всегда очень хочется, чтобы к тебе относились с симпатией, с расположением, но нельзя эксплуатировать такую эмоциональную подпитку. Что дадут, то дадут. Даром дадут, и не тебе, а сану твоему дадут. И никогда нельзя выдавливать любовь из людей.

— Наверняка в вашей пастырской практике были какие-то сложные случаи…

— Такие ситуации классифицировать невозможно, их и перечислить-то трудно. Бывают случаи, когда люди безнадежно больны, долго и тяжело умирают, проходя все стадии недуга. Человек может все понимать и постепенно терять нравственное чувство, сознание, трезвость ума. И ты видишь, что ничем, кроме молитвы, помочь ему не можешь. Очень тяжело наблюдать, как такой человек угасает, особенно если ты его знал деятельным, добрым, искренним, хорошим, а теперь этот свет меркнет… Очень непросто молиться и как другу, и как христианину, и как священнику, когда знаешь о неизбежном исходе. Очень сложный внутренний опыт — опыт молитвы об облегчении скорбей, опыт помощи близким тяжело больного человека… Или случаи совершенного другого рода, которые часто встречались в начале девяностых годов (сейчас уже этого нет). Тогда приходилось сталкиваться с людьми своеобразного благочестия — из мира околокриминального и криминального. Они хотели в основном эффектных священнодействий. И в связи с этим были моменты, когда нужно было им отказывать. Например, в освящении того, что не должно освящать, или в каком-то специфическом совершении треб. Ответом были иногда и угрозы. Тогда я хорошо понял, что отказывать надо уметь, — и это важное умение, особенно для молодого священника. Совершать надо не все и не по первому зову, ведь мы не бюро религиозных услуг, а Церковь Христова. Ситуаций пастырски затруднительных, которые, кстати говоря, будут рассматривать члены недавно созданного Межсоборного присутствия, много, и они, надо сказать, зачастую заставляют относиться ко всему трезвее. Ко мне, например, обратилась молодая симпатичная девушка, которая по паспорту, по факту рождения была… мужчиной. Тут можно, конечно, сразу ругаться, осуждать. Но когда начинаешь с человеком разговаривать, понимаешь, что с первого момента, с того времени, как он себя осознал в видимом образе, он воспринял себя не мужчиной, а женщиной. Жила девочка, которая не хотела быть мальчиком, которая играла с девочками в куклы, не желала носить брюки и т.п. Это не какая-то позднейшая испорченность, это что-то в организме случилось. И здесь нельзя рубить с плеча…

— Есть ли в связи с этой проблемой какие-то каноны?

— Насколько я понимаю, в прямом смысле слова, нет. Вместе с тем сейчас данная пастырская проблема стоит очень остро. Думаю, этот вопрос нужно вынести на обсуждение в

Межсоборном присутствии. Чрезвычайно актуальна в настоящее время и проблема межрелигиозных браков. Здесь много нюансов, с которыми молодому поколению пастырей приходится сталкиваться все чаще и чаще.

— Хотелось бы услышать ваше мнение на этот счет.

— Здесь нужно думать о последствиях. Как этот брак отразится на воспитании детей, на отношениях между родственниками, а самое главное — на сохранении веры. Я считаю, что пастырь должен постараться удержать от подобных союзов. Но люди чаще всего обращаются к батюшке тогда, когда семья уже есть. И вот приходит женщина (чаще всего), которая до замужества не осознавала себя православной, а, поживши с иноверцем, пришла к этому пониманию. Вот такой извилистый путь, когда только брак с мусульманином, например, приводит в лоно Православной Церкви. Так бывает с эмигрантами, которые, живя на Родине, ругают ее, а на чужбине понимают, где их корни.

— Но ведь служение пастыря приносит и радость…

— Сейчас скажу высокие слова. Это правда радость, когда ты видишь кающегося грешника, когда он стремится бороться со своими немощами. Это радость, ради которой забываются все трудности. Все мы помним евангельские слова о том, что женщина, рождая, терпит боль, а потом забывает о своих страданиях. Вот так и пастырь: ему приходится многое претерпевать, но, если он видит, что душа человека рождается для новой жизни, все остальное становится неважным.

— С какого времени в духовных школах началось преподавание пастырского богословия? Какие учебники по данной дисциплине вы рекомендуете своим студентам?

— Точкой отсчета является девятнадцатое столетие. При этом сказать, что у нас тогда были написаны классические учебники по пастырскому богословию, которыми мы можем пользоваться и сейчас, пожалуй, нельзя. Они устарели в силу разных причин, и мы можем обращаться только к каким-то их фрагментам. В основном же мы пользуемся книгами, которые написаны пастырями двадцатого столетия. В большинстве семинарий, в том числе и в Сретенской, в качестве основного пособия рекомендуется труд архимандрита Киприана (Керна) — его лекции по пастырскому богословию.

Рождество в Сретенском монастыре

Как дополнительные можно брать книги епископа Вениамина (Милова), архимандрита Кирилла (Зайцева). Большое наследие по вопросам пастырского служения оставил митрополит Антоний (Храповицкий). Есть еще курс протопресвитера Георгия Шавельского. Написан этот труд в эмиграции, когда отец Георгий преподавал пастырское богословие в Болгарии, в Софии. Допускается с некоторыми оговорками и использование такого компилятивного труда от анонимных составителей, который помещен в восьмом томе «Настольной книги священнослужителя» — широко известного издания конца советской эпохи.

— В чем особенность учебного курса пастырское богословие? Что он должен дать будущему священнику? Как вы строите методику преподавания вашей дисциплины?

— Пастырское богословие — сугубо практическая дисциплина. Да, в ней есть теоретические основы, но состоит она в основном из множества прецедентов, частных случаев, после рассмотрения которых у учащихся и формируется первоначальный опыт. Чрезвычайно важным я считаю также опору курса на Священное Писание, Священное Предание. В своем преподавании я стараюсь сочетать эти моменты, соединяя лекционный материал с разбором конкретных ситуаций. На каждом втором занятии мы обсуждаем со студентами реальные случаи, отвечаем на реальные вопросы, иные из которых получены через Интернет. Семинарист должен дать ответ, причем от первого лица. Такая учебная форма дает навык внутреннего реагирования, отклика, умения говорить с человеком лично и конкретно, а не предлагать рецепты, которые являются правильными вообще. После этого мы рассматриваем ответ, который дал священник, и делаем выводы. Я думаю, такие практические занятия весьма полезны для будущих пастырей.

— Что вызывает наибольшие трудности при усвоении предмета, который вы преподаете?

— То, в чем студенты не имеют опыта. Это опыт душепопечения и пастырской любви, пастырского окормления. Ведь несложно изучить и сохранить в памяти, какие есть препятствия к священству, какие могут быть искушения и

прочее. А душепопечение — вещь прежде всего опытная, в нем надо полагаться не на книги, а на то, что накоплено в душе. А у молодого человека двадцати с небольшим лет подобной опоры нет. И отсюда иной раз получается, что пастырское богословие воспринимается как высшая математика. Почему человеку бывает трудно запоминать знания абстрактного свойства? Потому что в сознании ничего не рождается. Конечно, можно все запомнить механически, но для того, чтобы запомнить внутренне, нужно, чтобы возникла ассоциация, а ее как раз может и не быть. Так и с пастырским богословием: затвердить-то в памяти можно, а ассоциировать в душе не с чем. Рождению параллелей как раз и помогает анализ конкретных эпизодов из пастырской практики.

— Достаточно ли времени уделяется предмету пастырское богословие в духовной школе?

— Полагаю, что на предмет в учебном плане духовных семинарий отведено достаточное количество часов. И увеличивать их не стоит. Если бы что-то и можно было расширить, это разные формы практик, связанных с пастырским служением. Я уже вкратце рассказал об одной из них. Полезным было бы и пребывание семинаристов на тех или иных приходах или в монастырях, чтобы студент просто наблюдал за священниками, прислуживал за богослужением, перенимал опыт. Это чрезвычайно важно! Ведь далеко не каждый имеет счастье окормляться у опытного духовника, от которого многому можно научиться.

— Труды каких святых отцов вы советуете читать для более глубокого ознакомления с предметом пастырского богословия?

— Прежде всего творения тех, кто сам, так или иначе, деятельно проходил пастырский путь. Конечно, это оптинские старцы — очень помогут будущему священнику их письма. Многое даст эпистолярное наследие святителей Филарета (Дроздова), Феофана Затворника, Игнатия (Брянчанинова), игумена Никона (Воробьева), архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Считаю очень ценным опыт современных греческих подвижников благочестия, которые подвизались на Афоне: старца Иосифа, старца Паисия, архимандрита Эмилиана и др. Опыт Святой Горы тем важен, что тамошняя традиция никогда не прерывалась, передаваясь из поколения в поколение. А вот у нас из-за трагедии XX века случились разрывы в традиции. Да, были мечевцы — из общины отцов Алексия и Сергия Мечевых, в Обыденском храме литургическая жизнь не прекращалась. Но это тоненькие ручейки, а там полноводная река, непрерывная традиция, а это дорогого стоит. Я бы советовал молодым священникам читать книги афонских подвижников, благо, они сейчас переводятся. Не со всем, что пишут архимандриты Лазарь (Абашидзе) и Рафаил (Карелин) я могу согласиться, но тем не менее они предлагают не теоретические умствования о жизни, а живой религиозный опыт.

— Как в вашем пастырском делании вам помогает светское образование?

— Светское образование помогает на первоначальных этапах пастырского попечения, когда священнику для того, чтобы с ним начали говорить серьезно, важно иметь внешний авторитет: обладать ученой степенью, быть профессионалом в какой-то светской области. Согласитесь, когда батюшка говорит о чем-то не на основании трех брошюр, которые он прочитал, а потому, что действительно разбирается в данном вопросе, это заслуживает уважения, располагает к себе, а главное — на первых порах служит цели душепопечения. В этих разговорах человек открывается священнику, начинает доверять ему. А по мере накопления пастырского опыта внешние заслуги отодвигаются на второй план — важным становится действительное внутреннее общение людей.

— Какова актуальность священнического наставления детей и молодежи?

— Вы подняли чрезвычайно обширную и болезненную тему. Мы видим, что не все так благополучно с нынешним молодым поколением и даже с теми, кто с малолетства (с конца восьмидесятых — начала девяностых годов) пришел в ограду Церкви. Так ли много среди них, воспитанных без атеистического гнета, настоящих православных верующих, которые живут литургической жизнью? Или они обретаются где-то на стороне? Проблема эта, несомненно, есть, она не только пастырская, но еще и педагогическая. Так, например, не секрет, что в православных семьях отношения складываются совсем не гладко. Я убежден: самая страшная ошибка, которую можно допустить, общаясь с молодежью, это проявление неискренности в главном, фальши. Ужасно, когда

молодые люди чувствуют, что взрослые, и священнослужители в том числе, обозначая нечто, проговаривая слова, не обнаруживают при этом внутреннего убеждения и решительно не склонны делать то, к чему призывают. Да, у всех есть немощи, все совершают ошибки, все иногда падают, и это простят. А вот неискренность не простят, каким бы искусным гомилетом ни был батюшка, как бы он ни был образован, какими бы иными внешними дарованиями и наградами он бы ни обладал — ничего не поможет. Фальшь — это соблазнительная вещь, ракушка, в которую хочется закрыться и говорить оттуда гладкие слова, которые подходят для всех и всегда. Священник может сказать хорошую проповедь, в которой не будет ничего противного Преданию Церкви, но если эти слова не стоят за его душой, он никого ими не вылечит. Фальшь отталкивает — вот это нужно помнить пастырям.

— Каково ваше мнение по поводу частоты исповеди, причастия и правил говения для мирян?

— Это серьезнейшие вопросы, которые нужно широко обсуждать. Позволю себе краткий комментарий. Есть у нас как бы два направления: за частое причащение и за редкое причащение. Так вот, мне кажется, мы должны бороться не за какую-то одну практику, а за внутренне искреннее, глубокое и с правильным расположением причащение. Ведь можно причащаться редко, благоговея всякий раз перед святыней, проходя недельный путь говенья, и потом хранить в себе ту святыню, которой ты приобщился. Получается, человек причащается несколько раз в год, идет поэтапно, от причастия к причастию, и это будет богоугодно. А можно причащаться редко, поскольку лень готовиться: «В Великий четверг бывает общая исповедь, все очень быстро. Причащаются же люди раз в год, так и я буду». Это, конечно, совсем иное. Напротив, можно причащаться часто, потому что душа просит принятия Святых Христовых Таин, и человек укрепляется от скорбей мира и собственных немощей, при этом он, разумеется, всякий раз проходит какой-то путь приготовления. А можно привыкнуть к частому причащению и говорить так: «Ну, я же часто причащаюсь, чего я буду канон читать и говеть, зачем на всенощную идти, лучше телевизор посмотрю,

Рождество в Сретенском монастыре

хоккей сегодня». И это будет Богу не угодно. Иначе говоря, дело не в том, сколь часто или редко мы причащаемся, а в том, что мы несем навстречу Христу, когда идем к чаше.

— Как влияют общественные и глобализационные процессы на духовенство? Какие проблемы возникают в связи с этим?

— Глобализационые процессы, конечно же, влияют на духовенство. Вроде и пустяк, но сейчас можно себе заказать через интернет-магазин скуфейку из Греции. Такое раньше невозможно было себе даже представить. Слово иной раз не промолвишь, чтобы оно сразу в сети не было опубликовано, и вот уже православные блоггеры начали обсуждать, что батюшка на проповеди сказал. Очевидно, однако, что и какая-то польза в глобализации есть. Мы в миллионных городах стали жить изолированно, что позволило уходить в свою частную жизнь. А теперь сделать это не так-то просто — все на виду, все в Интернете. Что ж, священнику полезно быть на виду. В этом смысле большой город для священника — соблазн, поскольку можно ведь сделать и так: послужил благочестиво, правильно, а после отъехал несколько километров на машине, рясу снял, в джинсах остался и на концерт, в ресторан, а то и спать у телевизора — всякое бывает. Чем меньше такой приватности в жизни духовенства, тем лучше. Деревня в этом случае — хороший пример, там не спрячешься, как не мог спрятаться батюшка в дореволюционном городе.

— Что вы посоветуете студентам Сретенской духовной семинарии, которые готовятся принять священнический сан?

— Будущие пастыри должны четко понимать, что священство — это выход на крест (пусть и со многими оговорками). Это отказ от очень многого, от того, что обычный человек имеет право запросто себе позволить. У священнослужителя резко сужается круг развлечений, возрастает ответственность за каждое произнесенное слово. На самом деле уменьшается количество друзей. Те, кто окружает священника, — это его духовные чада, помощники, товарищи, соратники. Но дружба — отношения на равных, при полной открытости друг другу для батюшки очень редкий дар, который можно получить от Бога. Священник обречен на большую меру одиночества. Он и в семье не может поделиться всем с самым близким человеком — с женой, поделиться так, как может любой мирянин. Очень многое мы должны по обязанности хранить в тайне, по пастырскому долгу, даже намеком не имеем права никому дать понять о том, что мы узнали на исповеди от своих духовных чад. Это крест, к нему нужно быть всегда готовым, зная и чувствуя, что Господь укрепляет.

Протоиерей Максим Козлов

Сравнительное богословие как курс духовной школы

— Отец Максим, как давно вы читаете курс сравнительного богословия и кто были ваши учителя?

— Курс сравнительного богословия я преподаю довольно давно — с конца 1980-х годов. Правда, после учебы я полагал, что буду преподавать предметы, связанные с патрологией и церковно-греческой словесностью. Но в те годы в Московской духовной семинарии и академии была нужда в преподавании именно сравнительного богословия. Ныне покойный профессор МДА по кафедре западных исповеданий протопресвитер Виталий Боровой был очень занят в Отделе внешних церковных сношений и часто не мог присутствовать на занятиях. А второй труженик, ныне преподаватель Минской духовной академии и Жировицкой семинарии, протоиерей Виталий Кириллович Антоник, тогда доцент, не мог один взять в свои руки эту дисциплину. Тогдашний ректор, архиепископ Дмитровский Александр (Тимофеев), вызвав меня и уточнив, какие иностранные языки мне доступны, сказал, что со следующего учебного года я буду вести историю западных исповеданий, а позже и сравнительное богословие. Сначала перестал преподавать отец Виталий, а потом уехал и Виталий Кириллович. Получилось, что одно время я чуть ли не один преподавал эти дисциплины в МДАиС. Теперь, к счастью, у меня только семинарский курс и некоторые разделы курса МДА. Можно сказать, получилось преподавание по послушанию. Я надеюсь, что скоро вырастет поколение молодых квалифицированных специалистов, которые придут мне на смену и я смогу сосредоточиться на пастырских трудах. Но пока еще несколько лет придется заниматься преподаванием на пользу духовных школ.

— С какого времени в духовных школах началось преподавание сравнительного богословия? Как строилось изучение этого предмета в дореволюционной России?

— Сравнительное богословие как серьезная дисциплина преподается с XIX века. Сначала предмет назывался «обличительным богословием», затем «сравнительным богословием», в академическом курсе — «историей западных исповеданий». Нельзя сказать, что эта дисциплина в дореволюционной духовной школе сильно процветала. Сейчас, когда смотришь на учебные пособия, которые были тогда составлены, понятно, что даже для того времени на них был отпечаток определенного рода застарелости. Эта проблема постоянно сопровождает нас и в наше время, поэтому надо держать руку на пульсе и по отношению к собственному преподаванию, и к текстам, которые издаются, с тем чтобы учебный процесс соотносился с реалиями бытия западных конфессий, с которыми мы знакомим наших студентов.

Прорыв в изучении западных исповеданий наметился тогда, когда возникли богословские диалоги со старокатоликами и англиканами — в конце XIX и начале XX столетия. Потребовалось формулировать православное воззрение с фундаментальным богословским и библейским, патристическим обоснованием в живой полемике с представителями инославия. Мы можем вспомнить труды В.В. Болотова и патриарха Сергия (Страгородского), митрополита Антония (Храповицкого), есть соответствующие разделы по догматике у митрополита Макария (Булгакова), которые в определенных частях не утратили своей значимости. Касается темы западных исповеданий в своих книгах и архиепископ Иларион (Троицкий). Больше можно сказать об авторах XX столетия: это Владимир Николаевич Лосский, протоиерей Сергий Булгаков со своей книгой «Купина Неопалимая», протоиерей Иоанн Мейендорф, высказывавшийся о католической экклезиологии, и ряд других авторов, наследие которых для нас является значимым. Много сделал и потрудившийся на кафедрах МДА профессор Дмитрий Петрович Огицкий, чрезвычайно тщательно изучавший все материалы, связанные с Фотиевой схизмой, и опубликовавший их.

— Как вы строите преподавание вашего предмета? Есть ли у вас какие-то особые подходы в преподавании, позволяющие лучше усваивать материал?

— Что касается преподавания, то не мне, а, скорее, студентам судить об успешности используемых приемов. Теперь учащиеся обеспечены достаточным количеством пособий, и нет той проблемы, которая была во второй половине 1980-х и начале 1990-х годов. Так, единственной литературой по курсу, которую по окончании духовной школы могли унести с собой студенты, были их собственные записи. Сейчас же с книгами и электронными изданиями особых проблем нет. Можно сосредоточиться на ключевых проблемах, отсылая студентов к соответствующим разделам учебного пособия в остальных областях. В пределах преподаваемого курса я стараюсь показать особенности иноконфессиональных учений, доктринальные заблуждения инославных. Это, с одной стороны, должно помочь нам осознаннее и глубже подойти к той основе веры, которую хранит святая Православная Церковь, а с другой стороны, воспринять разногласия вероучений не как умозрительную разность, а показать, как это связано с духовной жизнью, с путем ко спасению западных христиан.

— Каковы этапы изучения сравнительного богословия?

— Здесь легко выделить, с одной стороны, не очень большой по объему, но хронологически важный раздел, посвященный принципам церковного отношения к инославию, границам Церкви, природе разделений, богословскому пониманию трех чиноприемов инославных. Это такой вводный раздел, где мы соединяем социологию и географию современных религий в последние годы. Потом мы изучаем католицизм, три исторические ветви протестантизма. И достаточно подробно рассматриваем феномен христианской жизни — экуменическое движение. В сравнительное богословие по методологическим причинам не входит изучение Древневосточных Церквей, потому что с ними знакомятся в курсе общецерковной истории, патрологии и отчасти истории Автокефальных Православных Церквей. Мы не изучаем позднейшие протестантские деноминации по двум главным причинам. Во-первых, есть предмет сектоведение, который посвящен этому, где психологическая проблематика больше преобладает над богословской. Если в отношении классического протестантизма есть определенного рода богословский дискурс, требующий проговаривания, изучения, то по отношению к сектантству методика общения с сектантами превалирует над богословием, и эта сфера должна быть выделена в отдельную дисциплину в курсе духовных школ.

Богослужение на праздник Рождества Господня

— Как бы вы охарактеризовали раскол 1054 года?

— Здесь важно не преувеличивать того, что произошло в июле 1054 года, понимая, что не каким-то механическим способом выключилась лампочка электричества и благодать перестала действовать через сутки во всей Западной Церкви. Такой подход был бы весьма странным. С другой стороны, мы должны признать, что после июля 1054 года на официальном уровне, законным образом евхаристическое общение между западным христианским миром и вселенским Православием уже

никогда не было восстановлено. И поэтому как бы условно, ограниченно ни начиналось это разделение, последствия его мы имеем уже на протяжении практически 1000 лет.

— Каковы причины возникновения Реформации?

— То же касается и Реформации, ее исторического места и последствий, которыми Реформацию можно характеризовать, с одной стороны, как величайшую драму в истории западного христианства, с другой стороны, нельзя не видеть, как по отношению к той же Католической Церкви Реформация оказалась явлением хотя трагическим, но одновременно и целительным, после чего Католическая Церковь могла в значительной мере восстановиться как христианское сообщество и те вполне отвратительные явления, которые характеризовали высшее церковное управление и просто частную жизнь католического духовенства к началу XVI века, ушли в прошлое.

— Какие темы вы считаете самыми трудными для студентов?

— Безусловно, самая трудная тема для студента, если говорить о католицизме, — это, конечно, триадология. Потому что здесь необходимы серьезные интеллектуальные усилия и хорошие знания догматики. А особой устремленности к догматике у студенчества, как правило, не наблюдается. Также темы сравнительного богословия, которые напрямую связаны с догматикой, осваиваются не просто. Когда изучаем в разделе о протестантизме такие аспекты, как непочитание святых, молитвы за усопших, обоснование православных подходов к этим реалиям церковного бытия, то и здесь возникают сложности. Даже после изучения катехизиса и догматики это все остается затруднительным.

— Насколько, по вашему мнению, современному пастырю необходимы знания в области сравнительного богословия и достаточно ли времени уделяется этому предмету в духовной школе?

— Конечно, современному пастырю необходимо знать сравнительное богословие по

Занятие в Сретенской семинарии

огромному количеству практических соображений. Пастырь должен уметь вразумительно и убедительно формулировать позицию Православной Церкви, без лишнего субъективизма. Нужно уметь обосновать не своим личным опытом и не какими-то авторитетами, которые не являются у нас общими, а именно богословски. Не все священники могут это.

Я думаю, что сравнительное богословие в учебном плане духовной школы занимает достаточное место. Конечно, каждый преподаватель хотел бы увеличения часов для своего предмета. Но, с другой стороны, как сотрудник учебного комитета я давно занимаюсь вопросами учебных планов и программ. И надо понимать, что расширение одного предмета за счет другого не приведет к добрым результатам. Скорее, нужно не столько расширять предмет сравнительного богословия, сколько добиваться большей согласованности в преподавании дисциплин, пересекающихся в одних и тех же темах. Следует избегать ненужных повторов, с одной стороны, и дать больше времени сосредоточиться на том, что в другом учебном курсе не преподается. Здесь у нас, пожалуй, еще не все идеально.

— Какие знания, вам хотелось бы, чтобы остались у студента в конце изучения вашего предмета?

— Хотелось бы, чтобы после изучения курса сравнительного богословия у студентов оставались знания, которые не выветрятся сразу после того, как они получат результат в экзаменационной ведомости. С другой стороны, я понимаю, что если знания не активизируются, то происходит постепенное их погружение на дно нашей памяти. Поэтому помимо знаний хотелось бы, чтобы студенты выносили некую укорененность в церковной традиции и методологию отношения к инославным. Я с этого всегда стараюсь начинать курс и повторяю несколько раз слова святителя Григория Богослова: «Мы добиваемся не победы, а возвращения братьев, разлука с которыми терзает нас». Отношение к инославному миру должно, на мой взгляд, строиться на этой максиме великого учителя и святителя Церкви. Не внешнее торжество, не интеллектуальное превозмогание, а наше горение сердца, христианская любовь-жалость, заповеданная нам Спасителем, должны руководствовать пастырем в отношении к инославным, в мировоззренческом учении не близким нам людей. Так же, как это действует в нашем сердце по отношению к своим по вере.

— Написанный вами курс лекций по сравнительному богословию считается наиболее полным на сегодняшний день. Какими еще учебниками располагают семинаристы сегодня? С трудами каких святых отцов вы советуете ознакомиться при изучении вашего предмета?

— В 1980-е годы учебного пособия еще не было. Были лишь брошюры епископа Митрофана (Зноско-Боровского) и машинописный конспект Д.П. Огицкого. В брошюрах епископа Митрофана не самые удачные выборки из его лекционного курса, который читался в Джорданвилле, и в них присутствуют излишняя эмоциональность и часто неглубокая богословская аргументация. Поэтому некоторое время назад была издана хрестоматия по 3-му курсу сравнительного богословия. В нее вошли ключевые тексты в основном русских или переведенных на русский язык православных богословов по главным разделам 3-го учебного курса по сравнительному богословию (в основном по католицизму). На сегодня католиками издан сборник текстов, который называется «Вероучение Церкви». Это русская реплика известного сборника Денцингера, собрание догматических текстов Католической Церкви. Он переведен на русский язык в начале XXI века, а в 2002 году был издан. Поэтому студенты обеспечены и первоисточниками, они могут твердо знать, что знакомятся с тем, во что католики верят, и с православной реакцией на богословские воззрения католиков.

К сожалению, существует большая проблема с созданием подобных хрестоматий в отношении протестантизма. Объем текстов, тем более полнота текстов по богословским проблемам протестантизма на русском языке — эта не полнота, а худость. Их на полноценную хрестоматию просто не набирается.

Из святых отцов, прежде всего, можно опираться на тех, кто практически имел соприкосновение с дискуссией с инославными. Здесь надо вспомнить святителя Марка Эфесского, патриарха Григория II Константинопольского и тех православных богословов, которые в период Лионской и Ферраро-Флорентийской уний защищали православный подход. Святитель Григорий Палама в своих методологических трудах внес очень значительный вклад

в православное учение об исхождении Святого Духа в связи с формулированием им бытия Бога в сущности и Божественных энергиях. Из более поздних, русских святых — в XIX веке это святитель Филарет Московский в проповеди, в словах и речах и в специальном сочинении «Разговор между уверенным и испытующим», которое всегда активно использовали и которое входит в хрестоматию. Что-то можно найти у святителя Феофана и святителя Игнатия, хотя, конечно, не в таком объеме, как у святителя Филарета. Святитель Игнатий открывает тему, которой ранее подробно никто не касался, — специфика католической мистики. И тут у него есть последователи, которые активно развивали его наследие: это Лодыженский, Алексей Федорович Лосев, а в современности это профессор Алексий Ильич Осипов и протодиакон Андрей Кураев. Можно упомянуть приснопамятного митрополита Антония (Храповицкого) — в своих трудах по западным исповеданиям в отношении сакраментологии он касался таинства исповеди; священномученика Илариона (Троицкого), хотя у него несколько специфический подход к экклезиологии. Конечно же, патриарх Сергий (Старогородский) и его книга «Православное учение о спасении», статьи по экклезиологии, его труды, посвященные границам Церкви и вообще отношению Церкви к отделившимся от нее сообществам. Я думаю, что это принципиально важные труды. Многое можно заимствовать у преподобного Иустина (Поповича) из его сочинений по догматике. Из греков более всего хотелось бы упомянуть приснопамятного протопресвитера Иоанна Романидиса, его четко сформулированные позиции в связи с догматическими различиями. В XX веке также немало сделал архиепископ Михаил (Чуб); его статьи, написанные для собеседований с лютеранами, вошедшие в «Богословские труды», не утратили своего значения. На сегодня собирателем мудрости, связанной со сравнительным богословием, как и вообще церковного знания, в значительной мере является грандиозный проект «Православная энциклопедия». Энциклопедия способствует развитию и сравнительного богословия, и других отраслей церковного знания. Я считаю, что этот проект очень позитивно сказывается в целом на состоянии нашей церковной образованности.

— Недавно вышла книга «Западное христианство: взгляд с Востока». Каковы отличительные черты данного издания от предыдущего?

— Что же касается нашего нового курса лекций, то тут много отличий от предыдущего: издание значительно лучше и полиграфически, и по содержанию, за что я должен поблагодарить издательство Сретенского монастыря и свою помощницу — редактора Ирину Евгеньевну Ковыневу, работать с которой было очень приятно. Книга значительно расширена в объеме. Разделы, связанные с историей первоначального протестантизма, в предыдущем издании практически полностью отсутствовали; с опорой на теперь имеющиеся публикации «Православной энциклопедии» целиком заново составлен раздел по англиканству. Заново написан и значительно расширен, доведен фактически до нашего времени раздел, посвященный экуменическому движению и участию в нем Русской Православной Церкви. Многие разделы, связанные с католичеством, переписаны, расширены, везде, где возможно, проведен анализ католического богословия согласно современному официальному вероизложению в Катехизисе Католической Церкви.

— Отец Максим, скажите, как должно относиться к экуменическому движению и возможен ли в принципе богословский диалог с инославием?

— Сегодняшнее отношение нашей Церкви к экуменическому движению определяется соответствующими документами, Постановлением Юбилейного Архиерейского Собора 2000 года «Принципы отношения к инославию» и дальнейшим развитием событий. Мы

видим разнонаправленные векторы, о которых говорил Святейший Патриарх. С одной стороны, мы видим вектор все большего удаления многих протестантских сообществ от самых основ христианского вероучения и этики. На днях наша Церковь вынуждена была устами архиепископа Илариона заявить об изменении формата богословского диалога с Евангелической Церковью в Германии после того, как они избрали своим главой «епископа»-женщину. Несколько лет назад были прекращены до того очень теплые отношения с Епископальной Церковью Америки — после фактического оправдания гомосексуализма в вопросах рукоположения. Мы знаем о тенденциях к применению так называемого инклюзивного языка Библии, о фактическом отказе от самых основ евангельского благовестия, который наблюдается в очень широких слоях протестантизма. Это говорит о серьезном кризисе, переживаемом сегодня Всемирным Советом Церквей. От того, как эта организация будет развиваться дальше, будет зависеть и позиция, и мера участия нашей Церкви в этой экуменической организации. Сегодня наблюдается своего рода процесс маргинализации экуменического движения. С другой стороны, в Англиканской Церкви сохранились определенные силы, хотя и в меньшинстве, традиционалистского склада. Мы видим тенденции к обособлению несогласных пойти на все те либеральные, по сути нехристианские, реформы, которые исходят от руководства англиканского сообщества. Я уверен, что с этими кругами англикан и протестантов нужно расширять общение и сотрудничество, расширять для них свидетельство о Православии. Владыка Иларион недавно указывал на некие улучшения в отношениях с Римско-Католической Церковью. При нынешнем понтификате Бенедикта XVI положительная динамика определенно обозначилась, и каких-либо тенденций к прекращению диалога пока не намечается. Есть надежда на то, что исторические христианские Церкви, сохранившие епископат и традиционные христианские ценности, и наиболее трезвая часть протестантов пред фактом нынешнего обезбоживания, секуляризации, антихристианских тенденций могут выйти на новый уровень христианского сотрудничества, ибо в значительной мере мы оказываемся по одну сторону баррикад, защищая традиционные христианские ценности. Примером может явиться реакция на недавнее решение Европейского суда запретить крест к употреблению в общественных зданиях и школах такой страны, как Италия, — тот протест, с которым выступило все итальянское общество, и поддержка, которую выразили православные христиане Элладской Церкви, чуть позднее — Святейший Патриарх Кирилл: они открыто поддержали итальянское общество в защите символа креста в Италии. Здесь вырисовываются новые моменты противостояния, соответственно и новые возможности единения христианских сил, в хорошем смысле сотрудничество против «духа века сего».

— Что бы вы посоветовали семинаристам, приступающим к изучению курса сравнительного богословия и заканчивающим его?

— Семинаристам хочется посоветовать учиться, но они и сами понимают, что учиться нужно, хотя складывается это у всех поразному. И поэтому вне зависимости от того,

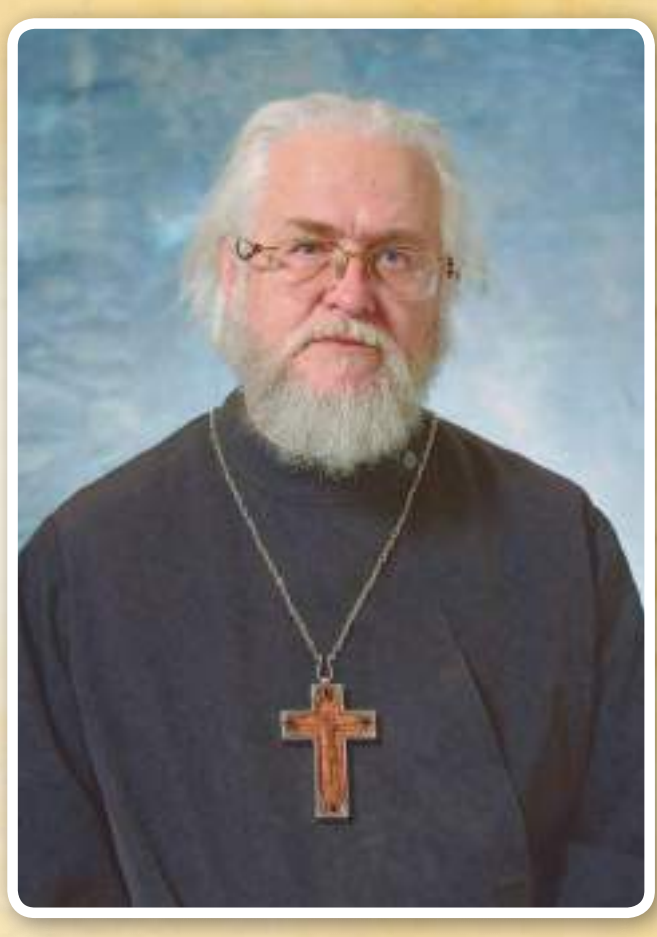
выдающиеся ли у них преподаватели или не выдающиеся, войдут ли их учебники в историю или о них забудут через 10–15 лет, учиться все равно нужно. И собирать зернышки, в том числе и выбирать камешки из руды — это всегда пригодится. Надо преодолевать в себе школярские привычки учиться ради отметки, а не ради знаний. В этом нет специфики: что в сравнительном богословии, что в другой дисциплине. Это своя жизнь и послушание. Это не просто. Дай Бог, чтобы в этом проявилась решимость.

— Есть ли у вас планы на будущее?

— Все новое — это хорошо забытое старое. В свое время был прекрасный проект, который просуществовал недолго. В его реализации сотрудничали Учебный комитет и Сретенская семинария. Это проект дистанционного обучения. Когда лекции, которые читались из аудитории Сретенского монастыря или МДА, транслировались в провинциальные семинарии. И была возможность «он-лайн»-общения с преподавателем, который их вел. Да, сейчас несложно записать любые лекции и разослать их на дисках или через интернет, но никакой записанный материал не даст того непосредственного восприятия, который происходит пусть и на расстоянии в сотню километров, но вживую. И можно задать преподавателю вопрос, отправив его по электронной почте или в аудио-форме. Если бы мы каким-то образом смогли вернуться к такого рода передаче опыта наших ведущих духовных школ и наиболее опытных преподавателей, в том числе и сравнительного богословия, то я бы очень-очень этому порадовался.

«Активное сотрудничество канонистов и юристов принесет добрые плоды и Церкви, и обществу»

Протоиерей Владислав Цыпин



Отец Владислав, расскажите, пожалуйста, как вы начали преподавать такую дисциплину, как церковное право?

— Этот курс я начал читать по послушанию. Я преподавал историю Русской Православной Церкви в Московских духовных школах, но оказалась вакантной должность преподавателя церковного права, и меня благословили эту вакансию закрыть. Надо сказать, в Московских духовных школах тогда, после ухода прежнего преподавателя, подготовленного канониста не было. Почему ректор академии тех лет, ныне покойный епископ Александр (Тимофеев), назначил читать этот курс именно меня? Могу сделать одно предположение. Я, тогда еще новый преподаватель МДАиС, написал для сборника «Богословские труды» большую статью, посвященную границам Церкви, иначе говоря, об отношениях Православной Церкви и Церквей инославных, о чинах приема инославных христиан в Православие. Впоследствии эта работа была мною защищена как кандидатская диссертация. Та статья по своей теме догматическая, но при этом я широко использовал канонический материал. Работая над данным исследованием, в качестве основной опоры я избрал именно каноны, а не богословские размышления о границах Церкви. Возможно, такая особенность аргументации была замечена руководством академии, и мне предложили вести курс права. Так мне пришлось стать канонистом.

— Какова история возникновения церковного права?

— Понятно, что церковное право — это не только научная дисциплина и учебный курс, но прежде всего нормативно-регулирующая система, действующая в Церкви. И в этом своем первом значении оно восходит к началу Церкви. Уже в апостольский век христианские общины имели свое устройство, и в них сложился — пусть и в самой предварительной форме — определенный порядок управления. Клирики и миряне имели свой статус. И все это

В Политехническом музее

уже составляло право, действующее в Церкви, хотя по большой части оно держалось на авторитете Предания и не было зафиксировано в правовых актах. В Русской Православной Церкви право начинается со времен святого Владимира — с момента Крещения Руси. Если же речь идет о науке и предмете, преподаваемом в духовных школах, то церковное право в этом смысле возникает, конечно же, позднее. В Византии элементы богословско-научного исследования канонов присутствуют в многочисленных толкованиях, которые стали классическими: Аристина, Зонара и Вальсамона. И это уже XII век. Однако некоторые суждения патриарха Фотия, который жил, как известно, в IX столетии, также можно считать научно-каноническими.

— Как происходило размежевание церковной каноники и светского права?

— Эта тема обширная. Обращаясь к России, нужно сказать, что светское право преподавали в России с XVIII века. Юриспруденции стали учить в Московском университете с момента его основания. Затем юриспруденции обучали на юридических факультетах университетов, а также в училище правоведения в Петербурге, в Демидовском лицее в Ярославле. Параллельно университетскому преподаванию развивалась и юридическая наука. Само же отечественное государственное право как система законов появляется в IX–X столетиях, то есть тогда, когда складывается Киевская Русь. Установить начало канонической, церковно-правовой науки также не представляет никакого труда: митрополит Платон в конце XVIII века ввел преподавание толкования Кормчей книги в МДА. Это стало первым опытом теоретико-практического изучения в высшей церковной школе основополагающего канонического сборника. И уже в 30-е годы XIX столетия преподавание церковного права вводится во всех духовных академиях. Преподавалось церковное право и в семинариях: в синодальную эпоху сведения о нем можно было почерпнуть из курса практического руководства для пастырей, который состоял из двух частей: первая — это пастырское богословие в его прикладном применении, а вторая — непосредственно каноника.

— Какие задачи ставит перед собой учебный курс церковного права? Каковы его методы?

— Принципиальная задача состоит в том, чтобы охарактеризовать действующее в Церкви право и систематизировать его. Чрезвычайно важен здесь исторический аспект, который предполагает исследование формирования канонического корпуса и всего церковного законодательства, а также истории применения церковных законов. Интерпретируя используемые в разное время законодательные

акты, канонисты углубляют общецерковное понимание основных правовых норм. Заодно они выполняют роль экспертов, которые обеспечивают своими консультациями, рекомендациями, исследованиями законотворческие процессы в Церкви: выявляют возможность или невозможность корректировки, дают разъяснения церковных законов по конкретным вопросам, в том числе и спорным, и прочее. Что касается метода, то его иногда называют историко-догматическим. С его помощью в первую очередь определяется внутренняя непротиворечивость действующих в Церкви правовых норм со всеми их нюансами, устанавливаются их многонаправленные соотношения со сложной церковной жизнью. Кроме того, историко-догматический метод проливает свет на правильное понимание церковных законов. Изучается также история церковных институтов и учреждений.

— Каково место церковного права в системе богословских и юридических наук?

— Церковное право по существу является и богословской, и юридической наукой. Если мы будем искать в богословии область, которая наиболее близка к церковному праву, мы в первую очередь назовем пастырское и нравственное богословие. Обращаясь к догматике, мы обнаружим непосредственную связь каноники и экклезиологии, поскольку экклезиологический догмат составляет основание церковного устройства. И конечно, церковное право немыслимо вне исторического контекста. Без знания церковной истории не будет адекватного понимания того, как развивались соответствующие учреждения и институты, какова общая динамическая логика правовой системы и т.д.

Раскрывая отношения церковной каноники и юридических наук, можно сослаться на значение римского права для права церковного. Известно, что церковные кодексы, в основе которых лежат каноны, формировались в ранневизантийский период, в эпоху Вселенских Соборов, когда в империи действовало римское право. Его корни восходят к дохристианским временам, но кодифицировано оно было при святом императоре Юстиниане. Римское право изучается по своду, который называется «Corpus juris civilis».

Он был составлен под общим руководством Юстиниана.

Если же иметь в виду разные отрасли права, то можно указать на семейное право. Брачное право составляет существенный элемент церковного законодательства. При практическом решении трудных проблем, возникающих в области церковного брака, необходимо ориентироваться и в соответствующих разделах гражданского законодательства.

Любопытно также провести параллели между дисциплинарной практикой церковных прещений и наказаниями, которые предусмотрены уголовными кодексами. Мы видим здесь, с одной стороны, немало сходства, а с другой стороны — разительные расхождения. Например, убийство с точки зрения и гражданского, и церковного права является тяжким преступлением и грехом. А если взять нарушения седьмой заповеди, то светское право здесь весьма лояльно, если речь не идет о насилии, в то время как с точки зрения церковной дисциплины это очень тяжкие грехи, расцениваемые, если судить по каноническим срокам отлучения от причастия, как гораздо более серьезные, чем, к примеру, грех воровства. А теперь приведу контрпример: в Англии начала XIX века даже за самую мелкую кражу могли повесить... Словом, взаимосвязи светского и церковного права весьма специфичны. То же можно сказать и о положении каноники в структуре богословского и юридического знания.

— Как, с вашей точки зрения, необходимо преподавать каноническое право? Наверняка за годы своего преподавания вы накопили какие-то собственные приемы.

— Я свободен в выборе методов преподавания и ограничен только временем. В рамках тех учебных часов, что мы имеем по плану, отведено слишком мало места для практических занятий со студентами. Меж тем на семинарах можно было бы заниматься изучением текстов, то есть канонами и другими актами церковного права, хотя бы такими основополагающими, как ныне действующий Устав Русской Православной Церкви. В этом смысле академисты, конечно, сильно выигрывают: у них предусмотрены спецкурсы и спецсеминары,

Рождественское украшение в Сретенском монастыре

которые позволяют углубляться в те или иные частные разделы церковного права. В частности, анализировать источниковедческую базу.

— А что является источниками для курса церковного права?

— Исключительное значение для права имеют тексты церковных законов, из которых самые важные, безусловно, каноны. Очевидно, что разные периоды дают свои нормативные своды. Так, если говорить о Русской Церкви синодальной эпохи, это будут Духовный регламент, Устав духовных консисторий, многочисленные постановления Святейшего Синода. В новейшее время жизнь Церкви регламентируется Уставом Русской Православной Церкви, определениями Архиерейских, Поместных Соборов, а также решениями Священного Синода, которые имеют нормативный характер.

— Продолжая разговор о преподавании церковной каноники, хочется спросить о том, какова структура учебного курса?

— Композиция курса полностью отвечает его основной задаче — приобретение студентами систематического представления о церковном праве. Итак, вводный раздел рассказывает об истории источников церковного права. Тема эта чрезвычайно важна. Каноническое источниковедение — его содержание, структура и развитие — изучается параллельно с историей церковных учреждений. Важнейшим разделом является тот, в котором говорится о составе Церкви. Здесь среди прочих освещаются и вопросы, связанные с регламентацией вступления в Церковь, то есть с крещением, а также присоединением к Церкви инославных, со статусом клириков, с порядком поставления клириков, условиями его законности, с правами и обязанностями клириков, степенями иерархии. Далее следуют темы, сопряженные с церковным управлением. Они обыкновенно рассматриваются в иерархической последовательности — сверху вниз: от уровня Вселенской Православной Церкви до прихода с промежуточными инстанциями высшего управления Поместной Церкви и епархиального управления. Затем идет раздел «Виды церковной власти». Здесь надо сказать следующее. Есть традиция, сложившаяся на Западе, но принятая и в Православии, разделения церковной власти на три вида — по образу служения Спасителя. Прежде всего, это пророческая власть (potestas magisterii), то есть власть учения. Второй вид власти — власть священнодействия (potestas ministerii). Она символизируется властью и служением Христа Первосвященника. Иными словами, она трактуется как церковная власть совершения богослужений. И наконец, правительственная власть Церкви (potestas jurisdictionis). Ее символом является образ Христа Царя. Надо признать, что для церковного права особо важен последний вид — власть правительственная. Именно она в сравнении с иными видами церковной власти имеет более всего параллелей с государственной властью. Поэтому правительственная власть в Церкви представлена многоаспектно: законодательная, административная, исполнительная, судебная власть. Иногда в курсах каноники при рассмотрении вопроса о власти Церкви излагаются нормы брачного кодекса. Они, естественно, относятся не к совершению таинства — это тема литургическая, а к условиям законности брака, к тем качествам, которыми должны обладать вступающие в брак, к препятствиям, с ним сопряженным. Важна и тема имущественных прав Церкви. Здесь имеется целый ряд параллелей с тем, что в светском праве называется Гражданским кодексом. Есть также раздел, как правило заключительный, который трактует внешнее право Церкви, вопросы взаимоотношения Церкви с другими религиозными общинами, инославными Церквями, иноверными христианскими общинами и с государством. Конечно, центральное место здесь уделяется проблемам, которые, наверное, никогда не потеряют своей насущности, — статуса Церкви внутри правового государства.

— Названные вами темы чрезвычайно информативны и освоить их, наверное, непросто?

— Я определенно могу сказать, что самыми трудными для усвоения оказываются темы, связанные с историей источников церковного права. Причины этого я вижу в недостаточно основательных знаниях в области истории Церкви (Древней Церкви, Византийской Церкви, Русской Церкви, а также общецерковной истории). Сложности у учащихся возникают и с некоторыми частными темами: например с темой пасхалии. Но в завершении курса студенты могут уже ориентироваться в церковном праве, в его основах: они знают, что такое крещение в каноническом свете, знают основные

нормы, которые касаются рукоположений, представляют себе порядок управления — высшего, епархиального, приходского.

— В чем заключается актуальная значимость преподаваемого вами предмета для будущих пастырей?

— Будущему священнослужителю без правовых знаний не обойтись. Пастырь может и не знать, к чему восходит та или другая норма, действующая сейчас в Церкви: к апостольским правилам, к правилам Трулльского Собора или Василия Великого, к нормам, которые сложились в синодальную эпоху. Но он в любом случае обязан владеть основами современного церковного законодательства, поскольку они являются главнейшим ориентиром его деятельности. Я уже не говорю о том, что многие пастыри занимают церковно-административные должности, несут послушания настоятелей. Им особенно необходимо знать церковные каноны и законы, в особенности, конечно, новейшее церковное законодательство. Кроме того, священнослужителю полезно разбираться и в государственных законах.

— Как вы считаете, достаточно ли времени уделяется церковному праву в духовной школе?

— Об этом я уже упоминал.Для решения тех общих задач, которые ставит этот курс в рамках семинарской программы, времени, думаю, достаточно: один учебный год с двумя лекциями в неделю — четыре академических часа или одна лекция — два академических часа, но в течение двух курсов. Это оптимальный вариант распределения нагрузки. Другое дело, когда мы говорим о научно-богословской подготовке кониста в духовных академиях. Здесь, как представляется, церковное право должно было бы занимать более важное место. Это, на мой взгляд, существенно повысило бы престиж церковного права как специализации в рамках академического образования в целом. Если мы обратимся к положению дел в Католической Церкви, то там каноническое право и церковное право изучаются как две разные дисциплины. Понятно, что на них в богословских школах, семинариях, университетах уходит гораздо больше времени. Едва ли не половина католических епископов имеют степень доктора канонического права. Это показывает, насколько важной считается для лиц, занимающих высокое церковно-административное положение, систематическое правовое образование.

Святые отцы Вселенского Собора.
Фреска собора Сретенского монастыре

— Батюшка, курс ваших лекций по церковно-каноническому праву, который уже не раз публиковался, в том числе и в издательстве Сретенского монастыря, по праву считается самым полным и авторитетным. Расскажите, пожалуйста, о его создании, концепции и проблематике.

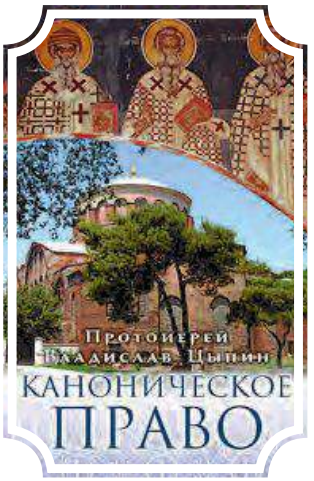
— Свой курс я стал разрабатывать с самого начала преподавания церковного права, а это относится ко второй половине 1980-х годов. Я тогда сразу же осознал необходимость составления учебного руководства. Без сомнения, дореволюционные руководства, такие как «Курс церковного права» Алексея Степановича Павлова, учебник Ильи Степановича Бердникова, обладают высокими достоинствами и ориентируются на разные аудитории. Но все учебники по канонике чрезвычайно быстро устаревают — такова специфика дисциплины. Право постоянно развивается, создаются новые церковные акты. На рубеже 1980–1990-х годов нужен был учебник, который бы отразил все, что изменилось в Церкви за XX век. Поставив перед собой цель написать учебное пособие, я готовил лекции не конспективно, но считал целесообразным делать их в форме развернутого текста. И когда у нас появилась возможность

широко издавать книги религиозного содержания, у меня уже был готов курс церковного права (в виде машинописи). Он и был опубликован в середине 1990-х годов под названием «Церковное право». Затем последовало переиздание этой книги. Но законодательство не стоит на месте, в конце XX столетия церковная жизнь развивалась динамично. В 2000 году был принят новый Устав Русской Православной Церкви. В связи с этим возникла необходимость серьезной переработки и доработки предыдущего курса. И тогда мною был подготовлен еще один вариант учебника под названием «Курс церковного права», который издали в 2001 году. И это пособие переиздавалось — среди прочего, с учетом такого важного документа, как «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». В исходный текст добавлялся также материал по частным темам, по которым я писал статьи и делал доклады, так как проблематика была востребованной. Появлялись новые законодательные документы, связанные, в частности, с реформированием системы церковного судопроизводства: Архиерейский Собор в 2008 году принял положение о церковном суде и в Устав 2000 года были внесены соответствующие изменения. На этом Соборе рассматривались и вопросы, касающиеся восстановления единства Русской Церкви, которое произошло в 2007 году. Зарубежная Церковь стала самоуправляемой Церковью в составе Московского Патриархата. Все эти изменения сделали актуальной подготовку нового варианта учебного руководства. Появилась возможность еще раз отредактировать, пересмотреть материал, что-то расширить или, напротив, сократить, изменить композицию отдельных частей. В результате осенью 2009 года в издательстве Сретенского монастыря вышло третье издание моей книги, которая названа «Каноническое право».

— Что бы вы посоветовали почитать тем, кто хочет изучить курс церковного права самостоятельно или просто интересуется отдельными его вопросами?

— Если речь идет о первоначальном изучении, достаточно почитать учебники. К сожалению, их сейчас крайне мало. Тем же, кто стремится к углубленному изучению данного предмета, я бы посоветовал параллельное чтение канонов. Это основание, фундамент церковного права.

— В вашем учебнике «Каноническое право» анализируются различия канонического церковного права в разных Автокефальных Поместных Церквях. Не могли бы Вы кратко охарактеризовать эти особенности?



— С одной стороны, есть фундаментальные церковные законы, которые действуют во всех Православных Церквях. Конечно, это, прежде всего, каноны. Однако наличествуют и такие законодательные акты, которые имеют поместные границы, действуют только локально. Это акты отдельных Поместных Церквей. Но есть и весьма существенные различия. Неизменно во всех Церквях предстоятеля избирает Собор, однако он может состоять исключительно из епископов или же из архиереев, клириков и мирян, как у нас. В Русской Православной Церкви в настоящее время для решения и урегулирования других вопросов (помимо избрания патриарха) действуют оба Собора — епископского и смешанного составов.

— Чем, по-вашему, можно объяснить современные дискуссии в отношении отдельных канонических норм: например по вопросам возраста при поставлении в священнослужители или упразднения института оглашенных?

— Упразднение института оглашенных не является нарушением канонической нормы; со времени древней Церкви, когда он существовал, изменилась церковная жизнь. Оглашение, предшествующее крещению, имело место в древней Церкви, поскольку оглашаемым преподавались тогда основы веры, с ними на протяжении долгого времени изучали Священное Писание. Но как можно рассказать о Библии младенцам, чин оглашения над которыми,

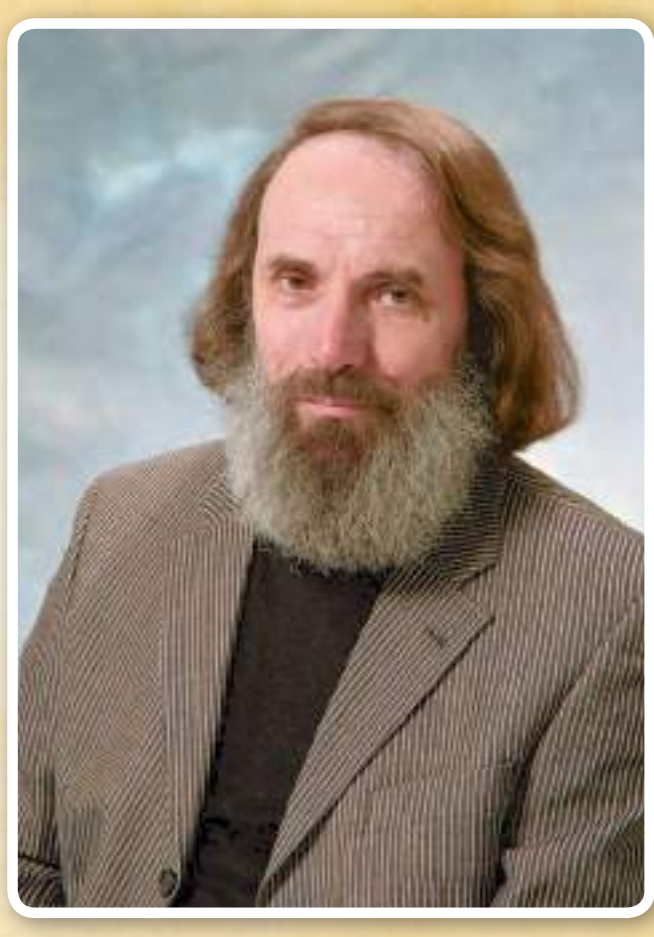
однако, все равно совершается перед крещением? С тех пор как стали крестить почти исключительно младенцев, отделение чина оглашения от таинства крещения утратило свою логику. В наше время, когда нередко крестят взрослых, вопрос о разделении оглашения и крещения может обсуждаться. Но самочинно вводить подобную практику не надо — необходимо дождаться церковных решений на этот счет.

Теперь скажу несколько слов о возрастном цензе для ставленников. Есть канонический возрастной ценз: 30 лет — для поставления в пресвитеры, 25 — в диаконы. Но в синодальный период данная норма применялась только к лицам, не имеющим духовного образования. Такие священники в XIX веке не могли служить на приходах. Их рукополагали в иеромонахи для служения в монастырях. На приходы назначались лица, закончившие полный семинарский, а иногда и академический курс (диаконами — в исключительных случаях — могли быть те, кто не окончил духовную школу). Уровень училища рассматривался достаточным для исполнения обязанностей причетника, церковнослужителя или, как тогда говорили, дьячка, но не священнослужителя. К тому же надо учитывать, что во время учебы в семинарии, которая имела статус среднего учебного заведения, жениться было запрещено (да и студенты высших учебных заведений могли вступать в брак лишь с разрешения начальства). Поэтому выпускники семинарии женились сразу же по окончании курса. Но они все равно, как правило, еще не достигали канонического возраста. И их рукополагали ранее срока. Иными словами, реальная практика уже не вполне соответствовала каноническим нормам. В ныне действующем Уставе речь идет о гражданском совершеннолетии — 18 годах, хотя рукополагают обычно в более зрелые годы. Следовательно, и эта область канонического права зависима от изменений, происходящих в церковной жизни.

— В чем вы видите перспективы развития церковной каноники?

— Прежде всего, необходимо стремиться к повышению уровня преподавания церковного права. Нужно прилагать усилия для профессиональной подготовки канонистов. Отрадно, что за последние десятилетия такие специалисты появились: они занимаются научными исследованиями, дают консультации по церковно-правовым вопросам. Желательно ввести преподавание канонистики в духовных школах всех уровней, начиная с духовного училища, в котором правоведческие сведения можно интегрировать в курс практического руководства для пастыря. Элементарные основы каноники нужно преподавать даже в православных гимназиях. И наконец, нам надо стремиться к тому, чтобы светские юридические факультеты вводили церковное право в свои учебные планы. Что-то здесь уже сделано, но пока это исключительно факультативные занятия и спецкурсы. Между тем я убежден, что активное сотрудничество канонистов и юристов принесет добрые плоды и Церкви, и обществу.

«Патрология — это живая жизнь Церкви»



Профессор Алексей Иванович Сидоров

Алексей Иванович, расскажите, пожалуйста, что такое патрология? Какова история ее появления и как можно охарактеризовать этимологию слова патрология?

— Об этом я писал в своем первом (и пока единственном) томе патрологии. Патрология —это учение об отцах, которое, однако, не ограничивается только святыми отцами, в него обязательно входят также и просто церковные писатели. Без этого патрология не может быть полной. Если мы, например, не будем изучать Климента Александрийского, который не был отцом Церкви, но являлся ярким церковным писателем и мыслителем, то не поймем становления всего святоотеческого богословия. Собственно, патрология, как наука, возникла в новое время, но не хотелось бы говорить о ней сугубо в наукообразном плане, потому что ее предмет — живая жизнь Церкви, это подлинное святоотеческое Предание, которое живет в Церкви и начинается сразу же после апостолов. Почему мы изучаем мужей апостольских, таких, как священномученик Игнатий Богоносец? Потому что он говорил и учил в духе Предания. Можно сказать, что патрология как наука об отцах и сама жизнь Церкви неразрывно соединены. Нельзя отделять, как у нас иногда делают, науку об отцах от живого течения церковного Предания, как нечто инородное этому Преданию. Такой подход, на мой взгляд, является пагубным для патрологии.

— Чем патрология отличается от патристики?

— Раньше считалось, что патристика изучает только учение отцов, а патрология включает в себя три главных элемента: жизнь отцов, их творения и богословие. Но в настоящее время эти два понятия практически взаимозаменяемы. Мне больше нравится слово патрология, но это уже мое личное мнение.

— Алексей Иванович, какие периоды выделяются при изучении святоотеческой письменности?

— Эту периодизацию я обычно даю в самом начале введения в патрологию. Обязательно

Вместе с семинаристами

хочу предупредить, что патрология не имеет верхнего предела, а поэтому сейчас в духовных школах начали изучать русскую и вообще славянскую патрологию, которая постоянно как бы «отодвигает» этот верхний предел, ибо наша православная Церковь всегда рождает все новых и новых отцов. На очереди, думаю, стоит изучение «новогреческой патрологии». Лично я занимаюсь классической патрологией, которая охватывает огромную эпоху от конца I века и заканчивается на греческом Востоке с гибелью Византии. Внутри этой огромной эпохи существуют более конкретные периоды, хотя подобную периодизацию не всегда можно обозначить с предельной четкостью. Традиционно всегда выделяется доникейский период, потом золотой век святоотеческой письменности. В золотом веке появляются несколько особых течений: например, каппадокийские отцы, «новоалександрийцы» (святители Афанасий Великий и Кирилл Александрийский), отцы и церковные писатели Антиохийской школы, латинские отцы и церковные писатели. Появляется и сирийская патрология: Афраат Персидский Мудрец, святой Ефрем Сирин. Но после золотого века начинается трудно фиксируемый период — до начала иконоборчества: он охватывает два с половиной века. Вслед за ним, то есть после прп. Иоанна Дамаскина, начинается уже собственно византийская патрология, имеющая ряд своеобразных черт, но она пока менее изучена по сравнению с предшествующими периодами.

— Как предмет патрология появился в ряде дисциплин, преподаваемых в духовных школах?

— У нас этот курс появился в начале XIX века, и появление его, на мой взгляд, совершенно правомерно. Раз изучается Предание Церкви, как же можно не изучать патрологию в духовных школах?

— Сколько курсов студенты-семинаристы изучают патрологию?

— В семинарии патрология изучается три года.

— Из чего исходите лично вы, когда выстраиваете композицию курса?

— Каждый курс — это всегда творчество. Раньше я думал, что достаточно написать книгу и вот вам — читайте. Но как оказалось, одной книги недостаточно. Случается, что студенты либо не читают учебники, либо бегло просматривают их, а поэтому материал или до них не доходит, или улавливается ими очень поверхностно. Помимо всего прочего, то, что написано в книге, воспринимается по-другому, чем устная речь. Иногда говорят: «Зачем, собственно, нужны лекции?» Одно время я тоже думал приблизительно так, а потом понял, что живое слово и книга — это совершенно разные вещи. В том, что дает преподаватель, всегда присутствует, естественно, определенный информативный материал, но дело даже не столько в информации, сколько в том, как преподаватель подбирает материал и как его выстраивает. Здесь и проявляется творчество преподавателя, которое зависит от его личных взглядов, духовного опыта и даже культурных и эстетических симпатий. Очень важно установление живой связи с аудиторией. Каждый курс своеобразен и неповторим, а преподавание зависит от того, как материал воспринимается аудиторией. Найти точки соприкосновения с первых занятий, как правило, трудно, но потом отношения обычно выстраиваются, и уже тогда определяется линия преподавания на отдельно взятом курсе. Конечно, есть определенная программа, и преподаватель обязан ей следовать. Но в эту «матрицу» можно вложить разные составляющие, в чем и проявляется творческий подход каждого преподавателя. Всегда следует помнить одну простую вещь: педагог — это не компьютер, дал информацию — и изучайте. Каждая лекция является «синергией» преподавателя и студентов. И от последних во многом зависит успех преподавания.

— А как долго вы изучаете святоотеческое наследие?

— С тех пор, как пришел в Церковь, это около тридцати лет.

— Алексей Иванович, расскажите, пожалуйста, подробнее о ваших научных трудах.

— Дай Бог памяти, у меня сейчас 10 книг и более сотни статей. Основная масса — это переводы и комментарии. Я открыл для себя этот огромный пласт совершенно неожиданно, поскольку не являюсь филологом в прямом смысле этого слова. Но перевод святых отцов сразу стал для меня не просто главной составляющей моих научных интересов, он начался одновременно с процессом воцерковления. К сожалению, времени на эти переводы никогда не хватало и не хватает. Одно могу сказать: самое блаженное состояние для меня — это сидеть за переводами текстов святых отцов, а точнее — общаться с ними. Они же – живые и мои духовные наставники.

— Вы в совершенстве владеете древнегреческим языком. Где вы его учили? Вы рассчитывали, что он пригодится в переводе святых отцов?

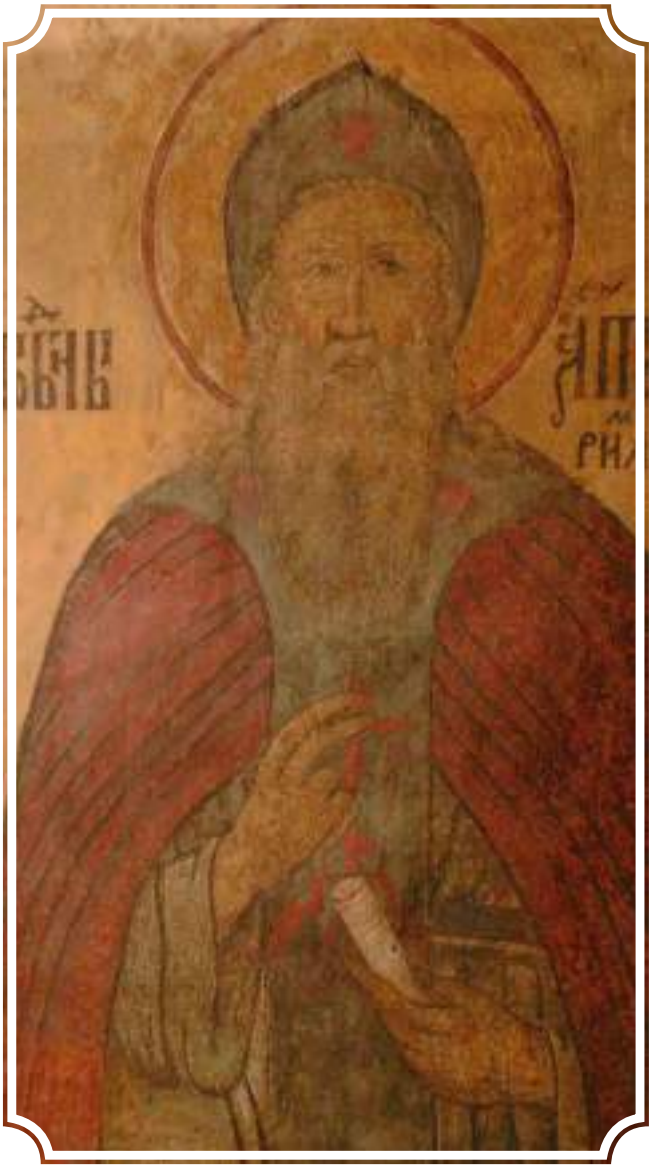
— Во-первых, владеть древнегреческим языком в совершенстве невозможно, потому что это мертвый язык. Просто чем больше переводишь, тем лучше отрабатываются какие-то навыки; когда часто общаешься с греческим текстом, возникают определенные стереотипы подхода к нему. Но еще раз повторюсь, я не филолог, и есть куда более одаренные филологи, которые намного профессиональнее меня. Для меня филология всегда была и остается просто инструментом. В свое время я окончил МГУ, кафедру истории древнего мира и кафедру древних языков — они всегда тесно взаимодействовали. Предполагалось, что историк должен владеть языковым инструментарием. Но так, как филолог, владеть языками историк не может. Однако я не могу назвать себя и историком в узком смысле этого слова. В университетские годы и после них я всегда тяготел к изучению античной философии: Платона, Плотина и неоплатонизма. До прихода в Церковь я этим занимался весьма активно, также как и гностицизмом. Естественно, в советское время никто не мог научить меня переводам святых отцов. Андрей Чеславович Козаржевский, к которому я ходил на лекции, преподавал чисто филологическую дисциплину — язык Нового Завета, и при преподавании он старался избегать прямых «религиозных ассоциаций» (за это могли просто прогнать из университета). В общем, мне пришлось буквально быть самоучкой. Да я и до сих пор учусь, ведь каждый святой отец, к творениям которого я обращаюсь, требует постоянного углубленного «вхождения» в него. Обычно перевожу 2–3 текста, и каждый автор

становится для меня учителем. Мне 65 лет, и честно признаюсь без всякой рисовки, что до сих пор постоянно учусь. Что же касается святоотеческих текстов, то их практически невозможно перевести, ибо, как правило, получается более или менее адекватный пересказ этих текстов. Убежден, что любой перевод — это только перевод. Никогда он не имеет статуса «первой свежести» из-за передачи содержания средствами другого языка. Но такая передача заставляет переводчика понять автора, и для меня это — основное. Понять не только интеллектом, умом, а главное — сердцем. Поэтому я глубоко уверен, что переводить святых отцов может только человек церковный. Если он не церковный, он просто не поймет, о чем идет речь, даже если он будет самым блестящим филологом.

— Как вы полагаете, семинаристу необходимо знать древнегреческий язык для изучения патрологии?

— По крайней мере, желательно. Но, зная нагрузки семинаристов, я вижу в этом некий изыск. Начинать изучать греческий надо пораньше, а потом, что такое изучать язык? Язык — это труд, а поэтому и плод такого труда, то есть знание нового языка — всегда полезно, если оно служит прославлению Бога, а не личному честолюбию и гордыне. Вообще, чем больше языков знаешь, тем более понятен становится родной язык, так как при изучении иностранного языка начинаешь понимать и ценить свой собственный язык. Поэтому я всегда проявлял инициативу, чтобы студенты наших духовных школ изучали древние языки, греческий и латинский, но реальные результаты этого изучения оставляют желать лучшего. Впрочем, следует отдавать себе отчет в том несомненном факте, что глубокое изучение иностранных языков большинству семинаристов не нужно, ибо у нас ведь не языковый вуз. Здесь требуется разумный минимум, необходимый для общего развития. Но думаю, что целесообразно создавать небольшие языковые группы (пусть даже из одного или двух студентов) на каждом курсе для желающих углубленно изучать древние и новые языки.

— Какие существуют тенденции в изучении патрологии на Западе и в России? Существуют ли какие-то методологические особенности?



Фреска собора Сретенского монастыря

— Я бы по-другому поставил вопрос. Запад ведь является очень неоднородным, а помимо всего прочего, он катастрофически «дехристианизируется». Есть Запад католический и есть протестантский, а поэтому отцов Церкви изучают и католики, и протестанты. Даже изучают люди внеконфессиональные, то есть неверующие. Как и в России, к творчеству святых отцов обращаются в специфическом ракурсе и философы. Но если говорить о патрологии, то, конечно, мы в России многим обязаны тому, что делается на Западе. И я лично признателен католическим исследователям, которые издают тексты святых отцов, а мы пользуемся их работой. Также пользуемся плодами и протестантских ученых, стоит отметить их труды

по изучению, например, Макария Египетского. Но если рассматривать патрологию (не патристику) как особую дисциплину, то здесь предполагается в первую очередь церковность, являющаяся, на мой взгляд, основным критерием в подходе к святоотеческим произведениям. Вот, например, изучают на Западе святителя Григория Паламу. Католики воспринимают его по-разному, в зависимости от своих убеждений и взглядов, колебание которых бывает очень значительным: одни ученые почти симпатизируют ему, а другие видят в нем чужеродный католической традиции элемент. Но и у нас также его учение иногда воспринимают как некую интеллектуальную систему, акцентируя внимание преимущественно на различие сущности и энергий в Боге. Но здесь надо понимать, что при всех проблемах в изучении творчества Григория Паламы для нас наиважнейший постулат – осознание того, что он есть святой отец. Этот святитель является неотъемлемым достоянием церковного Предания, и он выше любого исследователя, который может находить некоторые неувязки в его аргументации или еще какие-то недостатки. И выше он в силу одного того факта, что он святой отец. Если мы исходим из презумпции святости при изучении святоотеческого наследия, то тогда это — наш главный и отличительный принцип православного подхода к святоотеческому наследию. Для католиков он – лишь один из византийских писателей, он не святой отец, и они его не признают в качестве такового, а для нас он является одним из главных звеньев святоотеческого Предания. И когда говорят о некоем «паламизме», я всегда выступал и выступаю против этого неадекватного термина. Давайте тогда и учение преподобного Максима Исповедника называть «максимизмом» и изучать его как «максимизм». Святого отца тем самым как бы выделяют из контекста святоотеческого Предания, в котором он находится. Кстати, об этом писали и владыка Василий (Кривошеин), и Владимир Николаевич Лосский, и отец Георгий Флоровский. Они все прекрасно чувствовали живую связь свт. Григория Паламы со святоотеческим Преданием.

— В чем, по-вашему, заключается сложность изучения святоотеческого наследия для современных семинаристов? Можно ли выделить творения наиболее трудные для восприятия?

— Видете ли, здесь нужно понимать и чувствовать контекст. Попробуйте просто так почитать сочинения, например, св. Иоанна Златоуста, в частности — «Беседы на Евангелие от Матфея» — через некоторое время почти каждому семинаристу станет скучно; а вместе со скукой придет и усталость: это другой язык, другое восприятие мира и культуры, а соответственно, и культура слова другая. Чтобы св. Иоанн Златоуст стал близок и понятен, нужно совершить внутренний подвиг, и это требование подвига – необходимое условие при чтении любого святого отца. Это то, что я называю своего рода аскезой, то есть преодолением нашей греховной лени, а люди, как известно, далеко не всегда любят преодолевать ее и прилагать усилия. Такая аскеза предполагает, конечно, что свою жизнь надо выстраивать, как учат отцы. Поэтому обычно тут возникают трудности.

— Скажите, пожалуйста, труды каких отцов вам наиболее близки?

— Я могу назвать святителя Афанасия: его «Слово о воплощении Бога Слова» есть не просто классика, а является, на мой взгляд, шедевром. Или «Житие преподобного Антония» того же святителя. Вообще, у каждого отца есть некие сочинения, которые мне особенно дороги. Возьмите преподобного Максима, некоторые произведения его вошли в «Добротолюбие», то есть в антологию святоотеческой аскетики: например «Главы о любви», где дается концентрированное отражение духовного опыта этого великого подвижника и не менее великого православного мыслителя. Еще мне доставляет подлинное удовольствие чтение таких кристально чистых произведений, как, например, «Древний патерик». Но проблема для меня состоит в том, что я постоянно чувствую отсутствие в себе равноценного духовного опыта, который позволил бы мне в полноте воспринимать святоотеческие творения.

— Актуальны ли сегодня вопросы, рассматриваемые святыми отцами эпохи раннего христианства?

— А как же! Еще в молодости я пришел к выводу, что мысли, высказываемые нами и кажущиеся нам достаточно оригинальными, на самом деле в принципе уже существовали и были высказаны раньше, только в несколько иных формулировках. Можно наверное сказать, что подлинно принципиальных

вопросов, как и ответов на них, не очень много. Ведь для православного человека, какие вопросы главные? Первый и самый наиважнейший вопрос: как спастись? И святые отцы на него отвечают, и их ответы так же актуальны для нас, как были они актуальными много веков назад. Иногда говорят, что отцы не всегда поднимали, например, вопрос социального служения. Но что такое социальное служение? Это проявление нашей веры, ведь вера без дел мертва есть. Поэтому социальное служение представляется одним из вторичных моментов главного вопроса: как спастись? Если ты стараешься осуществить это спасение, помогая людям, лечишь больных или идешь в тюрьму, то таким образом ты стремишься к цели христианского жития. И при этом следует всегда помнить, что достижение данной цели невозможно без приоритета внутреннего над внешним. А внутреннее – молитвенный подвиг, духовное преуспеяние и стяжание Святого Духа. Без них немыслимо никакое социальное служение и прочее внешнее делание. Это – аксиома православной жизни.

— Почему священнослужители ныне апеллируют к авторитету отцов XX века, а не к древним отцам?

— Далеко не всегда. Лично я часто слушаю, как священники на проповеди ссылаются на отцов далекого церковного прошлого. А как же без этого? Ведь Церковь живет в вечности. И святитель Игнатий Брянчанинов, как и святой Иоанн Кронштадтский, они вместе с преподобным Максимом Исповедником — наши современники. Но современники не в том плане, что они живут в одном с нами времени, а в том, что они живут в вечности, к которой мы стремимся постоянно приобщаться. Возможно, нынешние священники чаще апеллируют к духовным писателям XIX — XX веков потому, что отцы этого времени говорят более понятным для нас языком. Однако повторяю, что я встречал много священников, которые постоянно ссылаются и на свт. Иоанна Златоуста, и на свт. Василия Великого и так далее. Поэтому я бы не сказал, что они обращаются только к отцам XX века.

— Студенты пишут по патрологии курсовые и дипломные работы. Делают ли семинаристы выводы, которые можно назвать насущными и интересными?

— Конечно, делают. Есть ряд работ, которые становятся для самих студентов жизненно насущными и интересными. Потому что вдруг открываются такие пласты видения мира, о которых они думали или поверхностно, или совершенно не в том ракурсе. Есть, конечно, отписки, и это понятно, но бывают очень серьезные работы.

— Известно, что патрология входит также в учебный план Духовной академии. Чем принципиально отличаются эти курсы?

— Мне приходится преподавать и в семинарии, и в академии, вследствие чего выработался такой принцип: в академии охватить те слои святоотеческой письменности и богословия, которые в семинарии не затрагиваются. Но, к сожалению, здесь возникает одна специфичная особенность: в академию приходят люди из различных семинарий, где патрология преподается также по-разному. Хотя есть и общий курс, но многое зависит от местных условий, преподавателей и так далее. Иногда то, что изучают, например, в Московской или Сретенской семинариях, в других местах бывает неизвестно. Поэтому преподаватель в академии стоит перед сложной проблемой: стоит ли давать материал, который в принципе должен был проходиться в семинарии, или не стоит. Вообще, по-моему мнению, в академии должны читаться в основном спецкурсы, то есть рассматриваться какие-то определенные разделы, например становление монашеской письменности золотого века или церковные писатели VI века, и читать по этим разделам более подробный и углубленный курс. В целом, в академии поэтому должна быть специализация. Но сейчас ситуация такова, что уровень подготовки студентов из различных семинарий разный, и это вызывает затруднения. Поэтому преподавателю приходится все время лавировать между спецкурсом и общими темами. Вот вам я читаю лекции, например, о святом Дионисии Александрийском, а приходят студенты из какой-нибудь провинциальной семинарии, а они о нем ничего не слышали. Поэтому приходится иногда повторяться. Кроме того, обычно забывается, что вообще подготовка лекций – очень трудоемкий процесс, занимающий несколько лет, а тем более – подготовка спецкурсов. У нас труд преподавателей оценивается по совершенно примитивной схеме: по лекционным часам, а эти часы лишь маленькая верхушка огромного айсберга всего

труда преподавателя. Кстати, могу сказать, что я всегда стараюсь накануне повторить для себя и обновить уже «обкатанный» курс – это также требует определенного времени.

— Преподается ли патрология в светских вузах?

—Насколько я знаю, в светских вузах патристика преподается как история христианской письменности или как часть истории философии.

— Располагают ли семинаристы на сегодняшний день качественными учебными пособиями по патрологии?

— Курсов достаточно много. Известен общий обзор «Введение в святоотеческое богословие» отца Иоанна Мейендорфа. Недавно у нас появилась книга инока Всеволода (Филипьева) «Путь святых отцов. Патрология». Очень полезны книги Константина Ефимовича Скурата. Более фундаментальным является курс Н.И. Сагарды «Лекции по патрологии». Но большой провал с точки зрения разработанных курсов наблюдается по разделу церковной письменности и богословия периода после золотого века в Византии. Здесь уже надо готовить особый курс (или лучше – курсы).

— Вы часто предостерегаете семинаристов от использования недобросовестно переведенных святоотеческих текстов. А чьи переводческие работы вы считаете удачными и адекватными?

— Как я понял, речь идет о современных переводчиках? Опять повторюсь, что любой перевод есть только перевод. Каждый переводчик, вольно или невольно, делает ошибки. Нет таких переводчиков, которые никогда не делают ошибок, и связано это со многими чисто субъективными вещами. Несомненно, есть хорошие переводчики. У нас я могу назвать Алексея Георгиевича Дунаева, который как филолог очень хорошо переводит. В частности, вновь найденные творения преп. Макария Египетского у него вполне неплохо переведены. Но, к сожалению, его установки на святоотеческое наследие глубоко, на мой взгляд, некорректны. И здесь возникает вопрос: что такое хороший перевод? Перевод — это либо четкая передача оригинала с чисто филологической точки зрения, либо это все-таки видение глубинных пластов. Я часто имею дело со старыми переводами, и мне они больше нравятся, чем некоторые новые переводы, несмотря на то, что там ошибок тоже хватает. Но в них есть культура перевода, тесно связанная не только с культурой языка, но и культурой церковного миросозерцания и мироощущения. Святоотеческий текст — это не просто тексты Гомера или Шекспира, которые, кстати, неоднократно переводились, причем каждый переводчик передавал их по-своему. А церковные переводы — это то, что живет и работает в соборном сознании Церкви. И старые переводы произведений святых отцов отличаются от новых тем, что в них присутствует глубокая церковная культура. По уровню этой культуры нынешнее поколение переводчиков не может идти в сравнение с ними. Лично я уже 30 лет в Церкви и всеми фибрами своей души ощущаю, сколь долгим и мучительным процессом является усвоение церковного языка и церковного видения бытия. В старых переводах есть и ошибки, и промахи, но они несут в себе удивительное обаяние церковного благолепия. Мне кажется, что современные переводы иногда страдают поверхностностью, плоскостным видением и не поднимают духовные глубинные пласты оригиналов.

— Алексей Иванович, какие у вас планы на будущее? Перевод какого святоотеческого труда вам бы хотелось осуществить?

— Планы на будущее — это уже как Господь даст, но все-таки я уже практически закончил «Вопросы и ответы к Фалассию» преподобного Максима Исповедника и хотелось бы издать полный текст этого перевода, первая часть которого издавалась уже почти 20 лет назад. Сейчас буду над этим работать, а в дальнейшем планируется издание творений свт. Фиолипта Филадельфийского, перевод которых также движется к концу. Я надеюсь, с Божией помощью, закончить его. Уповаю на то, что Бог даст время и силы для этого, а их обычно всегда не хватает. А так хотелось бы еще многое перевести.

— А чем интересны эти переводы, которыми вы занимаетесь?

— «Вопросы и ответы к Фалассию» преп. Максима Исповедника интересны тем, что данный труд — своего рода «высший пилотаж» святоотеческого богословия и аскетики. Это живой синтез духовного опыта и высокого богомыслия. Поэтому приходится пробираться вглубь сложной мысли преподобного отца, в его сложный язык — отсюда, между прочим, и рождаются мои комментарии. Потому что мне иногда непонятно, что этот отец имеет в виду – я пытаюсь объяснить непонятные для меня места, найти к ним святоотеческие параллели. Так появляются комментарии, которые, как мне представляется, могут быть полезны и для других, особенно – для вдумчивых читателей. Вследствие этого я очень медленно перевожу. Проблемы возникают и тогда, когда, при понимании смысла греческого текста, я никак не могу передать его на русский язык. Поэтому приходится рубить фразы и придумывать какие-то вставки, чтобы это адекватно звучало по-русски. Но само по себе это сочинение является действительно одной из вершин святоотеческой мысли. Святитель Фиолипт интересен тем, что он учитель свт. Григория Паламы и выдающийся исихаст, который у нас известен лишь по некорректному переводу лишь одного сочинения в «Добротолюбии». В XX веке нашли новую рукопись, включающую более 20 творений святителя. Мы начинали перевод этих творений с моим бывшим студентом — сейчас он уже отец Александр Пржегорлинский. Хотели его быстро издать, но получилось так, что доработка переводов занимает много времени, которого, как всегда, не хватает. Свт. Фиолипт Филадельфийский — уникальный автор. Он показывает, что исихазм является не столько спором о сущности и энергиях в Боге, сколько уникальным духовным опытом, наработанным многими поколениями православных иноков. Сам свт. Феолипт не касался указанных споров, но его творения являют глубинную основу всего исихазма как преимущественно внутреннего делания. Без святителя Фиолипта непонятна вся традиция православной духовности в лучших ее выражениях. Помимо прочего, мне очень интересно заниматься преп. Анастасием Синаитом, переводы некоторых сочинений которого я уже публиковал. Сейчас занимаюсь его уникальным произведением под названием «Вопросы и ответы». В общем, планов много, а какие из них осуществятся – ведает один Бог.

— Как вы считаете, каким багажом знаний должен располагать семинарист, пройдя полный курс патрологии?

—Желательно, конечно, иметь багаж как можно более объемный, но тащить большой багаж часто бывает тяжело. Когда садишься на самолет, то можно взять с собой только определенное количество килограммов, чтобы не было перегруза. Так и в багаж семинариста должно вмещаться определенное количество знаний. Хотелось, чтобы они хотя бы приблизительно знали, кем был тот или иной отец Церкви, когда он жил. Например, мы на Литургии постоянно вспоминаем великих вселенских учителей. А кто такой святитель Василий Великий? Он ведь был живой человек, прожил короткую, но богатую и яркую жизнь, писал сочинения, многие из них поражают удивительной свежестью благодатной мысли, в которых отразился его неповторимый духовный лик. И этот лик отличался от такого же лика его друга свт. Григория Богослова. И у семинаристов, на мой взгляд, должно остаться в душе видение духовного лика того или иного отца Церкви, который есть как бы «икона» внутри нашей души. В заключение хотелось бы выразить желание, чтобы семинаристы читали и самих святых отцов и работы о святых отцах. Без такого чтения невозможно стяжание полноты духовного опыта и ведения.

«Для понимания современной церковной жизни важно знание ее истории»

Профессор Алексей Константинович Светозарский

Алексей Константинович, расскажите, пожалуйста, где и когда вы начали преподавать историю Русской Православной Церкви?

— Когда я пришел преподавать в Московскую духовную семинарию, то год вел занятия по церковнославянскому языку. Но уже со своего второго, 1991–1992 учебного года я начал преподавать историю Русской Православной Церкви. Здесь же, в Сретенской семинарии, я сразу же стал читать курс истории Русской Церкви, и сколько лет существует семинария, столько лет я имею удовольствие и счастье с ней сотрудничать, быть членом этой корпорации.

— С какого века в отечественных духовных школах начинается преподавание истории Русской Православной Церкви?

— С начала XIX века. Митрополит Платон (Левшин) составил первый курс, который назывался «Краткая российская церковная история». Владыке было уже за 60, когда он приступил к этой работе. Он ездил по монастырям, архиерейским домам северо-восточной и южной Руси и на основе собранных там архивных материалов — летописей, древних актов — написал свой труд. По обычаю того времени, его история не снабжена научным аппаратом, в ней нет ссылок на источники и нет еще системного изложения материала, но для того времени это был прорыв. Это был первый учебник. Затем в 1817 году появился учебник святителя Иннокентия (Смирнова), архиепископа Пензенского в последние несколько лет его служения. А когда он начинал работу над учебником, то был архимандритом, преподавателем, профессором Санкт-Петербургской духовной академии. В период реформ Александра I он составил учебное пособие, по которому учились до следующей реформы времен Александра II, и этот учебник был основным для многих поколений русских семинаристов и неоднократно переиздавался.

— Скажите, пожалуйста, всегда ли предмет история Русской Православной Церкви был отделен от предмета история России?

Занятие в семинарии

— Да, всегда был отделен. Здесь важнее то, что когда-то это был один предмет со священной историей. Ведь будущий святитель Иннокентий Пензенский как раз и составил свой курс, начиная от священной истории Нового Завета и через общую христианскую историю доходя до современной ему истории Русской Церкви. Вот такое было соединение, и преподавание истории Русской Церкви подразумевало, что в семинарии проходится отдельно гражданская история России. Это всегда было так.

— Как менялся процесс преподавания этого предмета с веками?

— Первоначально историю преподавали в послеобеденные часы. Это примерно то же самое, что факультатив. После обеда трудно воспринимать материал, и семинаристам он давался в качестве некоторых дополнительных знаний. Но примерно ко времени реформы Александра II этот курс вошел в круг основных предметов. Потому что, излагая церковную историю, будь то русская или общехристианская, мы охватываем все области церковной жизни и деятельности в их историческом развитии. Это литургика и история богослужения, Соборы и история иерархии, церковное устройство и даже догматика, если речь идет о борьбе с ересями. Так что этот предмет по праву занял свое место среди основных дисциплин.

— Какое место отводилось этому предмету в дореволюционной России и какое место он занимает сейчас?

— Что касается России XIX века, то я уже сказал, что с реформой Александра II предмет входит в круг основных. В XX веке после революции все духовные школы были закрыты. Их возрождение начинается с 1944 года, когда в Москве были открыты богословско-пастырские курсы и Богословский институт, которые уже со статусом семинарии и академии были переведены в Троице-Сергиеву лавру. Они унаследовали очень многое от программ дореволюционных учебных заведений, и история Русской Церкви там всегда занимала главенствующее положение. У нас не было такого периода, когда этот предмет становился

периферийным, он всегда был одним из основных.

— Существуют ли особые традиции изучения истории Русской Церкви и истории России в духовных школах по сравнению с традициями светских вузов?

— Сейчас говорить об этом еще трудно, потому что только недавно создана кафедра истории Русской Церкви в Московском государственном университете на истфаке, что можно только приветствовать. И надо сказать, что у церковных историков есть контакты с учеными из университета, из Академии наук, которые тоже занимаются историей Церкви. Скажем так: мы друг друга взаимно признаем на ниве научного сотрудничества. А раньше, в XIX веке, как правило, историю Церкви и в академиях, и в университетах читали одни и те же люди. Алексей Петрович Лебедев тому яркий пример. Профессор Московской духовной академии, он одновременно преподавал в Московском университете. И таких людей было немало. Было ли отличие в изложении церковной истории в духовных и светских школах, трудно точно определить, потому что курс читал один и тот же человек. Наверное, что-то он корректировал для светских, на чем-то более подробно останавливался для духовных школ.

— Какой хронологией церковной истории вы пользуетесь?

— В Сретенской семинарии этот предмет ведется с первого курса, и обычно на первом занятии я даю хронологию школьную, классическую, но со своими комментариями, потому что хронология церковной истории полностью не совпадает с хронологией истории России, и я объясняю, почему это так. Различия бывают иногда в пределах нескольких десятилетий, а иногда — нескольких лет. Я выделяю советский период как отдельный и уже завершившийся. Некоторые историки его называют патриаршим и продолжают до сего времени. Принципиальных, существенных расхождений со школьной хронологией у меня нет.

— Алексей Константинович, не могли бы вы кратко охарактеризовать каждый период, который вы выделяете в истории Русской Церкви?

— Русская церковная история начинается с периода до официального крещения Руси князем Владимиром. Это повествования об апостоле Андрее Первозванном и Фотиево крещение. Затем идет следующий период. Здесь много интересных моментов, связанных с юрисдикцией Русской Церкви, первыми нашими епархиями, с иерархией. Тут много нерешенных вопросов, на которые историки дают различные ответы. Для этого периода особенно важна фигура святого благоверного князя Александра Невского, который для противостояния агрессии с Запада пытался заручиться миром с Золотой ордой.

Следующий период — героический — для нас, великороссов, особенно важен. Это период строительства Московской Руси. Среди самых выдающихся деятелей той эпохи я бы назвал святителя Алексия Московского, преподобного Сергия Радонежского, благоверного князя Димитрия Донского. Это великие строители нашего государства и одновременно великие святые нашей Церкви. Эпоха Куликовской битвы, я считаю, одна из самых светлых в нашей истории, полная высочайшего идеализма, высочайшего пафоса и важная для духовного построения и государственного строительства. Поэтому мне всегда очень приятно говорить об этом периоде.

Затем идет период, когда Московская Русь и Московская митрополия обретают свою независимость. Завершается объединение русских земель, и уже наблюдается некоторая тенденция к подчинению Церкви государству, потому что государство окрепло, и мы видим первые попытки государства взять контроль над сугубо церковными сферами жизни. Завершается этот период мрачной эпохой Ивана Грозного и в то же время учреждением патриаршества в Русской Церкви.

Одновременно с историей Московской Руси изучается история юго-западной митрополии, очень интересная, но мало знакомая большинству наших студентов. Пожалуй, только выходцы из Украины и Белоруссии представляют ее лучше. Она очень интересная, потому что совершенно не похожа на московскую. Здесь мы встречаем элементы жизни еще средневековой и уже возрожденческой Европы, здесь другая система государственного управления, Магдебургское право, связанные с ним привилегии сословий, положение Церкви не господствующее, как в Московской Руси, а стесненное и даже часто подчиненное государству. Исторический материал не только очень интересный, но и важный в связи с рядом вопросов,

которые возникают уже в наш, современный период.

Патриарший период — это череда наших выдающихся патриархов, среди которых особенно стоит выделить великого патриота священномученика патриарха Ермогена, а также Филарета — государственного строителя. Здесь и драматичная фигура патриарха Никона — он одна из самых неоднозначных личностей в нашей церковной истории. Заканчивается период началом преобразований Петра и их влиянием на Церковь.

Синодальный период важен тем, что в нем были заложены очень многие моменты, которые оказывают влияние на нашу современную жизнь, и пристальное изучение этого периода должно обязательно иметь место в семинариях, хотя часто именно на синодальный период не хватает учебного времени. Он достоин самого пристального внимания со стороны преподавателей и студентов, потому что в противном случае у нас возникает историческое недопонимание недавнего прошлого. Чтобы этого не произошло, необходимо сотрудничество и преподавателей, и студентов, и обязательно должен быть диалог. Студенты — уже взрослые люди, с ними уже можно общаться не по-школьному, объясняя и спрашивая материал, можно уже многие темы обсуждать, изучать в форме диалога.

— Достаточно ли времени уделяется вашему предмету в духовных школах?

— Я повторюсь, но, к сожалению, синодальный и советский, новейший периоды попадают на такое время, когда процесс обучения идет к концу, студенты пишут курсовые работы. Но тут пока ничего не поделаешь. Может быть, нужно подвинуть в курсе какие-то темы. Стоит подумать над тем, чтобы уделить этим периодам должное внимание.

— В чем важность и назидательность всех перечисленных вами периодов для семинариста — будущего священника?

— У нас в Церкви много дней памяти святых, явлений чудотворных икон, связанных с тем или иным периодом нашей историй. И знание этого материала, — как говаривали в средние века на Западе, эрудиция для элоквенции, — важно для церковной проповеди. Выйдя на амвон, не заглядывая ни в какие бумажки, священник должен не превращать проповедь в лекцию, а ярко охарактеризовать и эпоху, и людей. Например, празднование в честь Владимирской иконы Божией Матери. Нужно рассказать о людях, бывших участниками этого чудесного события, инициаторах принесения иконы, о бегстве Тамерлана из пределов России. Назидательно то, что многие явления, и положительные, и негативные, имеют свои корни в далеком прошлом. Вот для понимания современной церковной жизни полезно знание истории. К тому же, это просто полезно для общего развития личности, потому что мы рассказываем здесь о выдающихся событиях истории России. Серьезное их изучение, которое предполагает самостоятельную работу, дополнительное чтение — все это нас обогащает. Духовные писатели и святые князья, строившие государство, делали одно дело, все это было совершенно неотделимо.

— А какие темы самые трудные для освоения?

— Те темы, которые требуют запоминания и даже зубрежки. Я по многолетнему опыту знаю, что самая провальная тема на экзамене, как ни странно, — это церковное искусство. Потому что по этой теме очень много информации и, к сожалению, не всегда достаточное желание ее усвоить. Студенты в светских вузах, даже не искусствоведы, а просто гуманитарии, когда сдают историю русского искусства, обязательно отправляются в Третьяковскую галерею, чтобы многое увидеть собственными глазами. Если мы просто будем запоминать названия шедевров нашей церковной культуры, будь то архитектура или иконопись, это будет чем-то мертвым. Надо все это увидеть хотя бы на репродукциях. Тогда эти темы не будут трудными, они не будут абстрактными для наших студентов.

— Какие темы вы считаете наиболее важными для будущего пастыря?

— Это, прежде всего, история святости, которая включена в курс русской церковной истории, но, на мой взгляд, не в достаточной степени. И, конечно же, это тема религиозно-нравственного состояния общества на различных этапах его развития. Очень важен период мученичества в XX веке.

— Алексей Константинович, понимание каких исторических процессов, по вашему мнению, должно остаться прежде всего у студентов после окончания вашего курса?

На занятиях

— Я хотел бы, чтобы история церковная была сопряжена с историей Отечества, чтобы одна от другой не отделялись. Я хотел бы, чтобы студенты хорошо понимали, насколько это взаимосвязано и насколько события общегражданской истории детерминируют события церковной истории и наоборот, чтобы не было узкоклерикального подхода, чтобы события истории Церкви рассматривались в контексте национальной истории, каковой бы она ни была и какой бы период мы ни взяли.

— Назовите, пожалуйста, те проблемы церковной истории, которые встают перед нами сегодня.

— Таких проблем много. В первую очередь, это те предложения по реформированию (я не люблю этого слова, потому что не все поддается реформам), лучше скажем, по обновлению, улучшению церковной жизни, которые высказывались в начале XX века. К этому процессу следует подходить осторожно. Это и взаимоотношения Церкви и государства, это нравственная оценка Церковью той ситуации, которая сложилась в стране в XX веке. Очень много тем, связанных с историей общества, с историей нравов и, конечно же, с адекватной оценкой духовно-нравственной атмосферы периода «серебряного века». Много личностей этого периода сейчас являются или одиозными, или оспариваемыми.

— Что вы можете рассказать о истории Сретенского монастыря, которая связана со многими важными историческими вехами государства Российского?

— Да, Сретенский монастырь связан с очень важными моментами русской истории: с эпохой, которую мы называем эпохой Куликовской битвы и которая завершится противостоянием на реке Угре, когда Тамерлан идет уничтожить Москву, с этим временем традиция связывает основание монастыря. А возьмем Смутное время. Во-первых, здесь рядом проходила оборонительная стена Белого города, то есть это укрепление Москвы, которое подчеркивает ее выросшую мощь, ее роль в системе Русского государства. Во время Смуты здесь вокруг шли бои, рядом был дом князя Пожарского — а это первое ополчение 1611 года. В 1812 году здесь была временная кафедра архиепископа Августина (Виноградского), который управлял на тот момент Московской епархией в связи с кончиной митрополита Платона (Левшина). Отсюда же началось освящение Москвы после изгнания из нее неприятеля. После всех кощунств город решают освятить заново. Все это позволяет говорить о серьезной вовлеченности монастыря в события истории России. Он часто был в центре очень важных событий.

«Без прошлого у нас нет будущего»

Профессор Ольга Юрьевна Васильева

Ольга Юрьевна, как давно вы преподаете историю в целом и историю Русской Православной Церкви XX века?

— Я начала преподавать достаточно давно, а точнее — пятнадцать лет назад. Тогда было очень тяжелое время для гуманитарной науки, и Президиум Российской академии наук принял решение об открытии Гуманитарного университета на базе академических институтов. В частности, исторический факультет формировался на базе Института всеобщей истории, который и тогда, и сейчас возглавляет академик Александр Оганович Чубарьян. И фактически с первого дня существования исторического факультета по сегодняшний день я там и работаю: читаю курс истории Русской Православной Церкви в истории Российского государства. Мой курс рассчитан на полтора года, то есть на три семестра.

— А когда вы начали преподавать у нас, в Сретенской семинарии?

— Я уже не раз отвечала на этот вопрос. В 2000 году я и наместник Сретенской обители архимандрит Тихон (Шевкунов) встретились в Сантедре, в Венгрии, где проходила конференция, «подготовительная» к объединению РПЦЗ с Русской Православной Церковью. Мы много говорили, много общались с отцом Тихоном и на конференции, и вне конференции, и тогда он предложил мне вести историю Русской Церкви XX века для семинаристов. В семинарии был тогда очень интересный курс — монашествующий курс.

— Как ваш предмет — история Русской Православной Церкви в истории Российского государства — преподается в светских учебных заведениях?

— Этот предмет преподается в различных вариантах практически на всех кафедрах религиоведения в большом разделе курса истории государственно-конфессиональных отношений, где истории Русской Церкви и ее взаимодействию с государством отведено большое количество часов. Читается он также на кафедрах

С выпускниками 2009–2010 года

теологии или философии религии и теологии. Таких кафедр на сегодняшний день существует в России свыше 23. И на всех этих кафедрах этот предмет с той или иной степенью глубины преподается, хотя, возможно, называется несколько иначе.

— А чем отличается преподавание истории РПЦ XX века от истории России XX века?

— История России — гражданская история. Но я придерживаюсь мнения — и другие педагоги-историки, думаю, согласятся со мной, — что историю Церкви нельзя вырвать из контекста гражданской истории. При преподавании гражданской истории мы же учитываем социальную и экономическую историю, историю культуры и историю международных отношений. Эти два предмета — история страны и история Церкви — неразделыно связаны.

— Какие основные периоды в истории РПЦ XX века вы могли бы выделить и по возможности каждый кратко охарактеризовать?

— Краткая характеристика каждого периода вряд ли получится, потому что периодов шесть и каждый наполнен своим содержанием.

— Эти периоды связаны с деятельностью патриархов?

— Нет, периодизация идет не по годам патриарших служений. Периоды определяются теми правовыми документами, на основании которых в Советском Союзе существовали Церковь и другие религиозные организации. 1917–1921 годы — первый период, 1922–1929 — второй период, 1929–1943 — третий период, 1943–1953 — четвертый, 1953–1958 — пятый период и 1958–1964 — шестой период. И еще историки выделяют 1964–1990 годы — большой период по времени, но мало чем отличный от предшествующего по сути.

— Периоды в истории РПЦ связаны с периодами истории России XX века?

— Самым тесным образом, потому что совпадают с принятой периодизацией гражданской истории.

Праздник Сретения Господня в юбилейном для Сретенского монастыря 2009 году

— В чем назидательность и важность этого курса истории для семинаристов как будущих священников?

— Каждый человек, независимо от того, в священном сане он или нет, должен знать историю своей Родины. Без прошлого нет будущего и, в общем-то, нет настоящего. Нужно знать по возможности объективную историю своей страны со всеми ее позитивными и негативными моментами. И не только ее знать, но и любить. Но история, особенно для молодого человека, должна быть осязаемой. Я иногда говорю: «История — это то, что можно потрогать руками». Это должна быть история людей. Не макроистория, которую мы учили в советский период, будучи студентами, а микроистория, потому что история — это люди.

Кроме того, знание истории помогает разобраться в сегодняшних событиях. Почему так важно для священника хорошо ориентироваться в тех процессах, которые происходят сейчас, опираясь на ту историческую базу, которую он имеет? Потому что люди, которые будут приходить к нему, наверняка будут спрашивать его, задавать вопросы о том, что происходит сегодня, и он должен будет дать достойный и, главное, правдивый ответ. Что касается истории Русской Церкви XX века, то этот предмет священники должны знать просто обязательно. Сейчас очень многие, и миряне, и люди, не считающие себя воцерковленными, с большим интересом изучают историю Русской Церкви потому, что до 1990 года это была вообще полностью закрытая тема в историографии.

— Что, по вашему мнению, самое сложное для восприятия, для понимания в курсе данного предмета?

— Я думаю, что самое сложное в любом историческом курсе — это целостное восприятие, то есть чтобы воспринимать не отдельные какие-то мозаичные куски, а воспринимать причинно-следственные связи, почему то-то и то-то происходило и как происходило.

— А возможно ли понимание истории Церкви без изучения истории государства?

— Хороший вопрос. Отвечу на него коротко: невозможно. Если мы не знаем историю взаимодействия Церкви и власти в XX веке, в конкретные периоды, вот в те самые, о которых я говорила, то мы никогда не сможем понять, что происходит сейчас между Церковью и властью. Более того, никогда не будет выработана правильная политика взаимодействия власти с Церковью и другими религиозными организациями. Исторический опыт, исторические уроки очень важны.

— Существует мнение, что данный период в истории нашего государства — это темное пятно, такая мрачная страница, которую нужно закрасить и забыть. Вы разделяете это мнение?

— Мне кажется, что так думают уже немногие. Мы думали так об этом, наверное, в перестроечный период, когда на нас через, к примеру, журнал «Огонек» хлынуло огромное

количество публикаций про так называемые белые пятна советской истории. Этот период нашей истории — трагический, сложный и прекрасный. Да, безусловно, было много негатива, и об этом негативе много написано, но много негативных сторон было и в другие века российской истории. Об этом тоже хорошо известно. Мне кажется, история XX века сейчас опять становится очень политизированной. И некоторые люди пытаются писать эту историю только черной краской. Но у нас не может быть другой истории, другой Родины, у нас может быть только та Родина, в которой мы живем. Родина пережила тяготы и лишения в советское время, но были и периоды величественные. Даже если вспомнить, например, целину, об освоении которой иногда пишут иронически-критически. Но ведь результатом стало то, что эти фактически безжизненные места превратились в цветущие районы. Черное и белое ходит всегда рядом, позитив и негатив есть в любом явлении. И очень важно, с каким чувством по отношению к стране, в которой ты живешь, к своей Родине, ты анализируешь и проносишь через себя то или иное историческое событие. Если не любишь ни эту страну, ни этих людей, ни все, что связано у тебя с этой страной, то ты будешь видеть только черное и будешь стараться навязать это черное всем другим. Если ты видишь, любишь — ты будешь видеть это черное, но будешь стараться сделать так, чтобы это черное не смогло повториться. Рядом с черным всегда соседствуют прекрасные примеры. К сожалению, эти прекрасные примеры: и героизм, и мужество, и любовь к своему Отечеству — мы стараемся все чаще и чаще замалчивать.

— Вы очень любите повторять фразу, что без прошлого у нас нет будущего.

— Нет будущего, нет! Это не я придумала, это греки еще говорили.

— Сейчас существует множество учебников по истории Церкви и российского государства, по разному освещающих события. А какими материалами пользуетесь вы при преподавании?

— Я давно работаю в этой области — с 1986 года. Практически по всем периодам истории Русской Церкви XX века у меня написаны либо книги, либо статьи. Так что я пользуюсь своими материалами. Что касается советской истории XX века, то я пользуюсь наработками своих коллег, с которыми я работала в Институте российской истории РАН, других специалистов. У нас есть много прекрасных историков, пишущих о различных периодах отечественной истории XX века. Повторюсь: важен акцент, который делает тот или иной автор. Я за то, чтобы все-таки плюрализм мнений оставался, хотя, безусловно, каждый историк может стоять на своей позиции. При этом в любой оценке любого факта должна быть авторская ответственность. И еще — взвешенное использование источников, на которых это авторское суждение строится. Повторю еще раз: самое главное, особенно в подаче любого факта молодым, — это авторская ответственность, которая связана с нравственной позицией пишущего, с нравственной основой его мировоззрения.

— Ольга Юрьевна, какие моменты из истории РПЦ XX века вы считаете критическими для ее существования?

— Критическими для ее существования? Вопрос поставлен несколько неожиданно для меня. Для церковной организации критических моментов было много. Это и 1920-е, и 1930-е годы, и годы хрущевских гонений... А что касается Церкви, то, как известно, «врата ада не одолеют ее», поэтому мы говорим именно об организации. 1920-е, 1960-е годы, период «застоя»... Они не были критическими, но были тяжелыми. Но одолеть Церковь никому не удастся.

— Свержение монархии, установление патриаршества в начале XX века парадоксально несовместимы. Как безбожная власть могла допустить восстановление патриаршества? Или безбожная власть еще тогда была слаба?

— Свержение монархии — дело не той безбожной власти, о которой вы говорите. В тот период шли определенные политические процессы. Что касается восстановления патриаршества, то Поместный Собор собрался, как известно, при одной власти, а закончился уже при другой власти. И к 5 ноября 1917 года, когда был избран патриарх Тихон, прошло ровно две недели после провозглашения первых декретов победивших большевиков. Я вообще думаю, что молодая победившая власть плохо понимала, к чему это событие — восстановление патриаршества — может привести. А когда разобрались к 1922 году, то и стали применять

жесткие меры, и это продолжалось явно или неявно на протяжении всей советской истории.

— Период, когда Церковью управлял патриарх Сергий (Страгородский) до сих пор вызывает горячие споры. Как вы можете охарактеризовать патриарха Сергия?

— Я много писала о митрополите Сергии. И мое искреннее убеждение, что наступит время — и митрополит, патриарх Сергий будет канонизирован. По крайней мере, мне хочется так думать, об этом я говорила со многими прекрасными людьми Церкви, ушедшими из жизни. Они думали так же.

Что же касается оценки его политики, то я считаю, и это не только лично моя точка зрения, что его деятельность была прямым продолжением деятельности патриарха Тихона. Вопрос только в компромиссности его политики как представителя Русской Церкви. Это можно обсуждать. В главном же — я еще раз повторю — его деятельность была продолжением политики патриарха Тихона.

— Влияла ли эмиграция на жизнь Церкви в Советском Союзе?

— Жизнь частных граждан там на жизнь Церкви здесь никак не влияла, а вот политические выступления Русской Зарубежной Церкви отражались напрямую, о чем писали и патриарх Тихон, и митрополит Сергий. И, в общем, это факт известный, что политические выступления там били по Русской Церкви здесь.

— А как вы оцениваете роль русской эмиграции в сохранении традиций той России, которую мы потеряли?

— Я с большим пиететом отношусь к русской эмиграции первой волны. Но я не согласна с преувеличением «исторической» миссии эмиграции для судьбы России. Эмигранты — это люди, которые не смогли жить в той стране, которая начала появляться на развалинах империи. Они выбрали свой путь, и этот путь был во многом очень сложный. Но многие потомки эмигрантов первой волны уже не говорят по-русски, забыли русский язык, забыли русские традиции. И я всегда выступаю против сусальности и «конфетных оберток» в оценках как с одной, так и с другой стороны. Я против того, чтобы тех, кто жил здесь, мазать черной краской, а тех, кто там, — только белой. Это не так, потому что не бывает только черного и только белого в жизни, есть полутона, которые определяют нашу жизнь. Были ли эмигранты хорошими хранителями веры и традиций? Вероятно, какое-то время были. Но я хочу вспомнить доклад владыки Иоанна (Шаховского) на Соборе Русской Зарубежной Церкви. Его выступление было очень печальным, ошеломляюще печальным: он констатировал тот факт, что среди русской эмиграции произошли большие духовные изменения, и не в лучшую сторону. Поэтому я еще раз подчеркиваю, что не надо говорить о том, что у нас здесь все плохо, а там было все хорошо.

— Некоторые русские приходы (правда, их только единицы) РПЦЗ, не присоединившиеся к Московскому Патриархату, до сих пор говорят о сотрудничестве Русской Церкви с советской властью. Почему они так говорят? И если это не так, то почему патриарх Алексий I поклонился гробу умершего Сталина?

— Я думаю, что стоит разбить этот вопрос на две части. Некоторые приходы не присоединились. Не присоединились, потому что имеют малое представление о той стране, которая называется Россией, и еще меньше имеют представления о так называемом сотрудничестве Русской Церкви с советской властью. Обычно я говорю на это очень простую вещь: если наша Церковь считается политичной, то почему приходы, живущие там, считаются аполитичными? Такого не бывает. Прихожане — граждане той страны, на территории которой их приходы находятся. В той или иной степени они всегда были политически ангажированы. Естественно, что они получали заработную плату от структур тех стран, как государственных, так и частных, на территории которых они находились. Говорить о том, что они были пламенными борцами с коммунизмом, было бы большим преувеличением. Еще один важный момент, который я хотела бы подчеркнуть: они защищали одну систему, были поборниками одной системы, а живущие в России, в Советском Союзе, были защитниками, поборниками другой системы. Конечно, не все, я не берусь говорить за всех. Многие искренне считали, что они боролись и борются с коммунизмом, со злом коммунизма. Но я хочу напомнить, что при паритете этих двух систем мир оставался более стабильным, чем сегодня; в международной политической ситуации он был более стабильным, чем современный, в котором однополярность очевидна. Сейчас мы имеем

На празднике Крещения Господня

однополярный мир, в котором одна конкретная сторона говорит о том, что ее право выше права международного и что именно эта конкретная сторона может насаждать демократию так, как она ее видит.

Что касается вопроса, почему патриарх Алексий поклонился гробу умершего Иосифа Виссарионовича Сталина... Честно говоря, мне не понятно, почему этот вопрос задан в данном интервью, но я отвечу. Тем же патриархом Алексием была написана для «Журнала Московской Патриархии» статья в связи со смертью Сталина, которую Хрущев запретил печатать. Почему? И патриарх Алексий, и митрополит Николай прекрасно понимали, сколь много в этом замешано политики. Они знали очень хорошо о тех процессах, которые происходили в стране. Оценивали Сталина как политика. Но для них что было важно? Его государственное мышление. Если хотите, имперское мышление. Понимая всю суть «нового» курса, они знали, что это стремительное возрождение церковной жизни, церковных структур скоро закончится. После смерти Сталина эта государственная политика будет названа буржуазной и мягкотелой. Власть вновь захочет вернуться к довоенным отношениям с Церковью.

— Личность патриарха Пимена почти не изучена. Точнее, многие страницы его жизни неизвестны. Что нового вы могли бы рассказать об этом первосвятителе? И правда ли то, что он принял постриг в Сретенском монастыре, когда ему было 15 лет?

— Я бы сказала так: это потрясающая фигура среди архиереев XX века, отличная от многих его предшественников, абсолютно отличная. Конечно, как историк, я знаю многое о личности патриарха Пимена, еще раз повторю, — одного из выдающихся архиереев XX века, но в силу разных обстоятельств я не буду отвечать на ваш вопрос. Почему? Потому что для того, чтобы написать историю его жизни и служения, надо каким-то образом подготовить к этому и светскую, и церковную общественность. Когда это будет возможным и возможна ли эта подготовка вообще, я не знаю. Что касается вопроса о постриге в 15 лет... Нет, этого не было.

Праздник Сретения Господня

— Наш монастырь всегда находился в центре исторических событий. Советский период — не исключение. Что вы можете сказать об этом святом месте в связи с событиями XX века?

— Да, обитель действительно была в центре всех событий на протяжении всей своей истории. И так же, как и все московские монастыри, была закрыта. Но, в отличие от многих других монастырей, закрытие Сретенского монастыря проходило в несколько этапов. Мы знаем: нельзя сказать, что в конце 1920-х — начале 1930-х годов монашествующие полностью были изгнаны с территории монастыря. И, кроме того, — и это важно — он избежал участи многих других монастырей Москвы: он хотя и был разрушен, но не стерт с лица земли, как многие другие московские святыни.

— Почему многие архивные материалы советского периода, относящиеся к действиям Церкви и ее служителям, до сих пор являются засекреченными и доступ к ним ограничен или вовсе закрыт? Есть что скрывать?

— В любой стране мира, где есть хорошо поставленное архивное дело, не выдаются материалы, содержащие государственные тайны или «личные тайны» того или иного героя, до тех пор, пока не истек определенный срок, запрещающий открытие таких документов. Это первое. Есть и еще один важный момент, который стоит иметь в виду. Архивные документы составлялись государственными структурами. Поэтому многие из них писались в определенном ключе. И какие-то документы носят явно субъективный характер. Чтобы проанализировать любое личное дело, исследователю надо хорошо знать всю историю появления этого документа и представлять события, в которых этот герой участвовал, чтобы, увидев какой-либо «жареный» факт, правильно его переосмыслить, не пустить его в СМИ, где о нем все будут толковать превратно. Если не можешь проанализировать факт, пусть очень едкий, в контексте событий — отложи его на время.

— Есть ли такие процессы и события в истории данного периода, которые не поддаются пояснению и пониманию в контексте истории? Почему вообще стало возможно начало этого периода, полный разгром идеологии и жизненных традиций, ценностей?

— В любом периоде истории есть события, которые не сразу поддаются объяснению и пониманию. Для этого и ведется историками кропотливая работа. Советский период не исключение. А что касается разгрома идеологии и жизненных ценностей, тех, о которых вы спрашиваете, то на это можно ответить, наверное, так. Я приведу не свои слова, а одного из американских сенаторов, которого спросили, что нужно сделать для того, чтобы сильное государство в короткое время пало. Он ответил, что не нужно никакого огромного военного потенциала, а нужно сделать три вещи, всего лишь три: сказать старшему поколению «большое спасибо» и отправить его на покой, то есть убрать из сферы общественной жизни; среднему поколению внушить в очень короткое время, что их жизнь определяет идея карьеры и больше ничего; а подрастающему молодому поколению вбить в голову идею об их, так сказать, летящих крыльях и вседозволенности. После этого страна уже почти повержена.

— Какие основные проблемы с точки зрения истории встают сейчас перед Церковью и перед нашим государством?

— Круг проблем большой. Одна из них — выстроить правильные отношения между Церковью и властью, правильные отношения со всех точек зрения, потому что Церковь — это один из немногих институтов, которому общество доверяет. И это очень важно.

— Каковы основные промахи и недостатки в церковно-государственных отношениях? И насколько Церковь может участвовать в политической жизни государства?

— Сразу хочу сказать — и я всегда об этом говорю, — что все верующие — это граждане нашей страны, и, соответственно, все они участвуют и в политической жизни страны, они никоим образом не отрезаны от нее. Что касается участия их в политической жизни страны, то оно очевидно и оно большое.

Теперь о промахах. Прежде всего, отсутствует взвешенная концепция политики взаимодействия государственной власти и религиозных организаций, не говоря уже о взвешенной продуманной политике. А она должна быть обязательно.

— А какие исторические фигуры вы для себя выделяете в истории XX века?

— Мне трудно ответить на этот вопрос. Я выделяю для себя из церковных деятелей: архиепископа Илариона (Троицкого), безусловно митрополита, а потом и патриарха Сергия, безусловно Николая (Ярушевича), патриарха Алексия I, патриарха Пимена, архиепископа Луку, митрополита Никодима (Ротова). Это абсолютно разные герои, но это действительно крупнейшие, выдающиеся архиереи XX века.

— На митрополита Никодима (Ротова) много грязи льется.

— Напрасно. Это грязь льется напрасно. Не мешало бы лучше узнать, что и как было, прежде чем кого-то обливать грязью. Владыка Никодим из тех, кто и жизнь, и здоровье положил на то, чтобы каким-то образом облегчить, улучшить существование Церкви в Советском государстве 1960–1970-х годов. Что же касается светских героев, то у меня их много, как у любого человека, И сейчас, становясь старше, я задумываюсь все больше о безымянных погибших героях. Прежде всего, это мальчики-призывники 1924–1925 годов рождения. Известно, что из призыва 1924 года рождения вернулись только три процента. Это страшно. Это была будущая опора и надежда нации, люди, которые могли строить дальше наше государство. Меня пытаются «обличить», как это бывает часто в последнее время, в патриотизме, а я вспоминаю строки Юлии Друниной, которые она написала еще совсем девчонкой, на фронте. Я думаю, что они и определяют мое отношение ко всем тем событиям:

Я только раз видала рукопашный,
Раз — наяву и тысячи во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Люди не должны черстветь. А мы забываем своих стариков и перестаем любить детей. Вот это страшно.

«Ложь в истории — страшная по своему гибельному воздействию сила»

Павел Кузенков

Павел Владимирович, как давно вы преподаете семинарский курс византологии?

— Византологию — предмет, посвященный политической истории и духовной культуре византийской цивилизации, в Сретенской семинарии я преподаю первый год. Мне очень этого хотелось. Одновременно архимандрит Тихон (Шевкунов), наш ректор, предложил мне читать курс истории средних веков, на что я с радостью согласился.

— Как давно вы знаете отца Тихона?

— С архимандритом Тихоном мы познакомились весной 2007 года, когда меня пригласили принять участие в паломнической поездке братии Сретенской обители в Константинополь. Тогда я впервые посетил легендарный Царьград, немые, но еще живые святыни которого поразили меня до глубины души. С первых же минут общения с отцом архимандритом, которого я тогда узнал впервые, у меня возникло ощущение, что мы с ним давно и хорошо знакомы: настолько удивителен его дар располагать к себе собеседника открытостью и доброжелательным вниманием. Он сразу же познакомил меня со своим проектом фильма, посвященного величию и трагедии Византии...

— Почему предмет «Византология» выделен в отдельную семинарскую дисциплину?

— Такова давняя традиция, восходящая еще к дореволюционным временам. Надо сказать, что Россия исторически и духовно связана с Византией как никакая другая страна (кроме, конечно, Греции). Научное изучение византийской истории и культуры, важнейшей составной частью которой является святоотеческое наследие, началось у нас едва ли не сразу же после возникновения академической науки. В девятнадцатом веке были развернуты масштабные проекты по переводу с греческого языка как духовных, так и светских писателей византийской эпохи. И осуществлялась эта работа именно на базе богословских школ — Санкт-Петербургской и Московской духовных

академий. До сих пор мы пользуемся плодами тех грандиозных трудов, хотя переводы выполнялись со старых изданий и нуждаются сейчас в некотором обновлении и исправлении. А вот светские высшие учебные заведения по не вполне понятным причинам так и не удостоили византиноведение статуса университетской дисциплины. И это при том, что к началу двадцатого столетия у нас работали византинисты высочайшего мирового уровня, а тесно связанный с наследием Византии «восточный вопрос» занимал центральное место в политических планах Российской империи. Трагедия России, возможно, и заключается в том, что она поспешила объявить себя Третьим Римом, так и не успев понять цивилизационную сущность и изучить исторический опыт Рима Второго.

— Отличается ли преподавание византологии в светском вузе и духовной школе? Есть ли здесь особая методологическая концепция?

— Как я уже сказал, в царской России византология не преподавалась в университетах. Нечего и говорить, что в первые годы советской власти, с их воинственным большевистским презрением к истории вообще и к истории православной Византии в особенности дела обстояли еще хуже. Закрылись все те немногочисленные академические организации, которые занимались византийской, христианской историей: Русский археологический институт в Константинополе, Императорское православное Палестинское общество, прекратилось издание «Византийского временника» — одного из старейших в мире специальных журналов по византологии. Неожиданное возрождение интереса к Византии произошло в 1943 году — в связи с известным поворотом в политике Иосифа Сталина. Тогда возобновился выпуск «Византийского временника», в 1945 году даже открылась кафедра византиноведения на историческом факультете ЛГУ. Но в пятидесятых годах она была закрыта, византинисты же подпали под довольно жесткий идеологический пресс: изучать Византию разрешалось преимущественно с социально-экономической точки зрения. Между тем и в указанный период византология преподавалась в духовных учебных заведениях, где по данной тематике писались кандидатские и магистерские работы — подчас довольно высокого научного уровня. После крушения коммунистической идеологии в девяностые годы подспудный интерес к духовному наследию Византии нашел мощный выход в появлении соответствующих дисциплин и даже кафедр во вновь открывавшихся учебных заведениях с православным уклоном. В полной мере это относится к основанному в 1993 году Православному университету святого Иоанна Богослова, на историко-филологическом факультете которого мне выпало счастье учиться (по первому образованию я инженер, окончил МГТУ имени Баумана). Лекции, семинары и спецкурсы ведущих византинистов страны в сочетании с углубленным изучением латыни и греческого дали нам уникальную возможность соприкоснуться с невероятным по богатству наследием христианской Римской империи — как сами византийцы всегда называли свою страну. Но, как ни странно, эта волна вскоре пошла на спад, и ныне византология более чем скромно представлена в программах российских вузов. И здесь надо отметить весьма показательный факт: университетские центры, институты, кафедры и семинары по изучению Византии широко функционируют за рубежом — в Германии, Франции, Греции, Италии, Великобритании, США, даже Дании... Впрочем, отрадно, что в рамках духовного образования византология по-прежнему занимает достойное место, и есть надежда, что ее позиции как церковно-научной дисциплины заметно укрепятся.

— А что такое, по-вашему, церковная наука?

— Безусловно, это особый феномен. Известная дилемма о двух путях к истине, уходящая в далекое прошлое, в эпоху так называемого Просвещения, была доведена до абсурда, когда науку и веру по сути дела противопоставили друг другу. Плоды этой прискорбной антитезы приходится пожинать до сих пор. Но святые отцы уже в IV столетии выработали тот единственно плодотворный подход к науке, который укоренился в византийской культуре и с успехом может быть применен в наши дни. Наука и вера — не оппоненты, но союзники на пути постижения истины. И они имеют на этом пути общее препятствие — греховность человеческой природы, ее склонность к ошибкам. Искаженность научных и социальных теорий чревата не менее катастрофическими последствиями для человека, чем

еретические взгляды или моральные грехи. И поскольку религия исконно сосредоточена на изживании греха во всех его проявлениях, ее взаимодействие с наукой не истощает, но многократно увеличивает возможности последней. Верующий ученый ничуть не уступает своему коллеге-атеисту по творческому потенциалу, а вот атеистическая наука «бодрым шагом» может привести все человечество к катастрофе, ибо лишена каких-либо иных регуляторов, кроме личных амбиций исследователей и стимулов со стороны сильных мира сего... Итак, преподавание византологии — как и любой другой дисциплины — зиждется на одном-единственном постулате: неутомимом стремлении к истине. Как и в других сферах, постижение исторической истины сопряжено здесь с преодолением больших трудностей. Необходимо внимательно изучать источники, читать горы исследовательской литературы, а это невозможно без хорошего знания языков — древних и новых. Однако наивно предполагать, что истина лежит на поверхности и достаточно ознакомиться с какой-нибудь хроникой или лучше официальным документом, чтобы уяснить смысл событий, происходивших в ту или иную эпоху. Попробуйте-ка составить внятную картину отечественной истории хотя бы новейшего времени только на основе официально опубликованных документов... Чтобы не утонуть в море второстепенной информации, историк должен обладать историософским видением, уметь выделять основные линии исторического развития. Но горе тому, кто попытается подменить кропотливое изучение реальных событий фантасмагорическими измышлениями на исторические темы или откровенными фальсификациями. Ложь в истории — страшная по своему гибельному воздействию сила ...

— Что студент уже должен знать, приступая к освоению византологии? Достаточно ли времени уделяется преподаваемой вами дисциплине в учебном плане семинарии?

— Византология неразрывно связана с такими дисциплинами, как библеистика, патрология, история Церкви. Необходимое условие освоения этих наук — знание древних языков. Другие условия, обязательные для историка, — неутолимая жажда истины, любовь к традиции, способность к целеустремленному исследованию, усидчивость и терпение. Что же касается пропедевтической (то есть вводящей в тему) литературы, то нынешнее поколение студентов, в отличие от нас, можно признать в этом отношении даже избалованным. На русском языке доступны добротные работы Федора Ивановича Успенского, Юлиана Андреевича Кулаковского, Александра Александровича Васильева, отца Иоанна Мейендорфа, которые, имея отдельные недостатки, дают прекрасную возможность получить общее представление об истории Византии. К тому же многие — хотя и далеко не все — источники переведены на русский язык. Времени в учебном курсе для византологии выделено, на мой взгляд, вполне достаточно. Но главные надежды на углубление интереса к этой дисциплине я связываю не столько с лекционными часами, сколько с внеклассным чтением. К сожалению, формат программы духовной школы не предусматривает семинаров для изучения источников. А по своему опыту могу сказать, что именно такое соприкосновение с живым текстом дает возможность перенести знания на качественно новый уровень.

— Так что же такое Византия? В чем заключается неизбывная мистическая притягательность Византии для русского человека?

— Едва ли не самую удачную формулу для определения сущности Византии предложил сербский византинист русского происхождения Георгий Александрович Острогорский: это синтез римской государственности, греческой (эллинистической) культуры и христианской веры. Само название «Византия» — искусственная выдумка западноевропейских ученых Нового времени, однако оно прижилось в науке. Сами же «византийцы» именовали себя римлянами (по-гречески — ромеями), а свое государство — Римским царством, или Романией. Но было и другое, не менее распространенное самоназвание — «христиане», «христианское царство». То есть для ромеев их государство олицетворяло собой царство христиан — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Была здесь и некоторая доля имперского бахвальства: как никак, именно в греческий Виза́нтий, будущий Константинополь, перенес в свое время столицу Римской империи Константин Великий. И византийцы всегда помнили, что все Средиземноморье, от Палестины и

На съемках фильма «Византийский урок» в Венеции

Египта до далекой Галлии, когда-то входило в состав их государства. Но не меньше было здесь и мессианского универсализма, когда имперская идея перерождается в новый, неизмеримо более возвышенный идеал всемирного христианского царства, во главе с Самим Иисусом, царства, управляемого «во Христе верными Боголюбивейшими василевсами». Популярные эсхатологические толкования пророчеств о всемирных царствах гласили, что последнее из них — Римское — непосредственно сменится Царствием Небесным (отсюда и идея Третьего Рима). Собственно, именно к подготовке переселения подопечных им граждан в это Царствие и занимались в первую очередь как духовные, так и светские власти христианской империи. Отсюда знаменитый принцип симфонии властей, родившийся задолго до его формулировки Юстинианом: светская власть озабочена не только охраной жизни и имущества народа, но и его благочестием, в то время как духовенство в чистоте веры возносит непрестанные молитвы, испрашивая помощь Божию в мирских делах. Таким образом, для византийцев изначально была само собой разумеющейся неразрывная связь благочестия и благополучия, побед на духовном поприще и на поле брани, богатства духовной жизни и материального достатка. В этом монолитном единстве мирского и духовного и заключался поразительный феномен византийской цивилизации. И когда оно разрушалось под влиянием тех или иных причин, общество и государство (в Византии данные понятия не разграничивались) начинало трещать по всем швам. Думаю, гармония мирского и духовного, к которой всегда стремились в Византии, оказывается очень притягательной для русских людей, в том числе и для многих наших современников.

— Что представляло собой духовное образование в Византии?

— В силу упомянутого тесного единства духовного и мирского образование в Византии было однородным. Дети с шести-восьми лет, как мальчики, так и девочки, сперва четыре года учились читать и писать, а затем еще четыре года продолжали более углубленное образование, включавшее тривиум и квадривиум. Это уникальный ступенчатый курс семи свободных искусств: сначала — грамматика, риторика, диалектика (или логика), а затем — арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Учебными текстами были Библия и греческие классики античной эпохи — от Гомера до Лукиана. Со времен Василия Великого и Григория Богослова чтение языческой литературы под руководством христианских наставников признавалось исключительно полезным для

юношества. С одной стороны, изучение классического наследия поддерживало необычайно высокую планку византийской культуры, с другой — его христианская адаптация оберегала от тех соблазнов, которые открылись от знакомства с античностью в Западной Европе эпохи Возрождения. Образование, в том числе и духовное, носило в Византии по преимуществу частный характер. Родители, а иногда и сами ученики искали подходящего наставника и поступали к нему в обучение за определенную плату. Существовали монастырские школы, обычно при сиротских приютах. Наконец, в Константинополе и других крупных городах действовали высшие учебные заведения. Они находились под наблюдением чиновников, как государственных, так и церковных. Собственно богословие, которое византийцы называли внутренней философией, изучалось в рамках университетской программы. Надо иметь в виду, что в Византии не было того обособленного церковного сословия, которое в Западной Европе обладало монополией на образованность. К слову сказать, европейская университетская система родилась именно как церковная высшая школа. Но у нас в России, в связи с петровской секуляризацией, университеты возникли как сугубо светские учебные заведения, параллельно с которыми существовали церковные вузы — духовные академии. Так уже с восемнадцатого века у нас на образовательном уровне стало культивироваться обособление Церкви от светского общества, что закономерно привело к разрушению внутренних устоев государства. Ничего подобного не было ни в допетровской России, ни тем более в Византии. Духовное и светское образование были неразрывны. Образованный византиец прекрасно знал библейские и святоотеческие тексты (их древних рукописей сохранилось намного больше, чем списков светских сочинений), а из церковных деятелей редко кто не прошел общеобразовательный курс. Многие знаменитые византийские богословы вышли из рядов государственных служащих. Императоры и сановники нередко демонстрировали весьма глубокое знание богословских проблем.

— С чем связан такой расцвет Византии? Западная Римская империя пала в 476 году. Как Византии удалось просуществовать еще тысячу лет? В чем же заключается византийский урок для России?

— В свое время Эдуард Гиббон создал книгу «История упадка и падения Римской империи», где в шести томах описал трагический закат великого Рима, вызванный, по его мнению, триумфом варварства и религии. Английский историк (большой поклонник Вольтера и убежденный антиклерикал) не озадачился тем обстоятельством, что упадок, длившийся тысячу лет, выглядит довольно странно: многие блистательные цивилизации сгинули, не протянув и малой части этого срока. В полную противоположность Эдуарду Гиббону на современном уровне исторической науки можно констатировать следующее: с принятием христианства в начале четвертого столетия Римская империя не только не пала, но вступила в эпоху нового расцвета, во многих отношениях затмившего золотой век Августа. Страшный политический, военный и духовный кризис третьего века грозил похоронить не только Рим, но и саму идею универсального государства. Однако реформы Константина, первого христианина на императорском троне, дали римскому принципу всемирного господства новое — духовное — наполнение. Отныне экспансия Римского государства велась не ради удовлетворения политических или экономических целей, но ради объединения всех людей с целью их воспитания в духе благочестия, ради служения истинному Богу. Сурового Константина трудно назвать идеалистом, и тем важнее его программа воспитания нового человека, строительства нового, более справедливого и праведного общества. Равноправие мужчины и женщины, ограничение всевластия родителей над детьми и господ над рабами, пресечение адюльтера, широкое привлечение Церкви к решению социальных проблем на правах общественного института — данные меры Константина заложили фундамент той христианской цивилизации, которая, пусть и в разных формах, просуществовала на Востоке и Западе Европы более тысячи лет. И если на Западе, наводненном полчищами варварских племен, наследие Константина была призвана нести сквозь века Римская Церковь — единственный остаток цивилизации в бушующем море насилия и невежества, то Новый Рим на Востоке устоял как политическое целое, выдержав девятый вал исламского натиска и пережив несколько тяжелейших системных кризисов. И всякий раз сохраненная в Константинополе Римская империя находила в

Фреска собора Сретенского монастыря

себе силы возродиться из пепла, опираясь на все те же незыблемые принципы, заложенные Константином. Фатальный конфликт с западным христианством, которое болезненно пережило эпоху варварства и в своем наскоро взращенном универсализме перестало узнавать в Византии собственные духовные корни, едва не привел к гибели православное царство. Однако и после катастрофы 1204 года Византия возродилась и вновь расцвела богатыми духовными плодами. Но по-настоящему гибельной оказалась дилемма, в четырнадцатом веке поставившая византийцев перед жестким выбором: политика или благочестие, отказ от своей духовной традиции или гибель государственности. Чудовищность этой дилеммы заключалась в ее мнимости: любой выбор неминуемо означал крах, ибо разрывалось единство церковно-государственного организма, существовавшее веками как неразрывная скрепа общества. Нечто подобное произошло и в отечественной истории, когда царь-реформатор, увлеченный перспективами освобождения от груза многовековых традиций, нейтрализовал Церковь, превратив ее в зависимый от государства религиозный институт. Христианство, господствуя формально, по сути оказалось за скобками политической и духовной жизни русского общества, и редкие примеры глубинного христианского духа в произведениях золотого века русской культуры — лишь исключения, подтверждающие печальное правило. Византийский механизм церковно-государственного или, если угодно, духовно-материального согласования, который, признаться, на Руси так и не был освоен в полной мере, с восемнадцатого столетия демонтирован окончательно. В начале двадцатого века это привело к политической ликвидации православного царства, когда-то считавшего себя Третьим Римом... Но Православие не погибло в России. Оно с честью прошло через страшные испытания двадцатого столетия и дало сонм мучеников — жителей Небесного Царства. Устояла и русская государственность. Мы должны помнить о судьбах наших духовных и кровных предков, об их идеалах, подвигах и ошибках. И верить, что Христос с нами до скончания века. В этом наша главная сила!

«Церковно-славянский язык является выражением чувств христианской души»

Профессор Лариса Ивановна Маршева

Лариса Ивановна, как долго вы преподаете церковнославянский язык?

— Церковнославянский язык в Сретенской духовной семинарии я преподаю девять лет. Преподавать эту дисциплину мне легко и интересно. Во-первых, потому, что мне со студенческой скамьи привит интерес к истории языка. Старославянский язык и историческая грамматика русского языка были моими любимыми дисциплинами, и я всегда удивлялась, почему некоторым моим сокурсникам так трудно восстанавливать праформы и выстраивать этимологические цепочки. Во-вторых, я люблю свою преподавательскую работу. Несмотря на все ее трудности, она приносит радость, которая еще более умножается тогда, когда студенты проявляют живой, неравнодушный интерес к предмету. А в-третьих, и это самое главное, меня не перестает восхищать красота православной гимнографии, ее смысловая бездонность. А чтобы ее почувствовать и осмыслить, нужно знать церковнославянский язык.

— Какой объем учебного времени отводится на изучение церковнославянского языка?

— В Сретенской семинарии, как и в большинстве духовных школ, церковнославянский язык изучается в течение двух лет (на первом и втором курсах) — по четыре часа в неделю. Для начального освоения языка этого вполне достаточно. В течение первого года изучаются вводные темы, орфографический блок, а также все знаменательные части речи, за исключением причастия. Насущной задачей является здесь формирование у учащихся осознанного отношения к церковнославянскому языку. Студенты должны перейти с первичного уровня, на котором они — еще вне стен семинарии — научились читать церковнославянские тексты и понимать их в общих чертах, на качественно иную ступень. На ней им необходимо ответственно осмыслить, что без систематического изучения церковнославянского языка — языка

Русской Православной Церкви — их дальнейшее служение немыслимо. Священнослужитель не может понимать тропари, кондаки, стихиры и прочее приблизительно. Чтобы этого не произошло, необходимо знать, что такое аорист, имперфект, из чего складываются четыре склонения существительных и многое другое. Эту теоретическую информацию, без которой церковнославянский текст будет непонятен, не стоит игнорировать. Я уже не раз говорила и писала о том, что любой православный гимн, как отправной и конечный пункт богообщения, должен быть не только прочувствован, пережит, но и непротиворечиво осмыслен. Нет никакой пользы от вызубренного текста, слова которого и воспринимаются-то не как слова, поскольку порой человек даже не может их отграничить друг от друга, а являют собой набор звуков. Подобный фетишизм, безусловно, сводит на нет всю церковнославянскую сакральность и свидетельствует о кощунственном отношении к богоприличным словам. Следует думать о том, что в них прикровенно присутствует богомыслие: глубокое, чистое и самое главное — кристально понятное. Чтобы прикоснуться к этому живительному источнику, и нужно прилежно изучать церковнославянский язык.

Продолжая разговор о содержании преподаваемой мной дисциплины, скажу, что в первый год много времени отводится на формирование у студентов правописных навыков. В этой связи сразу же возникает чрезвычайно серьезная проблема, связанная с необходимостью восстановления пробелов в лингвистических знаниях семинаристов-первокурсников. Естественно, на восполнение данных лакун уходит определенное время. Однако систематизация базовых теоретических сведений и навыков языкового анализа побуждает вчерашних школьников по-иному взглянуть на привычные факты, а преподавателя заставляет искать новые методические пути. Это, в конечном счете, с большой наглядностью демонстрирует творческий потенциал в обучении церковнославянскому языку, что, в свою очередь, имеет замечательный дидактический эффект.

Второй курс мы начинаем с детального разбора причастий, а затем достаточно подробно изучаем синтаксис в непременном его сопряжении со служебными частями речи. И только после этого переходим к комплексному разбору целостных церковнославянских текстов.

— Какие тексты вы разбираете со своими студентами?

— Многое здесь зависит от уровня подготовки студентов, их пожеланий и индивидуальной специфики церковного года. Традиционно мы рассматриваем Шестопсалмие, которое читается на утрене. Оно таит в себе немало языковых загадок и обнаруживает, несмотря на огромное число толкований, семантические стереотипы. Буквально ошеломляет своей многослойностью, сугубой ориентацией на догматическое содержание канон святой Пятидесятницы. Анализируем мы и тропари, кондаки других двунадесятых праздников.

— Можно ли выстроить субординацию разделов курса?

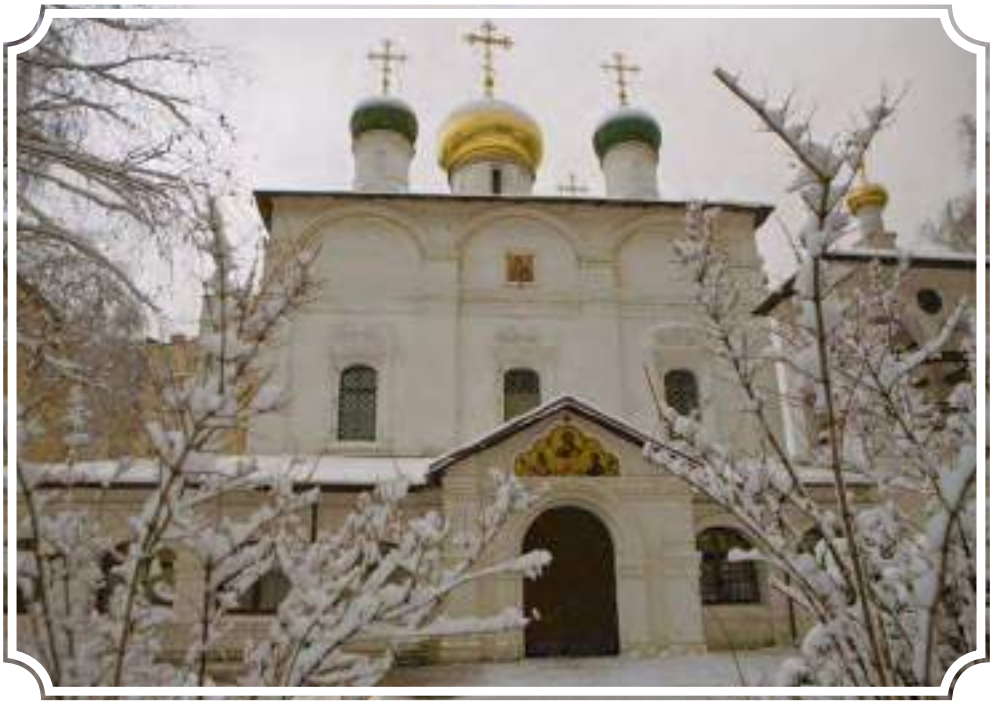
— Вопрос, связанный с субординацией разделов, важный и непростой. В современных условиях необходимо огромное внимание уделять темам, в которых раскрывается история церковнославянского языка. Принципиально важно выстроить правильную картину, показать векторы развития, наметить языковые соотношения. Студенты должны четко разграничивать старославянский, церковнославянский и древнерусский языки, знать их единый источник и закономерности его генезиса. Так возникает важнейший вопрос о церковнославяно-русской корреляции, вдумчивое изучение которого заставляет признать: для семинаристов церковнославянский язык становится своего рода введением в славянские языки — современные и древние. Обращаясь к орфографическим и грамматическим темам, необходимо постоянно подчеркивать, что каждая из них чрезвычайно много дает именно для смысловой интерпретации богослужебных текстов. Например, нужно разграничивать омоформы единственного и множественного, двойственного чисел, видеть разницу в существительных Слово и слово, фокусировать свое внимание на адъективных формах множественного числа среднего рода, на местоимении иже, ориентироваться в семантико-структурных нюансах прошедшего времени глаголов, уметь отличать их от причастий и т.д. А без детального рассмотрения специфичного церковнославянского синтаксиса, который можно считать калькой с древнегреческого, нельзя понять до конца ни

одно молитвословие. Так что церковнославянский язык — это стройная система, где все элементы взаимосвязаны, а уровни изоморфны. Убеждена, что четкое понимание последнего может способствовать лучшему усвоению дисциплин не только из лингвистического блока, но и из иных циклов.

— Какие из тематических областей церковнославянского языка представляют для студентов, с одной стороны, наибольшие трудности, а с другой — наибольший интерес?

— Трудности, впрочем вполне объективные и легко преодолимые, вызывает церковнославянская орфография, которая помимо строчных знаков обладает разветвленным арсеналом диакритики и требует графического расподобления одинаково звучащих форм, чего почти нет в русском правописании. Без сомнения, проблемы рождает и построение церковнославянского текста: исключительно свободный порядок слов, подавляющее отсутствие подлежащего, ориентация на рифмо-ритмическое согласие — все это так не похоже на современную структуру. Чтобы помочь студентам, я написала краткую памятку по переводу богослужебных текстов (замечу, что термин «перевод» в применении к церковнославяно-русской ситуации не совсем корректен по целому ряду внутрилингвистических и экстралингвистических причин, но удобен в практических целях). Семинаристы, которые освоили основные принципы перевода, а также теоретический материал, без особого труда справляются даже с самыми сложными случаями. Не могу не сказать и о том, что церковнославянский текст помимо структурной многослойности обладает уникальной семантической разноуровневостью. Он состоит из собственно текста, гипертекста и даже внетекста. Гимнографическое повествование позволяет верующим одномоментно побывать в разных временах и местах и осознать неслучайность их переклички. Особенно ясно это демонстрируют ирмосы и тропари канонов, в которых сопрягаются события Ветхого и Нового Заветов. Для того чтобы разобраться в этой гипертекстовости, нужно обладать историко-богословскими знаниями, роль которых многажды увеличивается, когда речь идет о внетекстовой информации. Она может быть связана с литургикой, догматическим богословием, церковным искусством и т.д. (в качестве примера можно привести акафист Пресвятой Богородицы). Без этого адекватное понимание церковнославянского текста невозможно — и я постоянно фиксирую внимание студентов на данных проблемах.

Занятие в библиотеке семинарии



Храм зимой

Для нефилологов огромный интерес представляет лексика церковнославянского языка. Студенты задают много вопросов по этимологии слов, зачастую предлагают свои решения — интуитивно верные. Помню, как мы жарко спорили о словах *богатый, странный, поучение, смущение, смятение*... Я считаю, что увлечение широкой аудитории этимологическими экскурсами, которые могли быть систематизированы в книгах специального назначения, является действенным механизмом популяризации церковнославянского языка.

— Есть ли у семинаристов возможность факультативных занятий по церковнославянскому языку?

— Мне очень отрадно, что каждый год находятся желающие изучать церковнославянский язык более углубленно. На таких занятиях семинаристы повторяют и расширяют теоретические сведения, подвергают комплексному разбору богослужебные тексты, сличая их с греческим первоисточником и сравнивая различные переводы на русский язык. Так, в прошлом учебном году на факультативных занятиях студенты третьего курса проделали большую работу по сопоставительным переложениям Великого канона преподобного Андрея Критского. В ходе таких штудий вскрывается много любопытных, неожиданных деталей...

— В Сретенской духовной семинарии не первый год функционирует гимнографический кружок, которым вы руководите.

— Да, и его существование является ясным свидетельством того, что интерес к литургическому языку со стороны учащихся и выпускников духовной школы, которые беззаветно любят богослужение и стремятся разобраться в его композиционных и содержательных тонкостях, не иссякает. Это радует бесконечно! Мы занимаемся корректурой, редактурой, транслитерацией церковнославянских текстов. Были у нас и попытки — вполне удачные — написания отдельных стихир, тропарей. Все это дает возможность почувствовать пульсирующий динамизм живого церковнославянского языка.

— В чем, на ваш взгляд, заключается специфика преподавания богослужебного языка?

— Прежде всего, скажу, что я являюсь сторонницей последовательно тематического способа преподавания церковнославянского языка. Именно так, постепенно, систематически представляя фонетику, орфографию, все части речи и прочее, преподают родной язык. Данный способ соседствует с урочным принципом, который сориентирован на порционную презентацию сведений из разных разделов, с тем чтобы быстрее научиться читать и понимать тексты. Таким образом изучают иностранные языки — современные и древние. Оба приема

используются в практике преподавания, и оба дают неплохие результаты. Взяв за принципиальную основу тематический способ, я, конечно, осознаю, что в настоящее время статус церковнославянского языка чрезвычайно специфичен. В первую очередь он изучается при отталкивании от русского языка, хотя исторический вектор обратный. К тому же, преподаватели стараются почерпнуть для себя что-то полезное из методик западноевропейских языков, забывая, что есть большой опыт обучения новым славянским языкам. Я столкнулась с этой проблемой в период, когда сотрудники руководимой мною кафедры теории и истории языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета готовили программы для специальной группы, которая, наряду с русской филологией, изучает еще и сербский язык. Нам было важно найти место каждого предмета, в том числе и церковнославянского языка, в новом учебном плане. И когда объективной точкой отсчета для нас явились славистические дисциплины, мы увидели новые — чрезвычайно насущные — векторы методической интерпретации богослужебного языка Русской Православной Церкви.

— А какова была ситуация с обучением церковнославянскому языку до 1917 года?

— В то время не было полного, самостоятельного курса современного церковнославянского языка. В учебных заведениях начальной ступени (начальных училищах, церковноприходских школах) предмет изучался в рамках Закона Божия. Ученикам прививали навыки чтения и общего понимания. Для этих узкопрактических целей использовался сначала букварь, потом обычно Евангелие и Часослов, затем Евангелие и Псалтырь. Церковнославянский язык осваивался отдельно от русского, который вводился позже. При этом сведения из них осмыслялись, как и сейчас, в обратной перспективе. Однако тогдашние методисты не возбраняли и верного исторического направления. В средних и старших учебных заведениях (гимназиях, реальных училищах, учительских институтах) богослужебный язык учили в связи с русской грамматикой. В подготовительный класс гимназии брали только тех, кто бегло читает по-русски. Выполнив данное условие, они могли приступить к церковнославянскому чтению. Гимназисты изучали грамматику древнецерковнославянского (старославянского) языка, а для разбора им предлагались тексты из Остромирова Евангелия, в котором представлены преимущественно образцы книжно-литературного языка Древней Руси. Искомым результатом было не понимание, а осознание структурных явлений. Стоит сказать, что разбору подвергались только тексты Священного Писания, богослужебная гимнография не рассматривалась вообще. В результате получалось, что крестьяне и мещане зачастую вообще не знали русскую грамоту, не умели читать гражданский шрифт, зато неплохо знали службу. Из образовательного круга дворян, напротив, выводился церковнославянский язык. Поэтому многие из них, постепенно, но неотвратимо отрываясь от православной традиции, предпочитали читать Библию по-французски и ратовали за ее русский перевод. Что касается семинарий, то предполагалось, что клиросному чтению их воспитанники выучивались дома, а духовная школа должна была дать минимальные сведения, позволяющие понимать и толковать церковную гимнографию. Кстати говоря, уже в XX веке в семинарской программе был отдельный обязательный предмет «Церковное чтение», который, на мой взгляд, полезно было бы вернуть в учебные планы. В заключение отмечу: дореволюционные церковно-общественные деятели высказывают единодушное мнение о том, что филологические знания выпускника духовных школ были неудовлетворительными, что приводило к плачевным результатам в повседневной богослужебной практике. В советское и постсоветское время ситуация с преподаванием церковнославянского языка в семинариях выправляется — силами неутомимых педагогов-подвижников. Так, профессор МДАиС Анатолий Васильевич Ушков опубликовал целостный курс современного церковнославянского языка, за что получил степень магистра богословия. Его высококвалифицированное изложение содержит множество фактов из древнегреческой грамматики, которые представлены очень доступно.

— Не могли бы охарактеризовать и другие учебники по церковнославянскому языку, которые существуют в настоящее время?

— В последние десятилетия те, кто хочет изучать церковнославянский язык, могут, в общем-то, найти наиболее подходящий для себя

учебник — как из новейших, так и из репринтных. Каждая учебная книга характеризуется своими бесспорными достоинствами. Большой популярностью пользуется учебник Александры Андреевны Плетневой и Александра Геннадьевича Кравецкого, который выдержал уже четыре издания. Много ценной информации можно почерпнуть из книги архиепископа Алипия (Гамановича) и написанного на его основе конспекта. Его автор — иеромонах Андрей (Эрастов) — составил довольно удобный рабочий вариант, который используется в Свято-Троицкой семинарии (США). Недавно в ПСТГУ вышел учебник, который написала Александра Георгиевна Воробьева. Иными словами, учебников много, но они, описывая синхронный срез церковнославянского языка, почти не формируют исторического взгляда на него. Между тем такой угол зрения сейчас как никогда актуален. Именно он, как я уже говорила, поможет по-новому взглянуть на пути популяризации богослужебного языка и начать корректировать непростую ситуацию с русским языком.

— Расскажите, пожалуйста, о своих методических наработках.

— За годы своего преподавания мне, надеюсь, удалось разработать собственный курс церковнославянского языка. Он в первую очередь включает в себя большое количество теоретического материала, формы подачи которого я постоянно пересматриваю. Особо подчеркну: одну из своих задач я вижу в том, чтобы студенты-нефилологи освоили понятийно-терминологический аппарат современной лингвистики, который, безусловно, коррелирует с другими сферами научно-богословского знания. К сожалению, некоторые педагоги не обращают на это должного внимания, считая, что курс церковнославянского языка должен отличаться простотой, которая, однако, иногда оборачивается недопустимой упрощенностью. Более того, я считаю: пора усредненных учебников по церковнославянскому языку, предназначенных для самого широкого круга пользователей, прошла. Назрела необходимость в публикации полноценного курса церковнославянского языка, целевой аудиторией которого явились бы исключительно воспитанники высших школ, в том числе духовных. Уверена, что современным педагогам под силу написать такой учебник.

Разумеется, лекционный материал немыслим в отрыве от семинарских занятий. Здесь у меня сложилась целая система практических заданий, домашних, самостоятельных и контрольных работ. Их я достаточно часто видоизменяю.

В связи с методическим обеспечением нельзя не упомянуть и следующего: преподаватели и студенты ощущают нехватку в сопутствующей учебной литературе, написанной на высоком профессиональном уровне (сборники упражнений, рабочие тетради и т.п.) Хочется

Насельники монастыря — духовники и преподаватели семинарии

Чин прощения перед Великим Постом

надеяться, что подобный пробел хотя бы отчасти компенсируют пособия по комплексному анализу Шестопсалмия, а также сборник упражнений по орфографии церковнославянского языка. В этой книге, выпущенной совсем недавно издательством Сретенского монастыря, обобщены задания (весьма подробные), которые позволяют на практике закрепить и проконтролировать знания, умения и навыки, связанные с правописанием дублетных букв, диакритических знаков и иными орфографическими особенностями богослужебного языка Русской Православной Церкви. Если сборник упражнений по орфографии предназначается для начального этапа, то пособие по Шестопсалмию, развивая у студентов навыки грамматического и историко-лингвистического разбора текстов на церковнославянском языке, предполагает, что ими уже в полном объеме восприняты основные теоретические сведения, освоен понятийно-терминологический аппарат, а также проведены наблюдения над отдельными, частными явлениями в пределах разрозненных предложений.

— Учат ли церковнославянский язык студенты светских вузов?

— Только в рамках спецкурсов. Программой филологических, исторических и некоторых других специальностей, которые обеспечиваются в светских высших учебных заведениях, предусмотрены дисциплины «Старославянский язык», «Историческая грамматика русского языка», «Древнерусский язык», «История русского литературного языка». Акцент при их изучении делается на структурных особенностях старославянского и древнерусского языков, их происхождении и генезисе (поэтому учащимся предлагаются весьма подробные сведения о праславянском языке). Содержательные аспекты, как правило, изымаются. Между тем основательное преподавание и усвоение указанных курсов формирует у студентов единственно верный взгляд на язык — синхронно-диахронический. Явления современности не рассматриваются обособленно, без корней — они интегрируются в подвижный континуум. Выпускник, наделенный такими знаниями, передаст их своим ученикам: школьникам и студентам. Но, к сожалению, историческая составляющая выхолащивается из гуманитарного образования, что приводит к весьма печальным последствиям, в том числе и для языка. Не получив необходимых сведений, некоторые преподаватели, да и исследователи, смутно ориентируются в логике языкового развития и, как это ни прискорбно, не понимают в полной мере, что такое современный церковнославянский язык. Располагая обрывочными знаниями из курсов старославянского, древнерусского языков, они выдают подобный

Семинаристы на богослужебном послушании

причудливо вневременной симбиоз за церковнославянский язык, который получается безразмерным, зыбким, несистемным, а значит, и недоступным для понимания. Поэтому-то в преподавании церковнославянского языка нужно уйти от панхронизма.

— Каковы актуальные проблемы церковнославянского языка: его функции, текстология, теория, методика?

— Я уверена в том, что проблемы языка во всей их пестроте и разнонаправленности актуальны всегда. Просто ввиду того, что, почти беспрерывно пребывая в состоянии вербальной коммуникации, мы долго не замечаем этих проблем, не заостряем на них своего внимания. А когда их обнаруживаем, то удивляемся и быстро начинаем предпринимать какие-то усилия для их разрешения — не всегда адекватные. Это с наибольшей очевидностью показала весьма нервная дискуссия о четырех словарях и йогурте.

Одну из главных проблем в отношении церковнославянского языка я вижу в потере культуры владения им. Православные верующие, насильно оторванные на долгие годы от традиционных корней, не слишком хорошо знают богослужение, не представляют себе до конца, из каких элементов, в том числе и гимнографических, оно выстраивается. Совершенно очевидно, что эта чрезвычайно драматическая проблема заключается все-таки не в языке, а в нас, в нашей церковной некультурности и житейской инертности. Если мы будем ее преодолевать, если мы начнем воспитывать в себе языковое благочестие, то снимется — хотя бы в некоторой, самой болезненной, степени — вопрос неясности богослужебных текстов. Параллельно возникает проблема необходимости новой версии славянского перевода. Его насущность никто не может отрицать, поскольку, как это уже было не раз в истории церковнославянского языка, в его процессе непременно производится редактура, которая всегда нацелена на улучшение понимания (решается ли данная задача — это вопрос, на который нельзя дать однозначного ответа). Но возникают сомнения: есть ли у нас достаточное число специалистов, способных взяться за титанический труд перевода и выдать достойный результат? Кроме того, все мы, с Божией помощью, должны неустанно совершенствовать преподавание церковнославянского языка. Ведь от качественного обучения, как и от умелой популяризации гимнографических текстов, их грамотных, доступных толкований, зависит многое. Педагоги и священнослужители должны всегда помнить, что церковнославянский язык является выражением чувств христианской души, души, которая облагорожена и просвещена православным учением, возрождена и освящена христианскими таинствами.

«Церковнославянский язык вырабатывает иконичность сознания»

Галина Ивановна Трубицына

Церковнославянский язык я начала преподавать в ПСТБИ в начале 90-х годов прошлого века. Его ввели в программы всех факультетов, и пред нами, филологами, встала задача разработать методику преподавания этого нового для всех предмета. Нового для всех, независимо от того, какой была специализация преподавателя до того, так как в вузах нам давали подготовку только по старославянскому языку, это язык древнейших памятников 10-11 вв., и он классифицируется как мертвый, что обусловливает методику его освоения. Мы начали работать на кафедре славяно-русской филологии под руководством профессора А.М. Камчатнова. Самая главная сложность состояла в отсутствии учебных пособий. В дореволюционный период было издано много учебников, некоторые из них стали переиздаваться, но ни один из них нельзя было взять за основу, так как, во-первых, за 20 век филологическая наука ушла далеко вперед, изменилась терминология и, самое важное, не были разработаны периоды развития церковнославянского языка, так что материал разных исторических эпох не разграничивался.

В открытых после 2-й мировой войны духовных семинариях церковнославянский язык преподавали люди, знавшие и любившие свой предмет. Так, в шестидесятые годы в МДС работала профессор В.В.Бородич. Она планировала совместно с профессором В.К.Журавлевым издать пособие по церковнославянскому языку, но работа не была завершена.

В 1991г. у нас в стране вышло первое репринтное издание «Грамматики церковнославянского языка» иеромонаха Алипия (Гамановича). Можно сказать, что с этого учебника начинается новый этап в преподавании церковнославянского языка, так как он представляет первую попытку дать полное системное описание современного богослужебного языка. Автор, иеромонах Алипий (ныне архиепископ Чикагский), насколько мне известно, получил филологическое

образование в Америке, что сказалось на изложении материала, особенно исторической его части. Но, как монах, он проработал такое количество богослужебных текстов и затронул такое количество важных вопросов, что этот учебник еще долго будет для филологов источником тем для более детальной разработки. Вслед за учебником Гамановича стали выходить учебные пособия, разработанные светскими филологами — Мироновой Т.Л., Плетневой А.А. и Кравецким А.Г., Супруном В.И., Ремневой М.Л. (в соавторстве), Воробьевой А.Г. В Сретенской семинарии мы занимаемся по учебнику Плетневой А.А., Кравецкого А.Г., так как в нем теоретическая часть сопровождается упражнениями, составленными по современной методике на широком текстовом материале. Во всех вышеперечисленных учебниках грамматика изложена на высоком уровне, в настоящий момент ощущается нехватка отдельных пособий с практическими упражнениями.

По программе семинарий на 1-м курсе есть такой предмет, как стилистика русского языка. Курс ставит своей задачей систематизировать школьные знания и поднять их на более высокий уровень, соответствующий сознанию студента высшей школы. Специфической особенностью Сретенской семинарии является то, что оба предмета — стилистику и церковнославянский язык — ведет один преподаватель, что имеет огромное преимущество. Однажды, когда я выступала на Рождественских чтениях, меня спросили: что делать, если семинарист не хочет изучать грамматику? Такая проблема действительно существует, ее корни лежат в перекосе преподавания русского языка в школе, там преподают не столько язык, сколько норму литературного языка — свод правил, язык «пересушивают» грамматикой. В первую очередь необходимо дать правильную мотивацию знаниям грамматики. Действительно, зачем русскоговорящему человеку отличать существительное от прилагательного, если даже фонвизинский Митрофанушка в своей речи правильно их употребляет? Знание грамматики русского языка — это лингвистическая база для освоения любого иностранного: существительное и глагол, подлежащее и дополнение — все это общие категории любого языка индоевропейской группы, и современного и древнего. Я даже специально

Великопостные богослужения в Сретенском монастыре

Великопостные богослужения

спрашиваю у преподавателей иностранных языков, на какие грамматические категории, нужные им, обратить особое внимание.

Во-вторых, когда преподаешь одновременно русский и церковнославянский, есть возможность подчеркнуть их единство несмотря на то, что в последнем много непонятных архаических грамматических форм. Почему-то в любой группе обязательно встретится хотя бы один студент, слышавший о какой-то особой близости церковнославянского с украинским. Это миф, который следует развенчивать. Церковнославянский язык в результате 2-го южнославянского влияния (процесса, начатого в 14 веке) претерпел реставрацию кирилло-мефодиевской традиции, законсервировал архаические формы, сделал их нормой книжного письменного языка, и потому можно найти черты, сближающие его с любым славянским языком и диалектом, просто они будут разные. Близость русского литературного и церковнославянского уникальна, так как в процессе сознательной работы литераторов 18 и 19 вв. произошел синтез светского и церковного языков. Например, Н.Гнедич в переводе «Илиады» Гомера несколько раз употребляет конструкцию Дательный самостоятельный. Но особенно эта близость проявляется в лексике, хотя многие общие слова приобретают в русском языке обмирщенные значения. И здесь обращение к церковнославянским значениям иногда помогает глубже понять даже классическую литературу. Название романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание», если ограничиться рамками современного языкового сознания (преступление — действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности; наказание — мера воздействия против совершившего преступление), не раскрывает замысла писателя. Церковнославянское значение слова *наказание* — наставление. Именно об этом думал писатель. Недаром Раскольникова сравнивают с четырехдневным Лазарем. Преступление — переступание через черту, нарушение заповеди «не убий» — имеет следствием духовную смерть, это само по себе наказание, расплата, но писателю было важнее научить героя осознать свой грех и исправить — указать путь к духовному воскрешению.

Но вернемся к грамматике. Я сразу говорю студентам, что настоящее изучение языка начинается лишь после того, как освоена грамматика. Студент, пренебрегший ею, когда выходим на уровень понимания полноценных богослужебных текстов, страдает слишком вольным их толкованием. Грамматика призвана сдерживать субъективные фантазии. Преп. Паисий Величковский говорил о не желающих знать грамматику, что они «писание же без грамматики толико могут уразумети, елико без сети рыбы уловити».

Но, пожалуй, самое важное это то, что грамматика церковнославянского языка раскрепощает языковое сознание благодаря тому, что в нем более полно представлено такое явление, как вариативность. Школа, ориентированная на норму, удерживает сознание в рамках правильно/неправильно. Когда объясняешь, что в церковнославянском в равной степени можно употребить формы Родительного падежа рабов и раб (с облеченным ударением), что есть двойственное число для обозначения парных

предметов или двух людей, но нет обязательности его употребления, — первая реакция замешательство и обязательно прозвучит вопрос: а как правильно? Я бы сказала, что церковнославянский язык вырабатывает иконичность сознания, свободу внутри заданных рамок. Когда в конце 20 в. был подготовлен проект орфографической реформы, третьей за предыдущее столетие, предполагалось ввести вариативность более широко не только в пунктуацию, но даже в орфографию, но, на мой взгляд, непоследовательно, и здесь у церковнославянского языка нам, филологам, есть чему поучиться.

При поступлении в Семинарию предполагается, что будущие студенты уже умеют читать по-церковнославянски, но их произношение остается таким же, как в русском литературном языке, иногда даже с привнесением местных диалектных особенностей. Церковнославянский язык — язык наддиалектный — имел особую произносительную традицию с момента своего возникновения, отличался и от говоров, и позднее от литературного языка, тем самым создавая единое религиозное сознание. Поэтому первой задачей курса является овладение на практике особым — литургическим — произношением. Древнерусская методика обучения чтению — чтение по складам — самопроизвольно ставила дикцию. Но эта техника трудоемкая, от нее отказались даже старообрядцы. Овладение литургическим произношением также улучшает дикцию. Как-то один студент, вдохновившись, посвятил этому целый вечер и после жаловался мне, что у него скулы свело. И это нормально, так как у обычного человека артикуляционный аппарат находится не в тонусе. Литургическое произношение начинает исчезать в середине 19 века, к началу 20 в. в своих основных чертах совпало с русским литературным, но сама идея, что в Церкви надо говорить не так, как на базаре, пережила период религиозных гонений, и в восстановленных после 2-ой мировой войны духовных учебных заведениях семинаристов ориентировали на оканье. В наше время мы имеем 2 тенденции: 1) полное исчезновение литургического произношения, 2) серьезные попытки его восстановления на новом уровне. Восстановить культурно-церковную традицию не значит формально вернуться в ушедшую эпоху, да это и невозможно. В некоторых

Великая Пятница

епархиях стали уже проводиться конкурсы чтецов. Хочется надеяться, что со временем мы будем иметь общероссийские подобные конкурсы, появится возможность обмена опытом, теоретического обсуждения с привлечением ученых — не только филологов, но и музыковедов, регентов. Утрата литургического произношения в 19 в. происходила одновременно с утратой чтения на погласицы — особого распевного чтения, которое сохранилось в греческой традиции и у наших старообрядцев. Не надо думать, что это только старообрядческая традиция, существует описание чтения на погласицы патриарха Никона. Восстановление литургического произношения и чтения на погласицы сделает звучание текста не только более торжественным, но и внятным, поможет верующему концентрировать внимание на молитве во время богослужения.

В статье «О прозе» А.С. Пушкин пишет, что древнегреческий язык в XI в. «усыновил»

русский, и видит в этом неоспоримое превосходство «славяно-русского языка» над всеми европейскими. В силу исторических обстоятельств эти родственные связи были нарушены. Но есть темы в церковнославянском, которые просто невозможно объяснить студентам, не умеющим хотя бы читать и писать по-древнегречески. Например, правило употребления дублетных букв предполагает, что греческие заимствования пишутся по правилам греческой орфографии. Когда в Сретенской семинарии ввели древнегреческий на 1-м курсе, работа с церковнославянским стала осмысленнее. В традиции светских вузов изучению древнегреческого предшествует латынь, на нее, как на более легкий язык, возлагается пропедевтическая, подготовительная функция. В духовных школах эту пропедевтическую функцию может взять на себя церковнославянский.

По программе семинарий курс церковнославянского языка рассчитан на два года. Поэтому в первый года обучения я стараюсь пройти основной грамматический материал, чтобы на втором осталось больше времени на чтение текстов и повторение, закрепление грамматики, которая начинает работать на понимание текста, и потому требуется ее комплексное осмысление. Особенность церковнославянского текста состоит в том, что воцерковленный человек, каким является студент духовной школы, понимает его общее содержание, ведь в богослужебных текстах не встретится ни одного нового догматического положения, которое бы не содержалось уже в начальном курсе Катехизиса. Многие тексты семинаристы знают наизусть, и создается не всегда верное впечатление владения смыслом, заложенным в них. И, прежде чем учить понимать, приходится учить не понимать — честно задавать себе вопрос: понимаю или не понимаю, а правильно ли я понимаю? Необходимо проверять свое понимание, уточнять значение общих в русском и церковнославянском языках слов. Самый простой пример. Перед началом каждого занятии мы поем или читаем молитву «Царю Небесный», но всегда встретится хотя бы один студент, который не постесняется признаться, что слова «иже вездесый и вся исполняяй» понимает буквально — Святый Дух исполняет желания человека. Уточнить значение одного слова — и начинает раскрываться подлинный смысл: Святый Дух, «сокровище благих», т.е. источник всего благого в этом мире, наполняет его Своей благодатью. Подобная работа напоминает работу реставратора над иконой: счищается слой копоти — и краски начинают играть первозданной красотой, снимаются слои поздних записей — и через удивление подлинный смысл входит не только в сознание, но и в сердце, душу.

Человечество накопило огромное количество знаний, что неизбежно приводит к узкой специализации во многих областях. Так, на филологических факультетах происходит деление студентов на лингвистов и литературоведов. В школе на уроках русского языка занимаются грамматическим разбором — это глагол, это существительное, и настолько не обращается внимания на общий смысл предложения, что главный недостаток упражнений — просто неинтересные тексты, ведь смысл не так важен, и детям не интересно с ними работать. Литературоведы, что происходит по идеологическим соображениям, позволяют себе выстраивать концепции идейного содержания, игнорируя смысл слов автора. Но, чтобы глубоко понять церковнославянский текст, мало знать грамматику (разобрать — это аорист, а это перфект), мало научиться работать со словарями, необходимо поместить текст в культурный, исторический и церковный контекст. Приходится привлекать материал других предметов — Истории, Литургики, Гимнографии, и тогда достигается *целомудренное* — целостное — понимание.

Всегда с большим интересом проходят занятия, когда мы разбираем наш современный богослужебный текст, сравнивая его со старообрядческой редакцией. Иногда приходится слышать мнение, что старообрядческие тексты более понятны и надо вернуться к ним. Сравнивая действительно трудные для понимания тексты, например задостойник Рождества Христова «любити убо нам яко безбедное страхом удобее молчание», становится ясно, что это не так.

Чему я больше всего хочу научить своих студентов? — Задавать правильно поставленные вопросы. Иногда так в этом преуспеваю, что сама не всегда знаю на них ответы, ведь церковнославянский еще недостаточно изучен, и здесь потребуются усилия богословов совместно с работой филологов-славистов и классиков.

«Значение догматов веры не уменьшается из века в век»

Священник Вадим Леонов

Отец Вадим, расскажите, пожалуйста, об истории возникновения догматического богословия.

— Как особое направление богословской мысли догматическое богословие начало формироваться в Церкви в III веке по Рождестве Христовом. К этому времени стало очевидным, что для воцерковления новоначальных христиан и для отстаивания богооткровенных истин без системного изложения христианского вероучения не обойтись. Поэтому в III веке предпринимаются попытки упорядоченного изложения православных истин веры — догматов. Первым таким сочинением стал трактат Оригена «О началах». По содержанию эта книга была далеко не безупречной, но по своей структуре, по характеру изложения она во многом соответствовала поставленной цели. В ней сначала говорится о Боге-Троице, затем о невидимом мире ангелов, о творении видимого мира и человека, о воплощении Христа, о спасении и будущей жизни преображенного мира. Такая логика в общих чертах соответствует и ныне употребляемому порядку раскрытия христианского вероучения. В IV веке святитель Кирилл Иерусалимский пишет свои знаменитые «Катехизические поучения», где раскрывает истины Символа веры, а также учение о главных церковных таинствах. В это же время святитель Григорий Нисский создает «Большое огласительное слово» — важный опыт системного догматического изложения. В V веке блаженный Феодорит Кирский пишет «Сокращение (сокращенное изложение) Божественных догматов». На Западе, приблизительно тогда же, блаженный Августин составляет «Руководство для Лаврентия», напоминающее катехизис, и еще несколько произведений, где уделяет особое внимание последовательному изложению вероучения. Но, несомненно, лучшим произведением I тысячелетия, где глубоко и точно раскрыто христианское вероучение, заслуженно считается трактат преподобного Иоанна

Великий Пост. Святейший Патриарх Кирилл совершает богослужение в Сретенском монастыре

Дамаскина «Источник знания», вернее, третья часть этой книги — «Точное изложение православной веры» (первые две части — «Философские главы» и «О ста ересях вкратце» — являются вводными). О достоинстве данной книги, написанной в первой половине VIII столетия, говорит тот факт, что после ее появления она была переведена на разные языки (в начале X века — и на церковнославянский) и стала важнейшим мерилом истины веры во многих странах христианского мира. Она и по сей день является авторитетным источником православного вероучения, без изучения которого нельзя говорить о знании основ христианского богословия. С момента появления «Точного изложения православной веры», на мой взгляд, начинается история существования догматического богословия в рамках Священного Предания Православной Церкви.

— Как соотносятся догматическое, основное и нравственное богословие?

— Православное богословие во всех его видах и наименованиях происходит из единого Божественного откровения, данного людям Самим Господом, поэтому все богословские дисциплины находятся в гармонии и единстве. Различие наименований обусловлено лишь подходами к изложению и обоснованию откровения. В догматическом богословии оно раскрывается на основе внутрицерковной системы авторитетности (свидетельства Священного Писания, постановления Вселенских Соборов, учение святых отцов и т.д.). В основном богословии те же самые истины излагаются через доводы разума и опыт жизни — без привлечения внутрицерковных аргументов. А в нравственном богословии истинность Божественного откровения показывается через личный духовный опыт людей, кроме того, предлагается путь опытного проживания истин христианства, а значит, и получение внутреннего свидетельства об их подлинности. В системе богословского образования существуют и другие виды богословия (пастырское, литургическое и др.), которые в определенном аспекте решают, по сути, ту же самую

задачу — приобщить человека к истине. Поэтому между богословскими дисциплинами нет и не может быть никакого разрыва.

— В чем заключается смысл изучения именно догматического богословия? Каковы особенности его постижения?

— Через изучение догматического богословия достигаются две очень важные цели. Первая — человек получает подлинные и проверенные ориентиры на пути к Богу. Если угодно, можно это понимать и как обретение дорожной карты, где указан точный путь к истинному Богу — путь, по которому уже прошли многие христиане. Без этих ориентиров человек при всех своих благих намерениях может легко сбиться и, думая, что движется к Богу и ведет богоугодную жизнь, оказаться во тьме и обольщении диавола. А трагический смысл ошибок он обнаруживает только за порогом смерти, когда уже ничего своими усилиями изменить невозможно. Вторая цель догматического богословия — защита Богооткровенных истин от искажений. Дело в том, что слово Божие с трудом вмещается в наше обыденное сознание. А значит, перед человеком открываются два пути. Первый (богоугодный) — измениться самому так, чтобы соответствовать слову Божиему, и второй путь — приспособить Божественное откровение под свое мировоззрение и свои прихоти. Именно так возникают заблуждения и ереси, предлагающие очень короткий и чрезвычайно широкий путь в Царство Небесное. Временные приманки здесь бывают весьма сладкие, а вот горечь начинки может оказаться вечной. Поэтому значение догматического богословия не уменьшается из года в год, из века в век.

— С какого времени догматическое богословие преподается в духовных школах?

— Как особая дисциплина в православных духовных школах догматика появляется с XVII века, в западных католических она начала преподаваться на несколько столетий раньше. Возобновление научно-догматической деятельности в это время тесно связано с появлением двух православных образовательных центров — Киево-Могилянской академии в Печерской лавре и Славяно-греко-латинской академии в Москве. Поначалу способ преподавания в наших школах во многом копировался с западных учебных заведений. Это делалось по многим причинам. В частности, Русская Православная Церковь тогда еще только начала формировать систему богословского образования, а иные Поместные Православные Церкви находились под гнетом завоевателей и в большинстве своем вообще не имели ни научно-богословских школ, ни соответствующих учебных заведений. Поэтому заимствование для нас было неизбежным первоначальным шагом. Тем более что западная система обучения после апробации оказалась для своего времени достаточно эффективной. Однако формальные принципы преподавания не надо путать с содержательными аспектами. Православные иерархи и преподаватели стремились наполнить западные формы православным содержанием. Сначала приходилось использовать и католические учебники, но они давались ученикам или в отредактированном виде, или с надлежащими комментариями. Конечно, на этом пути не все удавалось. Были и перекосы, и сложности, и недостатки, неизбежные для периода первичного накопления опыта. Но в XVIII веке в России уже появляются первые относительно самостоятельные догматические курсы Феофана Прокоповича и Стефана Яворского. А в XIX столетии богословами Русской Православной Церкви создается целый ряд замечательных — оригинальных — догматических систем, которые актуальны и по сей день.

— Существуют ли какие-то отличия в преподавании догматического богословия в синодальную эпоху и сейчас?

— Да, существуют, и значительные. В синодальную эпоху семинаристу труднее было сохранить целостность осознания духовного опыта Церкви. Ибо в это время, как заметил один русский богослов, приходилось молиться по-славянски, учиться богословию на латыни, святых отцов читать на греческом, а думать по-русски. Такая разобщенность приводила к тому, что часто богословие многими учащимися воспринималось как формальное, а порой и как чуждое знание. В наши дни подобной раскоординированности в духовном образовании уже нет, но надо признать: все-таки некая ущербность осталась. Она заключается в том, что для изучения церковного наследия все-таки необходимо знать древние языки: древнегреческий, латынь и др. И вот здесь современные семинаристы и учащиеся духовных

академий значительно уступают своим собратьям синодального периода.

— Какой объем учебного времени отводится на изучение догматического богословия? Достаточно ли этих учебных часов?

— Согласно плану Учебного комитета, догматическое богословие изучается в семинарии на втором, третьем, четвертом курсах. При этом на втором и третьем выделяется четыре академических часа в неделю, а на четвертом — два. Достаточно этого или нет? Всякий преподаватель желает, чтобы времени для изучения его дисциплины было больше, и я не исключение. Но я прекрасно понимаю, что и для других предметов необходимы учебные часы. Церковное учение целостно, поэтому семинаристам приходится и в рамках изучения других предметов — Нового Завета, церковной истории, патрологии, литургики и прочих — еще и еще раз вникать в вероучительные истины Церкви. Иными словами, возможный недостаток по времени для освоения догматического богословия восполняется многогранностью изучения вероучения в контексте других дисциплин.

— Пожалуйста, назовите и кратко охарактеризуйте учебные пособия, которые вы рекомендуете для студентов, изучающих догматическое богословие.

— На мой взгляд, самое лучшее пособие по догматике — «Точное изложение православной веры» преподобного Иоанна Дамаскина (о нем я уже говорил). Конечно, в нем не все темы рассмотрены полно, но то, что изложено святым Иоанном, имеет исключительный вес и значение для понимания православного вероучения. По сей день это высокий образец ясности мысли, четкости суждений и обоснованности церковным Преданием. Кроме того, иные разделы «Источника знания» — философские главы и рассуждение о ересях — являются существенным дополнением, позволяющим целостно воспринять православное богословие в плане методологии и возможных искажений.

Классическим вероучительным пособием заслуженно считается катехизис святителя Филарета (Дроздова). Он прошел общецерковную рецепцию не только в Русской Православной Церкви, но был переведен и на другие языки православных народов и до сих пор является важным учебным пособием. Его прекрасно знают в Грузинской, Сербской, Болгарской, Элладской и других Церквях. Авторитет этого сочинения велик. И пока не удалось создать другой православный катехизис, который превзошел бы его.

Среди крупных монографий замечательным и до сих пор непревзойденным трудом по догматическому богословию является сочинение митрополита Макария (Булгакова) «Православно-догматическое богословие» в двух томах. На сегодняшний день это лучшая и, наверно, самая полная догматическая энциклопедия на русском языке. Близким по значению является труд епископа Сильвестра (Малеванского) «Опыт православного догматического богословия» в пяти томах. Отличительная особенность данной работы заключается в раскрытии православных догматов в историческом контексте. По объему аргументов труд не уступает указанному сочинению митрополита Макария. Вместе с тем надо признать: работы митрополита Макария и епископа Сильвестра сложно использовать как учебники. Они слишком объемны — по

Крестный ход с Плащаницей в Великую Пятницу

крайней мере, для учащихся семинарии. Мы используем их больше как первоначальные справочники для более углубленного изучения того или иного раздела. Из дореволюционных изданий также необходимо отметить и сочинение протоиерея Николая Малиновского «Очерк православного догматического богословия». Это действительно полноценный, хороший учебник для семинарий того времени. После 1917 года в Русской Православной Церкви новые учебники по догматическому богословию, которые бы имели общецерковное признание, не создавались. Однако в XX веке появлялись курсы лекций по догматике, некоторые из них очень интересные. Например, лекции Владимира Лосского, помещенные в книге «Мистическое богословие Восточной Церкви. Догматическое богословие». Однако любой курс лекций — это не учебник. Здесь ярко представлена позиция автора, материал, как правило, изложен достаточно живо, легко воспринимается, но раскрытие тем и аргументация часто, с одной стороны, недостаточны, с другой — сложны. Здесь вы не найдете четких определений, строгой последовательности, полноты в обосновании. Некоторые важные темы могут вообще отсутствовать. Предполагается, что слушатели и читатели сами должны тем или иным образом восполнять отсутствующие части. Поэтому курсы лекций, которые появились у нас в XX веке, требуют, конечно, значительной переработки, чтобы стать учебниками. Так что хорошего современного учебного пособия у нас нет, хотя его актуальность весьма и весьма велика.

Разумеется, в XX столетии догматические учебники создавались и в других Поместных Православных Церквях. В Сербии интересный труд по догматическому богословию написал архимандрит Иустин (Попович) — «Догматика Православной Церкви». В плане аргументации он во многом основывался на работе митрополита Макария (Булгакова), но по характеру изложения он более свободен и в последних разделах переходит к стилю богословских эссе. В Греции за прошлый век сумели создать целый ряд крупных догматических систем, которые, к сожалению, пока мало знакомы русским

читателям. Упомяну следующих авторов: Зикос Росис, Христос Андруцос, Иоанн Кармирис, Панайотис Трембелас, Никос Мацукас. Двухтомная «Догматика» Никоса Мацукаса, изданная в 1985 году, на мой взгляд, заслуживает того, чтобы быть переведенной на русский язык.

— Каких догматистов разных эпох вы можете выделить особо?

— Это сложный вопрос. Все святые отцы свидетельствовали об истинах веры и словом, и делом, поэтому мы их воспринимаем как величайших учителей веры, а значит, и догматистов в высшем смысле слова. Однако среди них есть те, кто особо потрудился в изъяснении таинственных глубин учения Христова. Если брать IV век, это святитель Афанасий Александрийский и отцы-каппадокийцы (Григорий Богослов, Василий Великий, Григорий Нисский), в V веке — святые Кирилл Александрийский и Лев Великий. В последующие века отмечу преподобного Максима Исповедника, святителя Софрония Иерусалимского, преподобного Иоанна Дамаскина, святителя Григория Паламу. А далее уже нужно говорить о русских отцах — прежде всего, о святителе Филарете (Дроздове), митрополите Макарии (Булгакове) и епископе Сильвестре (Малеванском). XX век отмечен именами выдающихся богословов Владимира Лосского и протоиерея Георгия Флоровского. Надеюсь, российская догматика будет развиваться и в дальнейшем. Следует указать, что в XX столетии появились фундаментальные работы и в других Поместных Церквях. Назову здесь только некоторые имена: святитель Николай (Велимирович), митрополит Амфилохий (Радович), епископ Афанасий (Евтич), архимандрит Иустин (Попович), митрополит Каллист (Уэр), митрополит Иоанн (Зизиулас), митрополит Иерофей (Влахос), протоиерей Иоанн Романидис, отец Димитру Станилое, Панайотис Неллас и многие другие.

— Как вы выстраиваете курс догматики для семинаристов? Какова основная цель проводимых вами занятий?

— Цель занятий одна и очень простая — донести до семинаристов мысль, что изучаемое ими утверждение православной веры есть откровение Божественной истины, поэтому оно

бесценно. И если мы сейчас его не усвоим, то потеряем что-то очень важное в своей жизни. Однако достичь этого не просто. Поэтому я предпочитаю сначала ставить вопросы, чтобы слушатели почувствовали глубину и таинственность избранной темы, а затем уже переходить к православному учению и его обоснованию в Священном Предании. Обсуждение ересей и искажений оставляем напоследок. Существует и другой метод, когда слушателей загружают изложением ересей и их опровержением, а в конце уже дают основы православного учения. Это соответствует истории возникновения догматических формулировок, но опыт показывает, что такой подход неудачен. Поскольку в результате слушатели легко рассказывают о заблуждениях, но затрудняются при их опровержении и совсем теряются, когда им предлагается сформулировать истины Православия. Они могут с блеском говорить о несторианстве и монофизитстве, но представляют куцее изложение православного учения о лице Господа нашего Иисуса Христа. Согласитесь, что это недопустимая ситуация!

— Не могли бы вы вкратце описать разделы догматического богословия? Как они распределяются на три учебных года?

— Здесь все определяется теми временными рамками, которые предоставлены нам для изучения догматического богословия. В первый год мы осваиваем введение в богословие, где даются ключевые понятия. Далее изучается раздел о Богопознании, после этого учение о Боге в Самом Себе, триадология (учение о Боге-Троице) и учение о творении мира. На следующий год мы излагаем учение о грехопадении, христологию (учение о Господе Иисусе Христе), сотериологию (учение о спасении) и экклезиологию (учение о Церкви). В течение третьего года изучается сакраментология (учение о таинствах Церкви) и эсхатология (учение о последних судьбах мира и человека).

— Какие темы наиболее трудны для студентов? В чем, по-вашему, заключается причины этих сложностей?

— Все темы в догматическом богословии могут стать камнем преткновения, ибо все они выводят человека за рамки обыденных представлений. Если у слушателя есть достаточная вера и смирение, то он легко преодолевает искушения своего разума и принимает Богооткровенные истины, если же нет, то начинается внутренняя борьба, иногда очень драматичная — и здесь без наставника не обойтись. В таких случаях возможны и сомнения, и противоречия, и споры. Главное, чтобы они были открыто высказаны, а для этого на занятиях должна быть такая атмосфера, чтобы человек чувствовал, что его за сомнительные рассуждения не отвергнут, а, наоборот, выслушают и помогут разобраться. И все же самые трудные разделы в догматическом богословии, по моему мнению, такие: триадология и христология, то есть учение о Боге-Троице и о Господе Иисусе Христе. Здесь содержатся истины, которые требуют наибольшего внутреннего подвига со стороны человека. Потому что мы привыкли опираться на наш разум и опыт. Если мысль выстроена последовательно и имеет какое-то обоснование в нашем опыте, мы легко ее воспринимаем. Но многие истины и откровения, даруемые людям от Бога, не вмещаются в обыденное человеческое сознание, и человек должен сделать выбор: или он сохраняет свои привычные представления — и тогда он отвергает догматы, или же он готов осознать свою ограниченность и последовать откровению веры, которое дано в Церкви. Никто из нас в окружающем мире не видит примеров, чтобы три ипостаси пребывали в единой и нераздельной природе. Никто из нас никогда не видел, чтобы две природы были соединены в одном лице неслитно, неизменно, нераздельно и неразлучно. Поэтому, когда учащемуся обо всем этом говорят, он, без преувеличения, должен совершить внутренний подвиг веры, чтобы воспринять эти знания. Все иные разделы православного вероучения являются следствием из двух вышеназванных. Поэтому недоработка в основных темах влечет за собой недостаточное понимание других вероучительных вопросов.

— Какое применение находят полученные студентами духовных школ знания по догматическому богословию в их будущей пастырской деятельности?

— Убежден: человек, который не знает вероучения в достаточной степени, не может нести священническое служение. Почему? Потому что священник — это человек, который должен приводить людей к Богу. Он является путеводителем — пастырем для своей паствы. Если он не знает, куда и к Кому идти, не видит

основных опасностей на этом пути, ему нельзя доверять души других людей. Пастырь обязан освоить вероучение во всех принципиальных моментах и положениях. Иначе он рискует не только сам забрести в сторону и погибнуть, но и паству, которая идет за ним, увести с пути истины. Подобных печальных примеров много.

— Насколько духовная жизнь оказывает влияние на изучение догматического богословия?

— Догматическое богословие — это духовный плод, приобретенный отцами через веру, молитву и добродетельную жизнь. Соответственно, и укорениться оно может только в том сердце, которое предпринимает духовные усилия. Данная непреложная истина много раз проверена на практике. Принципы духовной жизни человека во многом предопределяют качество изучения им Богооткровенных истин. В Священном Писании об этом сказано просто: «Начало премудрости — страх Господень». Когда у человека есть внутреннее благоговение к величию тайн Божиих, когда сердце наполнено верой к тому, что дарует через откровение Божие, тогда и принятие истин происходит естественно, и они не только усваиваются, но становятся ценностным основанием личности и преображают ее. Если же человек не имеет внутреннего опыта жизни по вере, то догматические истины являются для него внешними, непонятными, трудно усваиваемыми, а словесные формулы, в которые они облечены, кажутся излишне усложненными. Потому, собственно говоря, в светской среде и возникли ассоциации с догматикой как с чем-то запутанным, имеющим мало общего с реальной жизнью. Дело в том, что перед гордым, самодовольным разумом глубина и смысл догматов не раскрываются. Они остаются вещью в себе. Возможно лишь их внешнее прочтение. Поэтому для таких людей догматика — символ сухости и оторванности от жизни. В православном же понимании догматы — это великие Божественные истины, которые могут раскрыться только перед сердцем верующим и наполненным благоговением.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее о научно-богословских конференциях, которые посвящены догматическим вопросам. Почему сегодня возникает необходимость в их созыве?

— Богословские конференции в последние годы стали созываться все чаще — и это очень радует. Самые интересные из них, на мой взгляд, — это те, которые организуются Синодальной богословской комиссией. Уже прошел ряд таких конференций, посвященных учению о Церкви, о человеке, о таинствах, эсхатологии и другим темам. Они очень представительные и весьма содержательные. Кроме того, продуктивные богословские конференции ежегодно проводит Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Правда, догматические темы там звучат все реже и реже. Кроме того, конференции проводятся во многих епархиях, во многих духовных школах, и это приносит свои плоды.

— Какие исследования ведутся в области догматического богословия сегодня?

— Это сложный вопрос. Знаю, что есть труженики, которые самостоятельно что-то пишут, но, покуда плод не созрел, стараются понапрасну не трубить о своих результатах. Если говорить о коллективной богословской работе, самым крупным проектом в наши дни является создание нового катехизиса Русской Православной Церкви. На Архиерейском Соборе в 2008 году было принято соответствующее решение, и Синодальная библейско-богословская комиссия начала эту деятельность. Уже прошло несколько подготовительных заседаний, и будем надеяться, что данный проект будет соответствовать самым высоким требованиям. Необходимость в таком катехизисе действительно существует. Кроме того, коллективная богословская работа ведется в центре «Православная энциклопедия». Очевидно, что в процессе создания замечательного многотомного труда приходится заниматься и разработкой догматических тем. Наверняка есть и другие коллективы, которые трудятся в данной сфере, но мне о них мало что известно.

— Семинаристы пишут по вашему предмету довольно большое количество научных работ. Какие темы они выбирают? Как вы оцениваете актуальность студенческих исследований?

— Все зависит от того, на каком курсе студент берется за тему по догматике. Если на третьем, то здесь я стараюсь предложить тему, интересную для семинариста, но достаточно общую, чтобы он смог освоить метод догматических рассуждений. То есть разобраться, как формулируется тема, определения, как обосновываются основные

У Плащаницы

святоотеческие мысли, как опровергаются известные ереси и заблуждения. Если по ходу работы семинарист удачно решает эти задачи и действительно осваивает основные принципы догматической работы, то на последующих курсах ему можно уже предоставить тему, которая бы его глубоко волновала и давала пространство для личных рассуждений. Если же и здесь он проявит достаточное усердие и произведет качественное исследование, то тогда можно приступать и к написанию дипломной работы, которая будет иметь выход, и весьма актуальный, то есть отвечать на насущные вопросы, а таких вопросов в догматической сфере очень много и они чрезвычайно объемные. Если говорить о них в общем, нужно назвать сотериологию, экклезиологию, сакраментологию и антропологию.

— Отец Вадим, что бы вы пожелали студентам, заканчивающим курс догматического богословия?

— Желаю, чтобы все мы имели глубокую веру в Господа нашего Иисуса Христа, в истинность Его слов и Его подвига. Желаю, чтобы все мы осознали в должной мере, что догматическое учение Церкви — это великое сокровище, которое, по милости Божией, оказалось доступным для нас. Поэтому у нас есть огромные возможности для достижения радостной жизни с Богом. Но, с другой стороны, бесценный дар накладывает на нас и великую ответственность. Если мы не сохраним это сокровище, если мы не воспользуемся им должным образом или, не дай Бог, повредим, то спрос с нас будет очень и очень строгий.

«Знание церковного искусства необходимо священнику»

Доцент Олег Викторович Стародубцев

Олег Викторович, когда стали в России изучать церковное искусство и с какого времени в духовных школах преподается церковное искусство как учебный предмет?

— Любая учебная дисциплина, конечно же, является лишь частью достаточно большой и сложной науки. Так, церковная археология и церковное искусство являются частью археологии в целом.

Интерес к археологии возник на Западе в XVIII веке и был связан с раскопками легендарных городов Помпеи и Геркуланума. В России археология как наука начала зарождаться в начале XIX века. Основателем русской церковной археологии можно по праву назвать замечательного иерарха Русской Церкви Киевского митрополита Евгения (Болховитинова). Он один из первых провел научные раскопки древнейшего Десятинного храма в Киеве. А научный термин «церковная археология» впервые был использован в 1829 году иеромонахом Иоанникием (Вертинским) в одном из его трудов по описанию памятников древнего Киева. К середине XIX века интерес к национальным древностям возрастает. Связано это было с тем, что в сознании общества пробудился интерес к вековым традициям России, культуре наших предков, ведь в XVIII столетии стали забывать свою культуру и грезить в чужими западными образами и традициями.

В этот период начинается изучение многих древних памятников, и интерес к этой области истории значительно возрастает. Уже в 1869 году новым уставом духовных академий в учебную программу впервые был введен курс церковной археологии, и первоначально он преподавался в рамках литургического богословия. Почему? Ответ простой. Потому что разделить две эти учебные дисциплины было достаточно сложно. Поскольку все, что связано с древними памятниками, с историей, традицией, вещественными памятниками Церкви, все это является частью общей литургической

жизни. Архитектурные памятники, иконопись, фрески изучались в контексте литургической традиции, наглядно демонстрируя живую традицию Церкви.

Церковная археология как научная дисциплина быстро развивалась, и в 1911 году, по определению Синода, в духовных академиях было произведено разделение на две отдельные дисциплины: историческую литургику и церковную археологию — уложить все в один курс было уже невозможно.

К 1917 году церковная археология прошла уже достаточно большой путь и приобрела огромный практический и научный опыт. В этой области работали замечательные богословы, историки, искусствоведы: И.Д. Мансветов, Н.Ф. Красносельцев, А.А. Дмитриевский, А.П. Голубцов, архиепископ Сергий (Спасский), И.Э. Грабарь и др.

Наступило время практиков. Стоит вспомнить замечательного архитектора Александра Щусева, который проводил уникальные археологические раскопки, восстанавливал памятники древности. Среди них храм святителя Василия в Овруче — храм, который несколько столетий пролежал в развалинах после татаро-монгольского нашествия. А. Щусевым были проведены его раскопки, к моменту их начала место, где ранее возвышалась церковь святителя Василия, практически заросло лесом, однако, несмотря на все трудности, храм был восстановлен. Много и успешно работал А. Щусев и в других древних городах: в Чернигове, Киеве...

В целом в конце XIX — начале XX веков на поприще церковного искусства и археологии трудился целый ряд замечательных ученых и специалистов своего дела.

Указом Святейшего Синода в 1915 году было принято решение о преподавании церковного искусства как отдельного предмета во всех семинариях, однако этому решению в силу исторических причин так и не суждено было исполниться. Самостоятельным предметом церковное искусство стало только в 1993 году, когда решением Совета Московской духовной академии в семинарский курс была введена новая дисциплина — церковное искусство. В 1996 году увидел свет указ Священного Синода, предписывавший введение церковного искусства в учебные курсы всех без исключения семинарий Московского Патриархата.

— Что вы можете сказать об изучении церковного искусства в советский период?

— После революции 1917 года, понятно, церковное искусство и все, что с ним связано, было объявлено чуждым и не нужным. Прекратились научные экспедиции в старинные русские города, остановились раскопки и изучение древнерусских церковных памятников. Более того, было уничтожено огромное количество памятников. Вспомним хотя бы судьбу московских храмов.

Реставрационные мастерские были закрыты и возобновили свои работы только в конце 1930-х годов, при Третьяковской галерее. И исходя уже из новой политической конъюнктуры, в конце 1930-х годов было принято решение о проведении первых экспедиций. Это были формальные, конечно, экспедиции, в такие древние города, как Новгород, Владимир, — для того, чтобы показать мировой общественности, что советское правительство помнит и заботится о памятниках древности.

Промысл Божий видится в том, что эти экспедиции, например в Великий Новгород, были организованы перед войной. Их материалы чрезвычайно помогли потом восстановлению памятников, потому что Новгород во время войны был практически полностью разрушен. В донесении Гитлеру один из генералов писал, что «Новгорода нет и больше никогда не будет». А ведь Новгород был городом, который никогда не подвергался никаким нашествиям, никогда не был в руках врагов. И вот оказался в таком положении! Огромное количество разрушений было в Киеве, Чернигове, Смоленске. Вспомним хотя бы великую Успенскую церковь в Киеве. Какой это был памятник!..

Так что собранный во время первых экспедиций научный материал помог в восстановлении некоторых из разрушенных памятников. Но справедливости ради стоит отметить, что сейчас в окрестностях Новгорода не один десяток храмов до сих пор лежит в развалинах.

А непосредственно в послевоенный период история церковного искусства и археология как наука поддерживались трудами преподавателей Московской духовной академии — трудами протоиерея Алексия Остапова, Марии Николаевны Соколовой, трудами тех, кто действительно радел об искусстве и по крупицам восстанавливал растраченное, уничтоженное

в годы гонений. Отцом Алексием было составлено большое количество воспоминаний, написано множество статей — и все это хранится сейчас в академической библиотеке. Конечно, в машинописном варианте: из его трудов почти ничего не опубликовано, кроме маленькой тоненькой книжки «Пастырская эстетика».

В 1970–1990-е годы в целом интерес к церковному искусству несказанно возрос, и опять-таки благодаря политической конъюнктуре. Так называемое «Золотое кольцо России» — это экскурсии, иностранцы, это интерес к русской иконе. Из запасников музеев доставались старинные вещи, которые раньше не принято было показывать. В этот период выпускалось большое количество хорошо иллюстрированной литературы по русскому искусству. Но альбомы-то были изданы, а комментарии к ним, конечно, были написаны в духе советского времени с марксистско-ленинским подходом. Тогда трудились замечательные искусствоведы, которые вынуждены были всю свою работу подгонять под такую позицию. Поэтому только в конце 1990-х годов и в начале XXI века начали появляться некоторые работы, свободные от политического давления. И это важно, потому что церковное искусство не может быть правильно понимаемо вне литургической жизни Церкви.

— Как получилось, что вы стали преподавать церковное искусство? Кто являлся вашим наставником и вдохновителем на данном пути?

— У меня было достаточно неплохое по советским временам образование: я закончил с отличием Кировское художественное училище им. Александра Рылова, получил диплом преподавателя рисования и живописи и целевое направление в Суриковский институт, но ушел в армию. Сейчас я понимаю, что мне очень повезло, потому что моими преподавателями были замечательные живописцы, заслуженные и народные художники. Такие, как бывший фронтовик, заслуженный художник Петр Савич Вершигоров, народный художник России Александр Иванович Веприков, народный художник России Александр Александрович Юмогулов, замечательный, просто блестящий педагог Евгений Александрович Гришин. Были очень сильные преподаватели, и я, как мне кажется, получил достаточно хорошее практическое художественное образование. Моей дипломной работой была картина на религиозную тему, что, в общем-то, в те советские времена было достаточно опасным делом. Многие отговаривали. Мне было очень нелегко, потому что консультации приходилось получать большей частью от духовенства. Здесь я не могу не вспомнить замечательного человека и знатока церковного искусства протоиерея Геннадия Сухарева. Он помогал мне во многом, и помощь его неоценима. Отец Геннадий заканчивал Московскую духовную академию, и ему посчастливилось в числе своих преподавателей иметь замечательного наставника в области церковного искусства — монахиню Марию Николаевну Соколову. Она учила его реставрации, иконописи, правильному пониманию церковного искусства, а он по возможности передавал этот опыт мне. В моем случае художественная и богословская база были заложены с молодости этими замечательными людьми.

— Вами был написан курс лекций по церковному искусству. Расскажите, пожалуйста, об этой работе.

На занятиях

— Необходимость подобной работы давно назрела. В 1975 году скончался профессор Московской духовной академии протоиерей Алексий Остапов, и фактически все работы по изучению церковного искусства в церковной среде с его смертью прекратились. Были какие-то отдельные попытки что-то написать, но серьезно никто этим вопросом не занимался. Отчасти причиной этому явилось привитое еще советским режимом ложное представление о том, что священник должен быть «условно грамотным»: мол, наука и культура ему не нужны, он должен знать требы, а разбираться в искусстве уже лишнее. В итоге курсы по церковному искусству были непопулярны, и никто по этой теме ничего не писал. Вот почему я попытался по возможности продолжить труды профессора нашей академии протоиерея Алексия Остапова и сохранить преемство, на котором собственно и зиждется православная традиция. Труд, который мною составлен, так и был надписан: «Светлой памяти протоиерея Алексия Остапова посвящается». Мне хочется верить, что этот труд можно считать

продолжением трудов отца Алексия в области изучения церковного искусства. Он был человеком энциклопедических знаний, хорошо ориентировался в искусстве, любил его и много потрудился для создания Церковно-археологического кабинета академии. А моя работа была начата по благословению ректора академии архиепископа Евгения (Решетникова), в то время я был еще студентом. Актуальность в этой области не пропала и с выходом моей книги, и мне видится много проблем, которые еще нужно решать.

Фреска собора Сретенского монастыря

— Что в наше время входит в систему изучения церковного искусства?

— В систему изучения церковного искусства входят те же самые аспекты, что и в изучение любой другой дисциплины. Это, во-первых, историческая канва и богословский аспект, то есть изучение основных моментов той или иной исторической ситуации, тех или иных исторических традиций. И главная задача этого предмета — по возможности дать студенту общее представление как о раннем христианском искусстве, так и об искусстве современном. Разбираться в каких-то тонкостях и деталях очень сложно, потому что это отдельный предмет, которым можно заниматься долгие годы и в конечном итоге всего не познать. Поэтому все-таки главная задача — указать на основные тенденции развития в историческом контексте.

— Какое место отводится церковному искусству в ряду других дисциплин, преподаваемых в духовной школе? Достаточно ли времени уделяется ему?

— По-моему, нет такого преподавателя, который бы сказал, что на его предмет как раз хватает времени и он доволен, будь это изучение Священного Писания или церковного пения. Так не будет никогда, ведь каждый преподаватель в силу того, что он любит свой предмет, конечно, будет говорить, что времени катастрофически не хватает. И в данном случае я могу сказать то же самое: у меня не хватает времени, а церковное искусство — самый важный предмет.

Но я отвечу чуть-чуть по-другому. Давайте посмотрим на эту ситуацию в историческом контексте. Ведь 20–25 лет назад для того, кто оканчивал духовные школы, в общем-то, главной задачей, которую он ставил перед собой или перед ним могли поставить, было хорошее требоисполнение. Значит, он должен был изучать то, что прежде всего необходимо, а все остальное было уже на втором плане. Если посмотреть на ситуацию 10–15-летней давности, то от священнослужителя уже требовалось, опять-таки, хорошее знание литургической практики, но и умение проповедовать, общаться с людьми, то есть ситуация несколько меняется: священник становится уже более востребованным

обществом, он чаще идет на контакт с разными по уровню образования людьми, и от него требуется уже значительно больше. Если же говорить о ситуации сегодняшнего и завтрашнего дня, то предыдущего опыта будет уже мало. Потому что современный человек, закончивший семинарию, должен быть не только человеком глубоко верующим, знающим историю, догматическую и литургическую жизнь Церкви. Он должен уметь общаться, говорить и проповедовать в любой аудитории, на любом уровне, но, кроме того, он должен, вернее — уже обязан разбираться и в церковном искусстве, и в пении, и вообще во всех аспектах жизни современного человека. И не знать церковного искусства, не уметь объяснить или, по крайней мере, обосновать ту или иную позицию, уже будет неправильным.

Надо учитывать особенности современного общества и интересов современного человека. Современная молодежь — интересующаяся, пытливая, но те знания, которые получают молодые люди сегодня, к сожалению, во многом не отличаются систематичностью и глубиной. Поэтому современному священнику необходимо знать значительно больше, и знания его должны быть как можно более основательными, чтобы он мог вести достойные диалог и проповедь. Во всех областях и аспектах церковной науки священник обязан обладать серьезным интеллектуальным багажом, а церковное искусство, в данном случае, как выразительный образный язык Церкви должно быть понято, освоено на высоком уровне наравне с другими богословскими предметами. Поэтому в современных условиях церковное искусство является тем предметом, который свидетельствует о высоком уровне будущего священнослужителя.

— В чем сложность изучения предмета? Какие самые трудные темы при изучении церковного искусства встречаются на пути студентов?

— Проблема все та же — нехватка времени. Потому что даже по тому учебному пособию, которое мною было составлено, предполагается, что хоть какие-то темы студенты будут познавать самостоятельно. Но порой это оказывается не всегда решаемым вопросом, поскольку часто студенты говорят мне, например, что значительно интересней слушать рассказ преподавателя, чем читать то, что им же, впрочем, и было написано. Кроме Сретенской духовной семинарии и Московской духовной академии, я читаю лекции в одном из государственных вузов, и там ситуация сходная. Необходимо заметить, что высшее светское образование стоит на пути новых реформ. Одна из задач реформы — перевести студентов на самостоятельную работу по изучению теоретического материала — до 70% и только 30% — работа в аудитории с преподавателем. Мне кажется, что на современном этапе в отношении семинаристов уже можно применить такую систему, а вот студенты светских вузов пока к этому не готовы.

Сложные темы, конечно, есть, к таковым, например, можно отнести то, что связано с богословием иконы или с системой убранства храма, однако для семинаристов, которые все это познают опытно на богослужении, не бывает сложных тем, так как они знают жизнь Церкви, им многое понятно.

— Как, с вашей точки зрения, необходимо преподавать церковное искусство сегодня?

— Как надо преподавать? Хорошо надо преподавать. У меня лично проблема только одна, и, наверное, это проблема многих преподавателей — наглядность. Студент на лекциях по церковному искусству должен видеть много хороших памятников. Это значит, что должны быть репродукции, и современные технологии позволяют просматривать всевозможные видео-файлы. Студент должен знать памятники, не просто слышать о них, а видеть их и, по возможности, как можно больше. Чтобы эти памятники и произведения церковного искусства запомнились зрительно. Понятно, что все запомнить невозможно, но, по крайней мере, у аудитории должно остаться впечатление от действительно достойных памятников церковного искусства. Поэтому для меня самая большая проблема носит чисто технический характер. На лекции нужно рассказывать и одновременно показывать, а времени, как правило, не хватает. Но я глубоко убежден, что зрительное восприятие должно иметь место, потому что искусство в первую очередь запоминается зрительно.

— Существует ли связь между археологией и искусствоведением?

— Хороший вопрос, хитрый. Почему хитрый? Потому что церковная археология и церковное

искусство — это часть жизни Церкви. А искусствоведение — это то, что извне соприкасается с жизнью Церкви. Искусствоведение — это, в общем-то, предмет широкого познания, общих позиций, общих культурологических определений, там все хорошо и все полезно. В современных условиях, я думаю, эти две дисциплины как две позиции имеют место быть и часто соприкасаются. Но все-таки путать церковное искусство с вещами более широкого плана нельзя, чтобы не произошло волей или неволей подмены понятий. Поэтому я еще раз отмечу, что церковное искусство — это не украшательство, не внешняя прикраса. Это догматический язык Церкви, который имеет свое значение во всем: в деталях, фрагментах, нюансах, здесь не может быть ничего случайного. А искусствоведение в целом — это такой предмет, в котором можно достаточно легко себя чувствовать, можно говорить, размышлять, философствовать, говорить такие фразы, как «нравится» или «не нравится», «красиво» или «не красиво», а вот в Церкви этого нет. В Церкви все должно быть правильно, догматически верно и исторически обоснованно — в этом-то и заключается цель церковного искусства в первую очередь. Вот в чем их разница.

— Как происходило становление славянской культуры? Какие факторы влияли на нее? И каковы были последствия монголо-татарского нашествия?

— Об этом я говорю в своем курсе лекций.

Я помню выступление известного, ныне покойного, академика Д.С. Лихачева: одна его фраза навсегда определила мое отношение к нему. Он сказал, что «если бы не христианство, то мы бы не потеряли своеобразную славянскую культуру». Он утверждал и был убежден в том, что именно христианство уничтожило самобытную славянскую культуру. Но я бы хотел напомнить об истории: в ней просматривается, как все было на самом деле. Если обратить внимание на традицию византийской империи, то можно увидеть, что те народы, которые просвещались светом христианской истины, никогда не порабощались общими идеями великой державы, всегда сохраняли свои традиции и культурные особенности. Вот простой пример: вспомним равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия. Они перевели на славянский язык слово Божие, тем самым дав национальную славянскую письменность.

Пасха Христова

Иная ситуация была в западной традиции, когда насаждалось исключительно позиция Рима, будь то язык или культура. Поэтому в этом случае мы от Византии приняли просвещение, и при этом славянская культура не была уничтожена христианством, она, наоборот, как раз была приумножена в христианской среде и раскрыла свою самобытность. О чем говорить, когда до принятия христианства на Руси не было каменного строительства, монументальной живописи, фресок, иконописи тоже не было. Что было в славянской культуре? Только мелкое ювелирное творчество, оружейное дело, глиняное и гончарное дело — и все. А где все остальное? А вот как раз христианская культура была той самой золотой почвой, на которой христианизированная славянская культура и выросла.

Существует мнение, и это утверждают многие историки, будто татаро-монгольское нашествие сломило русское, славянское самосознание. Неправда, не верю, потому что мы

видим именно в этот тяжелый период новгородские иконы, и эти иконы торжественны и праздничны. Да, были проблемы с поставкой, допустим, сусального золота и прочих дорогих минералов, которые привозили из Византии. Да, были нарушены торговые пути, но вспомните ростовские краснофонные иконы — цвета победы! Нигде мы не видим сумрачных образов, не видим упаднического настроения. Почему? Потому что так, упаднически, христиане не жили, они всегда жили с Богом, видели в Нем свою надежду, на Него полагали свое упование.

Больше всего мы потеряли, пожалуй, в XVIII веке. Когда пришла западная традиция, эпоха классицизма. Но как быстро русское самосознание смогло определиться, понять и создать свои величественные памятники! Казанский собор... Уже лучше построить нельзя! А ведь нужны были русскому человеку какие-то 20–30 лет, чтобы понять, осознать систему своей эпохи. И создать такие памятники церковного искусства, что представить-то лучше и нельзя. А Западу, к примеру, для этого нужно было 200–300 лет. Стоит вспомнить и Императорскую академию художеств, в которой только первые 20 лет преподавали западные мастера. А уже с конца 90-х годов XVIII века там преподают исключительно русские. Эта школа действительно стала Императорской академией, о которой, к сожалению, мы не очень много знаем. А выходили оттуда в основном церковные живописцы, которые работали над убранством храмов, обителей, написанием икон, и это сотни имен. Причем все они, как правило, заканчивали с золотой или серебряной медалью, это были профессионалы высочайшего уровня, и они работали в Церкви, хотя и в иных творческих традициях.

— Расскажите, пожалуйста, о деятельности Церковно-археологического кабинета при МДА.

— Церковно-археологический кабинет был организован еще до революции 1917 года. Когда-то академии были подарены два портрета императрицы Екатерины II. Постепенно к этим портретам стали прибавляться другие произведения. А, как я уже говорил, с середины 60-х годов XIX века археология была введена в учебный курс академии, и в это время и появляется кабинет — помещение, в котором хранились памятники древности: они служили наглядным материалом при изучении археологии. К 1917 году в кабинете была собрана огромная коллекция всевозможных древностей. После революции 1917 года колоссальный по богатству музей, хранивший древние церковные рукописи, памятники древности, иконы и прочее, был закрыт. После закрытия лавры и академии все хранившееся в Церковно-археологическом кабинете было описано, уложено в ящики и вывезено. Поэтому в настоящее время ни одного экспоната из сокровищницы старой академии не сохранилось.

— А известно, куда все это было увезено?

— Ящики из академии перевезли в здание бывшей ризницы, которую реорганизовали в музей на территории лавры. Но в описях музея сокровища археологического кабинета так и не были зафиксированы. Вероятно, все было украдено.

Вторая жизнь Церковно-археологического кабинета начинается после 1947 года, когда академия вновь возвращается в Лавру. Тогда это было разрушенное помещение, пустая библиотека. Не было ничего. В «Журнале Московской Патриархии» была помещена небольшая заметка о том, что если у кого-то есть какие-нибудь вещи для пожертвования, особенно книги, то МДА в этом очень нуждается. И эта маленькая заметка оказалась тем кличем, который был услышан всеми православными в те сложные времена, когда и слово было страшно произнести. Люди начали жертвовать в первую очередь книги, и именно в этот период наша библиотека была собрана вновь — ни одной книги со штемпелем МДА до революции 1917 года в ней нет, все было собрано вновь из пожертвований. Точно так же собирался и Церковно-археологический кабинет. У основания его стоял епископ Сергий (Голубцов), а впоследствии протоиерей Алексий Остапов, профессор академии, долгие годы преподававший здесь, и Мария Николаевна Соколова, с которой они вместе работали и собирали этот музей. В тот период часто бывал в академии патриарх Алексий I. Он жертвовал многие вещи из того, что дарили ему, и давал средства на покупку предметов старины в антикварных магазинах и на рынках. Все, что только можно было купить в этот период, покупалось. Надо помнить, что покупались не

только произведения церковного искусства. Приобретались и полотна таких известных русских живописцев, как В.В. Верещагин, И.И. Шишкин, есть полотна известного пейзажиста И.И. Левитана. Задача музея — воссоздание для будущего пастыря общей картины культуры, среды, в которой человек должен расти. Поэтому эти произведения до сих пор висят у нас в академии, в аудиториях и актовых залах. Они сопровождают семинаристов с первого дня обучения до последнего. Он живет в среде этих полотен известных живописцев. Такое окружение имеет большое воспитательное значение, потому что благодаря этому формируется цельное восприятие как таковое.

В 1971 году решением Совета академии музей стал именоваться Церковно-археологическим кабинетом имени Святейшего Патриарха Алексия (Симанского). Сейчас он является крупнейшим церковным музеем. Подобные музеи, я знаю, организуются и в других учебных заведениях, но этот — самый крупный. ЦАК в первую очередь имеет значение учебного кабинета, встроенного в систему обучения в МДА. Сюда, в залы этого музея, приходят студенты для того, чтобы восполнить лекции по археологии, ведь там есть макеты древних храмов, то, что необходимо увидеть непосредственно, как оно было. Сюда приходят студенты иконописной школы, здесь, в этих же залах, они копируют древние иконы, которые им необходимо знать и видеть. Так что кабинет — это часть учебного процесса. А второе его назначение — просветительство: здесь проводятся экскурсии для студентов, школьников, групп взрослых людей.

Сейчас ЦАК имеет огромные запасники, и то, что выставлено в залах, лишь малая часть его сокровищ.

— Где в настоящее время готовят специалистов, способных работать в сфере церковного искусства?

— Таких специалистов и в старые времена было немного, и теперь не больше. Где готовят специалистов? Отвечу, что в Сретенской духовной семинарии. Я рад, что стали появляться пока по одному, да и не каждый год, но очень серьезные молодые люди (не буду называть их имена), которые действительно разбираются в церковном искусстве и пишут уже серьезные научные работы в этой области. И это люди, не испорченные советской идеологией. Наверняка, и в других семинариях и академиях такие люди появляются.

— Олег Викторович, с вашей точки зрения, какие произведения церковного искусства наиболее ценны?

— Главным шедевром церковного искусства для нас остается Владимирская икона Божией Матери. Это святыня государства Российского, хранительница нашего народа. Ныне она по-прежнему пребывает все в том же промежуточном положении: между историческим своим местом, у царских врат Успенского собора Московского Кремля, и музеем, хотя и при храме святителя Николая. Я помню, сколько было переговоров при почившем патриархе с российским правительством о передаче иконы, чтобы вернуть ее на ее историческое место, и сколько последовало возражений, что там не тот климат, хотя там, в соборе — музей и в нем прекрасный климат. Ведь в нем хранятся такие древние памятники, как работы Дионисия и более ранних мастеров, но почему-то эта икона туда не возвращается. Другая святыня — Остромирово Евангелие — тоже хранится в музее. Нельзя не вспомнить такой памятник, как Троица преподобного Андрея Рублева. Святынь и шедевров церковного искусства на русской земле достаточно. Вот недавно привозилась в Россию чудотворная Курская-Коренная икона Божией Матери.

Но верующий человек в любом случае будет подходить даже к самому древнему памятнику церковного искусства не как к шедевру, а, прежде всего, как к великой святыне. Потому что шедевры — это по большой части для светских людей, они воспринимают их так. И начинают допытываться: как же так, вот ведь Владимирская икона Божией Матери была написана в более позднее время, чем вы говорите. И мы, православные, должны засомневаться в том, что написал ее евангелист Лука! Но для православных ценен и список: например, Казанская икона Божией Матери утрачена, а списков с нее огромное множество, и многие из них почитаются как чудотворные. Господь посылает через эти иконы Свою милость — вот что значимо! «По вере вашей да будет вам».

— Что вы можете сказать о культурно-историческом наследии Сретенского монастыря?

— Прежде всего, я бы хотел сказать о храме. Я помню начало 1990-х годов, когда этот храм был еще приходским. Впервые, помню, в него

На пасхальном богослужении

привезли Владимирскую икону Божией Матери в 1996 году. Тогда еще в иконостасе храма был один ряд икон. Храм тогда был в очень плохом состоянии, ему требовалась реставрация. Но собор Сретенского монастыря как раз является положительным примером бережного отношения к памятнику церковного искусства. Эти мои слови относятся и к тому, что в нем сохранилось, и к тому, как восполняется храм новыми элементами убранства внутри и с внешней его стороны. Была проведена колоссальная реставрация живописного убранства храма. И сейчас мы видим, как этот храм внутренне гармоничен. Я помню, старое паникадило было заменено на хорос, и, по моему мнению, такое решение оказалось наиболее удачным.

Поиск ведется по крупицам, когда собираются вещи, гармонично отвечающие всему строю храма, чтобы не разрушить того, что было сохранено внутри веками. Поэтому пример Владимирского собора обители в плане сохранения исторического наследия является самым позитивным. Я также помню, какие были сомнения, когда по благословению Святейшего Патриарха наместник монастыря архимандрит Тихон (Шевкунов) решил пристроить галерею. Светские специалисты были против, утверждали, что пристройка нарушит древний облик храма. А где же они были, когда все это превращалось в развалины? Но у меня всегда было большое доверие к архимандриту Тихону: если он взялся что-то делать, то сделает точно и правильно. И когда комплекс был закончен, вот с этой звонницей новой, — посмотрите — ни одной случайной детали не оказалось, все встало на свои места четко, гармонично, выдержан единый общий ансамбль древнего храма. Задача выполнена, и выполнена блестяще. Вот если бы все памятники так восстанавливались — с таким профессиональным чутьем! — то не было бы в современном церковном искусстве многих ляпов и казусов. Вот здесь есть чему поучиться, с чего взять пример. У кого не хватает опыта — пожалуйста, приходите, смотрите и учитесь. Но не надо забывать, что делается это не в один момент, а за годы... Идет постепенное украшение иконостаса, алтарной части, строятся галереи. Потом снова идет дополнение храма, появляются киоты, и все это делается медленно и очень аккуратно. А мы сейчас привыкли по-другому: нам надо все и сразу, вот раз — и все сразу блестит, переливается «софринской» позолотой. А вскоре все это начинает выцветать и портиться. Такой подход, когда все быстро, не совсем правильный, нужно все делать спокойно и трезво. Вкладывать средства надо в благое дело, а не в дорогие вещи. А в храме Божием должны быть вещи высокого духовного вкуса, ведь Богу всегда приносится лучшее.

О преподавании древнегреческого языка

Доцент Надежда Касимовна Малинаускене

Надежда Касимовна, для чего в духовных школах изучают классические языки, в частности древнегреческий?

— Для семинаристов древние языки — это языки Священного Писания и Священного Предания. Никакой, даже самый лучший перевод, никогда не заменит оригинала, потому что нет ни одного языка, система смыслов которого полностью совпадала бы с системой смыслов другого. Поэтому знакомство с текстами христианской традиции в оригинале способствует более глубокому их пониманию, дает возможность вникнуть в имеющиеся комментарии, оценить существующие переводы. Даже после краткого вводного курса древнегреческого языка семинаристы могут осмысленно читать богослужебные тексты, заучивать наизусть молитвы с полным осознанием каждого слова. Более понятными для них становятся богословские термины, церковные звания, слова, обозначающие предметы церковного обихода, христианские имена.

Но для семинаристов, как и для любого современного человека, важно взять из нашего курса и другое. Прежде всего это расширение общего гуманитарного образования на основе учебных, а потом и оригинальных текстов светского характера, связанных с античной культурой. Знакомство с ними необходимо для понимания пути не только европейской культуры вообще, но также и святоотеческой традиции. Ведь ее представители получили основательное образование и постоянно использовали античное наследие в своих трудах. Знание истоков нашей культуры «из первых рук», а порой и умение процитировать наизусть того или иного автора на языке оригинала дает уверенность в аргументации в любой дискуссии.

В процессе изучения древнегреческого языка и латыни появляется более глубокое осмысление родного языка и его истории, становятся очевидными общности, влияния и прямые

заимствования из классических языков, повышается грамотность, формируется также умение видеть аналогии и заимствования в современных западных языках. Особенно это важно для понимания богословской, научной терминологии, международной лексики.

При изучении классических языков античности полезно привлекать аналогии с родным языком. При этом у студентов появляется желание, а со временем и умение распознавать в русском языке античное наследие, а также видеть то общее, что генетически роднит его с языками древности. Мне уже доводилось высказываться в одной публикации, что не только факты русского языка помогают усваивать древние языки, но и данные древних языков позволяют взглянуть на родной язык другими глазами, осознать, осмыслить то, на что мы обычно просто не обращаем внимания. Тогда становятся видимыми те нити, которые пронизывают все уровни этих языков как языков индоевропейской структуры, а также те, которые связывают русский язык с классическими языками на протяжении всей истории его развития. Становится очевидным как прямое влияние античности, так и ее путь в Россию через западноевропейскую и византийскую культуру. Многое на первый взгляд непонятное и чужое становится понятным и своим.

Усвоение грамматической структуры древнего языка, необходимость учитывать комплекс факторов при определении той или иной грамматической формы, навыки анализа древнего текста, умение выбрать нужный именно в данном контексте вариант или предложить несколько возможных вариантов развивает логическое мышление, «структурирует мозги». В современной педагогике это называют гносеологическим подходом к образованию. Сам процесс изучения древних языков содействует развитию всех интеллектуальных и духовных способностей учащихся, формированию научного мышления, вырабатывает навыки самостоятельного анализа, стимулирует научное творчество.

Заучивание слов и словоформ в письменном виде, тщательность при анализе текста вырабатывает внимательность, тренирует память. Такая «гимнастика ума» требует немалых усилий, формируя «привычку к труду благородную».

Точные науки ориентируют, как правило, на однозначное решение задач, работа же с древними текстами готовит к жизни среди людей, где тоже нужно учитывать множество разных обстоятельств и далеко не каждая ситуация имеет единственное решение. По мысли профессора Санкт-Петербургского университета Фаддея Францевича Зелинского, изучение древних языков, особенно метод филологической интерпретации, допускающий возникновение разных точек зрения, отстаивание их в дискуссии, воспитывает способность к переубеждению. А это имеет учебно-нравственное значение. Он также подчеркивал, что наука, стремясь к объективному установлению истины, не делает человека нравственнее, нравственный элемент науки и учения заключается в пути к этой истине, усилии, необходимом для ее достижения. Полемизируя со сторонниками упрощения программ, он назвал легкую школу «социальным преступлением».

Почти через сто лет после Зелинского нравственное значение гуманитарных наук и изучения классических языков отмечал в интервью о классическом образовании ректор знаменитого «физтеха» Николай Васильевич Карлов. Цель введения в этом вузе дисциплин гуманитарного цикла он видел в необходимости показать студентам, что, кроме технократического способа мышления, существует и другой, ориентированный на человека, поскольку гуманитарно неразвитый профессионал становится опасным.

Общегуманитарное значение классического образования не всегда можно оценить словами о пользе, прагматическом его применении. Оно может проявиться незаметно, подспудно, через много лет: в умении использовать выработанные мыслительные навыки в другой области, или в любознательности, стремлении к неутилитарному знанию, что вообще отличает человека и приводит его к открытиям в фундаментальных науках, или просто в чувстве причастности к человеческой истории и к ее вечным проблемам.

— Как Вы строите преподавание древнегреческого языка?

Вполне традиционно. Стараюсь делать так, как учили нас. В университетские годы все, что мы делали в аудитории, представлялось вполне естественным и единственно возможным. Только с годами пришло понимание, что у нас были очень хорошие учителя и что далеко не везде так работают со студентами, как это было тогда. Досконально, требовательно, но не формально, с увлечением и по-человечески. Очень важно любить свой предмет, самому быть в нем заинтересованным и компетентным. Все остальное делается в зависимости от аудитории и от ситуации. Я хочу научить каждого

Причащение мирян на Пасху

тому, что он может и хочет взять по своим способностям и интересам.

Преподавание письменного языка имеет свои особенности по сравнению с методиками современных языков. Здесь не место говорить о них подробно, это дело специальных разработок. Студенты должны понять, что классические языки не мертвые, как иногда их называют, а живее живых. Новые языки актуальны, наши языки — вечны. Обязательно надо произносить формы и читать тексты вслух и в классической, и в византийской традиции, желательно по нескольку раз. Нигде больше мы этого звучания не слышим. Обязательно объяснять новый материал и обсуждать его на следующем занятии, чтобы привыкнуть к грамотным формулировкам и лингвистической терминологии. Тщательно анализировать любой текст с вниманием к каждой форме. Скрупулезно заучивать слова со всеми диакритиками. По возможности больше заучивать наизусть. Это «школа», это трудоемкое и даже утомительное, но обязательное для качественного обучения дело. И все это принесет свои плоды.

Надо приучить студентов, что не стыдно чего-то не знать, стыдно — не хотеть знать. Настроить аудиторию на диалог, без вопросов слушателей скучно работать. Задавать им вопросы по ходу объяснения нового материала, чтобы хоть частично они сами доходили до его понимания, а не все разжевывать. Учить думать, иногда вместе размышлять вслух. Люблю вопросы не совсем по теме занятия, но и общечеловеческого, общекультурного, иногда совсем неожиданного характера. Уверена: если сегодня не знаешь ответа на какой-то вопрос, нельзя о нем забыть, необходимо ответить в следующий раз.

А главное — надо любить свою аудиторию. Тогда она делает тебе неожиданные подарки: вопросы, которых не услышишь даже от специалиста-лингвиста (Иван Пиковский, теперь о. Ириней; Иван Хохлов), ответ, который за сообразительность можно оценить на 5 с плюсом (Женя Терехов, теперь о. Евгений), идеальная письменная работа, достойная такой же оценки за скорость выполнения (Костя Норкин, Артем Овчаренко), блестяще сданный на консультации без подготовки и в присутствии всего курса экзамен (Алеша Васильев

На пасхальном богослужении

согласился помочь мне наглядно показать, как он будет проходить), безукоризненно выученная, продуманная и прочувствованная молитва (многие!), многоголосие на прощание после экзамена.

Особенно приятно, что после увеличения количества часов на древнегреческий язык в нашей программе у семинаристов появились возможность и желание выбрать тему курсовой работы по древнегреческому языку. Конечно, это требует от студента больших дополнительных усилий: изучения грамматического материала, который не входит в программу семинарского курса, умения использовать словари греческого языка разных периодов, в том числе и на иностранных языках, овладения навыками работы с электронной версией греческого шрифта. А еще это требует огромного терпения. Тем не менее уже первый опыт подобной работы с послушником Алешей Вдовиным обнадеживает.

— До революции в России изучение классических языков входило в гимназическую и университетскую программу. Стоит ли нам вернуться к подобной ситуации?

В России классическое образование было предметом дискуссий и до революции. Были периоды его укрепления, удачного в большей или меньшей степени, были периоды его ослабления. В конце XIX века классические языки вводили и в женские гимназии, причем вполне успешно. На необходимости классического образования настаивал министр народного просвещения Дмитрий Андреевич Толстой. Это нашло отклик в стихотворении Алексея Константиновича Толстого «Портрет», назвавшего министра своим «омонимом» (омонимы — слова с разными значениями, имеющие одинаковое звучание), в данном случае — однофамильцем. Полностью разделяя позицию поэта, позволю себе привести это стихотворение целиком:

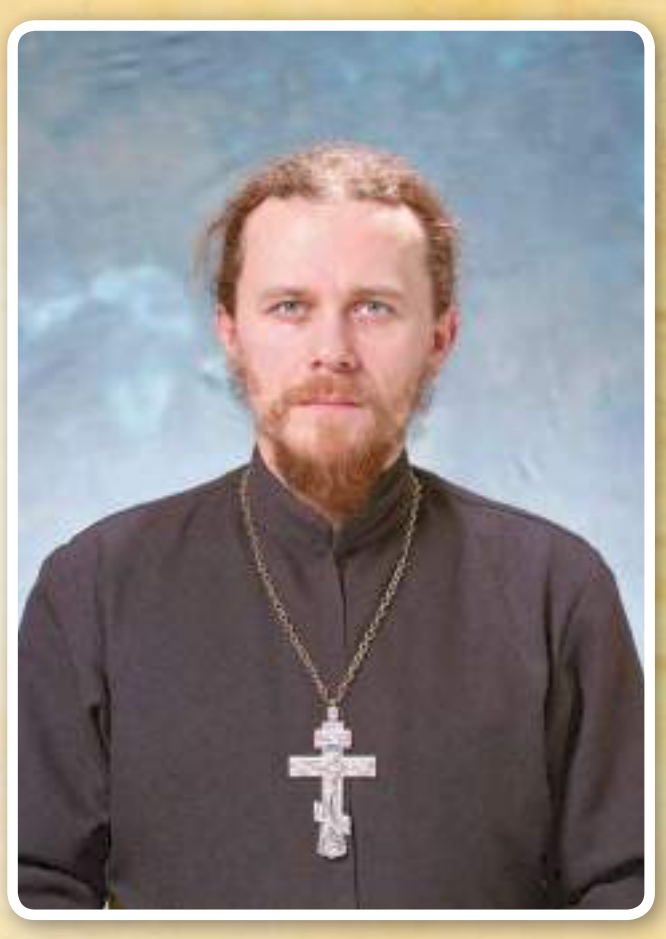
Я классик? Да, но до известной меры:
Я не хочу, чтоб росчерком пера
Принуждены все были землемеры,
Механики, купцы, кондуктора
Долбить Вергилия или Гомера.
Избави Бог, — теперь не та пора.
Для наших нужд и выгод матерьяльных
Побольше нам желаю школ реальных.
Но я скажу: не паровозов дым
И не реторты движут просвещенье.
Свою к нему способность изощрим
Лишь строгой мы гимнастикой мышленья.
И мне сдается: прав мой омоним,
Что классицизму дал он предпочтенье,
Которого так прочно тяжкий плуг
Взрывает новь под семена наук.

Именно такие люди, которые нацелены в дальнейшем на «семена наук», могут потянуть «тяжкий плуг» классического образования в школьные годы и продолжить свое уже достаточно прочное образование в любой области. Более глубоко изучение классических языков могут продолжать те, кто выбрал для себя направления, где это необходимо (например, филология, философия, богословие, история, юриспруденция).

Спасибо Марине Николаевне Славятинской, что она опубликовала стихотворение «Портрет» сначала в «Учебном пособии по древнегреческому языку» в 1988 г., а недавно в издании «Интеллектуальное образование и греко-латинская словесность в России» (2010 г.). Это издание Марина Николаевна передала в нашу библиотеку, поэтому семинаристы могут сами ознакомиться с нынешним положением в области классического образования. Из материалов книги становится понятно, насколько трудно возвращение к полноценному образованию, когда идет, как сказано в предисловии, «беспрецедентное сокращение программ по дисциплинам античного цикла» при полном непонимании их роли в воспитании «умов к самостоятельной, а не кнопочно-обеспеченной мыслительной деятельности».

Надеюсь, что заложенные в Семинарии основы, в том числе и по древним языкам, все наши выпускники сумеют развить в дальнейшем. Помощи Божией вам в ваших трудах!

«Нужно возвещать людям о свободе во Христе»



Иеромонах Никодим (Шматько)

Отец Никодим, расскажите, пожалуйста, немного о себе.

— Я родился в 1970 году. Это был советский период, когда Церковь испытывала на себе не гонения, но все же притеснения. Крестили меня по настоянию бабушки. Мои родители были невоцерковленными людьми, при этом назвать их неверующими нельзя. Основное правило, которое я усвоил от матери и от отца, — «живи по совести». Как мы знаем, совесть — это голос Божий в человеке. Меня приучали слышать этот голос, то есть говорить правду, уважать старших, приучали к труду и ответственности за дела, поступки и слова. Уже в детстве стал искать смысл жизни, думать, зачем я живу на этой земле, что я оставлю после себя, а в школьные годы — как буду воспитывать своих детей. Учась в школе, анализировал свои поступки, поступки своих одноклассников, учителей и делал для себя внутренние «пометки»: «Вот так бы я поступил, а так — нет». В школьные годы стремился развивать себя и физически: занимался классической борьбой, где тоже искал самого себя. Были и интеллектуальные, и духовные поиски, а именно в области различных философских и религиозных учений. Потом учился в Высшем военном зенитно-ракетном командном училище на Кавказе, во Владикавказе. Затем, в 1989 году, в связи с тяжелыми политическими обстоятельствами, нас перевели в Ярославль. В училище заинтересовался психологией. Для этого в часы увольнения посещал городскую библиотеку.

В 1991 году закончил обучение, получил звание лейтенанта; нас, курсантов, распределяли по назначению, а мне и еще нескольким ребятам предложили выбрать для себя место службы, поскольку мы достаточно хорошо закончили училище. Надо сказать, что тогда существовал неписаный закон: если ты в молодости выбираешь себе место службы в Центральной России, то в конце карьеры можешь оказаться где-нибудь на Севере, и наоборот.

Я, к тому же, в то время был очень романтично настроен, хотел испытать себя. Все это побудило меня выбрать Сахалин, самую крайнюю точку, рядом с Японией. В начале 1990-х туда, как и во всю Россию, хлынули «мутные» религиозные потоки. И я читал различные книги по индуизму, кришнаизму, буддизму, интересовался и протестантскими учениями. Даже дерзнул написать письмо в Австралию, чтобы мне прислали соответствующую литературу. В общем, в голове был беспорядок.

В очередной отпуск проезжал через Москву и остановился у дяди, который занимался философией, преподавал в институте. У него была обширная библиотека: Сократ, Платон, Аристотель, другие философы, включая и современных. На этот раз мое внимание привлекла святоотеческая литература. А дядя с необыкновенным энтузиазмом стал рассказывать мне о 1000-летней традиции Православия на Руси. Что-то я, конечно, знал и раньше. Да и в храм с мамой иногда заходил. Но все это было несерьезно, не трогало мою душу. А тогда, читая в отпуске книги «Помощник и Покровитель» протоиерея Григория Дьяченко, авву Дорофея, святителя Феофана Затворника «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться», толкования святителя Иоанна Златоуста и житийную литературу, я понял, что нашел то, что искал.

Мой окончательный приход к Богу произошел через внешние скорби и испытания. На Сахалине мы сами себя обеспечивали теплом и электричеством, ездили на «камазах», «уралах», сами себе пекли хлеб, таскали 200-литровые бочки с соляркой, бензином и маслом. И вдруг я почувствовал такой духовный прорыв: я осознал, к чему я стремился, — Бог меня нашел. В 1993 году, приехав на Сахалин из очередного отпуска, я стал думать о монашеской жизни. Заинтересовался аскетикой, перечитал всю Библию от корки до корки и подумывал о том, чтобы написать рапорт об увольнении, хотя по службе у меня все было хорошо. Был я тогда уже в звании старшего лейтенанта на должности командира батареи, но мне очень захотелось служить при храме, хоть последним дворником, а еще лучше — при монастыре,

если примет настоятель. Однако не мог просто бросить воинскую, угодную Богу службу, и понимал, что необходимо действовать рассудительно, без своеволия и с благословения.

В то время вышел указ о сокращении ракетных войск. Тогда по религиозным убеждениям не увольняли, и мне сказали: «Если согласишься, уволим тебя в связи с несоответствием занимаемой должности». Мой рапорт об увольнении по собственному желанию подписали, и я уехал к себе на Родину — в Донецкую область. Отец мой погиб в шахте, и я должен был поддержать мать. Там устроился в храме пономарем. Через год настоятель отец Георгий мне настойчиво предлагал рукополагаться, но у меня не было богословского образования. И я, испросив благословение у правящего архиерея епископа Алипия, поступил в Одесскую духовную семинарию, закончил ее за три года — в 1998-м. И действительно, можно сказать: «ум нашел сердце, и сердце нашло ум». Сложилась гармония.

Но когда я вернулся, мне снова предложили рукополагаться, и я опять отказался, думая, что все-таки не готов. Испросив благословение у владыки, а также у схиархимандрита Зосимы и протоиерея Николая с острова Залит, уехал учиться в духовную академию. Уже ранее упомянутый мой дядя-философ Иоанн отвез меня в Свято-Троицкую Сергиеву лавру, куда он меня активно призывал поступать все эти три года. Меня впечатлило буквально все: Троицкий собор, молитва у раки преподобного Сергия, пение, колокольный звон...

В 2002 году я закончил академию. Уже на первом курсе, в 1999 году, меня благословили посещать заключенных. Учась в военном училище, я узнал на практике о жизни заключенных: иногда нас, курсантов, отправляли их охранять. Помню, как они гуталином весь плац чистили, а за неподчинение и грубое нарушение дисциплины им в камеру выливали хлорки с водой. Мне казалось это хоть и жестокими действиями, но вынужденными и оправданными. Так что подобная обстановка меня не страшила. Страшило другое, а именно: что я буду им рассказывать и как. Для того чтобы вникнуть в суть проблем заключенных, я начал отвечать на их письма, помогал комплектовать посылки. Через год, в 2000-м, меня назначили руководителем группы.

Параллельно с тюремным служением мне пришлось заниматься миссией и среди интеллигенции; по благословению иеромонаха Пантелеимона (Бердникова), за что я ему очень благодарен, и общему благословению архиепископа Евгения вместе с другими студентами, мы стали проводить миссионерскую и катехизаторскую деятельность среди населения при Хотьковском монастыре, где были организованы богословские курсы. Подобные курсы были созданы и в храме апостолов Петра и Павла, что рядом с Лаврой. И я стал преподавать сначала катехизис, затем библейскую историю, догматику.

Меня всегда удивляло, почему катехизис преподается так сухо? Очень хотел эту дисциплину, как самую важную, оживить, поэтому начинал ее преподавать с объяснения нравственных положений — заповедей Божиих — на примере простых, доступных рассказов из житий святых отцов, а завершал толкованием более сложных догматических истин, опираясь на положения символа веры. Поэтому стал формировать методическое пособие, разработал свои педагогические приемы. Впоследствии все это пригодилось: в 2006 году меня попросили преподавать на Высших богословских курсах, где с 2008 года, по благословению, несу послушание проректора по учебной части. На курсы два раза в год, зимой и летом, со всей России, ближнего и даже дальнего зарубежья с 2000 года приезжают учителя по основам православной культуры (около 500 слушателей) и в течение десяти дней прослушивают лекции.

Вернусь к тюремному служению. Важной вехой в этом роде служения нужно считать сотрудничество с общественной организацией «Вера, надежда и любовь», возглавляемой замечательной женщиной Натальей Леонидовной Высоцкой, дедушка которой был священником и сидел в тюрьме за веру. Московская духовная академия заключила с этой организацией в 2000 году договор. И у нас начались регулярная работа, постоянные поездки. Первая по благословению владыки Евгения была организована в 2000 году — в Новотроицкую подростковую колонию, где находились более 400 ребят. Мы жили и спали в бараках с подростками — нужно отдать должное мужественному поступку начальника колонии, который

пошел на риск и поселил нас с ребятами. Мы проповедовали две недели. Перед этим мы полтора месяца готовились, посетили СИЗО № 1 Москвы (5–8 тысяч заключенных), Бутырскую тюрьму (2–3 тысячи), женское СИЗО № 6 (1–2 тысячи), подростковое СИЗО (500 человек).

Разумеется, были переживания: все-таки в тюрьму ехали, собирались жить вместе с воспитанниками колонии; но все наши сомнения и страхи быстро развеялись. Мы увидели нормальных ребят, которым не было дано в детстве родительской любви. Мы чувствовали их отзывчивость. У нас, четверых миссионеров, за первые три дня голос пропал: так много пришлось отвечать на вопросы (непрестанно говорили с 6:30 утра до 22:30 вечера). Ребята были заинтересованы, проявили небывалую активность, открывали свои проблемы, души. И мы вкусили радость миссионерского делания, после которой невозможно было от него отказаться. С 2000 по 2006 год посетили около десяти колоний: в Новотроицке, Рязани, Вологде, Чувашии и других местах. Помню, однажды на Пасху в течение 20 часов непрерывно раздавали 5 тонн сырков. Конечно, усталость была, но была и духовная радость, причем такая необъяснимая: мы действительно исполнили свою миссию, передавая страждущим пасхальную радость.

У нас есть замечательный архимандрит Трифон, который уже 19 лет посещает заключенных. Он самоотверженно служит, хотя и очень больной. Он пример для подражания всем миссионерам. Несмотря на тяжелые условия и физическую немощь, отец Трифон трижды в неделю ходит к заключенным. Дважды в течение трех часов, в понедельник и вторник, он проводит беседы, на которых довелось присутствовать и мне. Там собирается порядка 40 человек каждый раз. Именно архимандрит Трифон благословил нас на проповедь среди заключенных.

Как я уже говорил, в 2002 году я закончил академию, защитив кандидатскую диссертацию «Опыт построения основ Православия для катехизации лиц в пенитенциарной структуре». Слово «пенитенция» в переводе с латинского означает «покаяние». Убежден, все заключенные должны пройти через покаяние. В наших же тюрьмах, к сожалению, действует лишь система наказания. И только тогда, когда появляется священник, пенитенциарная структура действительно выполняет свою функцию.

С 2002 по 2004 годы учился в аспирантуре при ОВЦС, после окончания которой мне и двум моим сокурсникам, имеющим светское высшее образование, предложили поступить в Академию государственной службы при Президенте РФ. Она давала второе высшее образование, и в течение трех с половиной лет мы обучались на кафедре религиоведения, где готовили специалистов госаппарата («Муниципальное управление»), при этом диплом давал право преподавания в светских вузах предмета религиоведение.

В 2004 году меня пригласили преподавать в Современном институте управления, на кафедре теологии. В этом же году я принял монашеский постриг и был рукоположен в иеродиаконы, а в 2006 году — в священники и был назначен духовником православной гимназии (230 учащихся и 60 преподавателей). Помимо этого с 2007 года являюсь преподавателем Сретенской духовной семинарии.

— Батюшка, что все же значат для вас годы, проведенные в зенитно-ракетном училище?

— Курсантские годы были периодом самоопределения, приобретения ответственности, дисциплины. Армия дает человеку увидеть самого себя, и в этом ее опыт замечателен. Когда ты в окружении семьи, близких, родных, когда находишься под их опекой, ты не видишь своего эгоизма, своей надменности, а армия все это ярко «высвечивает». Я увидел себя настоящего, и это способствовало формированию нравственных принципов новой жизни. К примеру, в первое время идет формирование коллектива, между курсантами происходят трения, все друг к другу привыкают. И вот мне от мамы приходит посылка. Я делился лишь с теми, кто был мне близок, но, однако, оставался какой-то осадок на душе. И тогда я подумал: «Буду делиться со всеми, даже с теми, кто на меня не так смотрит, не так что-то делает». То есть решил поступить по-христиански. Да, мне пришлось перебороть себя, поначалу я даже и не знал, почему так поступаю. Но я испытывал какую-то духовную радость. Так постепенно у меня складывались дружественные отношения со всеми и совершенно другое мировидение.

Фрески Сретенского монастыря

Очень многое во мне изменили военные маршброски и походы. Это серьезное испытание, при котором солдаты поддерживают друг друга. Когда тебе тяжело, тебе помогают, другому тяжело — ты помогаешь. Здесь формировалась крепкая дружба. У меня был друг, казах. И он, что бы я ни делал, всегда поддерживал и утешал меня. Армейские годы способствовали формированию любви и к врагам, и к друзьям — ко всем людям, и развивали самоотвержение.

— Расскажите подробнее о том, как вы решили учиться в духовной семинарии.

— Это был вынужденный шаг. Как я уже говорил, я понимал, что знаю слишком мало. А ко мне часто обращались с вопросами (после увольнения из армии я на приходе был не только пономарем, но и библиотекарем), поэтому много читал и передавал свои знания другим, видя, что это приносит пользу. И сам я чувствовал радость. Пройдя через искушения, испытания, я не в форме назидания, а в форме откровенной беседы делился своими знаниями, переживаниями. Но остро чувствовал, что надо приобщиться к традиции, к многовековому опыту христианства, чтобы не наломать дров и не причинить никому вреда.

— Вспоминая свои студенческие годы в духовных школах, вы имеете возможность сравнения с нынешним процессом преподавания и бытом семинаристов.

— Господь сказал: «Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют Ее». Так что ревнители благочестия будут до скончания века. Однако прежде среди студентов было какое-то горение. В настоящее время больше искушений, и семинаристы, конечно, другие. Ведь сейчас в вузах учатся дети перестроечного времени, которые пережили страшные экономические и политические катаклизмы, огульную свободу, когда с экранов телевизоров лилась одна грязь, когда в школах стали учить, к несчастью, не только хорошему. Ребята формировались в период многоверия и безнравственности. Их бывает тяжело побудить, в них нет твердости, они, как говорится у миссионеров, быстро переживают синдром выгорания. Поэтому-то и надо всемерно поддержать все росточки миссионерской деятельности. Горение, рвение и сейчас есть, но его иногда плоховато видно.

В наше время нам еще мало говорили о миссии, никто ни к чему не обязывал, даже ругали, а мы все равно стремились, шли вперед, что-то делали, получали «тумаки» со всех сторон. Но, справедливости ради, следует отметить: и сейчас есть ребята, которые горят, и надо их поддержать, создать необходимые условия.

Разумеется, в наше время не было таких технологических возможностей. Кроме того, мы не обладали полной свободой, хотя и учились в семинарии уже в 1990-е годы. Так, был в Одессе один преподаватель из КГБ, семинаристам нравилось на его уроках, так как он позволял на занятиях заниматься своими делами, лишь бы не шумели. Ходили слухи, что некоторые из студентов прошли курсы в соответствующих органах и специально поступали в семинарию и писали в органы доносы. До нас наблюдалось какое-то давление со стороны госструктур. Да и преподаватели боялись что-нибудь лишнее сказать. Все было сконцентрировано только на соблюдении семинарского устава, участии в богослужениях — о миссионерстве сначала речи даже не шло.

В мое время обучения уже было проще. И когда меня однажды попросили провести экскурсию, я сразу откликнулся. В последние два года семинарии активно проводил немало таких экскурсий, в основном с детьми. А еще я начал преподавать в воскресной школе для детей. Мне было интересно с ними, мы даже пытались проводить рождественские выступления. Тогда мне очень помогли мои детские наблюдения о том, как надо делать, а как — не надо. Возможно, сказались и гены, потому что у меня прадедушка был школьным учителем.

Церковь нуждалась в помощи, поэтому стипендию нам не платили, а в один из годов перешли на платное обучение. Мы, семинаристы из простых семей, вынуждены были зарабатывать себе на жизнь. В житии Димитрия Ростовского описано, как он сам огород копал. И вот нам приходилось огороды копать, садовые деревья пилить, ремонты делать, дрова рубить — в общем, подрабатывать. Бывало, звали ухаживать за больными, и мы тайком от администрации убегали, чтобы ночами дежурить. Помню женщину, у которой был рак груди и водянка, она уже не могла ходить, так на наших глазах в болях и умирала. Надо было за ней ухаживать, делать обезболивающие уколы (наркотики), постоянно ночью сидеть при ней. Так вздремнешь немного и бежишь на занятия.

Часто мы читали Псалтирь о усопшем. Както раз нас с напарником позвали читать ночью Псалтирь о усопшем молодом человеке. И как только мы произносили трижды «Аллилуйя» и поминали его имя, то обоняли благоухание. Мы понимали: это посещение Божие, поскольку у нас ладана не было. Потом спросили у его матери: «Как он жил?». Она отвечает: «Был в заключении, куда попал из-за наркотиков, потом он от них отказался, поверил в Бога, отошел от плохой компании, и его убили». Господь чудесным образом показал, что этот человек удостоился милости Божией; для нас это было удивительно.

Так что жизнь у нас была насыщенная, трудная: сами на вахтах дежурили, книги переплетали, облачения, митры шили, в столовых убирались, продукты добывали и готовили. До нас вообще семинаристы спали в зимних шапках (в 1993 году), в аудиторию приходили, а там минусовая температура, преподаватель читает лекцию в шубе и шапке, а ученики замерзшими ручками записывают. А при нас, с 1994 года, уже кочегарка была, и мы сами кочегарку и баню топили. И на стройке работали летом, восстанавливая монастыри, владыка это благословлял.

Помнится, в Одессе мы участвовали в воссоздании обители великомученика Пантелеимона, на территории которой (в храме) долгие годы был абортарий, а трупы хоронили в подземелье под храмом. Конечно, для ребят, которые только закончили школу, все это было тяжеловато. Но мы, люди постарше, находили время и поучиться, и поработать. И жили очень дружно. Господь укреплял! Успевали и свою кафизму по двадцатке (из семинаристов) прочитать.

— Выходит, трудности, с которыми вы сталкивались, давали благие плоды?

— Безусловно. Знаете, когда я учился уже в академии, некоторые студенты жаловались за трапезой: «Опять каша!» — а я этих слов и такого отношения напрочь не понимал, ведь главное — те знания, тот багаж, та благодатная пища, что мы все получали в духовной школе. За это надо Бога благодарить!

— Отец Никодим, как получилось, что вы стали сотрудничать со Сретенской духовной семинарией?

— В период моего обучения в Академии госслужбы при Президенте РФ отец Пантелеимон (Бердников), преподаватель миссиологии в академии, мне предложил преподавание миссиологии в Сретенской семинарии. А мне ведь самому надо учиться, сдавать много зачетов и экзаменов, писать дипломную работу. Но я поехал на собеседование — по послушанию. Тогда я привез нашему проректору — иеромонаху Иоанну (Лудищеву) — папку с материалами по миссионерскому служения, сказав, что я больше практик, чем теоретик. Конечно, я раньше преподавал, но только на богословских курсах, учил детей и взрослых в воскресной школе, готовил отдельные тематические лекции, проводил в Церковно–археологическом кабинете экскурсии. Я очень хорошо понимал, что со студентами — аудиторией в основном интеллектуальной — работать непросто, но все же начал преподавать в Сретенской семинарии.

— В каком году это было?

— В 2007 году. Я тогда постарался сразу составить программу и начал систематизировать

обширный материал по миссиологии (текстовой и мультимедийный).

— Скажите, что, на ваш взгляд, отличает Сретенскую духовную семинарию от остальных духовных школ?

— Здесь, прежде всего, специфика Москвы сказывается. Налицо также более интеллектуальный подход и миссионерский уклон. Ректор, архимандрит Тихон (Шевкунов), хорошо понимает: его воспитанники должны встречать людей. Надо встречать ветхозаветных людей, а провожать уже новозаветными. И духовная школа чрезвычайно эффективно реализует эту функцию. Можно сказать без преувеличения: Сретенская семинария сегодня является миссионерским и интеллектуальным центром. Студенты и администрация прилагают все усилия для того, чтобы донести слово Божие до современных людей на доступном для них языке. Отсюда и многочисленные миссионерские поездки, обширная издательская деятельность, прекрасный Интернет-сайт и т.д. А самое главное: у большинства семинаристов-сретенцев видна заинтересованность в миссионерско-катехизаторской деятельности.

— Батюшка, но ведь, наверняка, не все студенты сразу активно реагируют на преподаваемый вами предмет. Что вы делаете, чтобы взрастить в них интерес к миссиологии?

— На самой первой лекции я спрашиваю у студентов, что они сделали в летний период как миссионеры: навещали ли больных, заключенных, участвовали ли в детских лагерях и других миссионерских видах служения. Могу даже сразу поставить отличную оценку. Уверен, миссионерство живо только практикой, хотя какие-то теоретические знания просто необходимы.

Еще на своих занятиях я стараюсь использовать современные технические средства, которые очень помогают и в миссионерских поездках. Так, когда мы посещали детские дома, колонии, то привозили с собой диапроектор и ноутбук. Нам нужно было пробить греховный панцирь у детей и взрослых, насмотревшихся боевиков, мы должны были показать фильмы-антиподы. И после их просмотра завязывается серьезный разговор о смерти, о

Митрополит Лавр в Сретенском монастыре в дни объединения Русской Церкви

вреде наркотиков и прочем. И такие фильмы в учебных целях я показываю студентам для того, чтобы они научились анализировать их, сумели почерпнуть из них нужный для конкретной практики материал. Надо сказать, что демонстрация мультимедийных видеорядов, документальных и художественных лент сейчас широко используется в миссионерской деятельности: например в армии, где несет свое служение отец Савва (Молчанов), в Плескове, в миссионерском отделе академии, в молодежно-миссионерском отделе при нашей гимназии и т.д.

Очень важным в преподавании миссиологии я считаю беседы, на которые приглашал в Сретенскую духовную семинарию священников миссионеров-практиков, таких как, например, иеромонах Мелитон, окормляющий интернат для слепоглухонемых; также волонтеров из бывших заключенных и других.

За организацию таких встреч я благодарен отцу Иоанну (Лудищеву). Безусловно, целью любых занятий является накопление знаний, но нужно, чтобы через них было затронуто сердце, чтобы человек загорелся. Если семинарист по-настоящему заинтересуется миссионерской деятельностью, если он, несмотря на страдания, боль, скорби, увидит радость общения со страждущими, если он поймет, что его дела и слова нужны, значит, моя преподавательская задача выполнена.

— В 2007 году вы стали руководителем миссионерских проектов Сретенской духовной семинарии. Расскажите о них подробнее.

— Еще раз повторюсь: за то, что в семинарии налажена активная миссионерская работа, нужно благодарить ее руководителей: отца Тихона и отца Иоанна. Они неустанно поддерживают эти устремления, помогают в подборе участников. Я также благодарен студенту 5-го курса Геннадию Новикову, который взял на себя первичную организацию миссионерских поездок в школу-интернат города Михайлова Рязанской области (из брошенных детей 1–9-х классов): он поддерживает ребят, проводит отдельные консультации. Принципиально, что в ходе этих поездок студенты получают практические навыки миссионерской деятельности.

Они начинают учиться смотреть, вглядываются в их страждущие души, которые необходимо спасти. Так приобретается не только миссионерский, но и пастырский опыт. Семинаристы видят, что их беседы приносят воспитанникам интерната пользу. И после каждой поездки, несмотря на усталость, студенты делятся друг с другом своими впечатлениями.

То есть они уже сопереживают — по примеру святителя Иннокентия (Вениаминова), преподобного Макария (Глухарева). К тому же подготовиться, пусть даже к одной миссионерской встрече, нелегко: нужно все организовать, задуматься о подарках, а главное — о выборе темы для разговора, которая бы заинтересовала детскую аудиторию. Иначе говоря, нужно на многое посмотреть глазами ребенка, а это непросто. Я вижу, как мои семинаристы преображаются, начинают по-другому расставлять учебные и жизненные акценты.Вот такие моменты, когда человек меняется, запечатлеваются очень ярко. Подчеркну еще раз: для меня, как для преподавателя и священника, важна динамика: вот приходит студент, миссионерской деятельностью он не заинтересован, относится к этому как-то теплохладно, но с течением времени в его душе происходит переворот, и он уже заинтересовался, загорелся.

— Можно ли сказать, что те студенты, которые участвуют в миссионерских поездках, более дисциплинированные, собранные, цельные?

— Да. В их ответах во время бесед чувствуется весомость, каждое их слово подкреплено делом, накапливаемым жизненным опытом. Те ребята, которые участвуют в миссионерских проектах, стремятся к преодолению своих недостатков. В них чувствуется самоотвержение.

— То есть опыт, который семинаристы получают во время миссионерских поездок, бесед, влияет на их духовную жизнь?

— Несомненно. Знания, умения глубоко проникают в душу ребят и приносят очевидную пользу и им, и людям, которым они стараются помочь.

— Батюшка, каким вы видите будущее миссионерских проектов, организуемых Сретенской семинарией?

— Масштабы миссионерской деятельности сретенцев таковы, что, по моему мнению, пора организовать особый миссионерский отдел, центр. В нем должен быть руководитель, кураторы конкретных проектов, инициативная группа. Кроме того, считаю, что результаты поездок, методические материалы должны освещаться на стендах, а также на интернет-сайте. Это ведь тоже проповедь, люди должны видеть, как это важно, и понимать, что в миссионерской практике накоплен огромный опыт, а некоторые моменты можно и нужно менять. Полезным будет и составление мультимедийных проектов и пособий, которые бы исчерпывающе описывали «механизм» каждой поездки. Подобные видеоряды в дальнейшем можно систематизировать по направлениям: работа среди военнослужащих, школьников, заключенных, больных и др. Перспективным направлением является и организация конференций, семинаров, в ходе которых заинтересованные студенты и преподаватели из различных духовных заведений обменивались бы накопленным опытом.

— Что бы вы пожелали учащимся Сретенской духовной семинарии?

— Надо учить людей познать Истину, которая делает нас свободными, учить приобщаться настоящему счастью — блаженству в Боге. Проповедь миссионера — проповедь свободного человека. Проповедь о покаянии и воскресении — в этом и заключается суть миссионерства. Если мы не будем каяться и верить, что Христос воскрес, все наши усилия бесполезны. Необходимо сораспинаться со Христом и делиться духовной радостью о воскресшем Христе. Поэтому я желаю всем учащим и учащимся Сретенской семинарии, чтобы пасхальная радость юбилейного года продлевалась и преумножалась на нашей Святой Руси.

О преподавании библейских дисциплин в современной семинарии

Иеромонах Ириней (Пиковский)

Отец Ириней, вы один из самых молодых преподавателей московской Сретенской духовной семинарии. Расскажите, с чего началась ваша преподавательская работа?

— Летом 2003 года я приехал на вступительные экзамены в Сретенскую духовную семинарию. Меня взяли сразу на 2-й курс. После завершения учебы в семинарии в 2007 году я поступил в Московскую духовную академию. Сейчас являюсь студентом 3-го курса академии, почти что выпускником. Полтора года назад мне было предложено преподавать Священное Писание Нового Завета в родной Сретенской духовной семинарии. Так что сначала я был студентом семинарии, а потом стал и ее преподавателем.

И мне бы было очень трудно, если бы не предшествующее высшее образование, которое я получил еще до поступления в семинарию. Я закончил Винницкий технический университет по специальности «Автоматика, компьютерные системы и управление». Методология работы в светской магистратуре, предшествующий опыт работы в международных организациях мне сейчас очень помогают выстроить систему преподавания в семинарии. Используя светские каркасы и принципы построения лекций, я стараюсь наполнять их библейским духом и содержанием.

— Трудно ли совмещать учебу в академии с преподавательской деятельностью?

— Да, есть определенные трудности. Учеба в академии предполагает полную отдачу себя на написание кандидатской работы. И различного рода «отходы» в сторону — в миссионерскую, катехизаторскую или даже в преподавательскую работу — до защиты кандидатской диссертации создают барьеры для погружения в науку. Это связано также с тем, что учеба на библейском отделении требует изучения языков, как древних, так и современных. Изучение древнегреческого, библейского еврейского, библейских арамейских языков, изучение древнееврейской палеографии занимают очень много времени (если, конечно, учиться на результат, а не на процесс).

Если отдавать себя учебе полностью, естественно, времени ни на что не остается. Учитывая, что кандидатское сочинение пишется в академии во время учебного процесса, то учиться, погружаться в научные поиски и выполнять пастырское служение и при этом преподавать параллельно в семинарии, конечно, сложно.

— Можно ли сравнить теперешнюю ситуацию с дореволюционной?

— Интересно, что до революции 1917 года ситуация с молодыми преподавателями библейских дисциплин была несколько иная. Периодически генерировался некий пласт «младших научных сотрудников». Назывались они по-разному: то приват-доценты, то профессорские стипендиаты. Но главным было то, что они на этапе завершения написания научной работы вводились в преподавательскую деятельность постепенно. Профессорских стипендиатов отправляли в заграничные командировки для сбора материалов, для накопления информации из иностранных библиотек и музеев. Приват-доцентам давали читать спецкурсы по тем областям знаний, в которых они на своем уровне стали уже специалистами. И только со временем, после освоения полной широты своей дисциплины, после защиты диссертации, молодой ученый мог приступать к преподавательской работе. Наверное, и сейчас есть необходимость обратить внимание на дореволюционный опыт. Создание прослойки младших научных сотрудников, ассистентов профессоров — можно называть это как угодно — способствовало бы не только «мягкому» перетеканию из науки в преподавание, но и давало бы время накопить знания, чтобы молодому преподавателю не приходилось начинать лекции с пересказа чужих конспектов.

— А как происходил допуск молодого ученого к преподавательской работе до революции?

— Особенность приват-доцентуры заключалась в том, что приват-доценты еще не были полноправными преподавателями. Они читали только спецкурсы. Накапливая опыт и знания, они сначала читали отдельные лекции, выходили на замену в случае болезни основного лектора и только потом могли полностью заменять основного преподавателя в случае его ухода на пенсию или перевода на иное место.

В любом случае независимо от того, был ли человек как-то особо выделен в академии или являлся просто ее выпускником, прежде чем занять ту или иную преподавательскую кафедру, каждый из кандидатов должен был пройти апробацию. Две лекции в качестве аттестации на знание предмета и умение его доносить кандидат в преподаватели должен был прочитать перед комиссией: одна — на самостоятельно выбранную им тему, вторая — по требованию правления духовной школы. И только после этого правлением оценивалось, может ли он стать полноправным членом корпорации и квалифицированно преподносить Священное Писание.

— А было ли какое-то распределение после академии?

— Да. И как до революции, так и сейчас от распределения зависело многое. Если кто-либо из потенциальных преподавателей предполагал, что его распределят в семинарию, то он соответствующим образом себя готовил. Если же распределение было туманно или совсем неизвестно, то сразу угасал интерес к тому, чтобы глубоко погружаться в знания, изучать не только общие богословские дисциплины, но и готовить себя как преподавателя в узкой специализации — в своей любимой области церковной науки.

— Сейчас после завершения обучения в любой из духовных академий есть распределение выпускников в разные епархии страны, и далеко не всегда на преподавательские должности. Как происходило распределение до революции?

— До революции все было очень похоже на то, что мы имеем сейчас. Отличие, возможно, в том, что сейчас если кого-то из выпускников высшей школы определяют на преподавательскую должность, то дают ему преподавание предмета, близкого к тому, что он особенно изучал в академии. Например, выпускника богословского отделения по преимуществу сейчас направят на преподавание богословских дисциплин: догматического, сравнительного, основного богословия. До революции бывало такое, что выпускнику исторического отделения могли поручить преподавание латыни или греческого языка и наоборот.

Но к чести старой системы, у дореволюционного Учебного комитета РПЦ было некое слежение за перемещением кадров по территории страны. Поэтому некоторых перспективных преподавателей со временем «подтягивали» ближе к центру. Например, начав преподавать в Одесской семинарии, кто-либо из выпускников со временем мог быть перемещен в Воронеж,

например. Так он перемещался из одной духовной школы в другую, с одной одного предмета на другой, пока наконец его не замечали, не начинали ценить и уже не переводили в столичную академию. Был, повторюсь, некоторый кадровый учет, некое слежение за перемещением кадров по всей территории страны. Особенность современного распределения такова, что после выпуска очень незначительна вероятность того, что кто-то будет следить за тем, как развивается тот или иной выпускник академии, что с ним происходит в глубинке, соответствуют ли его способности занимаемой должности и как теперь он может заниматься наукой.

Конечно, речь не идет о постоянном перемещении из семинарии в семинарию. Случалось, что до революции некоторые стремились к более «теплым» местам и не засиживались долго в одной духовной школе. Любители «теплых» местечек заботились только о том, чтобы побыстрее переметнуться туда, где выше жалованье и лучше условия жизни. Это не стимулировало ни учебный процесс, ни разработку новых программ, в том числе и в области библеистики. Поэтому нахождение выпускника на одном месте сегодня дает меньше рисков к появлению карьеристов. С другой стороны, в настоящее время актуален аспект профессионального роста молодых выпускников академий или православных университетов. Хорошо было бы, если бы, поступив на должность в семинарию, начинающий преподаватель продолжал бы развиваться: вникал в частные вопросы своего предмета, улучшал свой курс лекций, писал статьи, занимался научно-исследовательским поиском.

— Но зачастую у молодого преподавателя нет ни стимулов, ни ресурсов для занятия наукой…

— Начну со второго. Нужны хорошие библиотечные фонды. Не только с популярной литературой по пересказу библейской истории, но и с серьезной научной литературой, с отечественными и иностранными энциклопедиями, включая книги, диски, атласы, наглядные макеты и прочее. Региональные библиотеки сейчас не такие сильные, как хотелось бы, но сейчас занятию наукой, в том числе библейской, может способствовать наличие соответствующих программ и электронных ресурсов в интернете. Одна только программа Bible Works 8.0 содержит тексты Библии сразу на нескольких языках, критический аппарат, многофункциональную систему поиска, встроенные словари. Текст, заложенный в программу, уже сверен с древними рукописями, добавлены таргумы и переводы писаний мужей апостольских. Разработки, подобные Bible Works, — хороший инструментарий для исследователя. Эту программу, как и подобные ей, сейчас можно приобрести и скачать через интернет. Кстати, на таких сайтах, как Google books, уже можно найти

На Святой Земле

современные иностранные книги, отсканированные и выложенные для ознакомительного чтения. А что касается книг дореволюционных, то библейские кафедры Московской и Санкт-Петербургской духовных академий уже давно издают диски с отсканированными классическими трудами отечественных ученых. Есть сейчас и такие интернет-системы, с помощью которых можно получить доступ к самым современным публикациям Оксфорда и Кембриджа. Например, через EBSCO Publishing можно получить доступ к литературе такой международной ассоциации богословских библиотек, как ATLA. Было бы желание у региональной духовной школы финансировать такие проекты, бороться за высокий статус научности преподаваемого богословского образования. Вот это вопрос и задача.

Что касается стимулов, то тут можно говорить только о стимулах внутренних. Сам по себе научный поиск открывает горизонты знаний. Обогащение знаниями не только дает пищу для ума, но и материал для внешней миссионерско-катехизаторской работы. Если преподаватель региональной семинарии включается в научную работу, пишет статьи, выступает с докладами на конференциях, он присутствует в научном микромире, где даже присутствие само по себе — среди интеллигенции, профессуры — дает внутренний стимул. Ты всегда ощущаешь себя на гребне волны. И более того, заранее узнаешь ответы на вызовы современности, ответы на ту критику, которая когда-то докатится и до глубинки. А через общение с коллегами по интернету можно заранее подготовить себя к тому, каких ожидать от секулярной аудитории вопросов и какие апологетические ответы в кругах отечественной учености уже существуют.

Конечно, все, о чем я говорю, предполагает существование сплоченного научно-богословского сообщества в нашей Церкви. Пока это развито слабо, но, как можно наблюдать по тенденциям сверху, перспективы его расцвета уже не за горами.

— Как обстояло дело с учебниками по библейским дисциплинам в XIX–XX веках и сейчас?

— Дореволюционные семинарии значительно отличались от современных. До революции в семинарии нередко поступали после уездных училищ, поэтому учеба будущих священников начиналась с 14–16 лет. Семинарский курс длился шесть лет и мог включать часть дисциплин средней и старшей общеобразовательной школы. Сейчас же пятилетняя семинария представляет собой высшую школу; поступают в семинарию с 17–18 лет, а то и после первого, даже второго высшего образования. Поэтому теперешняя программа обучения уже не школьная, и ее цели и задачи можно сравнивать с университетскими.

До 1917 года, несмотря на наличие выдающихся библеистов, разработка учебных пособий происходила не так быстро, как этого можно было бы желать. В течение XIX века далеко не по всем разделам Библии были изданы учебники. Конечно, они существовали и по Новому Завету, и по Ветхому, постепенно развивались и расширялись, дополнялись, адаптировались к различным курсам. Но по отдельным библейским книгам, таким как малые пророки, второканонические книги, Апокалипсис, было мало стоящих разработок.

К сожалению, нередко преподавание Священного Писания сводилось к изложению библейской истории, к пересказу текста Писания. Акценты ставились на Пятикнижии Моисеевом, Четвероевангелии, уделялось значительное внимание изучению мессианских мест. Но конспекты и пособия были неполны и не охватывали все книги Библии в их единстве и полноте. И уж тем более редко учащимся прививалась любовь к чтению текста Ветхого Завета, не поддерживались самостоятельные размышления в области толкования Завета Нового. В целом тенденция была такова, что учебные пособия были похожи на изложение библейской истории с изъяснением избранных мест Писания. Но в итоге, по меткому замечанию отечественного библеиста Николая Никаноровича Глубоковского, выпускники семинарий — абитуриенты академий — показывали достаточно хорошее знание мессианских мест, но очень плохо могли работать с источниками, у них отсутствовало и знание текста Священного Писания, и самостоятельное мышление.

Учебные пособия середины XX века, основанные на лекциях и монографиях епископа Кассиана (Безобразова), являются некоторым синтезом как дореволюционных традиций, так и западной школы библеистики. Труд епископа Кассиана «Христос и первое христианское поколение» представляет собой уже некий аналитический плод переложения наработок западной

Митрополит Лавр. Елеопомазание

библеистики для русскоязычного читателя.

В дни, близкие к нашему времени, к началу XXI века, уже появилось много интересных пособий, которые составляли более двух десятков российских авторов. Не говорю уже о том, что появляется все больше переводных иностранных учебников.

Правда, несмотря на то, что появился даже некий выбор пособий, до сих пор не существует полного комплекта учебников по изучению Библии, которые были бы утверждены Учебным комитетом РПЦ в качестве пособий базовых. Получается, что сейчас каждый преподаватель выбирает «любимый» для себя учебник и на основе его методологии строит содержание своего лекционного курса. Из-за этого у некоторых преподавателей могут быть отдельные уклоны в сторону: то в крайности отрицательной критики, то в антинаучное средневековое школярство.

Над решением обозначенной проблемы — разработкой пособий с православным святоотеческим стержнем и учетом данных библейской науки — уже начали работать церковные специалисты. И не только столичных академий. Этому вопросу посвящаются встречи преподавателей библейских дисциплин всех заинтересованных православных духовных школ, включая некоторые университеты. Совещания преподавателей библеистики из всех уголков страны, и не только России, уже проходили в Московской духовной академии, Смоленской духовной семинарии и будут проходить в дальнейшем. Дело начато, преподаватели работают, и будем надеяться, что эти инициативы по написанию учебников будут доведены до конца, профинансированы и поддержаны центральными ведомствами управления церковным образованием.

— Какие вы можете обозначить современные тенденции в методологии преподавания Священного Писания?

— Одна из проблем в том, что в духовных школах далеко не всегда ведется работа над методологией вообще. В скольких семинариях, например, есть штатные сотрудники-методисты? А есть ли таковые вообще в Учебном комитете? Раз нет четкости в согласовании всей семинарской программы (необходимые для освещения тем часы, содержание курсов, устранение пробелов и повторов и проч.), то уж тем более нет «стандартизации» и четкой методологии внутри каждого из курсов. Сейчас, например, житие равноапостольных Кирилла и Мефодия рассматривается сразу в нескольких учебных курсах. А о византийском богословии с VIII по XV век не узнаешь ни в каком. И в области библейских дисциплин нет единой методологии, но есть разные частные подходы.

Какое-то время назад предлагалось исключить из семинарского курса преподавание библейской истории. А вместо нее преподавать общую исагогику Ветхого и Нового Заветов. Это было связано с тем, что количество часов, которые отводятся на библеистику в семинарии,

небольшое. Многие темы приходится проходить конспективно. Например, в связи с повышением современных требований к знанию истории канона и рукописей текста Библии уже необходимо уделять больше времени исагогике, чем раньше. Где взять дополнительные часы для лекций? Поэтому какое-то время назад предлагалось исагогику Ветхого и Нового Заветов вынести на первый курс и преподавать ее вместо священной библейской истории. Сейчас большая часть преподавателей склоняется к тому, что этого делать не стоит, потому что курс библейской истории — это, прежде всего, введение в проблематику, ознакомление с хронологией событий, лицами, описанными в Священном Писании. Это, кроме того, еще и особый курс для первокурсников семинарии. Библейская история призвана воспитать в них любовь к изучению Священного Писания, благоговение перед его текстом. Поскольку у нас библейская история воспринимается как священная, ее нужно так и донести — с максимальным благоговением!

Сейчас спорят также и о том, как лучше преподавать Четвероевангелие: преподавать ли синоптические и Евангелие от Иоанна вместе или курс изучения синоптических Евангелий должен быть отделен от курса изучения Евангелия от Иоанна. Евангелие от Иоанна отличается высокими богословскими идеями, оно имеет иное уложение текста, которое требует хорошего знания греческого языка. Поэтому курс преподавания Евангелия от Иоанна сейчас предлагают излагать позже синоптиков, после основательного освоения студентами древних языков. Это одна из возможных вариаций методологии преподавания Священного Писания Нового Завета.

Вариативность в изложении Ветхого Завета заключается и в том, какую хронологию событий принимает тот или иной преподаватель. К сожалению, есть две тенденции, которые порой в определении хронологии идут в разрез друг другу: есть группа преподавателей, которые придерживаются ранней датировки Исхода народа израильского из Египта — XV век до Р.Х., и есть группа преподавателей, которые утверждают, что Исход был в веке XIII до Р.Х. Есть и такие, которые появление евреев в Палестине датируют веком VI и при этом вообще отрицают пребывание евреев в Египте. Последних, слава Богу, немного. Естественно, что от разницы принимаемой хронологии применяются и различные тексты, рисующие исторический фон: что из себя представлял израильский народ, как появилось Пятикнижие, какие события были фоном перехода через реку Иордан...

Сложен также вопрос датировки отдельных книг Библии. Так, некоторыми лекторами за книгами Исаии или Даниила не признается авторство самих пророков. Якобы писали их некие пророческие школы или неизвестные последующие авторы. Естественно, что такой методологический подход несколько отличается от дореволюционного и тем более от традиционного святоотеческого подхода. Да и в школах XX века, в Советском Союзе или в Зарубежье, довольно редко критические гипотезы излагались в базовых курсах семинарий.

Современная же ситуация доступности, или, лучше сказать, наплыва иностранной литературы, создала некое брожение умов среди студентов. Разные подходы лекторов, разная используемая литература... Все это приводит к тому, что выпускники семинарий приходят поступать в академии не только с разным багажом знаний, но и с разной изначальной установкой. Если одни делают акцент на благоговейном отношении к тексту, почитании святоотеческих толкований, то другими акцент делается вовсе не на тексте, а на его критике — на критике и авторов, и самих идей Библии.

Если дело обстоит так, то для сохранения своей самоидентичности нам надо сделать соответствующие предпочтения и учесть их при методологической разработке учебных пособий. Иначе мы постепенно будем накапливать массу скептиков, для которых Библия всего лишь отвлеченный набор источников, а не Книга Жизни, к которой надо относиться с благоговением.

— Могут ли возникнуть сложности с преподаванием библейских дисциплин в связи с государственной аккредитацией духовных школ?

— Да, к сожалению, при государственной аккредитации духовных школ возможна потеря в количестве часов, выделяемых на библеистику. В случае аккредитации семинарии теряют практически наполовину количество лекционных часов, отводимых на библейские дисциплины. И это, конечно, ставит большой вопрос о том, как при уменьшении количества часов изложить тот же самый объем лекций, который излагается в семинариях теперешних. Как решать этот вопрос? На это должны дать ответ те люди,

которые сейчас погружены в проблематику перехода духовных школ на Болонскую систему.

Один из возможных выходов из складывающейся ситуации предлагает Смоленская духовная семинария. Ее ректор, преподаватель Нового Завета отец Георгий Урбанович, предлагает использовать подход «E-Learning», при котором студент во время занятий не занимается слушанием лекций, но прочитывает заранее конспекты, тексты святых отцов или исторические комментарии, а на занятиях разбирает с преподавателем трудные места Священного Писания. Таким образом, лекция превращается в семинар, а преподаватель становится научным координатором и консультантом. Поскольку по системе обучения «E-Learning» все необходимые тексты выкладываются в локальную сеть, студенты могут с любой точки доступа к локальной сети получить всю необходимую информацию даже без посещения библиотеки. В результате в Смоленской семинарии отошли от постоянного прочитывания лекций по Новому Завету, преподаватель теперь не занимается пересказом своего собственного конспекта. Студенты читают Евангелие сами, изучают подборку святоотеческих комментариев, дореволюционные или современные западные труды. И все это уже подано студентам в сжатом виде, как хрестоматия, в виде компьютерных файлов. Поэтому сейчас смоленским семинаристам достаточно ознакомиться со всеми этими вспомогательными источниками и на лекциях обсуждать только то, что требует особого внимания и коррекции со стороны преподавателя. При таком подходе количество лекций в том объеме, в котором оно есть сейчас, не столь уж необходимо. Студенту все предоставлено в электронной форме — только садись и читай. Когда акценты из пассивного слушания лекций смещаются в область самостоятельной работы, это приводит к хорошим результатам: студенты сами работают над источниками и учатся делать зрелые выводы из прочитанного. И хотя в такой аккредитованной семинарии, как Смоленская, студент должен слушать лекций в два раза меньше, чем раньше, но, благодаря интенсивности обучения и увеличению времени на самостоятельную работу, на работу с книгами, в целом усвоение библейских дисциплин остается на должном уровне.

Конечно, по замечанию самих студентов, слушать лекции всегда легче. Но, с другой стороны, работа с источниками хотя и более емкая, но дает более глубокие плоды, потому что появляется более осмысленный, проработанный труд в виде реферата, статьи, доклада, которые нужно еще и защитить.

— Где же студентам взять время для самостоятельной работы, ведь в семинариях и так довольно значительная лекционная нагрузка и есть определенный набор послушаний?

— Проблема наших семинарий — их многопредметность. О многопредметности постоянно дискутировали и в XIX, и в XX веке! Постоянно были колебания то в сторону увеличения количества общеобязательных предметов, то в сторону их уменьшения. Дореволюционная профессура постоянно высказывалась за уменьшение количества обязательных предметов для студентов, постепенную специализацию на старших курсах духовной школы. Но проблема современных семинарий остается та же, что и раньше: хочется добавить дополнительный курс потому, что подвернулся очередной интересный лектор. И при этом не обращается внимание на то, что расширение семинарской программы за счет количества общеобязательных предметов всегда ведет к ухудшению качества их усвоения. Студент не может адекватно и полноценно шесть дней в неделю усваивать материал четырех-пяти пар! Это очень тяжело. Надо еще учесть и то, что в наших духовных школах студент нагружен трудовыми послушаниями, несет и молитвенные подвиги. При многопредметности учеба студента ограничивается только посещением лекций, что не способствует научно-богословскому росту. Начитывать побольше лекций, занимать чем-нибудь свободное время семинаристов, чтобы они «не бездельничали», — это принцип работы военных училищ. Но если мы хотим, чтобы духовная школа предлагала предметы по принципу обучения в университетах, то в таком случае студент должен иметь свободное время для самостоятельной работы с источниками, с литературой. Он должен писать как можно больше своих статей, заметок, докладов. И, естественно, ему для этого нужно предоставить время и хорошую библиотеку.

Наверное, пора осознать, что учащийся семинарии — это не личный иподиакон владыки и не профессионал по сервировке стола во время торжественных трапез, не специалист по уборке снега и даже не профессиональный певец на

С греческим богословом Христосом Янарасом

миссионерских концертах. Это должен быть специалист в области духовных знаний. И если уже и светская наука доказала, что физический труд не делает из обезьяны человека, то и в духовных школах для воспитания должны применяться творческие и интеллектуальные послушания.

Другое дело, что, к сожалению, некоторые учащиеся в силу их незрелости (вчерашние школьники) не имеют внутренних стимулов к постановке задачи на самостоятельную работу в библиотеке и тратят свободное время впустую. Вот тут и должно быть применено все воспитательное мастерство дежурных помощников. Именно к этому, к созданию мотивации, а не к поддержанию режима дня хорошо бы привлекать духовных наставников. Как раз с теми, кто не хочет учиться и молиться, должны работать дежурные помощники, воспитатели, проявляя внимательность, зажигая искорку горения во Христе через пример личного христианского благочестия.

— Какие же требования вы предъявляете к себе как преподавателю? Чего хотите достичь в образовательном процессе в семинарии?

— Ставя задачи для себя вперед, мне хотелось бы видеть, чтобы мои теперешние или будущие семинаристы стали бы не только вровень с коллегами из светских университетов, но и в чем-то были всегда на порядок выше. Они должны не только догонять светскую ученость, не только отбиваться от «вызовов критики», но и идти на шаг впереди, показывая высокий уровень знаний и научную квалифицированность. Они должны быть всегда впереди и в нравственном, и в богословском плане. Но, осваивая знания родственных дисциплин, умея работать с источниками и современной техникой, они должны погружаться в Священное Писание так, чтобы их вера всегда оставалась непоколебимой, чтобы никакая муха отрицательной библейской критики, никакой секуляризм не могли испортить меда святоотеческой мудрости, того меда, который с трепетом хранится в традиции Православной Церкви и должен преподаваться — в интеллектуальных знаниях и в воспитательном процессе — учащимся духовной семинарии.

«Для пастыря очень важно быть духовно зрелым, готовым идти к Богу, указывая путь другим»

Протоиерей Алексий Круглик

Отец Алексий, расскажите немного себе, о своей семье и о том, как у вас появилось желание учиться в семинарии и стать священником?

— Я происхожу из духовного сословия: мой отец — священник, дед — диакон. Поэтому отец с отрочества готовил меня к тому, чтобы я пошел по его стопам, но одновременно говорил и о том, что я свободен в выборе своего будущего, своей профессии. Естественно, я посещал богослужения, отец брал меня с собой в алтарь, я пономарил, читал часы, Священное Писание... Так что любовь к богослужению у меня была с самого детства. Храм был средой, привычной для меня. Обстановку, в которой я рос, можно описать так: молитва, церковная жизнь и верующие люди. Когда после школы встал вопрос о выборе специальности, я, по совету отца, сначала решил получить светское образование, а затем, уже отслужив в рядах Вооруженных сил, окончательно сделал свой выбор — обучение в семинарии, с тем чтобы, если Господь благоволит, стать священником. Повторю еще раз: конечно, благословление, молитвы родителей сыграли свою роль. Но в то же время поприще священнослужения было моим личным, осознанным выбором.

— А какое у вас светское образование?

— Я инженер по связи.

— Что вам больше всего запомнилось из времени вашего обучения в духовной школе?

— Самое большое, неизгладимое впечатление произвела на меня семинарская обстановка, в которую я попал сразу после армии, после обучения в светских учреждениях. Я учился в Московской духовной семинарии, которая находится в стенах Троице-Сергиевой лавры. Это постоянные монастырские богослужения, пение в хорах, несение послушаний и самое главное — те люди, которые меня окружали, та неповторимая атмосфера, которая резко отличалась от мирской, где мне, к сожалению, не раз приходилось сталкиваться с действиями и словами, оскорбляющими Церковь и ее

служителей. К сожалению, такого было тогда очень много...

Более всего меня поразила обстановка духовного совершенствования в молитве, в Законе Божием — совершенствования, нужного, чтобы следовать к той цели, к которой призван человек. Чрезвычайно важным для меня было наше единомыслие, которого я раньше никогда не чувствовал: ни в школе, ни в вузе, ни в армии. А в семинарии все мы стремились к одному — быть полезными людям и служить Богу.

— Как тогда, когда вы учились в Московских духовных школах, преподавался предмет «Практическое руководство для пастыря», читаемый вами сейчас в Сретенской семинарии?

— Надо сказать, данную дисциплину в Московской семинарии достаточно долго преподавал мой отец — протоиерей Дамиан Круглик. Но я не успел у него поучиться, в силу того что отец служил в Богоявленском патриаршем соборе и не мог совмещать богослужебную и педагогическую деятельность. Те, кто преподавали у нас «Практическое руководство», делали большой упор на теоретическую часть. Прикладная составляющая рассматривалась, к сожалению, недостаточно. Мы знали каноны, правила, общие требования к пастырскому служению, а с практической точки зрения были к нему почти не готовы.

— Почему вы остановили свой преподавательский выбор на таком предмете, как «Практическое руководство для пастыря»?

— Это было благословение моего отца, который много лет преподавал данный предмет в Сретенской духовной семинарии. Но он очень занятой человек, член Епархиального совета города Москвы, настоятель храма, духовник, окормляющий многих чад. Несколько лет подряд он предлагал мне помочь ему в преподавании. А я просто не считал себя готовым к этому поприщу, но, благодаря его наставлениям, его молитвам, все же решился на педагогическую деятельность. Но я постоянно с ним советуюсь по поводу лекций, использую в качестве базового составленный им конспект. Кроме того, я очень рассчитываю на то, что он будет находить время и проводить отдельные занятия у семинаристов-сретенцев.

— Известно, что существуют разные точки зрения на содержательный объем преподаваемой вами дисциплины. Каково ваше мнение на этот счет? Какой вам видится композиция курса?

— Некоторая содержательная вариативность связана с тем, что «Практическое руководство для пастыря» — дисциплина относительно молодая. В планы духовных школ она введена в 1867 году, то есть полтора века назад. Но ее важность трудно переоценить хотя бы потому, что она завершает семинарскую программу, и для будущего священнослужителя она, на мой взгляд, является основной. Выкристаллизовалась дисциплина из двух предметов — пастырского богословия и канонического права. Она была включена в учебные планы духовных школ для того, чтобы помочь тем, кто готовится к священническому поприщу, не просто усвоить теоретические знания, но и научиться применять их на практике. То есть объединить знания канонов и умение служить, а значит, дать опытно почувствовать выпускникам-семинаристам, кто такой пастырь и священнослужитель. Что касается разделов, из которых состоит «Практическое руководство для пастыря», то они следующие: совершение таинств, обрядов, духовничество, этика и эстетика жизни пастыря.

— Как вы считаете, достаточное ли количество учебного времени уделяется читаемому вами предмету в духовных школах?

— Считаю, что недостаточно. Желательно, чтобы учебные планы предусматривали большее количество практических занятий.

— Что в первую очередь должен знать человек, желающий принять сан, о священническом служении?

— Конечно же, будущему священнику следует иметь страх Божий и боязнь творить дело Господне с небрежением. Святители Иоанн Златоуст, Григорий Богослов говорили как раз об этом: священнослужитель, сознавая свое недостоинство, должен усиленно молиться Богу, чтобы Он помогал совершать ему ответственное делание. Нужно с самого начала постоянно совершенствоваться в молитве, в чтении Священного Писания, в знании Предания, пастырского руководства и в творении добрых дел.

— Какие моменты вашего курса вы считаете самыми сложными для понимания, для фактического усвоения?

— Самое сложное — это не внешнее служение, не обрядовая сторона, а духовная жизнь священника, его отеческое руководство

чадами. Для пастыря очень важно быть самому духовно зрелым, готовым идти к Богу, указывая путь другим. Людей надо вести к Богу, а не к себе, то есть избегать младостарчества. Необходимо быть хорошим духовником, настоящим отцом, горячим молитвенником за себя самого и за своих пасомых.

— Какова роль читаемой вами дисциплины в общей подготовке будущего пастыря?

— Не побоюсь повториться: предмет «Практическое руководство для пастыря» играет в семинарском образовании определяющую роль. К пятому курсу духовной школы человек уже должен четко осознавать тот путь, на который он ступает. Студент уже имеет широкий спектр теоретических сведений, которые должны найти прикладной выход, что и происходит на наших занятиях.

— Можно ли выделить, хотя бы условно, основные этапы становления будущих священнослужителей, обучающихся в духовных семинариях?

— Сложный вопрос, поскольку каждый воспитанник приходит в стены семинарии со своими базовыми представлениями, стартовыми знаниями. И в духовной школе осуществляется основное формирование личности, готовится крепкий фундамент: человек, желающий стать священником, приучается, прежде всего, бороться с собственными страстями, совершенствовать добродетели, приобретает неоценимый опыт молитвы, в которой просит Господа указать ему правильный путь — церковнослужителя, монаха, «белого» священника.

— В чем отличие курса «Практическое руководство для пастыря» от смежных ему — литургики, пастырского богословия, канонического права и других?

— Очевидное отличие заключается в том, что мой предмет практический. И я полагаю, что такую составляющую надо усиливать: семинаристы должны участвовать в совершении таинств и обрядов, нужно разработать и внедрить новые методы обучения, благодаря которым будущие священники сумеют увидеть богослужение не со стороны, а изнутри.

— Какие учебные пособия по вашему предмету представляются вам наиболее удачными и полезными?

— Скажу сразу, в настоящее время ощущается нехватка пособий, где бы описывалось, как совершать таинства и обряды. Однако издание таких руководств в настоящее время не безопасно. Дело в том, что сейчас есть большое количество шарлатанов, которые под видом священников совершают какие-то «обряды» и даже «таинства». И вот для них подобные пособия (содержание которых они, как показывает практика, трактуют весьма вольно, кощунственно) могут стать «инструкцией по применению». Но все же руководство по таинствам и обрядам, распространение которого будет жестко ограничено, необходимо. Причем я считаю, что оно должно быть представлено не только в виде отпечатанной книги, но и в видеоформате. В настоящее же время на занятиях мы пользуемся, конечно, Правилами святых апостолов, святых Вселенских и Поместных Соборов, святых отцов. Рекомендую я семинаристам и «Настольную книгу священнослужителя» Сергея Васильевича Булгакова, а также одноименный восьмитомник, изданный в советский период, «Практическое руководство для священнослужителей» Петра Ивановича Нечаева, книгу «Таинства и обряды Православной Церкви» протоиерея Геннадия Нефедова, конспект для четвертого класса Московской духовной семинарии протоиерея Дамиана Круглика (о нем я уже говорил). Иными словами, предмет можно считать достаточно обоснованным с учебно-методических позиций. Однако отмечу: некоторые данные, помещенные в пособия дореволюционного времени, утратили свою актуальность. В настоящий момент есть отдельные изменения, связанные с требами, и некоторые другие. И эти моменты нам, современным педагогам, приходится дорабатывать так, чтобы они были усвоены студентами.

— А что это за изменения? Расскажите о них, пожалуйста.

— Продиктованы они тем, что раньше Церковь являлась государственным учреждением, сейчас же она полностью отделена от государства. Соответственно, священник не имеет права проводить какую-то беседу перед исповедью, не может настаивать на регулярной исповеди и причащении. Он не дает заключения о возможности или невозможности брака, не требует от венчающихся обязательства, что их дети будут воспитаны в православной вере, хотя это, по-моему, желательно. Во всем остальном совершение треб и таинств осталось незыблемым. Они осуществляются по доброй воле приступающих к ним. Священник обязан

Праздник Владимирской иконы Божией Матери

внимательно относиться к просьбам своих прихожан, не требовать платы, быть примерным, любящим пастырем — этим правилам более двух тысяч лет.

— Какими правилами должен руководствоваться священнослужитель, если при совершении таинств, треб возникают затруднительные ситуации?

— Он должен твердо помнить каноны Православной Церкви, не преступать их, руководствоваться своей пастырской совестью и в затруднительных ситуациях не спешить с ответом и совершением какой-то требы, а посоветоваться с духовником или с благочинным.

— Если это возможно, охарактеризуйте основные ошибки, недочеты, которые чаще всего встречаются в священническом служении.

— Небрежность, халатность, привыкание, охлаждение к служению. Они ведут к тому, что священник не в полной мере, не с должной отдачей совершает свое пастырское делание. Это очень печально. И я постоянно предостерегаю своих студентов от подобных вещей и призываю молиться, чтобы Господь помог в преодолении таких серьезных недостатков.

— Кто из пастырей настоящего и прошлого является для вас образцом служения и духовного окормления?

— Я хорошо знал приснопамятного архимандрита Иоанна (Крестьянкина), старца Псково-Печерского монастыря. И считаю его образцом священнического служения. Именно у него в студенческие годы обучался мой отец. Несомненно, что советы старца дали ему возможность преподавать практическое руководство и уже в свою очередь делиться опытом с молодыми священнослужителями. Также Господь сподобил меня встретиться с блаженнопочившим протоиереем Виктором Шиповальниковым — человеком, который хранил многие святыни Дивеевского монастыря, в том числе и икону Пресвятой Богородицы «Умиление». Ему хотелось подражать с первой минуты знакомства! Примером пастырского служения является для меня и покойный протоиерей Феодор Соколов. Он образец того, как должно окормлять воинов, настоятельствовать в храме, строить отношения в семье. Я убежден: будущим священникам нужно основательно ознакомиться с наследием этих пастырей, внимательно вслушаться в их живительные слова, постараться постичь смысл их самоотверженных поступков.

— Батюшка, хотелось бы услышать ваше пастырское напутствие студентам Сретенской духовной семинарии.

— Хотелось бы пожелать студентам, чтобы они прилежно изучали предмет «Практическое руководство для пастыря», который, в конечном счете, призван дать будущему священнику уверенность в правильном совершении богослужений. Очень важно, чтобы выпускники семинарии нашли свое место в жизни, по велению души и сердца создали хорошие семьи либо приняли постриг, а главное — принесли пользу Русской Православной Церкви.

«Священник должен любить тех, к кому он обращает свою проповедь»

Священник Алексий Лымарев

Отец Алексий, вы преподаете гомилетику. Что означает название этого предмета?

— Гомилетика — это собеседование. Часто в дореволюционных учебниках этот предмет назывался «церковное собеседование» или «церковное красноречие». Но название «гомилетика» закрепилось, видимо, в связи с внутренним характером этой дисциплины. Собеседование... Речь идет о том, что мы обращаемся к сердцу человека, к живому слушателю. Проповедь изначально предполагала живой разговор, живую беседу, чего сейчас мы, к сожалению, не можем себе позволить из-за множества людей, находящихся в храме. В то же время проповедь по своему смыслу, содержанию, является только началом беседы. Нередко я замечал — и в своей практике, и в практике других священнослужителей, — что те проблемы и задачи, о которых говорил проповедник с церковной кафедры, выносятся в дальнейшем на обсуждение, в беседы, собеседования во внебогослужебное время. И это очень важно, потому что проповедь не может охватить всего круга проблем, которые на сегодняшний день мы решаем, и тех нравственных задач, которые стоят перед нами. И в то же время у людей остается возможность более подробно и широко для себя осветить тот или иной вопрос на нравственно-практическом уровне, что и является основной задачей проповеди. Вероятно, поэтому сохранилось это греческое название нашей дисциплины — гомилетика.

— А когда вы начали преподавать гомилетику?

— Сретенская семинария, тогда еще Сретенское училище, стала первой моей школой, где я опробовал свои знания, которые приобрел в духовной академии. Именно здесь, в Сретенском училище, я впервые стал преподавать этот предмет. А любовь к нему у меня зародилась с того первого дня, когда мы изучали этот предмет еще в Московской духовной семинарии. Это было более пятнадцати лет назад.

Тогда нашими руководителями и наставниками были замечательные педагоги. Но особенно я хотел бы отметить преподавателя гомилетики покойного владыку Сергия (Соколова, епископа Новосибирского и Бердского; † 2000). Его проповедь была неформальной: когда он проповедовал, он говорил с человеком, с каждым человеком. И эта простота подкупала. Уже в то время мне очень хотелось подражать таким людям, но не потому, что они говорили красиво, а потому, что их слова задевали струны души, и в сердце начинала звучать музыка небес.

Я помню, как владыка рассказывал о своей жизни. Он не проповедовал, он рассказывал, — будучи в сане архимандрита преподавателем гомилетики, ставши архиереем и собеседуя с людьми на гостиничном диванчике, в одной из своих пастырских поездок или на небольшой кухоньке епархиального дома, — он рассказывал о своей встрече с Христом. И это было так живо и естественно — быть с Богом, что другой жизни себе уже и не представлял. Владыка, у которого впоследствии Господь благословил мне быть келейником, никогда не призывал к монашеству, даже, наоборот, журил за монашеские настроения тех, кто еще не определился в своем жизненном пути.

Помню, однажды владыка рассказал мне, как Святейший Патриарх Пимен, у которого будущий владыка тогда был келейником, дал ему послушание — принять в дар от имени Патриарха икону от одной древней старушки. Оказавшись у нее в доме, он хотел помочь донести этот огромный, по сравнению с ростом древней бабушки, образ Богоматери. Но она не позволила и сказала: «Не я понесу икону, но она сама пойдет». И высоко вознесши в руках этот поистине великий образ, она словно не по земле пошла, и даже не пошла, а, как бы ухватившись, проследовала за ним. И казалось, Сама Богоматерь несла не только икону, но и эту светившуюся от древности и иссохшую от времени бабушку. Владыка уже не говорил, он плакал, рассказывая об этом. И его глаза, которые до этого смотрели на меня, теперь устремили свой взор сквозь меня, сквозь время, и казалось, он сейчас там, рядом с Богоматерью, Которая открыла ему Себя, в том мире, где все временное не имеет значения, где живут радость, любовь и Господь.

Именно эта сердечность, внимание к человеку и подлинный личный аскетизм привели к тому, что вокруг него в первые годы архиерейского служения образовалось несколько монашеских общин, которые сегодня являются известными монастырями сибирской земли. Так вот, этот архиерей по сану и монах по жизни ходил пред Богом и свидетельствовал о нем всем, свидетельствовал просто, ненавязчиво, и его беседа, лишенная напыщенности и богословской изощренности, оказывалась столь глубокой, что испить ее до дна не удается и теперь. Поэтому он был доступен каждому. Помню, в одной из поездок, когда после тяжелого дня, насыщенного и Божественной литургией, и встречей с администрацией, и рассмотрением дел, связанных с сектой, обосновавшейся в границах прихода, после огромнейших переездов — а расстояния в Сибири измеряются сотнями километров, — так вот, когда после всего этого к нему приходили самые простые люди с обыденными житейскими вопросами, которые легко мог решить любой приходской батюшка, то владыка садился на приступочке и часами говорил так, как говорил бы со своим близким другом. И вот этот пример для меня как преподавателя гомилетики, как священника является самым ценным из опыта моих предшественников, пастырей-проповедников прошлого. Именно эти качества: вдумчивость, простота и свидетельство (исповедничество) — должны быть основой современной проповеди.

Важно еще и другое. Владыка Сергий как преподаватель гомилетики был студентом и учеником покойного отца Александра Ветелева, автора конспекта по гомилетике для 4-го курса духовной семинарии, которым пользуемся и мы с вами. Это удивительный педагог, обладавший поистине фундаментальными знаниями по философии и истории, автор учебников по апологетике, простой и искренний, непоколебимый в убеждениях и твердый в вере. Он оказал влияние не только на владыку Сергия, но отчасти и на меня. У владыки, тогда еще студента Московских духовных школ Серафима Соколова, было послушание — возить из Москвы в Загорск (ныне, как и до революции, Сергиев Посад) уже престарелого священника, преподавателя гомилетики протоиерея Александра Ветелева. Эти беседы в электричке, в его квартире были той подлинной школой гомилетики, которую редко удается освоить на семинарской скамье.

Мне в 1990-е годы посчастливилось познакомиться с дочерью отца Александра Ольгой Александровной Ветелевой. Я пришел в ее московскую квартиру и оказался... в кабинете отца Александра. Все здесь было как и 20, а теперь уже и 30 лет назад. Даже цветы, за которыми ухаживал батюшка, стояли на своих местах.

В 1960-е годы после посещения священником московской квартиры могла круто измениться жизнь не только людей, пригласивших к себе человека «вне закона», но и самого батюшки. Очень часто за подобные вещи представители светской власти лишали священника регистрации, после чего он не имел права служить ни на одном приходе, его не имел права взять к себе в епархию ни один архиерей. А отец Александр не боялся ничего, он шел в своем поношенном подрясничке и в шляпе, шел туда, где его ждали. И вера была настолько велика, что никому и в голову не могла прийти мысль, что священник, вот так открыто заявляющий о себе, может не иметь покровительства советской власти. А он не имел покровительства власти, он имел покровительство от Бога и крепкую веру. В беседах вот об этом и проходили наши встречи с Ольгой Александровной, после которых она мне давала печатные работы своего отца по истории философии, апологетике и, конечно, те работы, которых я так ждал, — по церковному красноречию.

Так появились во мне интерес и любовь к гомилетике.

Вспоминаю еще один маленький эпизод из моей студенческой жизни. Книги стали только-только появляться... Мы помним, как в советские времена книга была сокровищем, и, чтобы купить небольшое произведение, в том числе и классиков нашей русской литературы, приходилось сдавать макулатуру, выстаивать очереди. А в начале 1990-х книги стали свободно появляться в продаже, причем очень интересные, те, которые всегда хотелось иметь в своей библиотеке. И попалась мне в руки рекламка, где было сказано, что вышел один из томов Цицерона под названием «Три трактата об ораторском искусстве». Тогда это было, наверное, мечтой каждого человека, который любит слово и стремится им овладеть. Я написал прошение, чтобы меня отпустили из семинарии, и специально проделал путь в девять часов и 200 километров для того, чтобы приобрести эту книгу, которая на некоторое время стала моей настольной книгой.

— Отец Алексий, не могли бы вы рассказать, как гомилетика преподавалась в дореволюционных семинариях, школах.

— Дореволюционная школа славилась, прежде всего, своей системой. Очень много времени уделялось классическим предметам. Кроме того, перед тем как приступить к церковному красноречию, студенты изучали ряд дисциплин, которые непосредственно были связаны с искусством построения проповеди. Поэтику, например. Мы знаем, что митрополит Платон (Левшин), святитель Филарет Московский изучали эти предметы. Более того, в семинарии у святителя Димитрия, митрополита Ростовского, студенты также изучали этот предмет, и собирались церковно-литературные вечера, на которых учащиеся выступали вместе с педагогами, зачитывая свои произведения. Так поднимался общий уровень образованности и знания слова.

Сегодня одна из основных проблем для студентов и некоторых проповедников заключается, прежде всего, в том, что они не имеют достаточного опыта в подборе понятий при изменившейся ситуации. Например, применив к слову, употребленному в женском роде, местоимение в мужском, проповедующий приходит в замешательство и прерывает ход своего рассуждения. Для человека, который владеет словом — словом поэтическим, этих проблем не существует. Он умеет подбирать правильный ритм, правильные понятия и, в совершенстве владея художественным словом, произносит проповедь свободно; его речь течет как полноводная река.

Вероятно, каждый в юности пытался что-либо сочинять и хорошо себе представляет, насколько тяжело порой бывает заниматься этим родом деятельности. Именно поэтому студентам дореволюционных школ гомилетика давалась несколько проще, поскольку студенты изначально осваивали материю проповеди — слово. Кроме поэтики и риторики, изучались еще некоторые другие филологические дисциплины, например классические языки. В наше время с языками дело обстоит довольно непросто. Если в семинарии у нас только один язык является профилирующим,

Владыка Лавр в Сретенском монастыре

то в дореволюционной семинарии основными считались все классические языки: латынь, греческий, древнееврейский, а с последней четверти XIX столетия в некоторых семинариях было введено преподавание и местных инородческих языков. Так, например, в Астраханской — калмыцкого, в Рижской — латышского и эстонского, в Якутской — якутского, в Петербургской — финского, в Александровской миссионерской — осетинского, в Казанской — татарского, черемисского (марийского) и чувашского, в Вятской — черемисского, в Оренбургской — татарского и калмыцкого. К 1914 году вводятся в Казанской епархии — татарский, чувашский, черемисский (марийский) языки, в Оренбургской — татарский и арабский. Все это создавало огромный потенциал для проповедников. Все эти знания давали возможность этимологически исследовать то или иное понятие, текст Священного Писания в оригинале, открывали простор для творческой мысли проповедника.

В связи с этим сам предмет уже не касался общих вопросов языка и обращал внимание исключительно на задачи богослужебной проповеди.

Конечно, может показаться, что дореволюционный уровень овладения предметом недосягаем для наших студентов, но это не так. Многие направления дисциплины в XVIII–XIX веках находились на стадии разработки. Не существовало еще разработанной теории о пастырской импровизации. К изучению святоотеческой проповеди применялся только исторический подход. Прекрасным примером изучения текста в новое время явилась, например, работа В.П. Зубова «Русские проповедники».

— Отец Алексий, а где еще, помимо Сретенской семинарии, вы преподаете?

— Я сейчас преподаю гомилетику (теоретический курс) в Перервинской духовной семинарии (на 3-м курсе). Кроме того, есть предложения и о том, чтобы преподавать этот предмет в расширенном виде студентам и других учебных заведений: тем, для кого проповедь слова Божия является главным направлением, то есть миссионерам и на богословских курсах, и тем, для кого гомилетика как церковная

проповедь не является профилирующим предметом.

— А как вы строите преподавание?

— Сегодня, к сожалению, приходится темы курса перераспределять с учетом того, каких знаний ребята не могут получить в современной системе семинарского образования. То есть в теоретический курс гомилетики (3-й курс семинарии) вводится часть общего курса владения словом — риторики. Дается она в том объеме, в котором необходима для того, чтобы свободно составлять проповеди в соответствии с психологией восприятия человека, на основании в том числе и классической риторики. На 1-м курсе мы изучаем предмет, который также помогает в нашей дисциплине, — логику, поскольку логическое мышление предполагает структуризацию проповеди и последовательное раскрытие тем и понятий, вводимых проповедником, для выполнения главной — нравственной — задачи, которую он решает на амвоне.

Вторая задача, которую мы решаем на занятиях, — дать возможность практического закрепления материала. Однако выступить студенту не всегда удается. Если в аудитории 20–25 человек и каждому необходимо уделить не менее десяти минут внимания, чтобы прослушать его учебную проповедь, дать комментарий, а иногда и практически отработать некоторые элементы, то это займет не менее трех лекций, таким образом почти месяц уходит на решение практических задач. В связи с этим за первое полугодие мы имеем возможность только один раз дать студенту опробовать свои теоретические знания. Этого очень мало. Поэтому целесообразно было бы выделить на эти занятия отдельные часы, по образцу того, как в регентском классе теоретическую часть слушают на лекционных занятиях, а практические занятия назначаются индивидуально каждому студенту.

— Какую роль играет предмет, преподаваемый вами, в процессе обучения будущих пастырей?

— Вера — от слышания, а слышание — от слова. От проповеди. Проповедь является, пожалуй, самым значимым элементом катехизации и церковного воспитания. Отсюда возникает и понимание значения этого предмета для студента духовной семинарии. Здесь, наверное, следовало бы обратить внимание, прежде всего, на внутренние мотивы миссионерской деятельности наших ребят, которые не только получают знания, но и имеют возможность их опробовать — преподавая в воскресной школе, беседуя после богослужения (я знаю, такая практика существует), в беседе после лекций... Одно время наши студенты участвовали в курсе лекций о Православии в Политехническом музее. Их задача состояла в том, чтобы разъяснить сложные богословские нюансы, которые остались за рамками понимания слушающих во время лекции наших педагогов. Эти беседы проходили в перерывах между лекциями, и задача студентов иногда была сложнее, чем у преподавателей, — разъяснить, расширить знания после исчерпывающей и интереснейшей лекции наших прославленных проповедников. Поэтому необходимость этой дисциплины реально ощущается студентами непосредственно с первых контактов с окружающими людьми.

— А есть ли отличия в преподавании гомилетики и риторики?

— Гомилетика является частной наукой по отношению к риторике. Риторика дает общие основы владения словом. Гомилетика говорит о частностях, именно о том, как это слово реализуется в церковной среде, если быть более точным — как священнику нужно проповедовать в храме, именно во время богослужения. Ведь гомилетика, прежде всего, учит тому, как будущему пастырю, проповеднику произносить слово с церковного амвона. Есть несколько видов церковной проповеди. Это и та проповедь, которая произносится во внебогослужебное время и является по своей сути миссионерской, если обращена к человеку, не являющемуся членом Церкви, и катехизической, которая предполагает воцерковление крещеного, но далекого от опыта церковной жизни христианина. Вершиной же церковного ораторского искусства является богослужебная проповедь. Поэтому гомилетика, с одной стороны, пользуется общими принципами словесности, но в то же время имеет в своем составе ряд определенных частных аспектов, которые преподаются на протяжении двух, а в академическом курсе — на протяжении четырех лет.

— Какие основные правила произнесения проповеди вы лично используете в своей пастырской, проповеднической практике?

На занятиях

— Правила эти общие, и о них мы говорим со студентами на протяжении двух лет. Но для себя лично я вычленил несколько.

Прежде всего, необходимо прислушиваться к тому, какой резонанс твоя проповедь вызывает у слушающих, как она отзывается в их сердце и какой отклик находит в их сознании. Очень часто бывает, что люди подходят и в недоумении задают какой-то вопрос по поводу непонятных мест проповеди. Иногда бывает, что люди благодарят. Очень часто проповедь остается без всякого отклика в сердцах слушающих. Нередки случаи, особенно в начале проповеднической деятельности (я помню каждый из них как только что происшедший), когда прихожане, имеющие богатый опыт церковной жизни, иногда педагогический стаж, на протяжении десятков лет преподающие в лучших вузах Москвы, подходили и обращали мое внимание на некоторые ошибки. И к этим замечаниям надо всегда относиться с благодарностью, учитывая и перерабатывая их в своей дальнейшей проповеднической деятельности, что, во-первых, позволяет встать на более высокую степень мастерства и, во-вторых, позволяет обрести теснейшие связи со своим приходом, где каждый по силам и талантам, данным ему от Бога, совершает служение любви.

Если проповедь была услышана, то одно или два слова о ней человек всегда скажет. И так бывает всегда, когда ты проповедуешь искренне, когда слова задевают за живое. Иногда в отношении сказанной проповеди могут даже пошутить, особенно если это твои собратья-священники или работающие при храме. И это тоже или своеобразное замечание, или свидетельство того, что проповедь проникла в глубину, разбередила греховные раны человека. Тогда надо проявить больше такта и любви, чтобы проповедь вместо обличительной, стала поучительной.

Но особое внимание следует обращать на те случаи, когда проповедь остается без отклика. Это знак, что проповедь была суха, слово «проскользнуло» через сознание, не вызвав размышления. Вот это беда. И это первый знак того, что надо работать над собой, надо работать над содержанием проповеди.

Вот такие небольшие, но важные уроки, которые я усвоил для себя за несколько лет моего служения в священническом сане.

Кроме того, следует помнить, что приход по своему составу неоднороден. Тут и дети, и взрослые, тут и бабушки, которые пережили блокаду Ленинграда, и «прохожане», которые попали не туда, или люди искусства, приходящие в храм один раз в году на литургию П.И. Чайковского. Рядом с тобой находятся и совсем юные души, у которых верующие родители, но у которых сердце находится не в храме. Поэтому, прежде всего, нужно определить, кому из людей твое слово сейчас более всего необходимо. Это второе правило.

И третье правило, которое является нереализованным пока еще сегодня в полной мере, исполнение которого ожидает своего часа. Оно, прежде всего, касается небольших приходов, где богослужение совершается ежедневно и куда могут прийти люди совершенно нецерковные. Именно это случайное посещение храма необходимо использовать, и оно может стать поистине первым осознанным. Вот для таких-то людей, которые, как видит священник, не знают просто, куда главу приклонить, а куда обратиться своей мыслью, должна

произносится проповедь по случаю. Хорошо, конечно, если у нас в храме есть миссионеры, которые обязательно должны таких людей встречать с улыбкой, с любовью, с подлинной радостью и помогать им в тех затруднениях, которые они испытывают. В последнее время замечаю, что в храме очень много таких людей, они впервые приходят к исповеди и обращаются к священнику. Причиной этому бывает часто какое-то горе: либо потеря родных, либо потеря близких. И этим людям нужно слово утешения. Священник, говорящий проповедь с амвона, может и не знать об этом. В таких случаях церковный человек, находящийся на специальном послушании храмового миссионера, окажется всегда кстати. Таким миссионером может быть окончивший как семинарию, так и богословские курсы или воскресную школу. Их слово не будет лишним. Тем более если миссионер живет приходом и любит общину. Он знает храм, его историю, историю района, где расположен храм. Достаточно несколько слов рассказать о храме, о времени его появления, о его святынях, о том, чем мы живем, о том, почему я сам нахожусь в храме, чтобы человек ощутил себя в церковном пространстве не посторонним, своим.

Есть еще одно правило, которое, на мой взгляд, является очень важным. Оно говорит о необходимости внутреннего настроя. Очень часто приходится говорить проповедь без подготовки, когда этого требует послушание священноначалию, то есть старшей братии, или когда рядом с тобой находятся те люди, перед которыми надо говорить экспромтом. И тогда ты начинаешь волноваться, думать: как ты произнесешь проповедь, каков будет отклик на нее? И это волнение мешает говорить открыто, говорить то, что ты знаешь, а знаем мы, слава Богу, пусть и мало, но вполне достаточно, чтобы помочь людям. Поэтому следующее правило можно выразить словами Писания: «Возверзи на Бога печаль твою, и Тот тебя утешит и наставит». Митрополит Антоний Сурожский как-то сказал, что он не считает необходимым готовиться к богослужебной проповеди, поскольку Господь открывает священнику то, что он должен сказать сегодня. Если Господь коснулся сердца проповедника, значит, он коснется и сердец тех людей, которые его слушают.

И вот это благовременное слово, которое Господь дает прочувствовать священнику, — это то самое важное, ради чего произносится проповедь. Безусловно, это Божественный призыв. И это стало основным моим правилом, которое я стараюсь реализовывать в своей проповеднической жизни.

— Отец Алексий, не могли бы вы кратко охарактеризовать основные периоды проповедничества в Русской Церкви?

— Об этом много сказано и написано, в том числе и в учебниках. Об этом, между прочим, и очень хорошая книга, которая вышла накануне революционных событий в России. Ее автор — протоиерей Матфей Поторжинский. Книга посвящена и периодам появления и становления русской проповеди. Но я хотел бы обратить внимание на то, что тот период, когда русская проповедь была под влиянием Запада, многими нашими проповедниками, авторами книг по гомилетике расценивается как отрицательный. Я не стал бы так однозначно оценивать эту эпоху. Да, действительно, в это время отечественная проповедь много заимствовала у средневековой схоластики Запада, но это ее сделало более системной и структурной. В это время стало очевидным, какие формы выражения мысли являются нежизненными, леденящими душу человека. При этом тогда же разрешился один из очень важных вопросов — о возможности использования юмора, включения шуток в богослужебную проповедь. Огромная роль в решении этого вопроса принадлежит митрополиту Феофану (Прокоповичу). Вот что было важно.

Русская проповедь в своем развитии достигла той высоты, которую мы можем видеть в проповедничестве святителя Филарета, митрополита Московского, святителя Макария (Невского), современных наших проповедников. Это то, чего во многом не хватает людям, не имеющим классического образования, не знакомым с традициями истории, не знакомым с логикой развития мысли и традициями проповедничества.

Каждый период оказал благотворное влияние на нашу науку и на нашу проповедь. Постепенно отсеивалось все лишнее, все плевелы и сор. Любое правило проверяется жизнью. Если люди не слушают, если им не интересно, значит, это нежизненно, и это уходит. А то, что жизнь, то всегда остается, оно злободневно, всегда на вооружении.

— Насколько образцы проповеди, выработанные в течение веков, сохраняются в проповедях современных пастырей, проповедников?

— Нередко священники берут проповеди отцов «золотого века» не просто за образец, а целиком передают те их беседы, которые мы с ребятами часто читаем на уроках по гомилетике. Не случайно поэтому они названы классическими образцами. Бывает, что лучше и сказать невозможно. Однако практически всегда приходится перерабатывать проповедь применительно к той или иной ситуации, в которой находится священник, к уровню образованности, степени духовной зрелости людей. Поэтому проповедь всегда получается другой. Безусловно, что беседы святителя Иоанна Златоуста и преподобного аввы Дорофея понятны и самому неискушенному человеку. Но тексты преподобного Иоанна Лествичника или преподобного Никодима Святогорца требуют стилистической переработки. Хотя если мы с вниманием подойдем к изучению «Лествицы», нам откроется вся красота и глубина византийского слога. Конечно, мы не можем ни мыслить, ни говорить так, как говорил и мыслил преподобный Иоанн Лествичник, ибо живем совершенно в другой культурной традиции.

В отношении проповедей отцов «золотого века» важно вот что. Если священник не имеет достаточно времени для приготовления проповеди, то у них он всегда найдет не только образец культуры раннего христианства, но уже готовую проповедь, которую он может произнести. И здесь повториться не грех, потому что вхождение в традицию или передача традиции, пожалуй, самое главное, что есть в проповеди. Научение этой традиции, передача опыта. И здесь-то как раз и реализуется связь Предания, которым, собственно, и живет Церковь.

— А каких наиболее интересных проповедников нашего времени вы могли бы назвать? И в чем особенность их проповедей?

— Не пристало давать оценку деятельности людей, которые выше меня по сану, опыту жизни и служения Церкви. И поэтому я буду говорить не столько о личностях, сколько о стиле проповедников и содержании их проповедей. Каждый, кого мне хотелось бы отметить,

выразил особенно удивительно ту или иную сторону методологического подхода к проповеди. И любому проповеднику незазорным будет перенять этот уникальный опыт.

Как на образец стиля церковной проповеди мне хотелось бы, прежде всего, обратить внимание на гомилетическое наследие митрополита Антония Сурожского. Его проповедь очень проста, доступна для понимания. Его стиль укоренен в богослужебной символике и языке русского перевода Библии. Этот очень чистый, а самое главное, лишенный современных вульгаризмов язык, язык, проникнутый благоговейным отношением ко всей церковной культуре. Его богослужебные проповеди коротки и передают опыт той живой встречи священника и Бога, которая происходит именно сейчас. Внебогослужебные беседы, несмотря на простоту речи, поднимают очень серьезные богословские проблемы. В них общедоступно изложены насущные и самые распространенные проблемы. Они могут быть использованы в качестве миссионерского материала, в том числе в печатном виде для раздачи тем людям, которые только что пришли в храм и впервые познакомились и соприкоснулись с традициями Православия. Даже самые трудные понятия владыка Антоний разъясняет в простых примерах, в простых жизненных ситуациях и историях. Поэтому для меня проповеди митрополита Антония Сурожского являются образцом стиля церковной проповеди.

Второй проповедник, который мне очень дорог — и его труды я, скорее, отнес бы к разряду миссионерских проповедей, — это протоиерей Димитрий Смирнов. Все классические примеры проповедничества, с которыми мы соприкасались и в течение жизни, и на семинарских занятиях по гомилетике, реализованы в его беседах. Но отличительной их особенностью является, если можно так выразиться, «светская» иллюстративность, понятная современному светскому человеку. Если мы возьмем проповедь преподобных аввы Дорофея, Иоанна Кронштадтского или же Феодора Студита, проповеди святителя Игнатия (Брянчанинова) и других наших классиков, то мы найдем в них примеры, почерпнутые из опыта церковной жизни: патериков, житийного материала и церковной истории. И все это понятно людям, которые живут внутри церковной ограды. Людям нецерковным, слушающим классические образцы проповеди, порой кажется, что рассказ повествует о каких-то инопланетянах — все это настолько необычно и так сильно разнится от их ежедневного опыта. Отец Димитрий в качестве иллюстративного материала избирает примеры современной жизни, события новостных лент. Это трагедии в армии и случаи из тюремного служения, конференции, примеры из классических произведений литературы — то, что доступно, знакомо и привычно каждому светскому человеку, который живет именно в подобной культурной среде, вырос на Маяковском и фильмах Роу. Это замечательный пример, как можно быть «всем для всех, чтобы спасти хотя бы некоторых». Такого рода миссионерских проповедей сегодня очень не хватает.

Проповеди епископа Феогноста Сергиево-Посадского поражают меня своим эмоциональным воздействием. Проповеди владыки в основном аскетические, нравственно-экзегетические. Но главное — это то, как он их произносит. Ту экспрессию, которая заключена в его проповедях, редко встретишь у наших проповедника. Студенты, которым я давал послушать его избранные проповеди, иногда просили остановить запись, потому что эмоциональное напряжение было настолько велико, что прослушать подряд две или три проповеди было невозможно. И вот этой-то экспрессией он и будит заснувшую душу. Как говорил Цицерон, проповедь должна обращаться не только к уму, но и к сердцу. Именно это горение мы, к сожалению, не часто переживаем и сами, нечасто встречаем и у наших современников-проповедников.

Современные технологии открывают новые возможности для проповеди, о которых мы не предполагали еще несколько лет назад: всемирная коммуникативная сеть интернет, цифровое телевидение. И если апостолам в их трудах для того, чтобы охватить евангельским благовестием тот или иной регион, требовалось преодолевать тысячи километров и тратить годы жизни, то сегодня достаточно одного телевыступления, чтобы быть услышанным многомиллионной аудиторией. Именно таким перспективным направлениям сегодня уделяется много времени. И уникальным примером подобной проповеди является передача «Слово пастыря». Первый канал телевидения, вещающий на страны и ближнего, и дальнего зарубежья, собирает

миллионы зрителей. Мне рассказывали люди, как они, желая приятно провести время у своих телевизоров в выходной день, оказывались пред лицом новой реальности, о которой им возвещала проповедь тогда митрополита Кирилла, а теперь нашего Патриарха.

Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла не только современна, но и глубоко церковна. Очень часто, пытаясь сделать проповедь доступной светской аудитории, авторы идут на «уступки» слушающим. Не говорят, например, о сложных проблемах или опускают то, что может вызвать недопонимание. Святейший Патриарх основывает свои ответы всегда только на том фундаменте, на котором Церковь строит свое учительное послание миру, как сказал он в одном из своих выступлений. «Когда к жизни Церкви подходят, используя исключительно светские научные критерии оценки, то всякий раз впадают в очень существенную ошибку», — говорил он в другом своем обращении. Но на одно качество его проповедей мне хотелось бы обратить особое внимание — это ясность языка и выверенность формулировок. В передаче «Слово пастыря» за 15 минут раскрывались сложнейшие темы — «О богопознании», «О Святой Троице» и другие, которым в курсе семинарских занятий посвящается несколько академических лекций.

— Отец Алексий, как вы считаете, достаточно ли времени уделяется гомилетике в духовных школах?

— Если говорить о теоретическом курсе — достаточно. Третьему семинарскому курсу вполне достаточно того количества времени, которое отводится на гомилетику. Его хватает, чтобы студент смог произносить очень достойные проповеди. Не хватает времени на практические занятия — я уже говорил об этом. А они необходимы. Эти практические занятия должны проходить таким образом, чтобы студент мог лично общаться с педагогом, и педагог мог каждому студенту посвятить минимум часа четыре чистого времени для того, чтобы развивать те таланты, которыми студент обладает, и обратить внимание на те ошибки, которые могут стать определяющими во всей его последующей проповеднической деятельности. Если говорить о программе 4-го курса семинарии, то часов, выделенных на дисциплину, конечно, катастрофически не хватает. То, что мы успеваем сделать, это даже не изучить, но лишь

Митрополит Лавр в Сретенском монастыре

познакомиться с проповедниками — по одному из каждой эпохи. И у нас получается, что где-то к Великому посту мы подходим только к началу XX столетия. Этого очень мало. Таким образом, на современную проповедь у нас остается одна, максимум — две лекции. К тому же, хотелось бы обратить особое внимание студентов еще и на проповедь русского зарубежья, где совершали свои миссионерские служения такие известные проповедники, как протопресвитеры Иоанн Мейендорф, Александр Шмеман, митрополит Антоний Сурожский и многие другие. Эта эпоха проповедничества интересна тем, что вскрывает тот стиль, направление, богословский уровень и социальные задачи, которых бы достигла русская проповедь у нас в России, если бы не революция.

С другой стороны, мы видим проповедь, которую попытались реализовать в странах

Западной Европы, и то, насколько она была жизнеспособна, насколько Православие было интересно и жизненно там, в странах западного рационализма. И вот на эти-то важные темы у нас времени практически не остается или его нет вообще, не говоря уже о том, что хотелось бы также дать краткий обзор проповедничества западного: католичества, протестантизма, — для того, чтобы не только иметь сравнительную характеристику, но, прежде всего, чтобы приобрести опыт и посмотреть на те особенности, иногда ошибки, но также и положительный опыт, который поможет нашим студентам стать настоящими проповедниками, готовыми возвещать истину Христову в любых социально-культурных условиях.

— А в чем вообще важность и необходимость теоретических знаний по гомилетике для семинариста?

— Любую область деятельности можно осваивать интуитивно, точно так же, как ребенок учится говорить. Но это будет только первым шагом на пути к подлинному обладанию словом. Без систематических занятий русским языком, историей и теорией литературы нельзя стать настоящим специалистом. То же самое можно сказать и о проповедничестве. Мы можем и на примерах учиться, но гораздо проще и быстрее освоить эту прекрасную науку, познакомившись последовательно не только с классическими образцами, но и с тем, каким образом формировалась наука, каким образом появлялись формы не только проповеди, но и вообще формы речи.

— Какие темы курса гомилетики вы считаете самими сложными для освоения и понимания?

— Самое сложное — адаптация и использование античного риторического канона и форм внешней риторики в современной проповеди. Когда мы читаем образцы византийской проповеди, студенты с трудом могут себе представить, как вообще это можно использовать в нашей практической деятельности.

Дело не только в том, что сейчас мы говорим по-другому. Мы живем по-другому. Люди эпохи преподобного Иоанна Лествичника жили в традиции, где люди могли наслаждаться устной речью. Человек, прочитывая произведение для себя, будучи один на один с собой, никогда не читал «про себя», он всегда читал вслух и радовался красоте слова и гармонии словесных форм. Эта традиция берет свое начало в античном театре, где сформировались основные типы литературных произведений и куда приходил человек, чтобы слушать слово. Слово играло. Оно было автономно. Достаточно вспомнить, что игры в театре практически не было, что собственно и было причиной появления известных театральных масок. Поэтому устному слову отводилась особая роль. Конечно, это абсолютно не означает, что в синайских монастырях под управлением преподобного Иоанна или в константинопольском

Во дворе Сретенского монастыря

монастыре неусыпающих было такое идолопоклонническое отношение к слову, нет. Но и преподобный Иоанн, и Иоанн Златоуст возрастали и были воспитаны в почтительном отношении и любви к слову, что выразилось и в красоте их проповедей.

Нам порой кажется, что все античное или архаичное должно уйти, что оно не имеет практического значения. Напрасно! Потому что подобное знание слова, подобная любовь к слову вскрывает многие аспекты понимания, чего мы на сегодняшний день лишены. Очень часто мы произносим проповедь, и, как нам кажется, правильную, не заботясь о восприятии нашего слова слушателями. А в том, как произнесена проповедь, заключается половина успеха. Именно в практическом освоении слова и помогает нам вот эта внешняя формальная риторика, которая очень часто не находит применения в гомилетической практике наших студентов. Возникает масса вопросов. Но я думаю, что все эти вопросы снимутся лишь после того, как мы освоим тот богатейший материал, внутренне переработаем его и сможем понимать, почему святые отцы говорили именно так, почему носители этой византийской культуры мыслили так. Но этот опыт появится только после того, как в нашем сердце произойдет органическое осмысление этой эпохи, этих произведений.

— Почему на занятиях и при проверке проповеди у студентов вы всегда настаиваете на четком построении плана проповеди при ее подготовке?

— Это естественно. Человек, для того чтобы воспринять пищу телесную, должен ее сначала приготовить, и только потом он сможет получить наслаждение от тех ароматов и вкусовых ощущений, которые он формирует в процессе ее приготовления. То же самое можно сказать и о проповеди. Слушающий не последует нашему призыву, если не будет к тому подготовлен предшествующей речью. Святитель Иоанн Златоуст в беседе о милостыне сказал: «Слушатель, одушевившись приятными надеждами и сделавшись благорасположеннее, примет наставление с большим усердием». Призвать человека можно тогда, когда он захочет, когда он сможет принять ваш призыв. Если этого не происходит, если мы сразу толкаем человека на подвиги, иногда для него непонятные, происходит трагедия. Священник не достигает своей цели, паства остается без назидания.

— Что должен знать будущий священник при подготовке и произнесении проповеди? И что он должен знать в первую очередь?

— Это материал всего курса гомилетики. Прежде же всего, священник должен любить людей. Если он не любит, то его слово будет сухим, и оно не достигнет человека. Можно сказать много правильных слов, но нам никто не поверит. А можно сказать очень просто и доступно, без всяких ухищрений, и человек прочувствует любовь, и уже этого бывает достаточно. Иногда на проповеди и на исповеди я замечаю, что люди от самых простых слов уходят утешенными, хотя, казалось бы, ничего такого необычного не сказал. И сам себя винишь, что не смог подобрать нужных выражений, а оказывается совсем наоборот. Ты постарался, рассказал о своем опыте, приложил все силы душевные и помолился. Однако все равно осознаешь, что слова твои — только слова, слова твои. Но проходит время, и люди, приходя опять в храм, искренне благодарят тебя, приводя и своих близких, словно как бы в свидетельство действенности слова. Поэтому основа для произнесения проповеди — смиренное мнение о своих способностях, любовь к человеку и молитва к Господу. Вспоминается разговор с одним моим педагогом, которого я очень уважаю и с благодарностью вспоминаю, хотя прошло уже более десяти лет со дня окончания академии. Получив послушание миссионера тюремного храма, я решил принять наставление от человека, который всю свою жизнь посвятил апологии христианства. Он сказал мне всего одну фразу: «Успех проповеди заключен в молитве».

— А возможно ли говорить замечательные и хорошие проповеди без подготовки, по слову Господа о том, чтобы не заботились, что говорить, что отвечать, так как это дано нам свыше по действию Святого Духа?

— Во-первых, в контексте эти слова звучат так: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух вашего Отца будет говорить в вас» (Мф. 10: 19–20). Это слова утешения и поддержки, сказанные апостолам, которых будут гнать и убивать за имя Христово. И Спаситель убеждает их в том, что не оставит их одних, и немощь человеческая явит силу Божию. И не относятся эти слова никоим образом к процессу приготовления проповеди, когда священник должен

реализовать свои творческие способности, таланты, данные ему от Бога. Поэтому не надо перекладывать ответственность за свою проповедь на Господа. Это попытка оправдать свою леность, нежелание кропотливо трудиться над своим послушанием. Куда легче полежать, посмотреть фильм, почитать книгу или провести время в веселой беседе. К тому же, произносить проповедь экспромтом мы можем лишь в том случае, когда обладаем достаточным знанием, достаточным нравственным опытом и если мы способны к тому, чтобы рассуждать во время произнесения. На это способны очень немногие.

Признаться, в студенческие годы мы упражнялись в произнесении экспромтов. Уходили в поле — а вокруг Лавры такие красивые поля, перелески, по весне птицы поют — душа поет. И вот один из нас зачитывал евангельское зачало, другой произносил краткую проповедь. Потом менялись местами. Но как ни велика была любовь к проповеди, скоро запас знаний истощился, а поддерживать интерес к слову одним воодушевлением было невозможно. Как говорил Цицерон, невозможно говорить хорошо о том, чего не знаешь.

Очень часто в своих рассуждениях студенты сбиваются или просто путаются. И для того, чтобы наше слово достигало сознания людей, чтобы человеку не пришлось распутывать клубок наших мыслей и додумывать то, что мы намеревались сказать, но не сказали, забыли или не смогли проиллюстрировать свою мысль, для этого необходима подготовка. Поэтому начинающему проповеднику необходима постоянная работа над своими проповедями. Работа не только над содержанием проповеди, но и над ее произнесением.

Господь дает молитву молящемуся, так же и слово дает тому, кто трудится над словом. Об этом мы должны всегда помнить.

Даже в случае, если проповедь произнесена экспромтом, прекрасная проповедь, она должна быть записана, оценена самим священником после ее произнесения. Вот основные правила, которые нужно всегда реализовывать в своей жизни. И я считаю, что произносить экспромтом проповеди постоянно мы не имеем права, по крайней мере на первых порах.

— Назовите, пожалуйста, основные ошибки, которые допускают в своих проповедях современные священники, современные проповедники? Что вас лично коробит?

— Нехорошо оценивать деятельность своих собратьев. Тем более что ошибки есть у каждого. В том числе и за собой я замечаю достаточно ошибок, которые хотелось бы исправить. Ну, а самой распространенной ошибкой, даже не ошибкой, а, скорее, недопониманием, является отсутствие практических наставлений в проповеди. Мы зачастую не показываем практического пути освоения тех идеалов, к которым мы призываем. С одной стороны, конечно, мы по своему смирению можем и отказаться от этой задачи, поскольку кто может учить? Только человек высокодуховный, высокоморальный. С другой стороны, знание реализуется по нескольким направлениям. Есть знания внешние, есть знания внутренние, которые мы переживаем в своей жизни, и от одного до другого знания мы должны прожить достаточно долгий промежуток времени. Нельзя сказать, что студент, который закончил семинарию, не знает этого пути, в то же время это знание не является знанием его личного опыта. Вот как раз здесь возникает проблема: как я могу говорить? А говорить надо, поэтому не от себя, а исходя из опытности других людей, которые оставили нам указание пути в Царствие Небесное, как сказано в одноименной книге святителя Иннокентия, митрополита Московского.

Поэтому на специальном, я бы даже сказал экстренном, педагогическом совете, собранным по инициативе нашего ректора архимандрита Тихона (Шевкунова), было принято решение: на предметах практического направления изучать и обсуждать аскетическую литературу, составляющую «золотой фонд» святоотеческой письменности. Здесь и авва Дорофей, и преподобный Никодим Святогорец, и такие систематизирующие произведения, как «Аскетизм по православно-христианскому учению» С. Зарина и многие другие. Отец Тихон отметил важное и перспективное нравственно-практическое направление, не получившие своего развития в отечественной проповеди XX столетия в связи с революционными событиями. Именно этого и жаждет душа современного человека, не нашедшая реализации своему духовному миру в многочисленных квазирелигиях, оккультизме и других заблуждениях современного мира.

«Звоны в России — это огромный пласт духовной культуры»

Николай Иванович Завьялов

Николай Иванович, расскажите, пожалуйста, как вы пришли к вере.

— Мой путь к вере прост, и я всегда говорю об этом так: «Господь привел».

Мама моя ходила в храм с самого своего детства, но в 1930-е годы, когда в нашей стране шла антирелигиозная вакханалия и повсеместно закрывали храмы, возможность посещать церковь у нее была отнята. У меня всегда вызывали большой интерес ее рассказы, «как хорошо в церкви, как там все нарядно, как все приподнято». Она некоторые молитвы произносила вслух. Я их смысла вполне постичь не мог, но всегда слушал внимательно.

У нас в сибирском селе была только восьмилетняя школа, и, чтобы продолжить учебу, я переехал в город. Когда гулял по городу, часто проходил около одного храма, который давно привлекал мое внимание. Это были времена, когда прямых гонений на Церковь уже не было, но хождение в храм, особенно молодежи, не поощрялось. Однажды я все же не удержался и, внутренне подобравшись, вошел в открытые церковные двери, где шла воскресная служба. Я попал на самое важное место литургии, когда пели Херувимскую песнь и затем «Милость мира». Храм был старинный, акустика чудесная, пение строгое, певцы с прекрасными голосами. Наполненный солнцем объем церкви переливался бликами от позолоты. Разноцветный от витражей дым под куполом, лики святых на иконостасе... Эта картина пронзила мое сердце. Я зашел в храм просто посмотреть, но остался в Церкви навсегда. Понял: пусть теперь мне что угодно рассказывают про священников, но я буду сюда ходить, и если придется — тайно.

Я начал посещать богослужения, познакомился с батюшкой. Он, заметив мой интерес к песнопениям, давал прослушать грампластинки (тогда уже понемногу начали появляться записи церковных хоров). Батюшка сам закончил семинарию в Троице-Сергиевой лавре,

а матушка его была регентом, когда-то пела в знаменитом хоре у Николая Васильевича Матвеева в храме на Большой Ордынке. Вот у этих людей я и получил свое первое церковное образование.

Когда я поступил в музыкальное училище, отец сказал: «Пора брать благословение у настоятеля на пение в церковном хоре». Моим первым учителем клиросного пения стала тетя Валя. Она была маленького роста, но при этом очень высокого духовного уровня. Добрая, деликатная. Помню, вставала на специальную подставочку, чтобы лучше видеть тексты. А пела очень уверенно, всю жизнь была в хоре. Она научила меня не просто слушать во время пения других певцов, но и открыла для меня многое, что, кстати, очень помогло мне, когда я уже сам начал регентскую практику.

По-настоящему регентским делом я начал заниматься у замечательного московского дирижера Анатолия Дмитриевича Бутусова. Именно у него я по-новому для себя понял специфику хорового пения, у него научился особым приемам регулирования звучания хора. Мы с ним часто вели службу вместе: он на правом клиросе, я — на левом.

Позже, когда был создан Православный университет св. Иоанна Богослова и открыт факультет церковного певческого искусства, Анатолий Дмитриевич порекомендовал мне поступить туда учиться. В университете тогда преподавали очень интересные для меня люди, мне захотелось углубить свои знания не только в области богослужебного устава, но и по другим богословским дисциплинам, и я, внимательно изучив расписание, начал посещать занятия и на других факультетах.

— А как вы стали звонарем?

— Окончив Православный университет, я по-прежнему продолжал служить регентом, но к тому времени в мою жизнь уже прочно вошла колокольная деятельность. Звоны меня заинтересовали еще тогда, когда я только начинал приобщаться к церковной жизни. Голос колокола, его богатое звучание, сильные, необычные ощущения, которые рождают многосложные сочетания его обертонов, — все это завораживало меня, заставляло остановиться, вновь и вновь прислушаться и поразмыслить, что же именно меня так волнует в его пении?

Позже я встретился с таким сравнением: «звук колокола — молитва, отлитая в бронзе». Действительно, сложный, монументальный колокольный звук напоминает строгие черты канонических изображений, рождает молитвенное состояние.

В середине 1980-х годов в одной из газетных публикаций я прочитал о том, что в Москве создана Ассоциация колокольного искусства. Уже не помню, как я разыскал адрес дома на Гоголевском бульваре, где размещался Фонд культуры, при котором тогда находилась Ассоциация, и познакомился с ее первым председателем Юрием Васильевичем Пухначевым.

Юрий Васильевич мне сразу понравился: интеллигентный, внимательно слушающий, высокообразованный; он рассказал мне о состоянии дел в колокольном возрождении, снабдил «живыми» телефонами и адресами. Мы с ним по-настоящему подружились позже, когда случайно встретились в аэропорту Шереметьево, где вместе «застряли» на несколько часов из-за непогоды. Там, уже никуда не спеша, принялись обсуждать весьма изменившееся к этому времени течение дел колокольных организаций. После этой встречи сблизились, созванивались, как минимум, раз в неделю. Мне по-прежнему не хватает его трезвости рассуждений (Ю.В. Пухначев скончался в ноябре 2005 года), школы настоящего научного деятеля и той тонкой иронии, с какой он относился к грубостям в области исследований и публикаций о колоколах.

Тогда же, в 1980-е, Господь привел меня познакомиться и пообщаться с настоящими корифеями колокольного дела, практиками церковных звонов. Прежде всего, это Владимир Иванович Машков — человек, пронесший сквозь тяжелые, почти безнадежные времена, как будто специально для нас, технику звона той, дореволюционной Москвы и при этом утверждавший, что сам он — не лучший представитель звонарей того времени. Он звонил как-то прозрачно, очень интересно и культурно. Не владея музыкальной грамотой, «читал стихи» во время звона. Просто и бескомпромиссно определял и отделял всякую фальшь. Многие молодые звонари сегодня «запросто» могут изобразить его звоны, но подчас это лишь передразнивание его манеры. Сухонький, всегда подтянутый, он почти до последних

Звонари Сретенского монастыря

дней не оставлял практику звона, поднимаясь в 94 года на огромную, в 120 ступеней, колокольню без посторонней помощи даже после перелома шейки бедра! Когда хоронили его серым весенним днем 2001 года, ученики мастера на прощание трезвонили почти весь путь траурного шествия с гробом из Смоленского собора до ворот Новодевичьего монастыря. Это был, наверное, единственный прецедент такого «грубого» нарушения уставных звонов, ибо даже патриархов провожают в последний путь под звоны погребальные. Кстати сказать, Владимир Иванович считал звон старой Сретенской колокольни лучшим в Москве. Звонарем здесь был тогда брат известного композитора Гедике. Нам есть на кого равняться.

Игумен Михей, в начале 2009 года отошедший ко Господу, был многие годы старшим звонарем Троице-Сергиевой лавры. Его трезвоны, записанные на «виниловый» диск, мы тогда, на заре возрождения Православия, выпрашивали друг у друга «на вечерочек» послушать. Затем вышел еще один диск, просто чудо: мощное пение пасхального канона в исполнении хора под управлением отца Матфея, и там же — звоны лаврской колокольни. Эти отцы были для нас просто небожителями. Не поверил бы тогда ни за что, если кто-то предсказал бы мне, что я буду не просто лично общаться с игуменом Михеем, а отправлюсь с ним вместе устраивать колокольню на возрождающийся Валаам, в Петербург, в Сольбинский монастырь, проведу в его обществе немало замечательных часов и дней.

Многих своих сверстников, увлекающихся в то время звонами, я мог бы назвать не только товарищами, но и своими учителями. Некоторые из них и сейчас поднимаются на колокольни звонить, хотя служат священниками, диаконами. Кого-то уже и нет среди нас. Главным в нашем становлении как звонарей было, считаю, не только тесное общение между собой, но и то, что мы попали на мощный гребень волны энтузиазма, сопровождающий возрождение Православия в постсоветской России. Участие в возрождении звонов в Московском Кремле, восстановление, или, вернее сказать, возведение вновь храма Христа Спасителя и

возрождение его большого колокольного набора... Участники этих событий (а их можно насчитать десятки, если не сотни), наверное, как и я, могут многое с восторгом рассказать о тех замечательных днях.

— Николай Иванович, когда вы пришли преподавать в Сретенскую духовную семинарию?

— В первый раз я попал в Сретенский монастырь «случайно». Искал по православным книжным магазинам нужные мне богослужебные книги, и мне подсказали, что они есть в Сретенском монастыре.

Есть такое представление, что, когда композитор находит по-настоящему удачную мелодию, слушатель воспринимает ее как забытую старую. Нечто подобное случилось со мной, когда я впервые пришел в Сретенский монастырь. То было внутреннее сожаление: почему я здесь так давно не был? Ведь это мое давно знакомое любимое место! Стал заходить сюда довольно часто, здесь нравилось все: внутреннее пространство храма, мягкое освещение, образа, пение мужского хора, строгость соблюдения уставных порядков. И вот однажды мой бывший сокурсник попросил меня заменить его в будний день в Сретенском хоре (ему нужно было ненадолго уехать из Москвы); я, конечно, с радостью согласился. И здесь произошло так же, как и в юности: пришел вроде бы ненадолго, только помочь послужить, да так и остался.

В воскресные дни приходил в Сретенский монастырь на раннюю литургию, а на позднюю бежал в храм Христа Спасителя, где было основное место служения. Днем — преподавание в школе звонарей, а вечером опять спешил в Сретенский. Конечно, сильно уставал, но ни разу не пришло в голову отказаться от службы.

Когда была создана Сретенская духовная семинария, я предложил отцу Тихону ввести в программу обучения семинарии факультатив по колокольной теме, и батюшка согласился. Купили с отцом Зосимой (тогда еще послушником Сергием) небольшой набор колоколов, устроили тренажер, и я начал заниматься с семинаристами теорией и практикой звона. У меня за время преподавания в школе звонарей при храме Христа Спасителя уже была подготовлена программа. Теперь программа сильно изменилась, поскольку аудитория оказалась

заметно другая; практика звона в среде семинаристов не так востребована, как, например, в школе колокольного звона.

— В чем особенность преподавания в Сретенской семинарии?

— Здесь мы не ставим задачи подготовки звонарей как таковых. Их по-настоящему готовят, например, в Ярославле, в школе колокольного искусства. Выпускники семинарии становятся в большинстве своем священниками, и я должен знакомить их не столько с практикой звона, сколько с теорией. Здесь более важны знания в области уставных правил и традиций звонов, акустики, музыкального содержания, технических основ, как обращаться с колоколами, как, например, правильно подбирать их. Буквально недавно у меня был разговор с одним человеком, благотворителем, который собирается подарить в московский храм большой колокол, но есть сомнения, подойдет ли он к основному, уже имеющемуся там набору, окажется ли в звуковом согласии с остальными

колоколами. Этот случай довольно типичен в настоящее время, и священники должны быть осторожными в подобных ситуациях, в тех случаях (я бы сказал — особенно в тех случаях), когда в церковь дарят колокола.

Если происходит постройка новой колокольни или звонницы, следует обязательно помнить, что есть вопросы (например, расположение несущих балок), которые необходимо регулировать на стадии проекта, а не на стадии развески колоколов, поскольку на бумаге «переставить» балки намного проще, чем разрушать капитальную кладку уже реализованного проекта.

Сретенская семинария на сегодняшний день первая и, по-моему, пока единственная, где началось преподавание основ кампанологии. Появились школы колокольного искусства в Казани и Новгороде. Настоящих специалистов в этой области все равно мало, и если учесть тот факт, что ежедневно в России отливается по нескольку тонн колоколов, а выпускается специалистов несколько десятков в год, то окажется, что большая часть колоколов размещается на колокольнях и эксплуатируется просто безграмотно. К сожалению, на мой взгляд, кампанология не изучается ни в Свято-Тихоновском университете, ни в МДС, хотя старший звонарь Троице-Сергиевой лавры отец Антоний (преемник игумена Михея) обучает учеников в индивидуальном порядке. Я бы при случае порекомендовал ректорам наших духовных школ ввести в программы хотя бы несколько часов основного курса кампанологии. Очень много недоработок и просто ошибок встречается в этой области при восстановлении или постройке новых колоколен и звонниц из-за отсутствия на местах специалистов.

Звоны в России — это огромный пласт духовной культуры, который надо не просто возрождать, но и сохранять, и приумножать. Недавно мне рассказали, что уже в храмах кое-где вместо звонаря используется компьютерная программа, которая запускает механизм звона прямо из алтаря. Конечно, это может быть удобно и просто, но эта техника никогда не заменит живого звона по красоте и силе воздействия.

— А как семинаристы-сретенцы относятся к вашим занятиям?

— Когда я объявляю новичкам, что буду вести факультатив по искусству колокольного звона, записывается почти вся группа, однако желающих заниматься настоящей практикой звона к концу года остается немного. Сначала я думал, что это мои недоработки, расстраивался, но потом понял, что для серьезных занятий требуются не только особые данные, такие как музыкальность, чувство ритма, но и своего рода избранность. Звонарь — это редкая

Пруд в саду Сретенского монастыря

профессия, в душе у человека должна звучать какая-то особая струна, это дар Божий. Дается он не каждому. Поэтому теперь я выстраиваю программу так: вначале даю широкий обзор общих, самых необходимых вопросов, рассказываю, что такое колокольный звон в контексте богослужения, чем отличаются западные звоны от российских, что именно нужно учитывать священникам в колокольных проблемах общего свойства. Прослушиваем фонограммы, просматриваем видеоматериалы. И уже потом с теми, кто готов заниматься углубленно, мы начинаем немного другую программу. В том числе в наши планы входит посещение заводов, где отливают колокола. В Светлую седмицу ходим на различные колокольни. В нынешнем году, например, мы были на колокольне храма Василия Блаженного — Казанского собора на Красной площади. Там есть старые колокола, которые отлиты в старых московских мастерских знаменитыми русскими литейщиками, имеются и другие, не менее интересные, например французский. Это замечательные экземпляры, с интересным звуком, и студентам представляется возможность сравнить звучание старых, общепризнанно красивых голосов с голосами современными.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее об учебных поездках.

— Мы посещаем обязательно две литейные фирмы: это московский завод ЗИЛ, где располагается мастерская Общества древнерусской музыкальной культуры, и завод «Италмас» в городе Тутаеве Ярославской области. Они представляют два диаметрально противоположных направления в области технологии изготовления колоколов, разные способы литья.

Общество древнерусской музыкальной культуры, созданное в 1990-е годы, поставило своей целью возрождение искусства отливки колоколов. Работу тогда возглавил профессор-акустик

Борис Николаевич Нюнин. Работа там отличается строго научным обоснованием всех процессов отливки. В качестве основного материала литейных форм используется так называемая «литейная земля» (содержащая специальный наполнитель на основе эпоксидных смол).

В Тутаеве на заводе «Италмас» работают по рецептам XVII века, и профили колоколов в основе старинные, хотя, конечно, с привнесением поправок. Литейные формы включают в свой состав компоненты почти экзотические: не просто глина, но и, например, коровья шерсть, хотя, конечно, привносятся и современные элементы (графит, кварцевая мука).

Результаты литья на этих заводах очень разные, сильно отличаются тембры колокольных голосов. На каждом из них есть свои удачи и неудачи. Нельзя категорически утверждать, что один завод лучше другого. И там, и здесь ведется работа по улучшению звучания голосов.

Приезжая в Тутаев, мы посещаем могилу известного батюшки отца Павла Груздева, который благословил здесь начало колокололитейного дела, служим литию.

В Москве мы посещаем разные храмы. У нас в Сретенском монастыре висят колокола, отлитые ОДМК на ЗИЛе. В соседнем с нами храме Пресвятой Троицы в Листах и преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках — тутаевские. Студенты имеют возможность сравнить звучание колокольных голосов современного литья. Так постепенно они начинают понимать красоту и сложность колокольного голоса, из чего она состоит.

— Студенты вас больше радуют или огорчают?

— Мой предмет не обязательный, факультативный, поэтому я отношусь к студентам со снисхождением. Однако строго спрашиваю на контрольных работах тех, кто желает получить оценку с занесением ее в диплом. Тем не менее, почти все отвечают хорошо, и это меня радует.

Еще приятное воспоминание: был случай, когда на завод с нами поехали студенты, не ходившие на мои занятия. Но то, что они увидели, произвело на них такое сильное впечатление, что у них загорелись глаза, они захотели узнать больше. В моей группе прибавилось еще несколько слушателей.

Однажды, когда мы по пути на завод заехали в Ярославскую школу звонарей, нам дали возможность позвонить на учебной звоннице, где располагаются колокола завода «Италмас». Я внутренне немного испугался, что на незнакомом наборе у наших ребят хорошо позвонить не получится, но один из моих слушателей, Иван Коханов, с таким мастерством и чувством отзвонил, что поразил всех. Меня это очень порадовало.

— Сретенскому монастырю уже 16 лет, а семинарии — 11. С вашей точки зрения, какие изменения в монастыре, в семинарии произошли за эти годы?

— Монастырь стремительно развивается, ремонтируются (а фактически — почти заново отстраиваются) монастырские здания, меняется внутреннее убранство храма. Он уже не вмещает всех молящихся, и в планы развития монастыря входит строительство нового, большего собора. Приезжающие в Москву православные люди стремятся посетить монастырь, приложиться к его святыням. Растет количество прихожан. За эти годы (вроде бы и не очень большой срок) монастырь воспитал много опытных духовников. В семинарии сложился коллектив сильных, творчески работающих преподавателей, с каждым годом их состав пополняется. Динамика возрождения и развития монастыря настолько стремительная, что порой становится даже немножко страшно. Но я вижу, что внешние изменения происходят не в ущерб внутреннему содержанию. Хочу пожелать монастырю и всем его насельникам, преподавателям, студентам, прихожанам и трудникам сохранять эту высокую духовную планку и в дальнейшем.

«В борьбе с сектантством чрезвычайно важен святоотеческий опыт»

Доцент Роман Михайлович Конь

Роман Михайлович, расскажите, пожалуйста, о ваших первых шагах к Богу, к вере.

— Я не помню себя неверующим благодаря моей семье, где все были верующими.

— Какое образование вы получили? И как сложилось, что вы стали преподавать предмет «Сектоведение»?

— У меня высшее техническое и богословское образование. После окончания Московской духовной академии я поступил на Высшие богословские курсы при Отделе внешних церковных сношений Московской Патриархии. Заведующий курсами профессор Алексей Ильич Осипов предложил мне заняться изучением сектантства, а тогдашний глава ОВЦС митрополит Кирилл, нынешний Патриарх, утвердил выбранную для меня специализацию. Так что я стал заниматься сектантством, выполняя послушание церковного руководства. Затем я был зачислен на работу в ОВЦС, где продолжал заниматься сектоведческой тематикой, и в 1996 году ректор Московской духовной академии архиепископ Верейский Евгений предложил мне читать курс сектоведения в семинарии и академии.

— С какого времени можно отсчитывать существование такой сферы знания, как сектоведение?

— Изучение сектантства и борьба с ним восходит к апостольскому времени в истории Церкви, к моменту появления первых сект — так на латыни именовались ереси.

— А когда преподаваемая вами дисциплина появилась в учебных планах российских духовных школ?

— Кафедра сектоведения в системе академического богословского образования РПЦ появилась в 1912 году. До учреждения кафедры сектоведческая тематика изучалась в рамках истории и обличения русского раскола и непродолжительное время в курсе истории и обличения западных исповеданий. Появлению кафедры сектоведения содействовало сразу несколько обстоятельств. Важнейшими были: увеличение количества сект и числа их последователей в конце XIX — начале XX века, а также отсутствие

у выпускников семинарий специальной подготовки для противостояния сектантству, тем более в таких масштабах, и, наконец, изменение в 1905 году законодательства, регулирующего деятельность сект в России: согласно Манифесту о свободе совести, государство отказывалось от прежде добровольно взятых на себе обязательств по борьбе с сектантством, и Церковь должна была выполнять свои задачи, полагаясь только на свои силы.

— Как в сектоведении соотносятся теоретическая и прикладная составляющие?

— В сектоведении как богословской дисциплине не может быть теории, не имеющей отношения к прикладной деятельности. Возьмем, к примеру, слово «секта». В зависимости от того, какое содержание вкладывается в него, будет строиться и работа с сектантами. Если в них видят нерелигиозную группу, мафиозную структуру, «лохотрон», то борьба с такой организацией не предполагает богословских знаний. И наоборот, если секты — это религиозные группы, то противостояние им должно вестись преимущественно в богословской плоскости. Поэтому деление на теоретическую и прикладную составляющие неудачно. В данном случае уместнее говорить о первой части как о введении в проблематику сектоведения, и такое введение будет определять конкретные формы работы с сектантами. Помимо этого, вводный курс лекций предполагает выявление различных влияний на русское сектоведение и соотнесение этих заимствований с критерием истины — со святоотеческим опытом борьбы с лжеучениями, что также напрямую касается методологии исследования и борьбы с сектантством. Поскольку секты являются предметом изучения и светской науки, то студент духовной школы должен быть знаком и с ее подходом. Обзор разных подходов к природе сектантства требует достаточно много времени, но без этого цикла лекций подготовить хорошего специалиста по сектоведению невозможно. Кроме того, называть изучение конкретных сект практической частью тоже неправильно. Сектоведение предполагает богословский подход к разным заблуждениям, их опровержение и раскрытие истин Православия применительно к ним.

— На какие разделы делится курс сектоведения?

— Курс сектоведения состоит из двух неравных по объему, но равноценных по значимости частей: введения в сектоведение и изучения и опровержения заблуждений конкретных сект.

— Какие темы из читаемого вами курса вы считаете наиболее сложными для студента духовной школы?

— Сектоведение преподается в семинарии после изучения курса истории Церкви и основных богословских дисциплин. В ходе этих занятий студенты видят системность, всесторонность, непротиворечивость в структуре православного богословского знания, его историзм. При изучении сектантства они встречаются, как правило, с отсутствием и явным пренебрежением историзмом, с фрагментарностью и избирательностью сектантских богословских построений, с их непоследовательностью, субъективизмом религиозного опыта, который выдается за полноту истины. Поэтому одна из проблем при изучении сектантства состоит в необходимости преодоления интеллектуального и психологического отторжения при изучении подобных доктрин.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее о ваших научных и методических работах, посвященных сектоведению.

— Один из моих принципов состоит в следовании святоотеческому подходу в изучении и опровержении лжеучений и критическому отношению к разным сектоведческим теориям, открыто декларирующим пренебрежение к ним как устаревшим и несовременным. Более подробно об этом можно узнать в моей книге «Введение в сектоведение». Если кому-либо она недоступна в печатном виде, то ее электронная версия находится на сайте Нижегородской духовной семинарии. Ее можно свободно скачивать и размещать на своих сайтах и в электронных библиотеках.

— Какие из существующих учебных пособий по вашему предмету вы рекомендуете студентам духовных школ?

— Современных учебных пособий с грифом Учебного комитета РПЦ у нас пока нет или же они представляют собой редкость — это касается не только пособий по сектоведению, но и по другим дисциплинам. В такой ситуации можно использовать любую литературу, если она отвечает критериям объективности и достоверности изложения истории сект и их доктрин и если в ней дается православный анализ сектантских заблуждений. В остальных случаях литература по данной теме нуждается в комментариях и

Фреска собора Сретенского монастыря

дополнении. Вводный цикл лекций в сектоведение я преподаю по своей книге «Введение в сектоведение». Для остальных тем приходится использовать материал из различных источников. Как показывает практика, многое из необходимой литературы студенту или труднодоступно, или же у него не хватает времени на ее освоение. Поэтому им приходится конспектировать лекции и по ним готовиться. Отчасти этот пробел будет восполнен моей новой книгой, которая, надеюсь, появится в конце этого или начале следующего года.

— Скажите, как появился термин «секта» в русском богословии?

— Термин «секта» в русском богословии появился со второй половины XVIII века, но стал активно использоваться со второй половины XIX века. Одни считают его прямым заимствованием из католического богословия, другие — из протестантского, но в обоих случаях он использовался в значении «ересь» применительно к заблуждениям, возникшим в христианском мире. В настоящее время этот термин распространяется и на группы, возникшие за пределами христианства. Поэтому секты следует различать по происхождению: если секта имеет христианские корни, то она не что иное, как ересь; если же она вышла из нехристианской среды, то она — типичное язычество.

— Как современные исследователи трактуют понятие «тоталитарная секта»?

— Наряду с церковным подходом к сектантству в России появилась занесенная из светского западного антикультового движения теория тоталитарного сектантства, которая претендует на богословскую и церковную, но при этом полностью игнорируется святоотеческий подход к сектантству как несовременный и устаревший. Считается, что тоталитарные секты не религиозны по своей природе, но используют религиозную риторику для сокрытия своих криминальных целей, что они представляют собой мафиозные структуры, которые путем психотехнологий делают людей сектантами помимо их воли и без их согласия, выкачивают из них деньги и хотят захватить власть. Теория тоталитарного сектантства появилась во второй половине XX века и к этой категории причисляет практически все группы, которые прежде именовались просто сектами, за исключением баптистов. Главная

идея этой теории — идея «промывания мозгов» — эмпирически не подтверждается, и, следовательно, она неадекватно описывает природу сектантства. Кроме того, рассматривая секты как нерелигиозные группы, она переводит полемику с ними из богословской в психологическую, медицинскую и правовую плоскость, тогда как свидетельство о Христе, наряду с богословским опровержением заблуждений о Его деле, и спасение людей составляют единственное предназначение Церкви.

— Как бы вы охарактеризовали общие, основные методы работы сектантов? Какие психологические приемы они используют? Почему человек бросает семью, работу, отдает имущество и следует за лжеучителем?

— Главным виновником сектантства Христос называет диавола, изобретающего лжеучения для погибели людей, а в апостольских посланиях детализируются условия, способствующие распространению этих заблуждений: ревность не по разуму о своем спасении, гордость, высокомерие, духовная прелесть, увлечение лженаукой и лжефилософией, порабощенность плотским похотям и страстям, нравственная распущенность. Весьма образно о развитии ересей высказался блаженный Феодорит Киррский. Он говорит, что диавол избирает людей, достойных его энергии, надевает на них в виде личины наименование христиан и через них, как бы медом помазав край чаши, преподносит людям яд лжи. Причины происхождения сектантства, по мнению русских миссионеров, коренятся не в каких-либо внешних — исторических, культурных, социальных или бытовых — условиях жизни человека, не вне его, но в самом человеке.

— Какие секты угрожают сегодня России?

— К наиболее распространенным в России сектам относятся иеговисты, пятидесятники и харизматы, баптисты и адвентисты. Они охватывают около 600 тысяч человек. Наряду с ними действует малочисленные, но весьма активные и/или агрессивные сайентологи, кришнаиты, мормоны, богородичники, виссарионовцы, а также языческие группы. Весьма многочисленным является оккультное движение.

— Как все же может устоять перед сектантом человек, который не обладает достаточными знаниями о сектах?

— Это зависит от многих факторов, и каждый случай будет индивидуальным. Одно дело, когда человек, хотя и неверующий, прислушивается к голосу Церкви, к ее во многом формирующим общественное мнение оценкам деятельности сект, другое — когда он полагается на свои чувства и свои предпочтения.

— Имеются ли сейчас в российском законодательстве акты, ограничивающие сектантскую деятельность?

— В 1997 году был принят закон, регулирующий деятельность сект в России, однако он несовершенен, и некоторые ограничения, налагаемые на деятельность сект, можно обойти. С другой стороны, все религиозные группы, как получившие регистрацию, так и незарегистрированные, обязаны соблюдать российское законодательство.

— Что вы можете сказать об организациях, которые в настоящее время занимаются антисектантской деятельностью? Насколько эффективна их работа?

— В России существуют два типа антисектантских организаций: одни работают, используя опирающийся на святоотеческую методологию церковный подход к сектантству, другие — на светскую методологию западного антикультового движения. Первый подход представлен возглавляемым священником Олегом Стеняевым московским Центром реабилитации пострадавших от нетрадиционных религий. О его эффективности можно судить по сотням присоединяемых ежегодно к Церкви и прилагаемых к спасаемым людей. Но по этому критерию сложно что-либо сказать об эффективности вторых, хотя бы потому, что их статистика неизвестна.

— А лично вы ведете какую-либо практическую деятельность, направленную против сектантского движения? В чем она заключается?

— Я преподаю сектоведение и иногда организую в рамках учебного процесса диспуты с сектантами с участием студентов.

— Известно, что активные, действующие сектанты никогда не идут на контакт со священнослужителями Православной Церкви. В связи с этим хочется задать, может быть, неожиданный вопрос: в чем же тогда польза изучения предмета «Сектоведение» для будущего пастыря?

— Не могу говорить за всех священнослужителей, но, насколько мне известно, священник Олег Стеняев с такими проблемами не сталкивается. За все время моего изучения сектантства только руководитель РОСХВЕ Сергей Ряховский в последние годы избегал встреч со мною. С другими харизматами, даже с иеговистами и сайентологами, у меня таких проблем не возникает.

«Научиться и научить понимать друг друга»

Татьяна Алексеевна Шутова

Татьяна Алексеевна, расскажите, пожалуйста, немного о вашей жизни. Когда вы поверили в Бога и в первый раз пришли в храм?

— В первый раз я оказалась в храме в середине прошлого века. Это был Богоявленский собор, куда меня, двухнедельного младенца, принесли крестить. Для моих родных это был самый настоящий подвиг: они рисковали очень многим, поскольку в стране господствовал воинствующий атеизм. Рассказывают, что было это 25 января, в день святой мученицы Татианы. Я с детства знала, где в Москве расположен храм в ее честь. Но когда поступила в МГУ, увидела, что на месте алтаря располагается сцена студенческого театра. Слава Богу, сейчас храм воссоздан, туда теперь ходят мои студенты, которые учатся на факультете искусств, расположенном как раз в том же крыле здания на улице Моховой, что и церковь. Мне это греет душу, я чувствую себя обороненной от всяческих бед и искушений. Знаете, мне посчастливилось побывать в Риме, и я молилась там, где приняла мученический венец моя небесная покровительница, которой я обязана всем.

Что же касается момента, когда я поверила в Бога, то это был действительно момент, и я его отчетливо помню. Сегодняшним молодым людям трудно представить себе, что многие представители старшего поколения были «подпольщиками». Говорить о Боге не в терминах научного атеизма было не принято и даже опасно. Если люди и ходили в церковь, то в ту, которая располагалась подальше от дома, от места работы, чтобы не увидели, не узнали. Так делала и я, но по-настоящему поверила... со страху. Произошло ДТП: меня сбила машина. Я осталась жива, но долгое время была нездорова. У меня была потеря памяти (по-научному — ретроградная амнезия); я не помнила того, что предшествовало событию, что было потом. Говорили, что, когда я лежала в крови, ко мне подбежали люди, и кто-то из них

сказал: «Да она мертвая...» И вот я, немного придя в себя после долгой болезни, мучительно напрягала память, вспоминала. И вдруг — молния: вспомнила один момент, и мне стало жутко. Чернота, пустая, бездонная, беспросветная чернота. И больше ничего. Вспомнила, пришла в ужас, и после этого моя жизнь переменилась кардинально. Я потом нашла у отца Павла Флоренского объяснение того, что я видела. Он говорит о значении выражения «кромешная мгла» — состоянии кроме Бога, вне Бога. Мне очень понятно такое толкование.

— Ваша профессиональная деятельность связана, в первую очередь, с преподаванием французского языка. Вам довелось работать с самыми разными аудиториями. А каково, по-вашему, место современных иностранных языков в образовании будущих священников?

— Когда Святой Дух на Пятидесятницу снизошел на апостолов, они заговорили на разных языках, чтобы нести слово и спасти «языки» мира. Задолго до этого Вавилонская башня рассыпалась, так как гордецы утратили общие слова и перестали понимать друг друга. Когда я в МГУ студенткой изучала историю языкознания, узнала, что многие крупные лингвисты были миссионерами, священнослужителями, а основной прием сравнительной и дескриптивной лингвистики заключается в переводе на различные языки молитвы «Отче наш». Да и письменность многих народов создана именно проповедниками слова Божия. Вспомним апостола Аляски Иннокентия Алеутского, который был и лингвистом, и этнографом, и географом, создал азбуку для ранее бесписьменных языков и перевел на них Священное Писание. И вообще, если задать вопрос, для чего нужен язык, ответ будет очевидным: чтобы соборно обращаться к Богу.

В наш век произошло новое грандиозное переселение народов, наши соотечественники оказались разбросанными по разным концам света. И все это влияет на язык, на его функции. Многие этнические русские, проживая на чужбине, постепенно забывают родной язык. Несколько лет назад я встречала Святую Пасху в Париже, в храме Александра Невского. Когда в верхнем приделе священник обратился к молящимся с проповедью, я даже сначала не поняла, что это было по-русски. А в крипте служба и вовсе шла по-французски — для наших православных собратьев, кто утратил родной язык, и для франкоговорящих, пришедших в Православие. Приходы Русской Православной Церкви есть во многих странах мира, а значит, потребность в священниках, которые говорят на хорошем русском языке и знают церковнославянский, велика. Вот сейчас я вспомнила свои встречи с епископом Василием (Родзянко), который рассказывал о том, как люди в Америке приходят в Православие. У меня есть друзья, бельгийцы и швейцарцы, принявшие православную веру; они в шутку называют себя «конвертами» — конвертированными в Православие. И многие из них специально учат русский язык. Но есть и другие, кто не может говорить по-русски, не освоил церковнославянский язык, но жаждет истинной веры. И священнослужители — приходские батюшки, иерархи — должны откликнуться. Поэтому я всегда призываю студентов-семинаристов — будущих священников: помогите носителям разных «языков» понять и воспринять Бога во всей полноте слова.

— Чем отличается процесс обучения иностранным языкам в светских вузах и в духовных учебных заведениях?

— В первую очередь, аудиторией — студентами. Ведь спряжение глаголов в зависимости от слушателей не меняется, взять ли «стрелять», «танцевать» или «молиться». Но в предмете «Иностранный язык» есть важнейшая составляющая — страноведение, которое дает представление о географии, истории, культуре стран изучаемого языка. Понятно, что значимость и количество этих сведений будет отличаться в разных аудиториях. Но, как показывает мой преподавательский опыт, для всех важно знать о Сен Дени — святом Дионисии, первом епископе Парижа. Мои студенты с факультета искусств МГУ были в Париже, посетили Монмартр — Холм мученика, рассматривали картины уличных художников, пили кофе на террасах, но больше всего хвалились тем, что отыскали памятник святому мученику, где он, обезглавленный, делает шаг в бессмертие. По себе знаю, памятник не так легко найти — он в глубинах монмартрских улиц. И мне отрадно, что мои абсолютно светские студентки сделали с моей подачи очень серьезный шаг и прикоснулись к вечному...

Разумеется, есть определенные принципы преподавания иностранных языков в духовных

образовательных заведениях, существуют особые требования, изложенные в типовой программе Учебного комитета РПЦ. К тому же, многое зависит от педагогов. В нашей семинарии лингвистические дисциплины, в том числе современные иностранные языки, преподают квалифицированные специалисты, опытные, соответствующим образом ориентированные на специфику учебного учреждения. Вообще профессорско-преподавательская корпорация Сретенской духовной школы, благодаря стараниям наших трезвых и дальновидных руководителей, подобрана чрезвычайно удачно.

— Что значит знание иностранных языков лично для вас?

— В детстве я мечтала бежать в Латинскую Америку и сражаться в сельве вместе с барбудос за счастье угнетенных народов. Тогда революционная Куба была в центре внимания всего мира, а кумиром молодежи стал Эрнесто Че Гевара — легендарный Че. Чтобы осуществить свои мечты, я учила испанский язык, ходила в секцию стрельбы, затем поступила в медицинское училище. И знаете, все сбылось: были и бородачи, и борьба, и помощь страждущим. Только все случилось на Кавказе, где во время вооруженных конфликтов я работала сначала военным корреспондентом, а потом сотрудником Международного Красного Креста.

Очень не хватает мне знания древнегреческого языка. Я работала секретарем у Алексея Федоровича Лосева — крупнейшего мыслителя нашего времени. На строительстве Беломорканала он потерял зрение, а потому не мог писать — свои книги он диктовал. Часто, когда я делала ошибки в чтении греческих слов, он ругал меня: «Ну, как можно не знать греческого? Это же так просто. И необходимо...» Вообще-то языки лучше всего учить в молодые годы, в зрелом возрасте это намного сложнее. Я говорю студентам: «Учите языки, пока молоды, пока мозги “пластилиновые” — любое прикосновение запечатлевается. Потом мозги затвердеют, а нетренированная память ослабнет».

Еще, чтобы лучше понять дорогую мне Страну души — Абхазию, мечтала выучить абхазский язык, но в нем более трех десятков согласных, большинство из которых шипящие. Русский офицер Петр Услар, составивший первую абхазскую азбуку, за «шелестящий» характер звуков любовно называл его «птичьим». Мои мозги уже не «пластилиновые», абхазский мне не дается, но друзья-абхазы утешают: «Понять можно и душой. Если крепко полюбишь...»

— В Сретенской семинарии вы читаете и курс «Прикладная этнография». Каково его содержание? Как он соотносится с миссиологией?

— В ходе занятий учащиеся знакомятся с основными терминами этнографии, этнологии, антропологической, географической и этнолингвистической классификациями народов мира, типами этносов, проблемами этногенеза, современными этническими процессами, конфессиональным составом регионов мира. На примере отдельных этносов семинаристы получают представление об обрядах, традициях, этике в различных сообществах. А прикладной характер дисциплины выражается в том, что на основе полученных навыков учащиеся в будущем смогут верно ориентироваться в полиэтнической и поликонфессиональной среде, что будет споспешествовать их деятельности и облегчит, а возможно, и сохранит им жизнь. Добавлю принципиальное замечание: то, чем мы занимаемся, не научная, а учебная дисциплина, где важно показать подходы и приобрести умения, научиться поставить задачу и знать, где искать ответы на вопросы, которые предъявляет сама жизнь. Курс практической этнографии адресован студентам последнего курса — людям, завершающим обучение и готовящимся встать на путь служения Богу.

Если говорить о межпредметных связях, то нужно в первую очередь установить отношения между прикладной этнографией и миссиологией. Миссионеры, отправлявшиеся в далекие края, изучали то, что мы называем сейчас этнической картиной региона, уже оказавшись на месте (и это сопрягалось с целым рядом неожиданностей), либо готовились к поездкам заранее. И хотя им приходилось довольствоваться весьма скудными сведениями, часто именно такая предварительная подготовка становилась залогом их безопасности, ведь известно много случаев, когда люди не возвращались из экспедиций. Вместе с тем многие успешные миссионеры не только обращали в истинную веру аборигенов, но и собирали уникальный этнографический материал, открывая просвещенные ими народы миру. Кажется, что времена изменились, поскольку активно

Фреска собора Сретенского монастыря

идет процесс глобализации. Но при этом народы стремятся сохранить свою идентичность, и следует узнать их, чтобы понять и найти путь к их душам.

— Как родилась идея разработки дисциплины, связанной с практическими вопросами этнологии и этнографии?

— Курс прикладной этнографии родился на войне. Предназначался он первоначально для солдат, а также для иностранцев, которые участвовали в осуществлении гуманитарной миссии в зонах вооруженных столкновений. Разработала его я, и было принято решение о том, чтобы опробовать его на российских миротворцах, находившихся тогда в зоне грузино-абхазского конфликта. Мое пособие они называли «курс молодого бойца», поскольку предназначалось оно для вновь прибывших туда. Сейчас его осваивают омоновцы и собровцы в Чечне и Ингушетии. Для них это жизненно необходимо. Во время вооруженных конфликтов на Кавказе священники осуществляли свою миссию в экстремальных условиях с риском для жизни, и, увы, были такие, кто сложил там свои головы. Гибли и те, кто осуществлял гуманитарную деятельность. Я думаю, что многих драм и трагедий можно было бы избежать, если бы священнослужители, работники общественных организаций владели бы основами этнографических знаний, знали бы обычаи и особенности менталитета местных народов.

Цель курса «Прикладная этнография» можно сформулировать так: научиться и научить понимать друг друга. Я очень рада, что руководство Сретенской духовной семинарии уловило идеи, которые давно носились в воздухе, и ввело данную дисциплину в учебную программу.

— Связано ли освоение современных иностранных языков со знанием прикладной этнографии?

— Напрямую нет. Но знание современных иностранных языков важно для всех и всегда, поскольку необыкновенно расширяет возможности изучения самых разных дисциплин.

— А если сформулировать вопрос иначе: может ли языковой барьер помешать проповеди слова Божия?

— Как проповедовать слово Божие, не зная языка тех людей, до которых его надо донести?

Я считаю, что современный миссионер должен преодолевать языковые барьеры, учить языки, чтобы сделать свою проповедь более действенной.

— Какие основные правила должен знать пастырь, решившийся на миссионерство среди людей другой культуры?

— Этому будущих священнослужителей учат в семинариях — в рамках всех дисциплин.Я же с учетом своего опыта могу посоветовать всем тем, кто соприкасается с представителями других культур и религий (и священнослужителям, и мирянам), всегда уважать национальные чувства, терпимо относиться к обычаям и верованиям, проявлять большое терпение и исключительную благожелательность. Необходимо помнить, что любое сказанное слово, любой неосторожный поступок могут отозваться совершенно неожиданным образом.

— Что вы считаете самым сложным в предмете «Прикладная этнография и регионоведение»?

— Для студентов духовных учебных заведений сложной является естественнонаучная составляющая предмета. Ведь дисциплина находится на стыке гуманитарных и естественнонаучных знаний, это своего рода история с географией. Так, например, говоря об этносфере, необходимо затронуть некоторые аспекты генетики, антропологии, гелиобиологии и другие. Безусловно, анализируется и проблема детерминизма: что же на самом деле движет этносами, определяет этнические процессы? Непререкаемым авторитетом в данных вопросах я считаю своего учителя — великого историка и этнолога Льва Николаевича Гумилева. Сын великих русских поэтов и сам прекрасный писатель, даривший меня своей дружбой, профессор Гумилев был глубоко верующим, православным человеком, прожившим трудную жизнь. Свою теорию этногенеза он создавал в советское — богоборческое — время. В его концепции немало, так сказать, биологизма, многое рассматривается в контексте биосферных процессов. Конечно, на этот счет есть и другие мнения. Думаю, семинаристы должны иметь представление о различных взглядах на этнографические проблемы. Ведь им предстоит трудиться в миру, и они обязаны знать, с каких позиций рассматривать этнические вопросы — в каждой конкретной ситуации. Кроме того,

Поклонный крест в Сретенском монастыре

будущим священнослужителям следует сформировать и свой взгляд на вещи. Священники сейчас все чаще приглашаются на различные научные форумы, на телевидение, радио. Это свидетельствует о растущем авторитете Церкви, которая активно откликается на животрепещущие вопросы современности. Разумеется, священнослужители, излагая свое видение, должны быть на уровне, знать и понимать точку зрения собеседников, оппонентов, даже если их взгляды кажутся неприемлемыми.

Мне бы хотелось особо подчеркнуть: преподаваемая мной прикладная этнография ни в чем не противоречит богословским курсам, которые изучают семинаристы. И они, будучи пятикурсниками, это понимают. Приведу такой пример: фильм «Гибель империи», снятый архимандритом Тихоном (Шевкуновым), нашим ректором, является не только поучительным уроком истории Византии, но и прямо-таки хрестоматийным пособием к разделу «Фазы этногенеза» нашего курса.

— Каковы перспективы (научные, методические и прочие) у семинарского курса практической этнографии?

— Курс наш от года к году трансформируется в зависимости от потребностей слушателей. Например, в этом учебном году студенты задавали много вопросов о казачестве. Мы касаемся явления в общем виде, говорим об истории, пытаясь определить признаки субэтноса и военно-национального сословия. Но семинаристам хотелось бы больше знать о современном положении дел в казачестве, о его перспективах. В связи с этим ребятам не помешало бы получить информацию от руководителей казачьего движения. Думаю, что, получив основные сведения, они составят собственное представление, особенно если им будет суждено служить там, где проживают казаки, которых Лев Толстой называл «защитой окаемов великой России».

И еще: семинаристам не хватает практики. У меня есть большое желание съездить со студентами однажды в Абхазию, в Ново-Афонский монастырь. Эта обитель особенно близка моему сердцу, поскольку я внесла свою лепту в дело ее восстановления после вооруженного конфликта 1992–1993 годов. Уверена, многое из того, что изучается в аудитории, будет там, в «полевых условиях», озвучено жизнью. Будут получены ответы на сложные вопросы, возникающие у молодых людей — будущих пастырей.

— Вы уже не раз упомянули о Кавказе. Какие основные этносы проживают на этих землях?

— На Кавказе все этносы основные. Если вынуть из Кавказского хребта хоть одну вершину, он сломается. Так и народы. Одному худо, значит, все народы приходят в движение. Русские, казаки — это тоже Кавказ. Каждый этнос имеет свою многовековую историю, свои традиции, свои особенности. Но при этом все мы неразрывные части одного суперэтноса, объединенные общей — славной и горькой — исторической судьбой. Мы знали друг друга и жили бок о бок в царское время, были добрыми соседями и в советский период. По крови я русская, но я и кавказка, как наши великие учителя: Лермонтов, Пушкин, Грибоедов, Бестужев-Марлинский. В детстве я знала наизусть чуть ли не всего «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели, горевала над судьбой героев поэмы Коста Хетагурова «Фатима», в детском саду мы пели «Цицинателлу» («Светлячка»), «Джип джаляри», плясали лезгинку. Нынешние молодые люди вряд ли назовут имя хотя бы одного украинского, белорусского, грузинского писателя. И это очень больная проблема — проблема нынешней школы, государственной политики в области культуры. И плохо от этого всем!

— Какова религиозная картина данного региона?

— На Северном Кавказе большинство народов, как принято говорить, этнические мусульмане: кабардинцы, балкары, чеченцы и т.д. Христианами на Кавказе, кроме грузин и армян, считают себя осетины, хотя среди них есть и магометане, абхазы (встречаются у них и двоеверцы). Свет истины воссиял над этими землями очень давно. История Православия в Грузии начинается в 335 году, когда проповедь святой Нины побуждает креститься грузинского царя Мириана III. Существует мнение, что святое крещение Алании совершили апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит в первом столетии. Согласно древним преданиям, христианство на территорию Армении начало проникать также в I веке. Считается, что после посещения Едессы сюда с проповедью направился апостол Фаддей. Ему удалось обратить в Христову веру многих местных жителей, в том числе царевну Сандухт. В 301 году святой Григорий Просветитель исцелил, а затем и крестил армянского царя Трдата. Святой после этого в Кесарии Каппадокийской был рукоположен во епископа, а вернувшись в Армению, начал массовое крещение народа, строительство храмов, открытие школ. Так Армения стала второй после Едессы страной, где христианство утвердилось как официальная религия. Вот такая история христианства на Кавказе — длиною в два тысячелетия! При этом ни в коем случае нельзя забывать, что там с течением долгого времени сложилась весьма специфическая религиозная картина. Чрезвычайно интересно здесь соотношение этнического и конфессионального, например адатов и шариата, субординация между разными ветвями ислама и прочее. Все это принципиально для понимания не только кавказского прошлого, но и его настоящего.

— Что, на ваш взгляд, страшнее всего в разжигании религиозной ненависти, в межнациональных

конфликтах, которые всегда сопряжены с трагедиями?

— На мой взгляд, самое страшное — это вмешательство в ситуацию на Кавказе извне. Я работала там до, во время и после вооруженных конфликтов, писала об этом и убеждена, что многие ситуации, прежде всего с использованием оружия, можно было бы предотвратить или погасить, не будь борьбы интересов различных мировых сил за важный геополитический регион. Тогда, в 1990-е годы, на Кавказе сложился целый конгломерат причин, факторов, но все они, я глубоко в этом убеждена, преодолимы. Ведь в России не было религиозных войн между христианами и мусульманами — они всегда мирно сосуществовали. Чтобы хранить согласие между народами, необходимо знать и уважать традиции и обычаи друг друга. Это залог понимания, которое является основой мира.

— Некоторое время вы были сотрудником Международного Красного Креста…

— Святитель Филарет (Дроздов) писал: «Не случайно, не напрасно жизнь от Бога нам дана…» В жизни нет случайностей, и моя работа в Красном Кресте — ее закономерный этап. Я была военным корреспондентом, прошла три войны, видела боль, слезы, могла по запаху отличить кровь венозную от артериальной. Потеряла немало близких мне людей. В отчаяние приводило то, что сделать ничего невозможно, слово бессильно: пиши — не пиши, а все идет своим зловещим чередом. Хотелось найти хоть какой-то луч света в этом кромешном мраке. Предложила в газете, где тогда работала, тривиальный ход: «Журналист меняет профессию». И отправилась в Чечню в составе миссии Международного Красного Креста. Вот тут мне пригодилось знание французского языка. Международный Красный Крест был основан швейцарцем Анри Дюнаном более полутора веков назад, и ведущим языком в нем стал как раз французский. Кроме того, сотрудничество с данной организацией гарантировало безопасность. Ведь я отправлялась в шариатскую Чечню, где царил такой беспредел, о котором и сейчас страшно рассказывать, и русским там было просто невыносимо. Вместе с сотрудниками Красного Креста я участвовала во всех гуманитарных операциях, со многими подружилась, особенно с персоналом госпиталя в Новых Атагах. Знаете, этот госпиталь, где было столько раненых, столько боли, стал для меня ярким солнечным лучом, который я искала и который дарил надежду. Уезжая оттуда, я обещала вернуться. Вскоре после моего отъезда на госпиталь было нападение, были убиты шесть его сотрудников-иностранцев. Тогда же мне предложили работать в Красном Кресте постоянно. И я заняла место выбывших из строя бойцов «милосердия на поле брани» — так сказано в девизе этой организации. В основном ее сотрудниками являются швейцарцы, а они в шутку говорят, что их страна — это часы, банки, шоколад и Красный Крест. Я многому у них научилась даже в личном плане. Дисциплина военная, все должно быть точным, своевременным, безупречным, как работа швейцарских часов. С тех пор я не могу опоздать куда-то, и мне часто приходится ждать тех, кто не получил швейцарской выучки. Или швейцарская отчетность: все должно быть оформлено, каждый потраченный франк, все расходы следует обосновать и многажды проверить. Женевский Красный Крест — это организация, которая работает только во время вооруженных конфликтов, но в самом движении участвуют национальные организации Красного Креста и Красного Полумесяца. Наш Российский Красный Крест был создан в 1854 году во время Крымской войны великой княгиней Еленой Павловной и сестрами милосердия Крестовоздвиженской общины. Обученные гениальным хирургом, основоположником военно-полевой хирургии Николаем Пироговым, сестры милосердия отправились на войну, помогали героическим защитникам Севастополя, многие женщины погибли на полях сражений. Под Красным Крестом и сейчас совершается много добрых, благотворительных дел. Но, обратите внимание, в прежней России активными участницами Красного Креста, жертвовавшими на его нужды немалые материальные средства, были представительницы царской семьи, русской аристократии. Нам, теперешним, есть над чем задуматься.

— В каких странах вы побывали? Возникали ли у вас проблемы при взаимодействии с местными жителями?

— Безмерно рада тому, что в свое время объехала почти весь Советский Союз, познакомилась с представителями многих народов,

его населявших. Была я и в других странах. Французский писатель Андре Моруа говорил: «Когда путешествуешь молодым, стремишься лучше узнать других людей. Когда путешествуешь в зрелом возрасте, жаждешь познать самого себя». И свой народ — непременно добавляю я. Да, другие пейзажи, иные культуры чрезвычайно интересны и познавательны. Но, например, «русская» Франция, «русская» Индия, «русская» Испания не только захватывают своей экзотикой, но и открывают многое в тебе самом и в облике твоего народа.

Самыми главными своими поездками считаю паломничества на Святую Землю. Я была там дважды. На Святой Земле особенно зримо, осязаемо, ощутимо присутствие Господа. В первое паломничество со мной произошло странное событие. Это было на Храмовой горе: на меня пал «нур» — фиолетовый блик, который шел за мной из мечети Омара в мечеть Аль-Акса. Тогда за мной по пятам следовали арабы и даже вежливо предлагали принять ислам. Пришлось так же тактично поблагодарить их и отклонить это предложение. Второе паломничество памятно таким случаем. Мы с друзьями, несмотря на настойчивые предостережения, все-таки отправились в Хеврон — «по-партизански», что было небезопасно. Но уж очень хотелось побывать у Мамврийского дуба, гробницы патриархов, посетить Свято-Троицкий монастырь. Возвращались мы вечером. Город был пуст. Мы должны были успеть к маршрутке, на которой надо засветло вернуться в Иерусалим. И вдруг нам навстречу из здания с черным стягом и белой арабской вязью выходят пять угрюмых бородачей. Я поняла: это бойцы Хамаса. Дело было до победы данной партии на выборах в Палестинской автономии. Тогда Хамас считался радикальной террористической организацией. Вот тут нам и понадобились знания из прикладной этнографии и несколько фраз вежливости на арабском языке. Благожелательно и уважительно объяснили, что мы русские, возвращаемся из «Москобии» (так палестинцы называют русские православные учреждения). Кончилось все дружескими рукопожатиями и приглашениями приехать в Хеврон еще раз. Когда мы возвращались в Иерусалим на полуразвалившейся маршрутке, ее пассажиры-арабы всю дорогу с молчаливым ужасом смотрели на нас — как на вышедших живыми из преисподней...

— А какие еще истории — поучительные, курьезные — происходили при вашем знакомстве, общении с представителями разных народов?

— Сначала расскажу одну поучительную историю. Однажды на берегу Ганга, в Индии, мы пробрались на гате — месте сожжения тел умерших — к погребальному костру. Это был опрометчивый поступок. Но страсть исследователя все-таки победила: очень уж хотелось сделать снимки, чтобы показать их студентам. Итак, мы на гате, и нас окружили агрессивно настроенные индусы. Ситуация была крайне опасной, ведь мы проникли на священное действо, а в руках у людей были орудия для рубки дров. Спасли нас тогда мольбы о пощаде, а еще деньги. Более того, мы еще и фотографии сделали. Но потом они исчезли — при перегонке. И это нормально. Мы переступили черту. Когда дело касается веры, нельзя переходить предел — даже с исследовательской целью. Я всегда обсуждаю это со студентами на занятиях.

Теперь о курьезах. Недавно я была в одной западноафриканской стране — бывшей французской колонии. Как-то бродила по берегу океана, смотрела на гигантские волны прибоя. Незаметно меня окружили африканцы — местные жители. Спросили, не француженка ли я. Нет, говорю, я русская. «Россия — это Югославия?» — поинтересовались африканцы. Тогда я им рассказала о нашей стране, объяснила, что в Африку приехала впервые, хотя с детства мечтала побывать здесь, много слышала и читала о природе и обычаях этого континента. «А что?» — спрашивают дотошные аборигены. Сели в кружок — дети, молодые люди. Слушают. Слово за слово, стала я им рассказывать историю доктора Айболита — о том, как спешил он на помощь больным в далекой Африке. «А кто же мешал доброму доктору Ай-Бобо прибыть сюда?» — пытают меня африканцы. Говорить слушателям о Бармалее я не решилась: он мог напомнить им местного колдуна-вуду; в общем, меня могли не так понять. «А вы-то как думаете?» — адресую вопрос к ним. «Французские колонизаторы!» — хором отвечают мои собеседники. Здесь надо сказать, что недалеко от того места располагается французская военная база, и какие-то эксцессы могли быть. Поэтому от истории доктора перешла я к тому, что всегда греет душу африканцев, то есть к Александру Сергеевичу Пушкину. Стала рассказывать о потомке эфиопского князя из Лаго, который был пленен, продан в рабство, куплен на турецком невольничьем рынке и привезен к русскому царю, для которого стал другом и соратником. В конце истории девушки смахивали со смуглых щек слезы, а мужчины сжимали кулаки: «Кто покушался на честь русской красавицы и жизнь великого русского африканца?» Я понимаю, что снова в ловушке, с опаской поглядываю на забор, за которым несут службу бойцы Иностранного легиона. Отвечаю уклончиво: «Приемный сын одного дипломата». Так вот, когда я уезжала оттуда, ко мне подошел местный таксист, который часто возил нашу делегацию. Заговорщически мне подмигнул и сообщил, что знает имя обидчика: «Француз. Монте Кристо!»

— Татьяна Алексеевна, что бы вы хотели пожелать будущим священнослужителям, которым предстоит заняться миссионерской деятельностью?

— Повторю еще раз: осторожность и терпение — вот основы миссионерской работы. Именно о разумной осторожности и трезвом терпении я прошу тех, кто по воле Божией оказывается во многоэтнических и многоконфессиональных регионах. Берегите себя и чад, вручивших вам попечение о своих душах!

«Человеку больше всего нужно благодушие»

Ирина Евгеньевна Ковынева

Ирина Евгеньевна, расскажите, пожалуйста, немного о себе.

— Я родилась во Владивостоке, но когда мне был один год, наша семья переехала в Москву, а потом отца перевели в город Электросталь. Там я и окончила школу, но мои бабушки жили в Москве и активно занимались моим воспитанием и образованием. Вообще у нас семья гуманитарная, и когда встал вопрос о моей профессии, я решила изучать иностранные языки, а потому поступила в Институт иностранных языков им. Мориса Тореза на педагогическое отделение. По окончании вуза работала переводчиком в одном научно-исследовательском институте. Занималась и устными переводами: сотрудничала с «Союз-концертом» и Союзом художников, общалась с музыкантами, художниками, учеными.

Новый этап в моей профессиональной жизни начался тогда, когда мне пришлось приобрести навыки редактора. Я работала тогда в журнальной редакции Института Дальнего Востока Академии наук. Туда-то я и устроилась младшим редактором. Данное издание освещало проблемы Китая, Японии и других стран Дальнего Востока (мне пришлось заниматься китайским языком). Но я не оставляла и немецкий: вечером преподавала на разных курсах, занималась с учениками, делала много письменных переводов, в том числе исторической литературы. Постепенно я дослужилась до должности редактора первой категории. Но главное — в эти годы я воцерковилась, вера и Церковь заняли основное место в моей жизни. В 1990 году я вместе со своим сыном крестилась.

— А как началось ваше сотрудничество с издательством Сретенского монастыря?

— Это было самое начало 1990-х годов. Я тогда познакомилась с отцом Тихоном (Шевкуновым), наместником Сретенского монастыря, и он поручил мне отредактировать пару книг. Помню, среди них был труд «Грех и покаяние

Работа в издательстве Сретенского монатсыря

последних времен» иеромонаха Лазаря (данная книга до сих пор активно продается). В своей жизни я руководствуюсь принципом: идти, куда зовут, и по возможности делать меньше ложных движений. Тогда я уже несколько лет преподавала в Российском православном институте им. Иоанна Богослова и в Традиционной гимназии у отца Владимира Воробьева. В течение двенадцати лет я учила немецкому языку студентов разных факультетов (богословского, патрологического, исторического, журналистики). Так вот, в начале меня позвали преподавать в Сретенскую семинарию, а затем в издательство Сретенского монастыря. (К тому времени я сотрудничала с некоторыми православными издательствами, в их числе «Правило веры», Издательский Совет Патриархии.) Когда я пришла в издательство монастыря и увидела отца Симеона (Томачинского), который по сей день несет послушание руководителя издательства, то очень обрадовалась, так как знала его по Институту Иоанна Богослова, где он преподавал литературу, и у нас сразу сложились теплые отношения.

— В чем заключается работа редактора?

— Редактор — самое ответственное лицо в процессе издания книги. Он шаг за шагом проходит полный цикл подготовки книги к печати. Редактор — это не только тот, кто ставит запятые и правит стиль. Он еще отвечает за достоверность изложенных фактов. Поэтому приходится проверять абсолютно все: имена, даты, географические названия, выверять сноски.

— Существуют ли в вашей редакторской работе какие-то количественные нормы?

— Я работаю ежедневно, иногда читаю с утра до вечера. Объемы большие. К тому же всегда необходимо помнить об ответственности. А значит, надо читать не один раз и всегда много работать со справочной литературой.

— Вы постоянно соприкасаетесь с православной литературой. Какое влияние это оказывает на ваш интеллектуальный и духовный мир?

— Конечно, внутренние изменения просто нельзя не заметить. Я бы охарактеризовала их двумя словами — утешение и умиротворение. Соприкосновение с духовной литературой, теми знаниями, которые остаются после ее прочтения, помогают правильно вести себя в той или иной ситуации. Это такая милость Божия, такая радость, такой драгоценный дар Божий, что каждый раз я начинаю и заканчиваю свою работу с благодарения Господа.

— Над какими книгами вы работаете сейчас?

— В настоящий момент я делаю на разных этапах две книги. Работа над одной уже завершается. Это переиздание «Достопамятных сказаний отцов подвижников, пустынников» — в рамках новой серии, задуманной

нашим издательством. Названная книга — это такое любимое чтение всех православных людей, книга, которая не устареет никогда. Поэтому мы постоянно этот труд переиздаем. Но каждый раз создается новый макет, что требует обязательного прочтения. Иными словами, каждое переиздание — это полноценный новый труд. Вторая книга, которой я сейчас занимаюсь, написана протоиереем Владиславом Цыпиным — фундаментальный труд по каноническому праву. Это также переиздание, но книга значительно переработана.

— Чем еще, помимо редакторской деятельности, вы занимались в издательстве Сретенского монастыря?

— Некоторое время я занималась еще и организационной работой, помогала отцу Симеону, потому что одному человеку очень тяжело руководить книгоизданием, которое включает в себя несколько технологических этапов. Над книгой работают много людей: наборщики, корректоры, редакторы, верстальщики, художники. Надо всех их связывать между собой. Чрезвычайно важна промежуточная и финальная сверка. И наконец типография. И это все происходит с каждой книгой. Понятно, одному человеку со всем этим не справиться. Думаю, что нам с отцом Симеоном удалось отработать такой механизм, при котором названные этапы преодолеваются беспрепятственно. Для нас было принципиально, чтобы, руководствуясь этим алгоритмом, книгу мог выпустить любой человек.

— Не могли вы немного рассказать о том, как в издательстве Сретенского монастыря выстраивается стратегия, кто формирует план, решает, какие книги туда включать?

— Естественно, генераторами идей на любом производстве — и издательство не исключение — бывают один-два человека (у нас это, естественно, отец Тихон и отец Симеон), хотя вопрос о новой серии, как правило, решается коллегиально. А какими конкретно книгами их укомплектовать, обсуждает редколлегия, которая собирается регулярно. Надо сказать, что к этим собраниям мы основательно готовимся. Помимо этого, сотрудники нашего издательства работают в архивах, библиотеках. Издательский план создается ежегодно, назначаются ответственные редакторы за серии, книги. Очень много книг предлагает к изданию отец Тихон. К нам обращаются как к хорошему, надежному православному издательству, выпускающему качественную книгопродукцию, через наших редакторов и, конечно, авторов — известных историков, богословов, филологов, литераторов.

— Как вы оцениваете значение издательства Сретенского монастыря для православной книгоиндустрии и христианской миссии?

— Без сомнения, наше издательство играет огромную роль в миссионерско-катехизаторской деятельности Русской Православной Церкви. Книги, выпускаемые Сретенским монастырем, чрезвычайно важны для духовного образования и воцерковления, углубления веры и богопознания. Считается, что наше издательство является флагманом православной книгоиндустрии. Наши книги нравятся людям, их читают, обсуждают.

— Каждый раз, приходя в книжный магазин «Сретение», приходится слышать мнение покупателей о том, что за последнее время улучшилось качество изданий церковной тематики.

— Да, культура издания книг в последние годы существенно повысилась. Десять-пятнадцать лет назад православная литература производила жалкое впечатление: книги — внешне непривлекательные — содержали большое количество неточностей и ошибок. А сейчас требования, в том числе и к оформлению, резко возросли.

— Каковы, по-вашему, перспективы издательства Сретенского монастыря?

— На нашем издательстве лежит огромная ответственность, поскольку мы обязаны выпускать добротную и разнообразную православную литературу. Данную задачу решить очень непросто хотя бы потому, что мы ограничены тематически. Но все равно, у издательства Сретенской обители много перспектив и возможностей: мы будем продолжать активный выпуск богослужебной, богословской, исторической, художественной литературы, тем самым реализуя важнейшую учительную функцию — функцию, которая сейчас как никогда актуальна! Так что работы хватит на долгие годы.

— Ирина Евгеньевна, вы являетесь еще и преподавателем немецкого языка в Сретенской духовной семинарии. Расскажите об этом, пожалуйста.

— В Сретенскую духовную семинарию я пришла преподавать немецкий язык шесть лет

назад. Моя первая группа состояла из четырех человек. Двое из них впоследствии перешли на экстернат, но вы знаете, меня удивляло, с каким подъемом и интересом они занимались иностранным языком. Сейчас таких семинаристов, к сожалению, не очень много. Кроме того, немецкий язык постепенно вытесняется из школьных программ, что, конечно, сказывается и на вузовских планах. Сейчас востребован английский. Немецкий язык — это своего рода десерт для тех, кто способен вместить его, почувствовать к нему интерес, хотя наш небесный покровитель святитель Иларион (Троицкий) свободно владел немецким, читал богословскую (особенно в области библеистики) католическую и протестантскую литературу и поэтому мог безбоязненно, на очень высоком уровне вести диалог с представителями других конфессий, отстаивать позиции православной веры.

— Что, кроме немецкого языка, вы стараетесь донести до своих студентов?

— Убеждена, педагог должен целенаправленно заниматься повышением культуры учащихся, восполнением недостатков школьного и домашнего воспитания. Среди современных студентов очень заметно неумение общаться в коллективе, понимаемом расширительно: это и его сокурсники, и преподаватели, и духовные руководители. Прежде всего, многие не умеют адекватно реагировать на замечания. Мне в воспитательном процессе очень помогает мой предмет, ведь знание иностранного языка выводит человека на совершенно иной уровень культуры, когда он знакомится с менталитетом других народов. Это побуждает к более терпимому отношению к окружающим его людям. Чем больше человек знает языков, чем чаще он соприкасается с другими культурами. Дары, которые он получает от этого соприкосновения, его облагораживают, обогащают. У сегодняшних студентов, к примеру, среди прочих наблюдаются катастрофические пробелы в области географии, и они очень любят, когда им рассказывают о ней на иностранных языках. Разумеется, на своих занятиях я часто говорю о немецкой культуре, литературе, нравах, обычаях.

Фреска собора Сретенского монастыря

На работе
в издательстве

— Как бы вы охарактеризовали студентов-сретенцев?

— Мне всегда нравились студенты нашей семинарии. Это особенные ребята, которые резко отличаются от своих светских сверстников. Когда молодой человек осознанно хочет посвятить себя служению Богу, это всегда удивляет, восхищает, а порой заставляет переживать за них.

— А чем отличается работа в православном издательстве, учебном заведении от работы в соответствующих светских организациях?

— Любовью и легкостью, так как ты понимаешь, что здесь тебя не подведут, здесь нет коварства, ведь каждый смотрит на Бога. Даже если и возникают какие-то нестроения, они всегда разрешаются только по любви.

— Ирина Евгеньевна, что вы можете вспомнить о первом проректоре Сретенской духовной семинарии отце Амвросии (Ермакове) (нынешнем епископе Гатчинском)?

— Он — талантливый организатор. При этом его отличала строгость, в том числе и в работе с женщинами-преподавателями. Но семинаристы его любили, потому что он опекал их. Он им очень помогал, в первую очередь, пастырским советом и добрым отношением. От преподавателей он требовал, чтобы они не делали студентам никаких поблажек. К тому же, он был замечательным регентом монастырского хора: в нем сочетались чуткое руководство и понимание сути духовного пения.

— А теперь, если позволите, вопрос, не касающийся вашей профессиональной деятельности. Какими надеждами наполнена ваша жизнь?

— Я хочу, чтобы моя душа была умиротворена. Я даже не могу сказать, насколько я благодарна Господу, что Он так устраивает мою жизнь, что я не думаю о завтрашнем дне. Я живу этим днем и очень рада.

— Ирина Евгеньевна, что бы вы хотели пожелать братии Сретенского монастыря и учащимся семинарии?

— Семинаристам я бы хотела пожелать больше радости и доверия ко всему учебному процессу и ко всему, что происходит в их жизни, поскольку все от Бога. Нельзя пренебрегать знаниями, чтобы в будущем в определенный момент горько не пожалеть об их отсутствии: никто не знает, где и когда они будут востребованы. Надо полностью отдаться в руки Божии и довериться преподавателям, принять все со смирением, пониманием, надеждой, потерпеть — и это даст хорошие плоды. И еще: с годами я стала все отчетливее понимать, что человеку больше всего нужно благодушие. Потому что жизнь каждого человека очень тяжелая, и спасает только благодушие и его непрерывное возделывание.

«Сотрудничество священнослужителя и психолога актуально в наше время»

Ирина Николаевна Мошкова

Ирина Николаевна, расскажите, пожалуйста, немного о себе.

— Я родилась в 1954 году в семье военнослужащего. Мой отец — офицер советской армии, подполковник, участник Великой Отечественной войны — честно прослужил Родине 37 лет. Мама, являясь боевой спутницей своего мужа, тоже много потрудилась на военных объектах, в войсковых частях, где проходила служба отца. Время было совсем не простое: очень сильна была марксистско-ленинская идеология, роль партии. Родители были коммунистами, старший брат тоже вступил в партию. Такой жизненный путь был первоначально определен и для меня.

В нашей семье всегда поддерживался интерес к наукам. Родителям хотелось, чтобы мы обязательно получили высшее образование, были полезными для общества. И у брата, и у меня были способности к учению, и потому учеба в школе никогда не вызывала у меня трудностей. Родители дали мне наказ: всегда тянуться за братом, стараясь подражать его увлеченности наукой и стремлению к знаниям (кстати, сейчас он уже академик РАЕН, физик-теоретик с мировым именем, автор многих монографий и научных статей).

Профессию выбирала под руководством брата. Он учился в МГУ и мне порекомендовал искать какой-нибудь факультет, который даст мне некую совокупность не только знаний, но и мировоззренческих представлений. Я поступила на факультет психологии, который в то время только-только «отпочковался» от философского факультета. Это было начало 1970-х годов, еще живы были корифеи отечественной психологической науки: Алексей Николаевич Леонтьев, Александр Романович Лурия, Петр Яковлевич Гальперин и др. Сейчас их имена вошли во все справочники и энциклопедии. Более всего меня поражало то, что маститые профессора и уже далеко не молодые люди с увлечением рассказывали о направлениях

своих исследований, которые были актуальны тогда, и намечали более отдаленные перспективы развития психологической науки. Поэтому учиться было очень интересно, и скажу откровенно, идеологическая составляющая преподавания меня не слишком затрагивала. Университет я закончила в 1977 году. К моменту окончания учебы была ленинской стипендиаткой: в моем дипломе — одни пятерки. Была, так сказать, «круглой отличницей». Сразу же поступила в аспирантуру и специализировалась по детской и подростковой педагогической психологии. Это и есть мой «конек», мой профиль. Я и сейчас продолжаю профессионально работать в этой же сфере.

Моей научной работой руководил профессор Петр Яковлевич Гальперин. Это был настоящий учитель с большой буквы. Моя кандидатская диссертация была посвящена формированию двигательных навыков и умений. В то время я была далека от проблем личности, меня больше интересовала человеческая деятельность, в частности деятельность профессиональная: то, как человек становится профессионалом, мастером своего дела.

Мы в жизни часто пользуемся поговоркой: «Повторенье — мать ученья» — и нередко не считаем нужным заметить, что «механическая зубрежка» — не самый лучший способ запоминания. Эксперименты показывают, что подобные навыки очень быстро разрушаются, если хотя бы немного изменяются условия работы. П.Я. Гальперин в своих исследованиях показал, что есть иные, более эффективные подходы к формированию профессионализма: учение о так называемом «третьем типе ориентировки» открывает путь к формированию практических действий через формирование умения правильно и логично мыслить. И вот таким образом, через вопросы формирования практических действий, двигательных навыков, я постепенно пришла к необходимости исследования человеческого мышления. А после этого обратилась уже и к проблемам становления человеческой личности. Я двигалась по ступенькам «деятельность» — «сознание» — «личность». В 1982 году я начала работать в научно-исследовательском институте, который занимался разработкой различных методик обучения, в том числе и профессионального обучения. К этому времени у меня уже была семья.

Вот тогда и наступил переломный момент жизни: Господь уготовил мне испытания. В моей жизни возникли сложные обстоятельства, которые я с большим трудом могла тогда осмыслить. Как бы в одночасье возникли всякие «злоключения». Я тогда была ученым секретарем, активно занималась научной деятельностью, хотя мне было всего 28 лет. Являясь так называемым «перспективным специалистом», я тогда, вероятно, раздражала многих своей молодостью и занимаемым положением. Начались проблемы на работе и одновременно — в семье: завязалась «война на два фронта». Эти непростые переживания, связанные с обидами, с уязвленным самолюбием, и привели меня к Господу. Таким непрямым путем — не от родителей, не от рассказов бабушек и дедушек, а от переживаемых личных скорбей я обрела веру. Помогли мне чужие тогда люди, которые не остались равнодушными к моим переживаниям и бедам. Эти люди были православными верующими.

Мое воцерковление началось в 1986 году. Тогда я впервые сумела поговорить со священником. Друзья привели меня в Крестовоздвиженский храм в Алтуфьеве, к отцу Димитрию Смирнову, который тогда служил здесь. Теперь его знают все православные люди не только в Москве, но и во всей России. Мы беседовали с ним где-то полчаса, не больше. Но ушла я от него в необычном для себя приподнятом настроении, словно крылья за спиной появились... Я и сейчас помню каждое его слово, каждую интонацию, потому что его слова затронули мою измученную тогда душу. Я к тому времени не прочла еще ни одной строчки Евангелия, но отец Димитрий так процитировал Священное Писание, что все во мне перевернулось. С помощью слова Божия батюшка помог осмыслить мою жизнь, все мои переживания, проблемы — рабочие и семейные. Через отца Димитрия Сам Господь протянул мне руку помощи. В то время в этом же храме открылась одна из первых воскресных школ в Москве, и мы с моим сыном поступили туда учиться.

Через четыре с небольшим года произошло еще одно знаменательное для моей жизни событие: в 1990 году был освящен храм в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник» в Царицыне. Я в то время работала в этом

районе, в Центре профориентации и психологической поддержки молодежи. Храм и колокольня были очень сильно повреждены. Когда мы с сыном первый раз вошли внутрь, перед нами предстала картина разрухи и запустения, в храме еще стояли деревообрабатывающие станки. Я познакомилась с протоиереем Георгием Бреевым, настоятелем храма. Он впоследствии стал моим духовником, человеком, который окончательно «поставил меня на свое место». В 1990 году в нашем храме начались богослужения, в 1991-м — открылась воскресная школа. Батюшка благословил меня сначала преподавать в ней, потом назначил завучем, а затем и директором (в следующем году исполнится ровно 15 лет, как я руковожу нашей воскресной школой). Совершенно неожиданно для себя я тогда поняла, что воскресная школа — главное дело моей жизни, к которому Господь долго вел меня. Было очень тяжело, особенно на первых порах, поскольку отсутствовал необходимый педагогический опыт, богословское образование. Надо было много читать, думать, советоваться со священниками. Шла напряженная внутренняя работа, борьба с самой собой, потому что нужно было очистить душу от всяких сомнений и предрассудков. Отец Георгий, как опытный духовник, очень мне много помогал и одновременно очень доверял, поощряя мои самостоятельные начинания.

Я занималась созданием воскресной школы, и мне казалось тогда, что я ухожу далеко-далеко от своей профессии. В 1990-е годы многие мои коллеги были убеждены, что в Церкви существует негативное отношение к психологии. И в этом суждении была своя доля правды. Поскольку психология в советское время была чрезмерно «заидеологизирована», настроена на решение задач с материалистических позиций.

Приход к православной вере, работа в храме и приобщение к церковному образу жизни привели к тому, что приобретенный в прежние годы «профессиональный багаж» был мною полностью отвергнут. Так произошло не только со мной, но и со многими моими коллегами: они обрели Бога и отчетливо увидели, насколько учение Церкви отличается от того, что нам преподавали в вузах, насколько религиозное представление о человеке в Церкви богаче, объемнее, глубже, чем то, что мы усвоили в студенческие годы. Мне хотелось все прошлое забыть и перечеркнуть, но все же, слава Богу, хватило ума не делать этого. Я рада тому, что у меня в тот период осталось желание послужить Богу и людям на своем профессиональном поприще. Я рассудила так: «Да, теперь я верующий человек, у меня коренным образом поменялась картина мира и система ценностей, но полученные мною знания по детской и подростковой психологии все же могут быть использованы и на новом этапе жизни». Кроме того, работая в воскресной школе, я все время хотела участвовать в социальном служении, создать службу психологической помощи, чтобы можно было на практике совместить психологию и христианскую антропологию. Иными словами, нужно было переосмыслить цели и задачи своей профессиональной деятельности и тщательно пересмотреть свои прежние знания.

Теперь можно сказать, что с помощью Божией, эта непростая задача была решена. В 1996 году у нас уже начался прием посетителей по вопросам семьи и воспитания детей под крышей Православного центра «Живоносный Источник». Через десять лет, в 2006 году, накопив опыт практической работы, мы зарегистрировали психологическую службу «Семейное благо». Мы стали первой православной консультацией, которая прямо направлена на оказание помощи людям, попавшим в трудные жизненные и семейные ситуации. В 2007 году деятельность нашей службы получила благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Следовательно, свою жизнь я могу разделить на два этапа: до и после прихода к Богу. Первая ступень носила подготовительный характер. Моя собственная личность, очевидно, тогда была незрелой, рыхлой. Я получала знания, честно училась на все пятерки, но у меня не было четкого представления, зачем это нужно и где я буду полезна. И вот, начиная с октября 1996 года, я осознанно встала на путь профессионального служения Богу и людям. Мне хочется надеяться, что моя деятельность стала практически значимой. Да и отношение Церкви к психологии изменилось: можно сказать, что в течение последних лет постепенно складывается новое направление научных исследований — православная психология. Мне

Владыка Лавр в Сретенском монастыре

очень отрадно знать, что в становлении православной психологии есть и моя скромная лепта. Теперь психологию преподают в семинариях, в ПСТГУ; в университете св. Иоанна Богослова есть даже факультет психологии, созданный отцом Андреем Лоргусом.

Знаете, мне посчастливилось закончить МГУ в один год с известным священником — отцом Борисом Ничипоровым, к сожалению уже ныне почившим. Он был первым, кто в 1990-е годы обосновал необходимость ориентации психологии на христианское учение о человеке. Священник Борис Ничипоров — автор книги «Введение в христианскую психологию», изданной в 1994 году. Это была книжка-манифест, в которой были очерчены задачи новой науки, не противоречащей Евангелию. Науки, необходимой людям, которая помогает процессу покаяния, очищения души, обновлению человеческой жизни.

— А как родилась идея вашей книги «Семейный крест»?

— Моя книжка «Семейный крест» создавалась очень постепенно. Ее появление стало возможным только тогда, когда произошли позитивные перемены в нашем обществе, когда была принята Социальная концепция РПЦ и стало исчезать предубеждение священников относительно психологии. В книге «Семейный крест» отражен личный опыт помощи людям в решении непростых семейных и житейских вопросов. В частности, в ней рассмотрены отношения супругов, родителей и детей. Когда я начала работать как консультант и православный психолог, я увидела, насколько современные родители неправильно относятся к своим детям: одни склонны превращать своего ребенка в кумира, на развлечения которого они готовы потратить огромные деньги, другие же, напротив, часто бывают холодны и жестоки, запрещая ребенку даже небольшие проявления своей самостоятельности. Любовь родительская часто приобретает уродливую, неадекватную форму, которая ломает душу ребенка и мешает развиваться его личности. Обиженные, озлобленные и ожесточенные детские души — вот печальный результат нашей родительской педагогической некомпетентности. В книге

«Семейный крест» я постаралась рассмотреть совершенно другой метод воспитания детей, связанный с христианским подходом. Этот подход не исключает наказаний, но помогает родителям отделить поступок от личности ребенка. Ведь, как правило, необходимо не только осудить детский проступок, но и помочь маленькому человеку исправиться, подставить плечо, увидеть в допущенных им ошибках и оплошностях следствие неведения, душевного страдания, а подчас и желания обратить на себя внимание взрослых. В архиве нашей консультации имеется масса случаев, в которых мы столкнулись с вопиющими родительскими воспитательными ошибками. В каждой рассмотренной ситуации мы пытались оказать родителям необходимую помощь, старались подсказать им подлинные причины непослушания детей, советовали подойти к ребенку иначе, более тонко, деликатно и дружелюбно. В основе книги «Семейный крест» — реальная практика нашей профессиональной психологической работы.

— Планируется ли второе издание книжки?

— Да, книга нуждается в дополнениях. Первое издание имеет карманный формат, достаточно удобную композицию, помогая найти читателям именно те вопросы и ответы, которые являются для них самыми злободневными, актуальными. Во второе издание книги мы хотим включить фрагменты наших семинаров, которые организуем в последние годы в помощь родителям. Чтобы они не просто получили ответы на волнующие вопросы, а усвоили сам подход: ребенок — это дар Божий, и обращаться кое-как с ним нельзя. Мы должны помнить: человеческая душа не выносит грубости, жестокости, нелюбви. И пусть любовь руками не пощупаешь — она невещественна, но всякий человек всегда безошибочно определяет, любят его или нет. Особенно чутки к этому дети. Свою задачу мы видим не только в конкретных рекомендациях, но и в повышении культуры взаимоотношений родителей и детей. Безусловно, книга будет дополнена и новыми историями из нашей практики. Кроме того, мы осознаем: нужно включать в издание и просветительский компонент. Нельзя все время человеку предлагать таблетку от головной боли — необходимо найти причину болезни. Нужно предлагать родителям развивающий материал, чтобы он привел их к формированию более ответственной родительской позиции. Это очень важный термин на сегодняшний момент — «ответственное родительство». Оно не складывается автоматически, по факту появления ребенка на свет. Многое зависит от духовно-нравственного развития взрослых людей, которые стали родителями. Нужно суметь стать родителями, захотеть ими стать. Это тоже труд, труд души. Данная мысль, конечно, присутствовала в первом издании моей книги, а во втором она станет ключевой. К семейной жизни надо готовиться — это несомненно.

Рака с мощами священномученика Илариона

— Как получилось, что вы начали преподавать в Сретенской духовной семинарии?

— Все получилось довольно просто: мне позвонил проректор семинарии иеромонах Иоанн (Лудищев). Я приехала к нему на встречу: показала свои разработки, рассказала о работе

нашей психологической консультации «Семейное благо». И после этого отец Иоанн пригласил меня преподавать в семинарии.

— До этого момента вы преподавали только в воскресной школе?

— Я 18 лет преподаю в группе родителей воскресной школы «Живоносный Источник». Кроме того, регулярно читаю лекции, провожу выездные занятия в разных епархиях. Недавно была в Рязани на семинарах по преподаванию предмета «Основы православной культуры». В течение ряда лет я преподавала на аналогичных курсах в г. Ногинске. Очень много было у меня выступлений миссионерского характера на радиостанции «Радонеж» и на телевидении. До преподавания в Сретенской семинарии у меня был и опыт общения с учащимися московских духовных школ. Из Троице-Сергиевой лавры к нам в православный центр и воскресную школу в течение пяти лет приезжали студенты четвертого курса МДАС — до 45 человек. Мы рассказывали им о своей методике, об организации воскресной школы и семейной психологической консультации, созданной на приходе. Но все это были ознакомительные беседы, обмен опытом. А целостного аудиторного курса я ранее не читала. Теперь этот курс я стараюсь выстроить так, чтобы убедить семинаристов, что знания по психологии очень нужны современному священнику. Мы убеждены, что православные специалисты могут оказать священнослужителям большую помощь в практике современного церковного душепопечения. Не секрет, что многие люди приходят сейчас в храм именно под влиянием сложных семейных и жизненных обстоятельств: распадаются браки, часто болеют и плохо психически развиваются дошкольники, плохо учатся и проявляют агрессию по отношению друг к другу дети школьного возраста, не слушаются родителей дети-подростки, юноши и девушки не могут выбрать профессию и создать семью и т.п.

В трудных ситуациях люди начинают раздражаться, негодовать, впадают в депрессию — их охватывает комплекс отрицательных чувств. Бывает, что человеку трудно сходу что-то посоветовать, нужно разобраться в ситуации, понять, что является первопричиной нездоровой обстановки, которая сложилась в семье. Когда на помощь человеку приходят и батюшка, и православный психолог-консультант, это дает хорошие результаты.

— Выходит, что психология в нынешнее время может стать одной из форм проповеди?

— Можно сказать и так. Психология помогает понять человека, который живет сейчас в сложном современном мире. Его сложность состоит в том, что общественная жизнь людей очень далека от христианских идеалов и ценностей. Сознание современных людей раздваивается: душа жаждет любви, сострадания, понимания со стороны ближних, в то время как интеллект, рациональное начало, заставляет человека быть поверхностным, прагматичным и обособленным, часто становится основой самоутверждения.

Наш опыт показывает, что верующие, воцерковленные посетители, у которых есть духовники, в храме и дома ведут себя совершенно по-разному. Эта склонность современного человека жить двойной жизнью, иметь двойную мораль и стандарты очень пугает. Вера у большинства современных людей поверхностна, и священник должен уметь это разглядеть, почувствовать, должен правильно интерпретировать оценки, высказывания своих прихожан. Священник должен уметь распознавать склонность прихожан к некоторым тонким и хитрым манипуляциям, производимым над сознанием близких людей. Это нужно вовремя увидеть и остановить. Гордость у каждого человека проявляется по-своему: кто-то навязчив, кто-то честолюбив, кто-то слишком упрям или слишком застенчив или боязлив... Каждому человеку священник должен указать на его ошибки, побудить к покаянию, к исправлению поступков и образа жизни. Но с этой задачей не так легко справиться. Нужна и молитва, и жизненный опыт, и умение разбираться в людях.

Особенно важна роль православного психолога при рассмотрении семейных проблем и вопросов воспитания детей. Знание психологических закономерностей позволяет правильно понять сложившуюся ситуацию, охарактеризовать позиции разных людей, почувствовать их обиды и претензии друг к другу, а самое главное — наметить пути преодоления конфликтов. После разговора с православным специалистом человек может осознать свои ошибки, ощутить

ограниченность своего кругозора. Подходя к посетителю доброжелательно, деликатно, с любовью, православный психолог может побудить его к преодолению привычной эгоистической и эгоцентрической позиции, к началу новой христианской жизни. Начать эту новую жизнь нелегко: без помощи Божией, без участия в церковных таинствах и без содействия священника невозможно. Спасение души человек может обрести только в храме! Но консультация православного специалиста может помочь формированию желания спастись. Святитель Феофан Затворник подчеркивал, что без «произволения ко спасению» духовная жизнь не может начаться.

Замечу, что многие родители, сталкиваясь с проблемами детей, не желают прочитать ни одной книги по воспитанию — и это при сегодняшнем информационном изобилии! Мы, психологи, на консультации стараемся побудить человека задуматься над своей жизнью, научиться отвечать за свои поступки, за поступки своих близких, за воспитание детей. Зачастую после наших консультаций люди приносят истинное, целительное покаяние перед Богом. Они приходят на исповедь, хорошо понимая, что наступила пора принимать серьезные решения и отказываться от прежних стереотипов поведения. Мне думается, что это и есть время возделывания «благодатной почвы» человеческой души. В это время духовные наставления священников воспринимаются человеком, душа его бывает открыта навстречу христианскому образу жизни. Именно такое сотрудничество священнослужителя и православного психолога очень полезно и актуально в настоящее время.

Не будем забывать, что современный человек — это разбитый, «расколотый» надвое человек, с секулярным сознанием. Его личность не сформирована, он инфантилен и в 25, и в 30, и даже в 40 лет. Возможно, он не получил в своей семье хорошего воспитания; возможно, он рос в неполной семье или его отец был алкоголиком. Возможно, кто-то из родственников покончил собой или у него самого была попытка суицида. Почти у каждого человека накоплен неподъемный, горький багаж, он несет на своей душе многопудовые камни — и освободиться от них в одиночку не может. Здесь

Причащение мирян в соборе Сретенского монастыря

нужна серьезная, кропотливая работа: человека нужно терпеливо выслушать, проявить к нему сочувствие, постараться понять и повернуть его лицом к Небу. Православный психолог как раз и занимается данными вопросами, выполняя подготовительную работу перед встречей со священником.

К нам в консультацию приходят за помощью прихожане разных московских храмов. Мы очень успешно взаимодействуем с Даниловым, Новоспасским, Спасо-Андрониковым монастырями, с храмом 40 севастийских мучеников. Опыт показал, что от союза священника и психолога выигрывает, прежде всего, человек, попавший в трудную жизненную ситуацию. Православный специалист — это собеседник, который ведет с посетителем духовно ориентированный диалог. Мы не претендуем на решение пастырских задач. Но побуждаем человека глубоко задуматься над своей жизнью (беседа длится полтора-два часа). За это время он успевает оглядеть свою жизнь с разных сторон, проделать внутренний анализ: каков я на работе, в кругу родственников, в семье, в общении с детьми, с женой или мужем.

Отрадно, что администрация Сретенской семинарии готова к открытому диалогу по вопросам духовно-психологического взаимодействия и сотрудничества православных священнослужителей и специалистов-психологов в социальном служении. Неслучайно и то, что архимандрит Тихон (Шевкунов), наш ректор, стал одним из инициаторов широкомасштабной борьбы с алкоголизмом, в которой задействованы и государственные, и церковные структуры (создана даже особая синодальная комиссия). Нужно понимать, что под давлением страшных жизненных коллизий, одиночества, непонимания и нелюбви со стороны родителей ребенок ломается внутренне, у него развиваются неврозы и психозы, а также различные пагубные привычки. Алкоголизация молодежи уже обернулась национальной бедой, которая грозит вырождением нации.

Я заметила, что в образовательной системе Сретенской духовной семинарии превалирует миссионерская составляющая. Данное обстоятельство заслуживает всяческой похвалы. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл говорит в своих проповедях, что каждый образованный верующий человек — священник или мирянин — должен вести сегодня активную социальную деятельность, делиться своими знаниями с другими людьми. В настоящее время чрезвычайно важно развитие диалога между Церковью и государством. Наша психологическая служба «Семейное благо» являет пример такого многолетнего «церковно-государственно-общественного» партнерства.

— Каково, на ваш взгляд, место курса педагогики и психологии в системе дисциплин, преподаваемых в семинарии?

— Я считаю, что дисциплина, которую я преподаю, имеет важнейшую мировоззренческую функцию. Она помогает сформировать миссионерскую позицию, которая так нужна священнослужителям в современном мире. Но если бы мой предмет был внесен в учебный план третьего или четвертого курсов, мне кажется, он был бы более эффективен, чем на пятом курсе. Ведь в первом семестре студенты знакомятся с преподавателем, ориентируются в системе его понятий, представлений. И их активность не очень высока: они скорее впитывают, чем задают заинтересованные вопросы или предлагают помощь. А во втором семестре учащиеся, пройдя через практику, которая организована на базе нашего Царицынского центра социального обслуживания, узнают обо всем спектре современных психолого-пастырских задач, связанных с поддержкой современной семьи. Когда семинаристы побывают на практике, у них меняется восприятие учебного предмета, рождается живая мысль. Студенты начинают примеривать полученные знания к своей будущей деятельности, они уже могут выстроить модель ее развития. Но в это время главным для студентов пятого курса является подготовка и защита дипломных работ, и их внимание отвлечено от преподаваемых дисциплин и целиком сосредоточено на решении проблем своего дальнейшего служения. Предполагаю, что студенты третьего, четвертого курсов воспринимали бы мой предмет более активно и осознанно.

— Каковы ваши общие впечатления от преподавания в Сретенской семинарии? Могли бы вы выделить особо какие-то студенческие выпуски?

— Курс от курса, конечно, отличается. Опыт у меня небольшой — всего три года. Впервые

я преподавала в группе из шести человек, в последний учебный год их было 18. Понятно, чем больше людей, тем разнообразнее впечатления от общения с ними. В маленькой группе мы досконально изучали труды святых отцов, православную антропологию, и все студенты были включены в эту работу. Они очень хотели уловить связь психологии и православной антропологии. В последующие годы, когда ребят стало больше, я немного поменяла круг обсуждаемых вопросов, сделала больший акцент на анализе официальных документов Русской Православной Церкви, в которых освещаются вопросы поддержки семьи, материнства и детства. Рассматривали мы и историю развития психологической мысли. К сожалению, студенты знают об этом очень мало.

Священник должен служить Богу и людям, и ему необходимо научиться разбираться в людях. Он обязан знать, как организовать воскресную школу, чтобы она успешно функционировала на протяжении десятилетий. Нашим выпускникам придется столкнуться и с развитием других видов социальной деятельности на приходе: кто-то будет заключенных окормлять, кто-то душевнобольных посещать, а кто-то, быть может, уделит внимание вопросам поддержки современной семьи и воспитания детей. Все это связано с определенными психологическими задачами, и в них надо уметь ориентироваться с тем, чтобы успешно их решать. Поэтому, я думаю, выпускникам необходимо изучать опыт позитивной практической работы: кроме богословских знаний, выпускникам нужно знание и современной жизни, и современных людей.

— Как вы прививаете студентам интерес к психологии и педагогике?

— Я стараюсь говорить вещи не избитые, не хрестоматийные, а то, что прочувствовано, проверено на собственном опыте. Мой курс педагогики и психологии построен на практическом опыте собственной работы. Я часто привожу конкретные примеры, анализирую те случаи из жизни, которые действительно меня потрясли, обескуражили или заставили задуматься. Помимо этого, я даю много сведений по истории. Потому что отношение к психологии в разные эпохи было неодинаковым. Чрезвычайно важен здесь момент, когда произошло резкое размежевание религии и науки. И я стараюсь показать студентам динамику развития психологической науки и зафиксировать их внимание на моменте, когда конфронтация замещается сотрудничеством психолога и священника.

Когда православный ученый действительно становится помощником священнику, его союзником, тогда они вместе поддерживают и просвещают прихожан. Там, где такое сотрудничество складывается, появляется интересный и плодотворный опыт. Например, в Рязани многие священники сочувственно относятся к идеям практического синтеза психологии и христианской антропологии.

— Этот учебный год — одиннадцатый для Сретенской семинарии. Позади ее десятилетний юбилей. Что бы вы могли сказать в связи с этим?

— Десятилетие — это очень важный момент в истории Сретенской духовной семинарии и очень большой праздник. Юбилейные даты заставляют не только посмотреть в прошлое, но и одновременно подумать о перспективах будущего развития. Авторитет Церкви в нашем обществе сейчас ни у кого не вызывает сомнения. Скажу даже так: в последнее время атеистически настроенных людей я не видела вообще, но чаще всего встречаются те, кто верует поверхностно, неглубоко, не имея твердой мировоззренческой почвы, которая бы соответствовала христианской традиции. Современным людям надо очень многое разъяснять, чтобы они не остались на уровне «обрядоверия». И я хочу пожелать семинаристам — будущим священнослужителям, чтобы они помогли современным людям уверовать, уверовать по-настоящему глубоко. Нужно духовно просвещать людей, рассказывать о Православии, раскрыть перед ними глубину и красоту полноценной жизни по вере. Здесь от священника требуется подвиг, потому что он должен щедро делиться своими знаниями, суметь найти общий язык со своими прихожанами, которые имеют разный образовательный, социальный, профессиональный уровень. И с каждым из них нужно научиться говорить по-своему. Только так можно привести людей к спасению в непростых условиях нынешней жизни.

Да поможет Господь выпускникам семинарии успешно решить столь важные и сложные задачи!

«Слово Божие живо и действенно»

Протоиерей Андрей Рахновский

Отец Андрей, как сложилось, что вы стали преподавать Священное Писание Нового Завета в Сретенской духовной семинарии?

— В Сретенскую семинарию, которую я очень полюбил, меня рекомендовал один из ее преподавателей, когда ушел отец Андроник (Трубачев). Я тогда только заканчивал МДА и педагогического опыта у меня не было. Поэтому могу сказать, что здесь — в Сретенской духовной семинарии — я родился как преподаватель.

— Вы преподаете свой предмет для семинаристов-третьекурсников. Какие темы вами изучаются?

— На третьем курсе мы изучаем книгу Деяний святых апостолов и Соборные послания. Хотя, на мой взгляд, более оправданным было бы рассматривать после Деяний конкретно Послания апостола Павла, так как деятельность «апостола языков» теснейшим образом связана с повествованием книги Деяний. Последняя служит необходимым историческим и богословским фоном к тому, что изложено в Павловых посланиях.

— Какова композиция излагаемого вами учебного материала? Как она соотносится с вашими целевыми установками?

— Структура проста. Первое полугодие посвящено книге Деяний, второе — Соборным посланиям. Цель занятий заключается в том, чтобы студенты в подробностях знали текст священных книг и святоотеческое истолкование основных, в богословском смысле наиболее важных отрывков, а также усвоили варианты понимания сложных для истолкования мест. Я обязательно устраиваю опрос всех студентов по каждой теме, поскольку считаю, что выборочный контроль не приносит необходимых результатов. Каждый должен знать — ответа ему не избежать. И это побуждает к занятиям.

— На какие конкретные моменты вы обращаете внимание при изучении студентами разделов, посвященных Деяниям святых апостолов, Соборных посланий Иакова, Петра, Иоанна Богослова и Иуды?

В Сретенской семинарии

— Я стараюсь, насколько это возможно, уделять внимание изучению текста священных книг. Если речь идет о Деяниях, требую от студентов твердого знания хронологической последовательности событий. Если обратиться к Соборным посланиям, необходимо владеть кругом затронутых там тем. Неплохим пособием для плодотворного изучения Священного Писания Нового Завета является ведение дневника, где студент самостоятельно производит разметку смысловых отрывков, указывает на параллельные места из Ветхого Завета, выписывает имена упоминаемых личностей, а также географических мест. Эти записи непременно проверяются при ответах, поскольку они являются весомым и показательным результатом самостоятельного анализа священной книги.

— Охарактеризуйте, пожалуйста, книги Апостольских деяний и посланий.

— При изучении Деяний необходимо прежде всего уяснить для себя, что такое христианское понимание истории, постараться увидеть, как в ней взаимодействуют Божественная и человеческая воля. Указанная книга Нового Завета замечательно раскрывает экклезиологический характер христианской веры. Дух Святой, действующий в людях Церкви, — вот основной мотив книги Апостольских деяний. Несмотря на то, что все священные книги прямо или косвенно свидетельствуют о сакральных событиях и только потом — об идеях, из них проистекающих, есть источники особенные, где история, ее события являются не только питательной основой благовестия, но и задают форму повествования. Автор книги Деяний намеренно использует жанр истории, чтобы описать жизнь первенствующей Церкви. Такая форма не случайна — у нее есть свое богословское обоснование. Действительно, если бы мы, кроме Евангелий, не имели иного исторического повествования и располагали только богословской трактовкой, то Священное Писание не несло бы нам столь необходимого ощущения: Христос с апостолами «до скончания века». Иисус, действовавший в Евангелии, так же продолжает жить в истории апостольской общины. Он участник не только

евангельских событий, но и последующей жизни Своей Церкви, которую Он стяжал Своей кровью. По Вознесении Спасителя нам оставлена возможность не только богословской спекуляции, где бы школы Петра и Павла соревновались в аутентичности постижения учения уже недосягаемого для них Христа. Самое главное заключается в следующем: при невозможности для нас участвовать в евангельских событиях мы обладаем шансом стать свидетелями непосредственного участия Бога в жизни христианской общины. Неразрывность и единое пространство Священной истории (Евангелие Луки заканчивается тем, с чего начинаются Деяния) — в этом состоит пафос этой книги. И важно, чтобы ребята его почувствовали. Послание апостола Иакова очень значимо для понимания правильного соотношения веры и дел в духовной жизни. Это замечательный учебник христианской этики, укорененной в Писании, хотя сводить данную книгу к нравственной составляющей было бы грубой редукцией. Послания апостола Петра, особенно второе, являются важными для христианской эсхатологии. К данному источнику тесно примыкает Послание апостола Иуды, которое становится явственным свидетельством распространения и влияния проповеди апостола Петра в ранней Церкви. Послания апостола Иоанна Богослова — это богословие любви, единственное в своем роде. Причем именно в перечисленных посланиях дается богословское обоснование любви как главного Божественного, Троического свойства, которое усваивается людьми и которое делает их Богоподобными. На занятиях также необходимо обращать внимание на поразительное единство посланий Иоанна Богослова и его Евангелия...

— Сохранились ли какие-либо археологические свидетельства, которые связаны с указанными книгами Нового Завета?

— Тем, кто серьезно интересуется археологией Нового Завета, могу порекомендовать книгу Джона Макрея.

— Какие темы из вашего курса вы считаете наиболее трудными для студентов? Чем, на ваш взгляд, обусловлены причины этих сложностей?

— Если исходить из моего преподавательского опыта, то наибольшую сложность, как это ни странно, представляют не конкретные темы, а изучение и усвоение текста. Вместе с тем данный навык является необходимой основой, без него далеко не уйдешь. Простой пересказ текста дается очень трудно, у подавляющего большинства студентов нет навыка богословского рассуждения и устного изложения своих мыслей. Данная проблема, конечно, выходит за рамки моего предмета. Причины перечисленных сложностей кроются, среди прочего, в том, что у учащихся недостаточно времени на подготовку. Здесь, мне кажется, нужно что-то менять в организации жизни и учебы семинаристов. Необходимо давать больше времени на самостоятельное освоение материала, которое впоследствии должно строго и системно контролироваться.

— По Священному Писанию Нового Завета есть немало учебных пособий. Каковы ваши советы по их использованию?

— Да, пособий много, все они известны. Можно, например, выйти в Интернете на библиотеку кафедры библеистики МДА и ознакомиться с ними. Но мой основной совет таков: не нужно жалеть времени на изучение святоотеческих творений, которые по большей части и являются комментарием на Писание. Если даже мы не можем найти у отцов необходимого толкования, то опыт прочтения и осмысления их трудов способствует формированию богословской интуиции, которая поможет нам понимать Священное Писание в православном духе.

— Есть ли в ваших планах написание учебной книги по преподаваемой вами дисциплине?

— В данный момент я тружусь над учебным пособием по книге Деяний святых апостолов. Я сконцентрировался на этой работе, которую считаю первостепенной для себя.

— Очевидно, что будущим пастырям невозможно обойтись без знания Нового Завета, толкований на него...

— Я бы немного сместил акценты. Знание Священного Писания и его правильное понимание — благодатная почва, на которой произрастает правильная христианская жизнь каждого человека. И только потом это фундамент для пастырской деятельности. Многие ошибки священнослужителей происходят от того, что они, как это ни удивительно, не потрудились воспринять дух Нового Завета, не укоренились в нем. И это большая беда. Хочу особо отметить: священник прежде всего — простой

христианин, как любой другой прихожанин. Слово Божие живо и действенно. Если же оно в тебе мертво, ты плохой христианин и тем более пастырь. А значит, Новый Завет — это больше чем учебная дисциплина, это мироощущение, миросозерцание и мировоззрение.

— Батюшка, что бы вы хотели сказать в заключение нашей интересной и полезной беседы?

— Хочу напомнить слова святителя Филарета (Дроздова), который говорил о том, что мы принимаем только то Предание, которое согласно с Писанием. Мы не можем отнести Библию к ряду душеполезной литературы. Нужно помнить, что это Слово Божие, это Откровение. И, следовательно, чтение и постижение Писания — это не просто чтение, это духовное делание, мистический процесс соприкосновения с Духом Святым. Конечно, напряженный график учебы несколько замыливает взгляд и притупляет восприятие: надо выучить и ответить — какая уж тут мистика?! И нужно преодолеть этот тягостный момент, нужно прорваться сквозь рутину, и тогда ты не просто хорошо ответишь на экзамене, но и осуществишь важную победу над собой. Такой эмоциональный и интеллектуальный прорыв даст о себе знать в будущем, ведь и приходская жизнь в будничной суете тоже может стать серой и не вдохновляющей. И что ты тогда будешь делать? Не потерять в повседневности чувство присутствия Бога, а значит, уникальности каждого момента жизни — вот что очень важно. И Слово Божие в этом становится самым надежным помощником.

«Духовное образование не должно стать бездуховным»

Игумен Амвросий (Коньков)

Отец Амвросий, расскажите, пожалуйста, как вы пришли к вере?

— К Церкви и ко всему, что связанно с Богом, меня тянуло всегда, с малого детства. Это объяснить сложно. Странно другое: меня никто никогда в этом стремлении не удерживал. Но прийти в храм, к осознанной вере как-то не получалось. Боялся сказать маме, потому что пришлось бы менять свою жизнь: например, начну поститься — будет скандал. Не решался исповедоваться: боялся, что священник меня не поймет. Да и жил я в исламской республике, среди восточной культуры с соответствующим колоритом, в окружении узбеков, таджиков, корейцев, иранцев, арабов, турок, евреев. Все это откладывало в моей душе свой отпечаток.

Нельзя сказать, что я непрестанно искал Бога, думал о высших материях. Нет, жил как все. Но один вопрос мне просто не давал покоя: «В чем смысл моего бытия?»

После распада СССР мы переехали в Россию, поселились в Псковской области, в Печорах, но в храм я упорно не ходил. И однажды ночью мне явился некто очень страшный. Не буду пересказывать весь сон. Я проснулся в ужасе — и все понял. Вскочив с постели, а было четыре часа утра, я оделся и побежал в монастырь. Монастырь был закрыт, и я пережил глубокое отчаяние, что опоздал: дверь закрыта, все кончено. Сел под воротами и горько расплакался. Евангелия я еще не читал.

Часов, наверное, в шесть утра ворота открыли. Я стал спрашивать у всякого, кто одет в подрясник, что мне делать, но люди от меня просто шарахались. Какой-то батюшка отвел меня к старцу. Тот долго не открывал дверь своей кельи. Всего не расскажешь, что я пережил, но неожиданно старец открыл дверь и как ни в чем не бывало сказал: «Это ничего, приходится расплачиваться за свои грехи. Вот я помажу тебя маслицем — и все пройдет».

Домой я вернулся уставший, лег спать. Мама мне потом рассказала, что спал я больше суток. Но действительно, все ужасное рассеялось.

Посвящение в сан игумена

С тех пор мне не надо ничего рассказывать ни об аде, ни о рае. Все начиналось вот так необычно, опасно и страшно. Но было именно так: я никак не мог прийти к вере, и Бог Сам пришел ко мне.

— Расскажите, пожалуйста, о вашей жизни в Псково-Печерском монастыре.

— Печерский монастырь для меня — это конкретные люди. Видел я их, может быть, раз или два, но они для меня — настоящая «духовная академия». А вот рассказать хотелось бы о схиархимандрите Агапии, которого я в жизни не знал, но о нем мне рассказывал бывший его келейник отец Анастасий. Когда он был еще совсем молодым иеромонахом, наместник монастыря дал ему послушание келейничать у отца Агапия (в миру Василия, в честь святителя Василия Великого). И вот как-то отец Анастасий, прибираясь в келье, разговорился со старцем и тот поведал, что вчера к нему приходил Василий Великий и сказал: «Передай отцу Анастасию, чтобы он не пропускал читать Псалтирь ежедневно. С таким-то братом пусть примирится как можно скорее. Пусть не ропщет ни на кого». Отец Анастасий слушал-слушал, и подумал: «Бедный батюшка! Замолился, в прелесть впал». А тот ему тут же в ответ: «Отец Анастасий, некоторые молодые иеромонахи говорят, что я совсем уж замолился и впал в прелесть, а ты их не слушай, делай, что тебе сказал Василий Великий, он великий святой».

Если вспоминать отца Иоанна (Крестьянкина), то с первого же момента нашей беседы мне стало очень больно и обидно. Батюшка, как мне показалось, меня не понял, не отвечал на мои вопросы, а начинал говорить какие-то отвлеченные вещи. Я разозлился, обиделся, но после все стремился понять, о чем это он хотел мне сказать. Открываться же это стало в монастыре, когда стали происходить события, им предсказанные, и слова отца Иоанна сами всплывали в памяти. Удивительно, как далеко смотрел батюшка!

Не могу не вспомнить архимандрита Феофана. Я к нему зашел просто благословиться. Он же предложил присесть. Я молчал, не зная, о чем спрашивать, и он сам стал рассказывать о своем детстве. По мере рассказа я стал понимать, что это о моем детстве он рассказывает. Мне очень захотелось как-то его поблагодарить, попросить, чтобы он помолился обо мне. На мне был мощевик с частичкой мощей святителя Тихона, и во мне возникло желание подарить его отцу Феофану, но было жалко расстаться с дорогой для меня святыней. И борьба помыслов так захватила меня, что душу просто разрывало на

Святейший Патриарх Кирилл совершает литургию в Сретенском монастыре

части: не могу отдать мощи — уж слишком дорог для меня святитель. Смотрю, а отец Феофан приподнялся с подушки и как бы ждет, когда я надену ему на шею мощевик. Что мне оставалось делать? А он меня уже благодарит, говорит, что это очень дорогой подарок... Вскоре батюшка умер, а осенью, на день ангела, знакомый священник подарил мне частичку мощей святого Патриарха Тихона. Вот такие бывают утешения — батюшка вернул мне мой подарок.

— Отец Амвросий, а как вы оказались в Сретенском монастыре?

— В Сретенский монастырь я попал просто. Один батюшка в Печорах написал письмо и сказал: «Вот такое дело важное: письмо надо отвезти и передать лично в руки наместнику». Мне не сложно — повез письмо, а про то, что останусь жить в Сретенском монастыре, у меня и мысли не было.

— Расскажите, пожалуйста, о вашей работе в реанимации и о педагогической деятельности в период, когда вы еще не были монахом.

— Так случилось, что я работал в реанимации. Самое страшное в этой работе — видеть, как умирают люди. Был такой случай: лежит человек на столе, дышит через дыхательный аппарат, борется за свою жизнь, и мы боремся, как можем. Вдруг реаниматолог сказал: «Всё» — выключил аппарат, отключил капельницу. Выругался и вышел из палаты. Весь ужас заключался в том, что и все мы, оставшийся в палате медперсонал, тоже как-то поняли, что действительно всё, но молчали, боялись посмотреть правде в глаза. Это была первая смерть, которую я видел. А реаниматолог оказался честным и смелым, я бы так не смог.

А вот про педагогическую деятельность можно рассказать следующее. В школе у меня с учениками и с коллегами-учителями была одна проблема, которую я не мог преодолеть. Я пытался бросить эту работу, увольнялся. И даже когда отец Иоанн (Крестьянкин) убеждал меня, что учительство — это особенный Божий дар, я все равно не переставал мучиться от того обстоятельства, что в школе мне прощали всё, хотя очень часто я бывал несправедлив и излишне суров. Был случай, когда я поставил ученику четвертную оценку «два». Директор

школы упрашивала меня поставить тройку, мама ребенка плакала. Но я почему-то был уверен в своей правоте. И вот этот ребенок на следующий день, увидав меня в школе, подошел ко мне, улыбнулся и пообещал, что честно все выучит и в следующей четверти получит отличную оценку. Этого он, кстати, и смог добиться своим трудом.

Если быть откровенным, то нужно признать, что школа привела меня к Богу. Самое большое мучение — это когда тебя любят и все прощают, а ты не можешь или не хочешь ответить тем же. Это единственная тема, на которую я хотел бы написать проповедь, но у меня пока не получается — нет слов.

— Как получилось, что вы стали преподавать Ветхий Завет в Сретенской духовной семинарии, ведь у вас ответственное, отнимающее много времени послушание казначея Сретенского монастыря?

— Однажды проректор семинарии отец Иоанн посетовал, что в семинарии не хватает преподавателя по Ветхому Завету. Я рассмеялся и спросил: «Это предложение о преподавательской деятельности?» Он тоже рассмеялся и сказал: «А почему бы и нет? Если ректор благословит — будешь преподавать». За день до 1 сентября он позвонил мне по телефону: ректор благословил.

А по поводу других послушаний могу сказать только то, что мы судим на основе видимого, истинная же жизнь сокрыта от человеческих глаз. Но именно об этом и говорил Христос Своим ученикам.

— Что, на ваш взгляд, является самым важным в курсе Ветхого Завета?

— Преподаю я уже три года и все это время ищу. Сначала я думал, что для того, чтобы лучше понимать Писание, очень важно знать историю Древнего Востока. Мне казалось, что многие поступки людей, в особенности руководителей государств, обусловлены той или иной политической ситуацией. Это оказалось заблуждением. Я стал изучать труды преподавателей русских дореволюционных академий — Московской, Петербургской, Казанской и Киевской. Это книги известных и любимых нами ученых: Н.Н. Глубоковского, И.Н. Корсунского, П.А. Юнгерова и других. Особо следует отметить лекции нашего современника отца Леонида Грилихеса, его статьи, выложенные

Паломничество на Святую Землю

На богослужении

в интернете. А совсем недавно, пересматривая соответствующий материал, открыл для себя Евгения Андреевича Авдеенко. Думаю, он глубоко прав, когда говорит, что недостаточно знания еврейского и греческого языков для понимания ветхозаветных текстов. В Священном Писании нужно понять и полюбить язык символов, научиться читать этот символический язык. Вот в этом направлении я и хотел бы двигаться вперед. Другими словами, надо погружаться в Писание.

Но не менее важны для преподавательской деятельности богослужение и келейная молитва. Святитель Иларион (Троицкий) писал в своих трудах, посвященных ветхозаветным пророкам: «Основным занятием в обучении, образовании молодого поколения во времена пророков было воспитание юношей в благочестии, научение в молитве, в страхе Божием: «начало Премудрости — страх Господень» (Притч. 9: 10)».

— Есть ли у вас в курсе Ветхого Завета любимые темы?

— Конечно, есть. И это не просто любимые темы, это моя жизнь. Поймите меня правильно, это очень субъективно и лично, но когда я читаю об Аврааме, Иакове, Иове, Иосифе, я снова и снова переживаю то, что есть общего в жизни этих по-настоящему великих людей и в моей жизни. Они не просто любимые святые, они очень близкие и родные. Но есть в их жизни нечто, что никогда и ни с кем не повторится, и не только потому, что они прообразовали своей жизнью Самого Христа, но и потому, что все уже свершилось по Писанию. В их жизни зримо обозначилось начало земной Церкви, некие духовные постановления, законы, которые навсегда останутся основополагающими для всех людей: например, как создать семью, как относиться к родителям и многое другое.

— Какую литературу вы рекомендуете читать семинаристам по курсу Ветхого Завета?

— Я уже упоминал о сочинениях современных авторов — отца Леонида Грилихеса, Е.А. Авдеенко. Но основа для понимания Ветхого Завета, как ни странно, Новый Завет — Евангелия и Послания святых апостолов. Также важно знать творения святых отцов. Невозможно правильно понимать Книгу Бытия, не прочитав «Шестоднев» святителя Василия Великого. Когда мы читали и разбирали на лекциях толкования святителя Иоанна Златоуста или того же святителя Василия Великого на Книгу пророка Исаии, основная масса семинаристов была инертна. Но все же были единицы, которые подходили ко мне, чтобы поделиться своими мыслями, ибо для себя они открыли неведомый мир духа, и через это впервые для них «заблистали» сами святители как толкователи священного текста.

А самая большая проблема в том, что за пять лет обучения в высшем духовном учебном

заведении студенты, к великому сожалению, в основной массе ни разу не прочитали Библию целиком. Читают какие-то современные толкования, переводы протестантской или католической традиции, но с самим источником не знакомы.

— Что бы вы желали изменить в курсе Ветхого Завета или, может быть, чем-то дополнить его?

— Изменить хотел бы, но это слишком глобально, а потому пока невозможно. Беда в том, что мы изучаем богословские дисциплины разрозненно, каждый предмет сам по себе. Учащиеся сдали зачет, получили оценку, и «в памяти осталось что-то, а что — не помню». Я убежден, что все должно быть взаимосвязано. Семинаристы изучают историю Церкви, догматическое богословие, Священное Писания Ветхого и Нового Заветов, древние и церковнославянский языки — и всё это для одной цели: постараться понять Бога, познать Его. Полученные знания должны стать опорой веры, а вера должна изменять жизнь человека. Преподаватели, конечно же, видят единство предметов и тем, но это трудно донести до семинаристов. Еще со школьной скамьи большинство людей не имеет навыка применять знания в жизни, знания так и остаются бесполезным грузом. Так что студентам по окончании семинарии в их будущей жизни на приходе уже в качестве пастырей все еще предстоит «учиться, учиться и еще раз учиться».

Есть еще и другая проблема: уровень образования неуклонно падает. Такова современная тенденция. Для меня учеба всегда была великим трудом — все равно что кровь проливать. Современный же человек учится по-другому: «учеба — for fun», это совершенно другой подход, и получается, что вся жизнь для удовольствия. А на самом деле жизнь, как сказал мне один студент, не только для того чтобы кушать и спать.

— В ближайшее время ожидаются изменения в системе духовного образования. У вас есть соображения по этому поводу?

— Наверное, на этот вопрос я уже ответил. Если дополнить, то мое мнение: менять в системе действительно нужно многое, человеческая мысль должна развиваться. Самый важный момент состоит в том, что духовное образование не должно стать бездуховным, нельзя подменять духовность интеллектуальностью. Мы не имеем права потерять свое лицо в современном мире: «Соль имейте в себе. Если соль станет не соленой, что с ней делать?» (ср.: Мк. 9: 50) — спрашивал Христос Своих учеников. Ответ, думается, придется держать каждому из нас перед Спасителем еще здесь, на земле.

«Основы Ветхого Завета должны быть известны любому христианину»

Федор Алексеевич Куприянов

Федор Алексеевич, как в советское время вы пришли к вере?

— Советское время я помню недостаточно. Первые мои отчетливые воспоминания связаны с теми потрясениями, которые происходили в России уже в конце 80-х и в 90-е годы. Хотя, впрочем, я еще застал активную пропаганду атеизма в школе. К деятельной вере я пришел вместе со своей семьей. Вследствие серьезной травмы отца мои родители в начале 90-х годов стали ходить в храм, куда изредка брали и меня. Помню пасхальные богослужения в полуразрушенном храме «Отрада и Утешение» на территории Боткинской больницы, доски вместо пола, фанерный иконостас. Помню, как мой дедушка, военный инженер, строитель с многолетним стажем, консультировал настоятеля, будущего владыку Иринарха (Грезин, ныне епископ Пермский и Соликамский), в связи с появившейся в старом куполе трещиной. Затем мы ходили в храм на Ваганьковском кладбище, где служил мой будущий духовный отец — протоиерей Николай Соколов. Десятый и одиннадцатый класс я уже оканчивал в православной гимназии и впоследствии поступил в Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт (ныне университет). Одновременно с этим я стал помогать в храме святителя Николая в Толмачах при Государственной Третьяковской галерее.

— Какое образование вы получили?

— Первоначально я получил религиоведческое образование в ПСТГУ на миссионерском факультете и, начиная с четвертого курса, стал вести семинары по Основам Православия на подготовительном отделении университета. После окончания я продолжил преподавать на кафедре Библеистики. Однако мне всегда хотелось пойти по стопам отца и стать адвокатом. В нашей семье это уже традиция, ведь я юрист в четвертом поколении, да и моя супруга Елена — магистр юриспруденции. Одновременно с защитой дипломной работы я поступал

Скит Сретенского монастыря в селе Красное

в Московскую государственную юридическую академию. Там я получил второе высшее образование. Затем окончил аспирантуру в Институте государства и права РАН и там же защитил кандидатскую диссертацию по теме «Государственный контроль за религиозными объединениями». Мне была интересна данная тема, так как, с одной стороны, она находилась в поле административного права, с другой стороны — религиоведения. То есть я выступил и как юрист, и как религиовед. В диссертации были обоснованы пути реформирования отечественного законодательства о религии. Защита длилась около четырех часов. Присутствовали представители более десяти религиозных и общественных организаций, в первую очередь сект, которые яростно доказывали невозможность осуществления предложенной мной модели государственного контроля в Российской Федерации.

— Расскажите, пожалуйста, о своих учителях.

— Во время учебы в ПСТГУ я слушал лекции многих выдающихся преподавателей. Особенно мне запомнились преподаватели догматического богословия — отец Борис Левшенко и отец Олег Давыденков. Догматика меня увлекала. Назову также отца Владимира Кильчевского, который вел спецсеминар по Ветхому Завету. Кроме того, из преподавателей я вспоминаю отца Валентина Асмуса — преподавателя истории Церкви, Галину Илларионовну Вениаминову и многих-многих других.

— Где вы преподаете сейчас, помимо Сретенской духовной семинарии?

— В настоящее время я заведую кафедрой довузовской подготовки в ПСТГУ. Уже более десяти лет читаю лекции по Основам Православия и Священному писанию Ветхого Завета. Помимо богословских дисциплин также читаю лекции по российскому праву в Московском институте открытого образования им. Н.Н. Халаджана. Среди правовых дисциплин, конечно, первое место занимает курс по адвокатуре. Он чрезвычайно мне интересен, так как я имею статус адвоката и уже несколько лет возглавляю «Адвокатскую контору Ф. Куприянова». Таким образом, в своей жизни я реализую

себя в трех сферах — как адвокат, как преподаватель и как миссионер: я читаю общедоступные лекции по основам Православия в Третьяковской галерее при храме святителя Николая в Толмачах, организовал там библиотеку духовной литературы, издаю и редактирую ежемесячную православную просветительскую газету «Толмачевский листок» на шестнадцати полосах, тиражом до 3500 тысяч экземпляров, организую паломнические поездки.

— Как вы стали преподавателем Сретенской семинарии?

— После окончания ПСТГУ я несколько лет преподавал Священное писание Нового Завета, так как не было свободной вакансии преподавателя Ветхого Завета. Но я стремился к преподаванию именно этого, любимого для меня предмета, вел спецсеминары. Поэтому я искал возможность еще где-то преподавать. Однажды, это было в 2004 году, один из моих друзей — иерей Алексий Лымарев, позвонил мне и сказал, что в Сретенской духовной семинарии есть вакансия преподавателя Ветхого Завета, причем дело было в начале сентября и решение нужно было принимать быстро. Я и не раздумывал — согласился сразу. Буквально через два дня я приехал вместе с отцом Алексием в семинарию. Познакомился с иеромонахом Амвросием (Ермаковым), который впоследствии стал епископом. Батюшка вводил меня в курс дела, обо всем рассказывал, принимал во мне участие, поддерживал. Когда у меня через месяц родилась первая дочь Елизавета, он поздравил меня в преподавательской. Было очень приятно...

— В чем вы видите специфику преподавания Священной истории Ветхого Завета? Что необходимо в наше время для того, чтобы правильно понимать и глубоко изучать Ветхий Завет?

— Я, прежде всего, обращу ваше внимание на то, что Ветхий Завет является первой частью всей Библии, и понимать вторую ее часть, то есть Новый Завет, без уразумения основ первой — невозможно. Поэтому я считаю, что основы Ветхого Завета должны быть известны любому христианину. Если же говорить об учебном процессе, то есть о духовном образовании, то, безусловно, любой семинарист обязан знать Священное писание Ветхого Завета, поскольку без этого знания невозможно понять, по какой причине Спаситель говорил те или иные слова, почему Он совершал те или иные действия. Могу привести такую аналогию: мы зачастую не достаточно полно знаем, что происходило в России даже в девятнадцатом веке: как были устроены губернии, какие деньги ходили, из-за этого нам бывает трудно понять причины тех или иных суждений современников Пушкина и Тургенева. А прошло-то всего сто-двести лет. Тем паче нам нужно изучать Ветхий Завет, чтобы понимать Новый.

— Как вы можете охарактеризовать студентов-сретенцев?

— Студенты Сретенской семинарии, как и любой другой семинарии, находятся в привилегированном положении по сравнению со студентами обычных вузов, они живут в стенах семинарии, и им не требуется времени на дорогу, не приходится прилагать усилий для того, чтобы найти себе кров, еду. Все бытовые вопросы решены. Я считаю это большим плюсом. Все свое время человек может посвящать учебе. Разумеется, неоценим духовный опыт общения со священниками и монахами, участие в богослужебной жизни обители. Библиотеки, которые собираются в монастырях, в том числе и Сретенском, также являются хорошим подспорьем для студентов.

— А если сравнивать Сретенскую семинарию, например, со Свято-Тихоновским университетом?

— Во-первых, образование в ПСТГУ — это образование, которое получают и мужчины, и женщины. Сугубо мужской состав семинарии, безусловно, накладывает свой отпечаток — по-другому происходят взаимоотношения в группе. Разные аудитории — смешанная и чисто мужская — по-разному реагируют на многие моменты. К тому же студенты ПСТГУ приезжают на занятия, тратят время на дорогу, решают бытовые вопросы. Вместе с тем их жизнь не так строго регламентирована, и они могут более гибко распределять свое время. Иногда им приходится заставлять себя учиться, а в семинарии стимуляция в большой степени ложится на плечи дежурных помощников, людей, которые следят за тем, чтобы определенное время студент-семинарист посвятил занятиям.

— Федор Алексеевич, каким образом вы заинтересовываете студентов своим предметом?

— На лекциях я исключаю форму «сухого» монолога. Часто спрашиваю мнения студентов о суждениях тех или иных исследователей,

толкователей. Задаю вопросы, иногда даже отчасти провокационные, чтобы семинаристы задумались над тем, как ответить, чтобы возникла дискуссия. На первом занятии я всегда устраиваю между студентами диспут на тему: «Нужно ли православному христианину изучение Ветхого Завета?» Причем одна группа студентов должна доказывать, что это нужно, а другая — что нет. Я отношусь к тому типу преподавателей, которые являются популяризаторами. Для нас главная задача добиться, чтобы студенты полюбили предмет, искренне заинтересовались им, чтобы у них появилось желание изучить его глубже программных требований, постигать всю жизнь. Я предлагаю семинаристам базовые знания и свою точку зрения на преподаваемую дисциплину, доказываю ее необходимость для жизни современного христианина. Ведь студенты часто задают себе вопрос: «А мне этот предмет нужен? Или и без него можно стать священником?» Я стремлюсь к тому, чтобы учащиеся после моего курса ответили: «Да, нужен!».

— На своих занятиях вы часто используете слайды?

— Я считаю, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, поэтому описывать, как выглядел первосвященник, без изображений невозможно. Наглядный материал необходим. Думаю, нужно создать специальную библиотеку слайдов и широко использовать ее в учебной практике.

— Как вы добиваетесь того, чтобы семинаристы учились самостоятельно выражать свои мысли, свое мнение, не списывали на контрольных или экзаменах?

— В первую очередь я взываю к честности, к совести. В начале контрольной работы, экзамена я со всех беру слово, что они не будут списывать. Это, как правило, действует. Если православный студент пообещал, я верю — он не нарушит данного слова. К тому же я предупреждаю: если увижу списывающего, сразу сниму балл, если семинаристы переговариваются между собой, балла лишаются оба.

— Что вы можете сказать об общем уровне письменных работ и устных ответов студентов?

— Конечно, русский язык, как и всякий язык, развивается. Но, к сожалению, даже его носители сегодня стремятся к упрощению языка. Исчезают красивые обороты, синонимы. Сейчас появилось много слов, которые называют практически любой предмет. В английском языке есть выражение «one thing», которым обозначатся вещь. И вот этой «вещью» можно назвать вообще все, что видишь вокруг, не нужно употреблять точные именования. Печально, что и русский язык наводняют такие универсальные примитивы. Современная молодежь употребляет много «мусорных» слов-связок: «как бы», «ну, вот». Очень грустно, когда студент, рассказывая о каком-нибудь библейском событии, говорит: «Моисей как бы пошел в Египет и потом как бы совершил там чудо...» Когда студенты делают неправильное ударение или высказывают суждение, употребляя слова-паразиты, искажающие значение этого суждения, я обращаю на это внимание и исправляю ошибки.

— Федор Алексеевич, каковы, на ваш взгляд, перспективы семинарского образования?

— Я уже пять лет преподаю в Сретенской семинарии и вижу, что уровень учебного процесса, уровень воспитательной работы здесь неизменно высок. Важно, что произошло реформирование семинарского обучения — теперь это высшее образование, а не среднеспециальное, как раньше. И Сретенская семинария, безусловно, соответствует этой высокой планке. Думаю, что недалек тот час, когда семинарии будут выдавать дипломы государственного образца, дипломы, которые будут котироваться не только в церковной среде, но и в светских учреждениях.

Воспоминания выпускников 2010 года

«Церковное служение имеет вечное сотериологическое значение»

Диакон Андрей Тихонов

Андрей, скажите, почему вы решили поступить в семинарию?

— Причина поступления в семинарию может быть только одна — искреннее желание служить Богу, ближнему, желание помочь людям обрести Господа и Церковь. Это и стало для меня в определенный момент самым главным.

— А как отнеслись родители и близкие к вашему решению?

— Мои родители никогда не ограничивали меня; напротив, они говорили, что это моя жизнь, и я сам должен сделать свой выбор. Они всегда давали мне понять: благодаря тем знаниям и навыкам, которые я уже получил к моменту окончания общеобразовательного учреждения, я смогу самостоятельно найти свой дальнейший жизненный путь. При этом им, как любым верующим людям, было очень радостно, что, поступая в семинарию, я избираю служение Богу. В общем, они всячески старались меня поддерживать. А вот со стороны бабушки было некое непонимание. Она только воцерковляется, поэтому сначала она не до конца понимала, что такое семинария, и относилась с большой опаской к тому выбору, что я сделал. Но прошло некоторое время, и мои рассказы, а также фотографии дали ей более полную картину, и она искренне обрадовалась, что я получаю духовное образование.

— Изменились ли ваши отношения со светскими друзьями после того, как вы стали студентом духовной школы?

— Большинство моих друзей — люди церковные. К тому же, мое решение учиться в духовной школе, чтобы в дальнейшем стать священником, не было спонтанным, а зрело с самого детства. То есть для друзей мое поступление в семинарию не было неожиданным, и наши отношения не изменились. Но, конечно же, ко мне стали чаще обращаться с вопросами, касающимися тех знаний, которые я получаю (это естественно). Люди задают самые разные вопросы: богословского, нравственного,

церковно-исторического характера. Отвечать на них мне очень радостно, хотя я и чувствую большую ответственность.

— Какие трудности пришлось преодолеть в начале обучения в духовной школе?

— Знаете, я не замечал трудностей. Немного привыкнуть пришлось разве что к новому ритму жизни. Но ведь вся наша жизнь подчиняется определенной логике. В семинарии это, прежде всего, учебный процесс, график послушаний. А главное — уникальный молитвенный ритм. Безусловно, все это накладывает отпечаток на внутреннее устройство души, на те процессы, которые в ней происходят.

— В этой связи хочется спросить: какие вопросы решает для себя молодой человек, когда учится в семинарии?

— Я думаю, речь идет не столько о вопросах, сколько о выводах. Каждый семинарский год становился для меня ступенью взросления. Обращая свой взгляд на пройденный путь, я не могу не осознавать, что очень сильно изменился под воздействием семинарской среды, под влиянием тех людей, которые здесь преподают, которые воспитывают нас. Если говорить о 1-м курсе, он для меня имел огромное значение. До прихода в семинарию я просто знал: Промысл Божий есть. А отучившись один год, я внутренне, на своем опыте почувствовал живительное действие Промысла Божия. Так я пришел к выводу — твердому, прочувствованному: всегда во всех обстоятельствах нужно просить у Господа только одного, молиться только одной молитвой. Молиться о том, чтобы Бог простил мои грехи и сделал так, как Он считает правильным и нужным для меня. А все остальное приложится. Это очень важно понять: «Не так, как я хочу, но как Ты хочешь, и да будет во всем воля Твоя». И вот это осознание укоренялось во мне год от года. Я всегда старался и стараюсь приучать себя жить так, чтобы за все благодарить: за скорби, за радости, часто незаслуженные, но которые Господь по Своей милости дает, — и не переставая постоянно просить: «Господи, да будет Твоя святая воля». Что может быть важнее такого осознания?!

— В духовной школе существует жесткая административная иерархия, и ключевыми фигурами в ней являются дежурные помощники проректора. Легко ли вы находили с ними общий язык?

— В течение пяти лет поменялся не один дежурный помощник. Но я хорошо запомнил одну из наших первых бесед с администрацией семинарии — и это был разговор с монахом Николаем (Муромцевым). Он человек простой, не привыкший оперировать высокими понятиями. Но как искренне, по-отечески он с нами проводил эти первые беседы! И мы почти сразу — в шутку, конечно, — между собой стали называть его «семинарской мамой». А нашим «отцом», без сомнения, всегда был ректор семинарии — наместник Сретенского монастыря архимандрит Тихон (Шевкунов). Хочется также отметить диакона Антония (Новикова). Когда я только начинал учиться, он уже был старшекурсником, и нам поручили совместное послушание. Я развешивал по монастырю расписания богослужений. Он стал тогда для меня разумным советчиком, добрым наставником в сложных ситуациях. Безусловно, со временем отношения менялись, мы взрослели и, естественно, становились более самостоятельными, но те первые ощущения живы до сих пор.

К сожалению, мы доставляли много беспокойства нашим дежурным помощникам, за что должны просить у них прощения. Им часто было с нами непросто.

— В семинарии изучается много предметов. Наверняка есть такие, к которым вы испытывали наибольший интерес.

— Конечно, такие предметы есть — без этого, по-моему, нельзя, если человек искренне выбрал свое поприще. Приоритеты существуют всегда, и они в целом положительно влияют на наше внутреннее развитие. Самым моим любимым семинарским предметом стало церковное искусство. Я с детства стремился к эстетике, к красоте. И данная дисциплина очень глубоко меня заинтересовала, увлекла своей бездонностью. Именно поэтому я решил изучить ее более детально. Кроме того, меня всегда привлекали исторические дисциплины. И за это я благодарю наших замечательных преподавателей: Алексея Константиновича Светозарского, Игоря Петровича Шаповалова, Ольгу Юрьевну Васильеву. Хочу отметить, что наши наставники — не только великолепные специалисты, но и талантливейшие педагоги. Они так искусно преподносят материал, что их предмет невозможно не полюбить. Примером для меня в этом смысле служит священник Вадим Леонов.

Паломничество
в Санкт-Петербург

До него догматическое богословие у нас читал другой преподаватель, и дисциплина нам казалась очень непростой, она даже тяготила нас. А вот благодаря отцу Вадиму мы полюбили догматику, и она стала настолько ясной, очевидной, необходимой для нашей духовной жизни и будущего служения, что данный предмет вышел на первый план, как это и должно быть в духовном образовании.

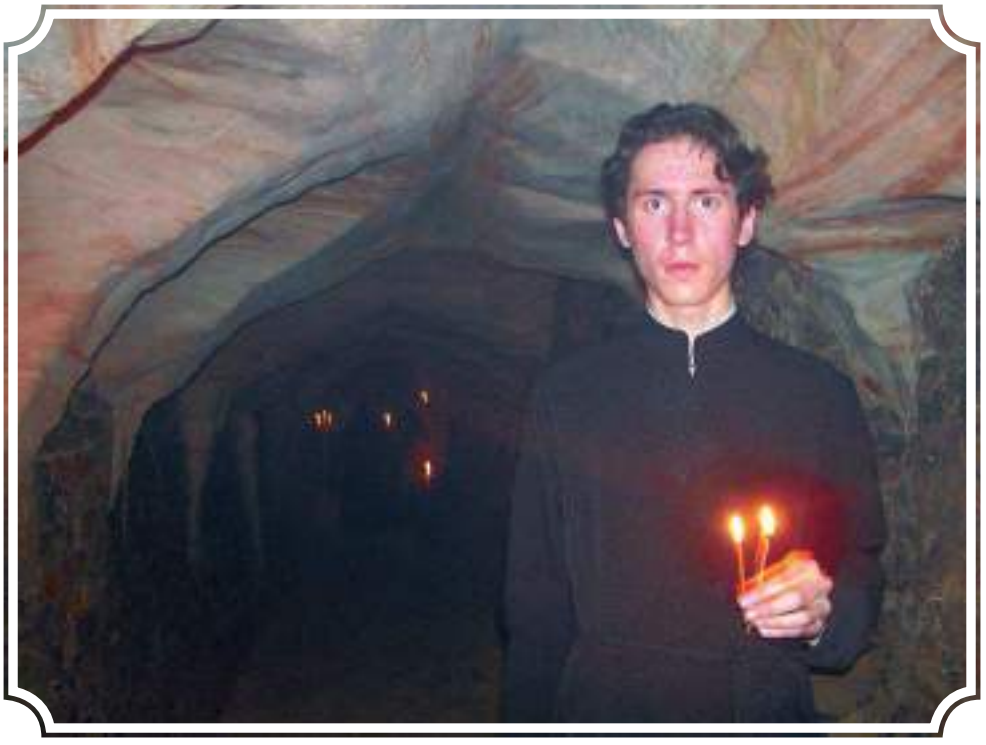
— Любой учебный курс заканчивается либо зачетом, либо экзаменом. Каковы ваши воспоминания о сессиях?

— Сессия — это непростое время для студента. Прежде всего, меняется режим, потому что появляются дни, когда нет занятий и все готовятся к тому или иному экзамену. Несколько меняется и внутренняя духовная жизнь, не всегда, к сожалению, успеваешь полностью вычитать правило, которое получил от духовника. Бывает, что спать ложишься ближе к утру. Ситуации складывались разные. Знаете, мне очень помогало при подготовке к экзаменам и зачетам понимание главной идеи, которую закладывал преподаватель в читаемый курс.

Хочу вспомнить один интересный случай, который произошел со мной, когда я учился на 1-м курсе. Помню, был один из самых сложных экзаменов — по истории Русской Православной Церкви. Предмет читался блестяще Алексеем Константиновичем Светозарским. Но при этом он весьма строгий экзаменатор. Я помню, что уже многие ребята прошли, так сказать, этот экзаменационный путь — и, к сожалению, не все удачно. Тогда я решил пойти в храм, чтобы помолиться преподобному Сергию и другим святым. Я говорил: «Вот, Господи, сейчас я недостоин, я плохо знаю материал, Господи, да будет Твоя святая воля. Может, мне для смирения надо будет получить неудовлетворительный балл, пусть так и будет». Я молился, чтобы Господь дал мне то, что мне сейчас нужно. И у меня еще оставалась буквально минутка, чтобы зайти в келью, где я повторил один из билетов. И когда я пришел на экзамен, мне достались именно эти вопросы. Конечно же, для меня это было чудом, радостью. Экзамен я сдал успешно — на «четверку». Я ликовал, поскольку почувствовал, как Господь ведет меня за руку по жизненному пути. Это, наверное, самое яркое воспоминание о сессиях.

— Все студенты-семинаристы произносят учебные проповеди. Чем запомнился вам первый опыт?

— Предмет гомилетика, в рамках которого и предполагается произнесение проповедей, интересовал меня еще с 1-го курса. Поэтому я с искренней, неподдельной радостью встретил его на третьем году обучения в семинарии. Я уже давно мысленно представлял себе, как я составляю проповедь. Что можно сказать



В пещерах Псково-Печерского монастыря

человеку, как это сделать, как правильно преподнести ту или иную тему. Мне кажется, особую роль играет здесь то, с каким чувством, настроением человек говорит свою проповедь. Для меня лично очень важно, чтобы все произносимые слова исходили из сердца. И первая моя проповедь на самом деле писалась не как обычная работа. Сначала я про себя все проговаривал, представлял, как это произносится, а уже потом перенес текст на бумагу. Моя первая проповедь, как и все последующие, была посвящена теме христианской любви. Для меня эта тема имеет очень важное, ключевое значение. Разумеется, во всех мои проповедях есть выводы, которые — так уж получилось — дополняют друг друга. Подводя итоги своих проповедей, я постепенно понял одну чрезвычайно важную вещь. Господь есть действительно бесконечная, бескрайняя и необъятная любовь — отеческая любовь к человеку. И вот именно об этой любви и только о ней как о главном и хотелось всегда говорить. Темы мы изучали разные: любовь к ближнему, к Богу, любовь Бога к человеку. Изучали по-разному, но идея всегда была одна: все эти отношения в своем центре должны иметь именно любовь — чувство, которое управляет внутренним настроем и жизнью человека. На эту тему хотелось писать снова и снова, потому что было живое желание донести огонь этой любви. Мне хотелось поделиться этим благодатным теплом с людьми, которые слушали мои проповеди сначала в трапезной, а затем и в храме.

— Среди своих любимых предметов вы назвали церковное искусство. По этой дисциплине вы написали две курсовые работы, а сейчас готовите дипломное сочинение. Расскажите об этом.

— Да, действительно, я буквально стал жить этой работой. А дело начиналось так. Наша семинария поддерживает добрые, дружеские отношения с художественной академией. Как-то раз нам предложили вместе поехать на один из «объектов» (такова техническая терминология реставраторов) древнего Пафнутиево-Боровского монастыря. По словам студентов-искусствоведов, это был совершенно удивительный памятник, очень интересный. Мы должны были тогда не просто поехать и посмотреть на процесс реставрации снизу, с уровня пола, а подняться на леса и наблюдать восстановление изнутри. Итак, мы увидели фресковый ансамбль вблизи. Нашему взору открылось то, что недоступно молящемуся, который стоит в храме. В общем, этот памятник меня просто потряс, потрясла его красота, внутренняя духовная наполненность и глубочайший символизм древнерусской живописи. И я решил написать курсовую работу о фресках

В Пафнутиево-Боровском монастыре

Пафнутиево-Боровского монастыря, хотя сначала выполнение задуманного мне казалось нереальным. Но меня очень поддержала Наталья Зараменская — тогда еще студентка, а сейчас младший научный сотрудник Третьяковской галереи. Она пообещала, что будет мне помогать и направлять меня в этой работе. Все это вселило в меня смелость, и я взялся за тему, посвященную фрескам Пафнутиево-Боровского монастыря. Со временем у меня завязалась дружба с реставраторами, и я даже стал их сотрудником. Так, будучи библиотекарем, я помогал им в выборе того или иного материала для восстановления утраченных фрагментов. Это была настолько увлекательная работа, что я сразу же после окончания последней лекции буквально бежал на Киевский вокзал, садился в электричку, ехал полтора часа, затем еще полчаса на маршрутке от города Балабанова до поселка Роща, а там десять минут надо идти через лес — через величественный сосновый бор. И вот я спускаюсь по крутому спуску — и передо мной монастырь. Я буквально взлетал на леса и работал с упоением до 7–8 часов вечера, до тех пор, пока нужно было собираться обратно, чтобы успеть в семинарию к отбою — к 11 часам. Дорога назад почти никогда не обходилась без приключений, но все восполняла радость от работы, от прикосновения к святыням. Конечно, это чудо, что мне удалось написать свою работу на 3-м курсе. Пришлось с нуля изучать всю искусствоведческую терминологию. Я чертил много схем, составлял программы росписи, намечал ее композицию и содержание. Моя первая курсовая работа была сырой, тем не менее, она превышала установленный объем, составив 65 страниц текста. Текста выстраданного и очень быстро написанного, так как я весь первый год регулярно ездил в святую обитель, поднимался на леса, смотрел, записывал, чертил схемы. Писать для меня не составило особого труда, поскольку фрески стали для меня очень дорогими: я просто писал о том, о чем постоянно

думал. Я тогда кратко представил фрески, рассказал об их истории, этапах реставрации и т.д. Понятно, что многие мои наблюдения могли показаться людям с искусствоведческим образованием хрестоматийными, но я тогда постоянно открывал для себя что-то новое. На 4-м курсе я решил сравнить памятники Боровского монастыря с аналогичными фресками, которые созданы в XVII веке. И я пришел к очень важному для меня выводу: оказалось, что они по своему художественному уровню, по степени мастерства в известной мере превосходили знаменитые фрески Успенского собора и храма Ризоположения в Московском Кремле. В дипломной работе полученные мною выводы будут обобщены и дополнены. Моя тема сформулирована так: «Фрески собора Рождества Пресвятой Богородицы Пафнутиево-Боровского монастыря и живописные традиции школы Дионисия. Идейное содержание и художественные приемы». То есть угол зрения перемещен в сторону стилистики, композиции и художественных приемов. Дело в том, что фрески в предыдущем, более раннем храме обители расписывал Дионисий — известный иконописец, который блестяще владел всеми художественными приемами того времени. И мне интересно посмотреть, какие из них были унаследованы в росписи Рождественского собора Пафнутиево-Боровского монастыря 1644 года. Таким образом, я подвожу определенные итоги, суммирую все свои знания о данном памятнике, заканчивая тем самым свое студенческое исследование.

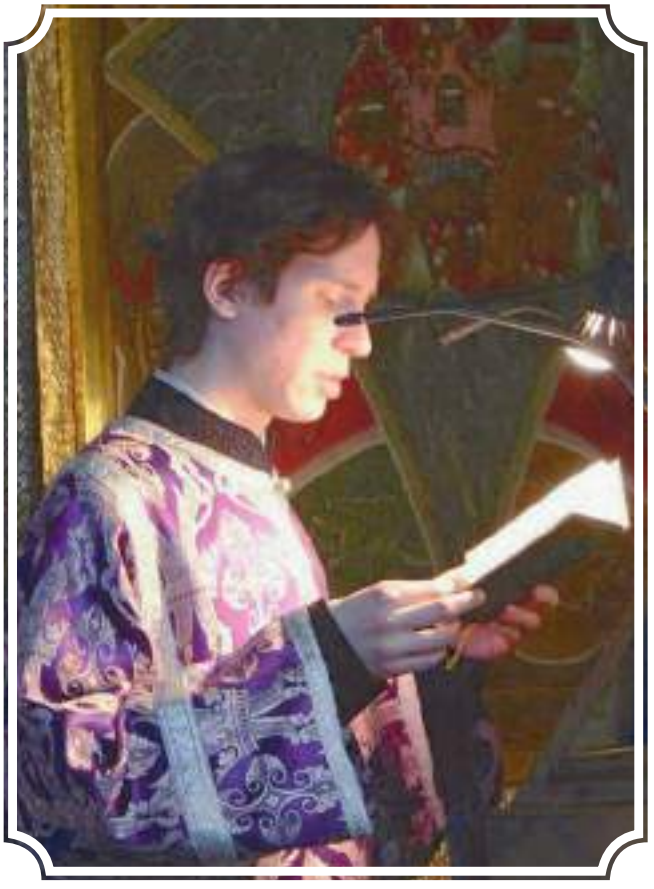
— Очевидно, что в семинарии очень много времени отводится на духовное воспитание. Расскажите, пожалуйста, о ваших духовниках, о том, какую роль они сыграли в вашем становлении.

— Вновь я скажу о промыслительности всего, что происходит в нашей жизни, о водительстве Божием, которое постоянно ощущается. Именно оно и привело меня к таким опытным духовникам, как иеромонах Иов (Гумеров) — насельник Сретенского монастыря, протоиерей Иоанн Вавилов — настоятель храма преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках и архимандрит Тихон (Шевкунов) — наместник Сретенского монастыря. Они всегда советовали мне полагаться на волю Божию. От них я получил богатейшие знания святоотеческого наследия; они делились со мной поучительными деталями своей жизни. И к ним я могу обратиться только со словами самой теплой благодарности.

— Многое для духовного становления человека дают паломнические поездки, которыми славится Сретенская семинария. Какие святые места вы посетили за прошедшие пять лет?

— Если соблюдать хронологию, то в самую первую неделю нашего обучения в семинарии для нас была организована экскурсия по святым местам столицы. Тогда мы приложились к мощам великих святителей Московских, испросили их молитв и благословения на многотрудное обучение в духовной школе. Затем последовала поездка во Владимир, молитва перед святынями — мощами, которые почивают в Успенском соборе. Все эти поездки, несомненно, очень поддерживали меня. Они очень удачно синтезировали в себе культуру и духовность. Наши паломничества наглядно показывали, насколько русское искусство проникнуто православным содержанием. И еще мне бы хотелось особо подчеркнуть, что все наши поездки были прекрасно организованы, расписаны буквально по минутам: мы успевали посетить колоссальное количество мест и получить огромный объем полезной и интересной информации. За это нужно благодарить семинарскую администрацию, которая понимает, что плодотворность любого дела целиком зависит от его организации. Вот сейчас я вспомнил поездку на Куликово поле. Тогда там служилась Божественная литургия, которую возглавлял сам Святейший Патриарх. Мы рано утром выехали из монастыря и вскоре приехали на это историческое, святое место, которое окроплено кровью тысяч и тысяч русских православных людей. С тем паломничеством связаны незабываемые впечатления. И, опять-таки, произошло оно на 1-м курсе. Наше общение только складывалось, и то паломничество сплотило наш коллектив, мы стали более близки друг другу.

Но, пожалуй, самое незабываемое впечатление я получил от поездки на Святую Землю. Это одно из ярчайших событий в моей жизни. Я до сих пор не верю, что побывал в этом месте. Я узнал для себя немало нового, но важнее всего то состояние души, которое я бережно храню в своем сердце. Радость приобщения к святыням земли, по которой ходил Спаситель,



Пономарское послушание

нельзя сравнить ни с чем. Неслучайно, когда мы вошли в Иерусалим, мы потеряли чувство времени — и это обычное ощущение всех паломников. Те же камни, древние здания, которые были 2000 лет назад! История как бы останавливается в этом городе. Мне не забыть Божественную литургию, на которой мы присутствовали в храме Гроба Господня и приобщались святых Христовых Таин. Величественная картина ночной службы, греческие слова, чередующиеся с церковнославянскими, замечательное пение нашего семинарского хора... Я до сих пор не могу выразить словами все радостные, светлые чувства, охватившие меня на Святой Земле, — многое осталось только в глубинах души.

— Какие послушания вы несли, обучаясь в духовной школе?

— На начальных курсах я нес послушание у игумена Киприана (Партса) в просфорне. Это была серьезная школа смирения. И отец Киприан был одним из тех, кто больше всего повлиял на осознание промыслительности жизненных событий. Я берегу в своей памяти время общения с этим прекрасным священником. Мы говорили только о самом главном — о спасении души. Конечно же, такие беседы настраивали на определенный молитвенный лад. Послушание исполнялось только с молитвой: ее читал вслух кто-нибудь из просфорников либо мы слушали магнитофонную запись. Выпекать просфоры очень непросто. Я помню неописуемую радость, когда на Страстной седмице мне впервые удалось испечь большую богослужебную просфору. Это целое искусство. Необходимо правильно скатать тесто, оно должно определенное время находиться в расстоечном шкафу, потом надо правильно «склеить» две части просфоры. Я радовался тогда тому, что у меня есть возможность поучиться. Я убежден: навык работы в просфорне обязательно пригодится в будущем священническом служении.

С 3-го курса я несу послушание в библиотеке. Я достаточно долго входил в курс дела, но мне очень понравилось, и эта работа стала мне в радость. Я подолгу задерживался в читальном зале. Мне за эти три года пришлось обрабатывать много книг — и это послушание стало частичкой моей жизни. Знаете, у меня всегда получается так, что я сердцем прикипаю к выполняемому делу, послушанию, и оно становится для меня по-настоящему родным и необходимым. Вот и работа в монастырской библиотеке занимала все мое свободное время, но я нисколько не жалею об этом.

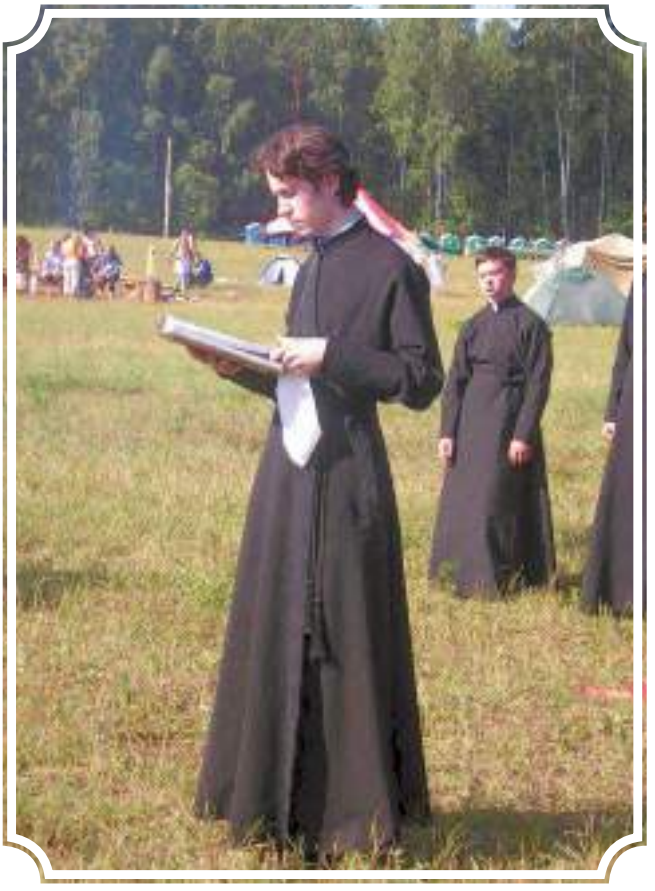
— Сретенская духовная семинария не раз организовывала различные миссионерские акции, в том числе и раздачу Евангелий накануне Пасхи на станциях московского метро. Участвовали ли вы в этих проектах?

— Конечно, я принимал участие в раздаче Евангелий и никогда не забуду те дни. Это был колоссальный опыт общения с людьми. Мы в течение трех дней на Страстной седмице выходили на станции метро и сталкивались лицом к лицу с простыми людьми. Были тогда и проблемы, и сложности, и казусы. И, конечно же, сначала было нелегко. В первый день многие из нас сорвали голос, потом мы поняли, что надо обращаться к людям с большим тактом, а говорить — тише. К тому же я осознал, что необходимо общаться с конкретным человеком, чтобы он отчетливо понял ценность такого подарка — Евангелия. Было интересно посмотреть, как люди реагируют на такую акцию. Поначалу отношение москвичей было

неоднозначным: многие думали, что мы сектанты. И это очень огорчало, но такова реальность: масштабные акции, к сожалению, у нас проводят как раз псевдорелигиозные организации. Чтобы сориентировать людей, наши студенты и наставники выступили по телевидению, на каждой точке раздачи был вывешен специальный плакат, извещающий, что Евангелия — это пасхальный дар Святейшего Патриарха Алексия. И это дало позитивный результат, люди с радостью подходили к нам, брали по несколько экземпляров, чтобы передать своим знакомым, друзьям. Это буквально окрыляло.

Если говорить о миссионерских поездках, то главными для меня останутся наши посещения школы-интерната в рязанском городе Михайлове. Непосредственное общение с детьми, души которых опалены бедой, дает неизмеримо много. Начал я работать с первым классом, сейчас они уже третьеклашки. Маленькие дети с чистыми душами, но страдающие и страждущие. Не скрою, поначалу было очень больно смотреть на их лица. Но как только на них появлялись улыбки, наша радость была многократной. Радостно было оттого, что мы действительно смогли хоть чем-то облегчить их горе, хоть отчасти компенсировать им недостаток родительского внимания, любви. И пусть все это мизер, но в души этих замечательных ребят вложено благое семя, которое, может быть, через несколько лет даст свои хорошие плоды. Очень бы хотелось, чтобы наши беседы, наше общение помогли детям правильно сориентироваться в жизни, которая полна трудностей.

Также нельзя не вспомнить миссионерскую поездку в Костромскую область — в лагерь «Патриот-2009». Это был совершенно необычный, новый вид миссионерской деятельности нашей семинарии. Нам пришлось работать с молодежью, ведь этот лагерь организовали специально для студентов. В данном проекте ведущей стала образовательная составляющая. То есть фактически это был лекторий под открытым небом. Нам, семинаристам, было очень интересно и полезно увидеть современную молодежь, понять, чем она живет, каковы ее интересы, а главное — осознать, что многие из них тянутся к вере, ищут Бога, а значит, им надо помочь. Показателен такой эпизод: я и еще один семинарист, мой друг, решили



Пастырская практика в Костроме

вечером прогуляться по берегу Волги, на котором и располагался лагерь. И когда мы проходили мимо костров, то нас не раз подзывали ребята и задавали самые разные вопросы о церковной жизни. Я тогда очень хорошо понял, какой жуткий духовный голод у нашей современной молодежи, как им не хватает адекватной информации. Куда только ни несет ребят, какие только веяния и направления их ни притягивают... Такие вот разные акции, каждая из которых дала богатый опыт взаимодействия с людьми!

— Андрей, позвольте вам задать такой вопрос: как семинаристы знакомятся со своими будущими невестами?

— В моем случае все было — как это всегда и бывает — промыслительно. Ехал я однажды по «фиолетовой» ветке нашего метро. Диктор объявил станцию «Таганская». Меня пронзила мысль: «Здесь находится монастырь, в котором покоятся мощи блаженной Матроны Московской». И, наверное, ангел-хранитель подсказал, что мне сейчас надо выйти и помолиться этой святой. К тому времени меня

мучили раздумья о семейной жизни. Я достаточно остро ощущал потребность в близком человеке, с которым бы смог связать свое будущее. Я долго присматривался к одной девушке, работающей в нашем магазине «Сретение» и одновременно учившейся на педагогическом факультете в ПСТГУ. Но как-то не решался подойти и познакомиться... И вот я зашел в собор Покровского монастыря. Подошел к мощам блаженной Матроны, и о чудо: перед ракой я увидел ее. Как я позже узнал, у Лены была сессия, и она тоже заехала помолиться блаженной Матроне. Мы познакомились, стали общаться. Эта встреча явилась для меня ответом на мучивший меня вопрос. А 20 января состоялось наше венчание. Нас венчал наш общий преподаватель отец Вадим Леонов. Наверное, невозможно передать словами то, что происходит в душе человека в такие минуты. Скажу только одно: слава Богу!

— Недавно состоялась ваша хиротесия — пострижение во чтеца, возведение в первую степень служения Церкви. Каково для вас значение этого события?

— Несомненно, это серьезное событие, после совершения которого человек действительно становится служителем Церкви на всю жизнь. И даже не на всю жизнь, а на всю вечность. Церковное служение — это дар, так же как и священнослужение. Ни одна профессия не переходит в вечность, а служение Богу имеет вечное сотериологическое значение. Хиротесия стала для меня еще одним знаком, еще одним проявлением воли Божией. Я еще более полно осознал, что сделал свой выбор правильно. После хиротесии я еще увереннее иду по пути служения Богу и Церкви. Теперь я твердо знаю: обратной дороги здесь нет и быть не может.

— Вы в этом году заканчиваете семинарию. Чем стала для вас духовная школа?

— Не побоюсь повториться: семинария дала почувствовать, что такое Промысл Божий, пробудила и желание ему следовать. Это самый важный итог моего духовного образования. Если говорить о качествах, которые сформировались во мне за пять лет, прежде всего это собранность, умение распределять свое время и ответственное отношение к послушаниям. Все это, разумеется, развивается не сразу, очень постепенно. Немаловажно для нас,

Венчание

Рукоположение в сан диакона

для будущих священников, и то, что семинария показывает все стороны церковной жизни. Недаром один из наших преподавателей сказал, что наша жизнь в стенах духовной школы — это жизнь Церкви в миниатюре. Иными словами, пять лет учебы стали определенным опытом жизни в Церкви, этапом в преодолении искушений, сложностей. Но самым важным уроком, который, на мой взгляд, преподносит духовная школа людям, решившим связать свою жизнь с пастырским служением, стало приобретенное умение жить и общаться с любым человеком, в котором нужно непременно разглядеть образ Божий. Так устроена семинарская жизнь, что почти каждый год студент меняет келью и, соответственно, меняет сокелейников. И вот этот опыт дорогого стоит: все мы очень разные — порой очень доброжелательные, а иногда чрезвычайно сложные. Умение налаживать взаимоотношения, уступать друг другу, отстаивать свое мнение дает большой опыт, который положительно влияет на человека.

Я не могу не вспомнить старосту нашего курса Степана Бажкова. Он стал для меня примером того, как человек всецело полагается на волю Божию. Вера пронизала все стороны его жизни, и он спокойно и молитвенно относится к любым искушениям, с которыми сталкивается. К подобному мировидению надо стремиться!

— Андрей, каковы ваши пожелания будущим студентам Сретенской духовной семинарии?

— Хочется пожелать, чтобы каждый человек, который выбрал для себя духовное образование, ежедневно делал для себя какие-то выводы. И при этом помнил: Господь знает все, что полезно и нужно каждому из нас. Я от всего сердца желаю, чтобы все семинаристы — настоящие и будущие — действительно почувствовали то, что почувствовал здесь я. Почувствовали водительство Божие, почувствовали Его великую любовь к нам, грешным. Почувствовали, как укрепляется упование на Господа и как вера становится все более живой и важной для человека.

14 марта 2010 года в храме преподобного Сергия Радонежского Высоко-Петровского монастыря семинарист Андрей Тихонов был рукоположен в сан диакона.

«Христианину всегда надо поступать так, как велит совесть»

Степан Бажков

Степан, скажите, почему вы решили поступить в семинарию?

Мое воцерковление началось, когда я еще учился в институте, и тогда же один священник предложил мне стать псаломщиком на недавно созданном удаленном приходе. Я с радостью согласился — на тот момент у меня не было православных друзей, с которыми можно было бы общаться на религиозные темы. А здесь было даже большее — активное приходское служение, и к тому же очень ответственное. Например, если я не мог приехать, то служба не совершалась. Более пяти лет я нес различные послушания: сначала на приходе, потом какое-то время в епархиальном управлении. Окончил институт, занимался помимо своих церковных дел и гражданской работой, но на определенном этапе решил полностью посвятить жизнь служению Богу и Церкви. А в современных условиях человеку для полноценного церковного служения необходима систематическая подготовка. Поэтому-то я и поступил в семинарию.

— Наверное, можно выделить какие-то особенности или трудности на новом месте обучения?

Одна из главных сложностей — систематическая нехватка времени, которая поставила задачу правильно его распределять. Я до семинарии никогда не испытывал такого дефицита времени, и на 2–3-м курсах научился ценить буквально каждую минуту, мобилизовывать все свои силы, — это очень полезный навык.

— Можете ли назвать свои любимые дисциплины, которые довелось вам изучать? Почему понравились именно они?

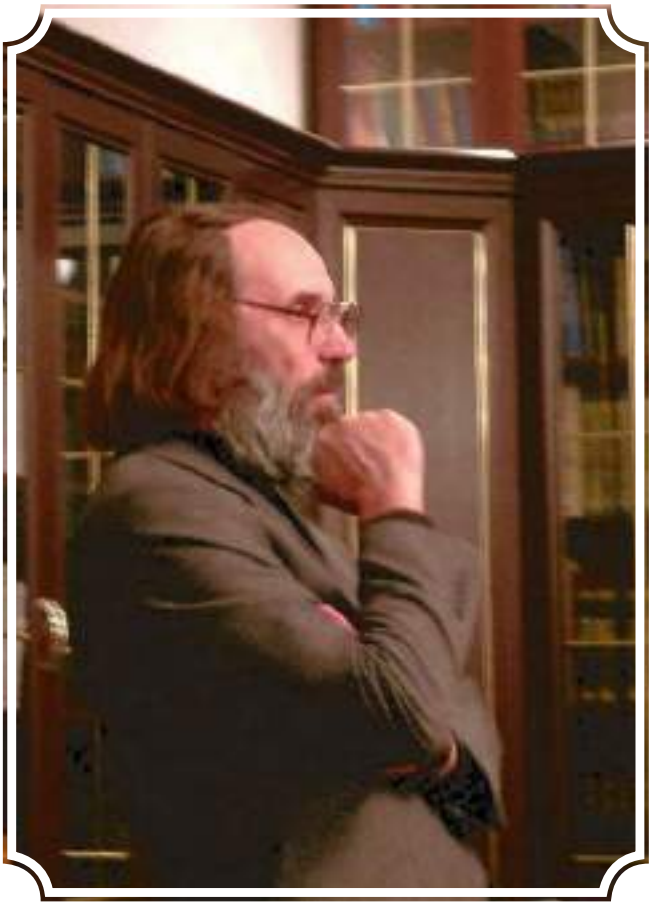
Мне кажется, особенно полезным из семинарского курса было догматическое богословие, потому что изучить его самостоятельно весьма сложно. Здесь обязательно нужен опытный преподаватель, нужны системная подача и контроль усвоения информации. И, несмотря на сложность предмета, это одна из наиболее полезных

и, как следствие, наиболее любимых дисциплин. Заложенный в человека догматический «фундамент» предохраняет человека от уклонения в различные заблуждения, которые у нас, к сожалению, нередки. Догматика раскрывает домостроительство спасения человека, в ней изучается сакраментология, роль и значение Таинств. Да, человек светский, не имеющий серьезного богословского образования, может воспринимать вероучительные истины на каком-то простом уровне. Но вот для того, чтобы смочь объяснить должным образом какие-то вопросы веры, необходимо знать учение Церкви более обстоятельно. В общем, считаю данный предмет очень полезным, а его преподавание протоиереем Вадимом Леоновым — образцовым.

Еще мне очень нравится патрология. Главная польза в данном предмете мне видится в том, что студенту прививается вкус к святоотеческой литературе. Значительная часть информации о тех творениях, о тех отцах, которых мы изучаем, со временем забудется. Но навык определенного анализа, да и просто привычки систематического чтения святых отцов не у всех, но у многих студентов останется. Я читал книги некоторых святых отцов до семинарии. Скажу, что после трехлетнего изучения патрологии смотришь на святых отцов уже немного другими глазами, некоторые нюансы становятся более понятными: традиция, преемственность, контекст эпохи. Кстати, свои курсовые работы на 3-м и 4-м курсах я писал по патрологии.

— Назовите хотя бы некоторые книги дорогих и близких вам святых отцов и духовных писателей.

Один из моих любимых авторов — это митрополит Вениамин (Федченков). Его произведения сыграли в моей жизни важную роль, под впечатлением от его книг проходило мое воцерковление. Из святых отцов до семинарии я любил читать творения святителя Игнатия (Брянчанинова) и, хотя это может показаться странным, святителя Григория Богослова. Не могу объяснить это рационально, но творения святителя Григория являются одними из моих любимых. Из современных авторов мне нравятся книги архимандрита Рафаила (Карелина). Мне кажется, книги и статьи архимандрита Рафаила, посвященные аскетическим вопросам, являются очень актуальными в наши дни.



Профессор Сидоров А.И., преподаватель патрологии

— Что вы можете рассказать об учебном процессе в Сретенской семинарии?

Учебный процесс в семинарии содержит больше элементов «школьно-урочной» системы в отличие от лекционной системы института. В любой момент тебя могут спросить, что было на прошлом уроке, в вузе, как правило, спрашивают в конце семестра, на экзамене, и нет такой обязательности посещения всех лекций. В свою очередь особенность лекций в семинарии состоит в том, что заинтересованность студентов в предмете, о котором на занятии говорит преподаватель, здесь значительно больше, чем в институтах, где многие лекции проходят более формально. Хочется также отметить, что преподаватели в семинарии намного душевнее, искреннее и с бо́льшим энтузиазмом рассказывают о своем предмете. Часто видно желание преподавателей не только передать какие-то навыки и знания, но и помочь человеку в его жизненном становлении, порой видно даже просто уважение к личности и к жизненному выбору

На Байкале

семинариста, и это очень приятно и трогательно.

— Что вы можете рассказать об экзаменационных сессиях?

В отличие от института, сессии в семинарии отличаются бо́льшим количеством экзаменов, но объем этот оказывается посильным.

— Какие послушания вам довелось нести в семинарии?

Помимо общих послушаний, которые нес вначале, я около года был заведующим компьютерным классом. Кстати, тогда компьютерный класс был очень актуален, так как не у многих студентов были ноутбуки и доступ в Интернет. С середины 3-го курса я несу послушание помощника проректора. Иногда мне приходилось проводить экскурсии по монастырю и семинарии.

— Расскажите, пожалуйста, о богослужениях в Сретенском монастыре, ведь они занимают достаточно заметное место в жизни семинаристов.

Да, богослужение в Сретенском монастыре — уникальное явление, и участие в нем — это одна

из самых важных составляющих тех навыков церковной жизни и духовного опыта, которые мы получаем в семинарии. Причем, отмечу, что не только праздничные и воскресные, но и будничные богослужения в монастыре проходят особенно молитвенно, проникновенно и благоговейно.

Конечно, в праздник больше преобладают ощущения благолепия, торжественности, соборности. Как правило, в больших храмах при многолюдных богослужениях трудно сосредоточиться на молитве, потому что сами прихожане ведут себя не очень сознательно: всю службу ставят свечки, прикладываются к иконам, ходят, разговаривают и т. д. Но в Сретенском монастыре, даже когда идет елеопомазание, то все происходит тихо и благоговейно, даже для такого количества людей. Ну а во время великого славословия, несмотря на огромное скопление народа, в храме воцаряется поразительная благоговейная тишина. Видно и чувствуется, что все люди молятся.

Но если честно, мне больше нравятся будничные богослужения в нашей обители. Их настрой уже иной — менее торжественный, более аскетичный, созерцательный. Седмичные службы тоже проводятся очень благоговейно, в этом большая заслуга и женского хора, и семинарских групп, и народного хора, руководителем которого является иеродиакон Серафим. Еще мне очень нравится наш богослужебный устав. В нем есть небольшие, необходимые сокращения, но сделаны они очень продуманно. Он, на мой взгляд, является хорошим образцом для богослужений на приходах для семинаристов — будущих священников.

С детьми в школе-интернате

— Кто из преподавателей и духовных наставников особенно вам запомнился? Кому-то, возможно, вы особо благодарны?

Во-первых, я благодарен о. Тихону, который является нашим ректором и духовным наставником. К тому же, лично для меня, он является образцом пастыря в современных условиях. Я думаю, что о. Тихон молится не только о семинаристах, но и о выпускниках, и эту молитвенную связь должен сохранить каждый выпускник семинарии.

Также я благодарен своим духовникам. Это иеромонах Иов, у которого я поначалу исповедовался, и иеромонах Никодим, под духовное окормление которого я перешел позже (из-за немощи возраста и сильной загруженности отца Иова о. Тихон попросил нас перейти к другим духовникам).

Что касается преподавателей, то выделить из них кого-то мне нелегко. Думаю, что надо назвать о. Николая Данилевича, который вел у нас на 2-м курсе общецерковную историю. Он с большой доброжелательностью относился к студентам, более того, тепло и с большой заботой помог мне, когда мне однажды был необходим его личный совет.

Дорог мне и профессор А.И. Сидоров, под руководством которого я писал курсовые работы. Большую симпатию своим душевным отношением к преподаваемому предмету вызывал у меня о. Стефан Жила. Как незаурядная личность в моей памяти останется преподаватель о. Николай Скурат вместе с его доброжелательностью, необыкновенным трудолюбием, внутренней скромностью.

— Скажите, пожалуйста, пару слов о вашей дипломной работе.

Моя дипломная работа посвящена советскому периоду в истории Иркутской епархии. Эта тема оказалась достаточно интересной. Мне попадались некоторые документы, которые раньше были неизвестны и не изучены. Изучение судеб представителей духовенства в XX веке дает нам много жизненных примеров, следовать которым хотелось бы пожелать будущим пастырям. В своей работе мне также довелось познакомиться с судьбами замечательных священников и мучеников довоенного периода и подвижников благочестия, которые несли свое служение в послевоенный период.

— Что вам запомнилось из миссионерских проектов и попечительного служения, которые совершались студентами семинарии?

Пожалуй, прежде всего — это раздача Евангелий в московском метро на Страстной седмице 2008 года, которая, я думаю, запомнилась каждому студенту семинарии, не только мне. Конечно, там были и курьезные моменты.

В храме Державной иконы Божией Матери на острове Ольхон

Хиротесия во чтецы

Например, ко мне подошел человек в длинном черном плаще и спросил: “А вы из Московской Патриархии?” Я говорю: “Да, вот и плакат свидетельствует, что мы из Московской Патриархии, и вот благословение Святейшего Патриарха Алексия”. — “А-а, ну тогда я не могу взять”, — ответил человек. Мы раздавали на станции метро «Белорусская», и рядом с ней есть старообрядческий храм, мне думается, что это был какой-нибудь старообрядец.

Другой миссионерский проект, в котором я участвовал, — окормление детской школы-интерната в городе Михайлове Рязанской области. Диакон Андрей Тихонов и я отвечали за нынешний 3-й класс, и в течение двух лет мы совершали туда поездки, проводили с детьми занятия по Закону Божию. Это было всегда трогательно и, думаю, полезно не только детям, но и нам.

— Каждый этап в жизни человека предусмотрен Богом для чего-то определенного. Что вам дал период обучения в семинарии и чем он для вас является?

Конечно, в первую очередь, расширились и мой жизненный опыт, и кругозор, я получил некоторые практические навыки. Еще этот период был полезен тем, что здесь, в духовной обстановке мне удалось проверить, к чему стремится мое сердце, и просто приготовить себя к дальнейшему служению в Церкви, так как, мне кажется, здесь, в семинарии, строится фундамент будущей жизни и деятельности священника. Я думаю, что также имело место духовное изменение личности, не вполне заметное для меня, но, безусловно, я уже не таков, каким поступал.

— Какие советы и пожелания вы можете дать студентам семинарии из вашего опыта?

Мне кажется, семинаристу очень важно не подстраиваться под окружающих и не «поступать как все», это часто присутствует в нас, и это достаточно вредно. Христианину всегда надо поступать так, как велит совесть, а не подчиняться эффекту толпы, даже толпы церковной. Пусть это будет поведение наперекор, но поддаваться стадному чувству — это неправильно. Надо смотреть не на то, как делают все, а на то, как должно быть по евангельским заповедям.

Другое мое пожелание: использовать прекрасную возможность чаще бывать на богослужениях. Да, поначалу долгие и частые богослужения могут тяжело восприниматься, казаться скучными. Но от понуждения себя к богослужению со временем появится особая любовь к ним. Господь не оставляет разумных ревнителей богослужения ни в плане учебы, ни в плане послушаний. Все это будет проходить легче, если человек будет стараться уделять свое время богослужениям и церковной молитве. Здесь опять важно ориентироваться не на внешние минимальные нормы, а поступать от сердца, воспитывать в себе любовь к службам.

«Главное в духовной жизни семинарии — молитва во всех случаях жизни»

Виталий Ляховский

Виталий, расскажите, как вы пришли к Богу?

— Веру я обрел в детстве. Со мной произошел такой случай: на уроке литературы нам задали прочитать в хрестоматии житие преподобного Сергия Радонежского (его краткое изложение). Мне так оно понравилось, что самому захотелось уйти в лес, подвизаться, как преподобный Сергий. В храм мы с мамой тогда ходили редко: родители у меня, как и большинство людей в то время, посещали церковь только на Пасху и на Крещение. Но в храме мне всегда очень нравилось: мальчики, белокурые, как ангелы, в белых одеждах (позже я узнал, что это стихари), со свечами; батюшка стоит посередине, а они по бокам... И мне хотелось так же стоять. Но я очень стеснялся подойти к священнику. А друг был смелее меня; он обратился к батюшке, попросился пономарить, в алтарь и меня за собой потянул. Так я стал пономарем и постепенно все больше и больше узнавал о Православии. И пришло время, когда по окончании школы нужно было выбирать, куда пойти учиться дальше...

— Что же повлияло на ваш выбор духовного образования?

— Мне хотелось — и мое желание было осознанным — получить систематическое духовное образование, быть поближе к Богу, служить Ему. Я даже подумывал о монашестве, но меня не благословил на это старец Псково-Печерского монастыря отец Адриан. И владыка Арсений Истринский перед моим поступлением в семинарию сразу сказал мне: «Жениться!»

Когда я стал пономарить, рассказал священнику о своем желании учиться в семинарии, быть священником, и он одобрил его. Родители мне не препятствовали; наоборот, они были очень рады, что я хочу поступить в духовную школу.

— Изменился ли круг вашего общения после поступления в духовную школу?

— Та компания светских приятелей, с которыми я общался до своего воцерковления

и поступления в духовную школу, перестала меня принимать. Видимся, здороваемся, но вместе уже не собираемся. Зато у меня появились новые друзья и знакомые — православные верующие.

У меня теперь много новых друзей. Можно сказать, все семинаристы — друзья, ведь вместе живем, учимся, послушаемся.

— С какими трудностями пришлось встретиться в начале семинарского обучения?

— Трудности, конечно же, были. Нужно было найти контакт с монастырской братией, семинаристами, нужно было привыкнуть к новому ритму жизни, наконец. Общежитие — это очень непросто. Здесь необходима постоянная духовная тренировка. В семье я один у родителей, все внимание было всегда обращено на меня. А тут сразу столько братий, которые постепенно стали мне как родные. Я научился делить с ними кров, терпеть, смиряться — слава Богу, обходилось без конфликтов! Хотя ситуации складывались самые разные. Например, переезжаешь в новую келью, она пустая, а значит, ее надо обустраивать — это, согласитесь, не всегда приятно. Но ты все же собираешь кровать, переносишь другую мебель... А в следующем году тебя опять переселяют — и все начинается заново. Но это не самое страшное в жизни, главное — чтобы мир был. А привыкание к новой обстановке в нашей семинарии проходит быстро и радостно. Все помнят слова апостола Павла: «Тяготы друг друга носите».

Если говорить об учебе, то, разумеется, поначалу надо было привыкнуть к преподавателям, узнать их требования, которые, с одной стороны, резко отличаются от школьных, а с другой — зависят от специфики предмета.

— Кто из преподавателей запомнился вам более других?

— Я, наверное, не буду слишком оригинальным, если скажу, что самые мои любимые преподаватели — это те, кто понимает студентов. Так, профессор Алексей Иванович Сидоров, который читает очень интересный и важный курс патрологии, всегда старается войти в наше положение. Живо и ярко преподавал нам историю философии Геннадий Георгиевич Майоров. Очень хорошие отношения сложились у нашего курса с преподавателем церковнославянского языка и стилистики профессором Ларисой Ивановной Маршевой. Несомненным педагогическим даром обладает доцент Олег Викторович Стародубцев. Нравятся мне и лекции профессора истории Ольги Юрьевны Васильевой.

— За время учебы студенты духовной школы пишут немало работ учебно-научного характера.

— Когда я поступал в семинарию, на первом курсе мы писали только четыре сочинения. Сейчас первокурсники готовят уже по шесть работ. Признаюсь, мне сочинения было писать труднее, чем курсовую работу, которая у нас предусмотрена программой третьего курса. Курсовая работа предполагает, что ты самостоятельно выбираешь тему, которая тебе интересна, подбираешь соответствующую литературу, читаешь ее, составляешь план исследования, пишешь его текст, затем вносишь исправления и дополнения. Я выбрал, на мой взгляд, очень важную для пастырского богословия тему — «Традиции старчества в Глинской пустыни XIX–XX веков». Мой научный руководитель — профессор, протоиерей Максим Козлов. Эту работу я начал писать на третьем курсе, продолжил — на четвертом. Думаю, с помощью Божией, обобщить свои наблюдения в дипломном сочинении. В нем я расскажу о традициях старчества, старческом душепопечительстве, изложу основные советы и наставления, которые давали своим пасомым старцы Глинской пустыни. Надеюсь, материал, который я собрал, и выводы, связанные с ним, окажутся полезными для будущих пастырей.

— С третьего курса семинаристы, согласно учебному плану, начинают произносить проповеди. Чем важны эти гомилетические опыты?

— Знаете, моя первая проповедь на третьем курсе, пожалуй, была лучшей из тех, что мне довелось произнести. Когда больше волнуешься, тщательней готовишься. Я говорил ту проповедь наизусть, без подсматриваний в лист. Не скрою, более всего пугает аудитория, перед которой ты стоишь. Как только посмотришь на собравшихся, сразу голос начинает дрожать. А потом потихоньку привыкаешь. И раз от разу становится проще, может, даже немножко расслабляешься, подглядываешь в листок и перестаешь страшиться слушающих. Но все равно проповедь я готовлю основательно, начинаю писать ее за месяц, не спеша. Подбираю необходимую литературу, в ходе работы что-то изменяю. Вообще проповеди произносить интересно и полезно, особенно в храме.

Семинаристы с преподавателем церковнославянского языка профессоромМаршевой Л.И.

— Самый напряженный период для студентов — это сессия. С какими трудностями, искушениями сталкиваются студенты духовной школы при сдаче зачетов и экзаменов? Пишут ли они шпаргалки?

— Лукавить не стоит: без шпаргалок ни один студент не обходится. Но надеяться только на них — это не выход. Поэтому каждый сам рассчитывает свои силы и время: кто-то учит заранее, кто-то — в последнюю ночь. Но чтобы в период экзаменов и зачетов было особенно тяжело — я бы так не сказал.

— А случались ли на экзаменах какие-то истории, которые имеют поучительный характер?

— Вспоминается один случай, который мне, думаю, не забыть. Он действительно поучительный и связан как раз со шпаргалками. Когда я, будучи на первом курсе, взял билет на экзамене по катехизису, один однокашник захотел мне помочь. Он уже ответил и, выходя из класса, пытался положить мне в карман шпаргалку. У него это не вышло, шпаргалка улетела мимо кармана под стол, за которым я сидел. Слева от меня находился еще один студент. Он готовился к ответу, списывая все со шпаргалки. А я сидел и вспоминал все самостоятельно, по памяти — все, что знал. И тут преподаватель заметил, что мой сосед списывает. Сориентировался и студент — молниеносно бросил шпаргалку под стол, где лежали и листы, предназначенные мне моим сердобольным другом. И я заволновался: «Сейчас преподаватель найдет и мою шпаргалку тоже». Но «компромат» соседа он увидел, а мой — нет. Такой весьма выразительный урок, который полностью отучил меня надеяться на всякого рода подсказки... Экзамен я сдал тогда на «четыре».

— То есть на шпаргалки не полагаетесь — надеетесь на Бога?

— Да, на Бога — в первую очередь. Обязательно молимся, акафисты читаем. Но на Бога надейся, а сам не оплошай. Готовиться к экзаменам и зачетам нужно — непременно.

— Из чего складываются семинарские будни? Можно ли говорить об их разнообразии?

— Несмотря на наш неизменный график, разнообразие все-таки есть, хотя бы потому, что каждый день приносит новые знания, знакомства и впечатления. Итак, мы просыпаемся, умываемся, идем в храм на утренние молитвы или на братский молебен, который совершается в понедельник, среду и пятницу. После этого завтракаем, потом расходимся на послушания, на которые нас распределяет дежурный помощник. Затем — в 9 часов — начинаются занятия. На лекциях кто-то кропотливо конспектирует, а у кого память получше, тот на ус мотает. На переменках можно выйти прогуляться или просто в окно выглянуть — подышать воздухом. После лекций у нас опять начинаются послушания. Они у всех различные. Есть так называемые общие послушания, связанные с уборкой территории и учебного корпуса, кто-то трудится в просфорне, кто-то — в компьютерном классе. Есть у нас дежурства в бане, в трапезной. Я четыре года почти всегда был на общих послушаниях: мел территорию, мыл посуду. После послушаний наступает свободное время — до вечерних молитв. Сигнал отбоя звучит в 23 часа. И так день за днем. В воскресенье после службы, к всеобщей радости, объявляется время отдыха.

— «Послушание выше поста и молитвы» — так говорят святые отцы.

— Да, проходя послушание, мы набираемся самого разного опыта. В первую очередь вырабатывается любовь к труду и закрепляются жизненно необходимые навыки, в том числе и бытовые. Знаете, я никогда не жалел о том, что мои послушания — общие. Что сказали, то и делаешь, на то оно и послушание — слушаться старших.

— Вы упомянули о дежурных помощниках…

— Без дежурных помощников многие студенты сильно разбаловались бы — здесь я по себе сужу. Без дежурных помощников в семинарии невозможно. А сретенцам с ними повезло. Вот, например, отец Николай (Муромцев) — старший дежурный помощник. Хороший человек, веселый, к каждому студенту подход имеет, пообщаться любит, уделяет нам много времени, заходит в кельи, разговаривает, рассказывает разные поучительные истории. Наказывает, конечно, но исключительно справедливо — за провинности.

— Воспитание в семинарии направлено, в первую очередь, на духовный рост ее учащихся. Не могли бы рассказать об этом?

— Знаете, меня поначалу смущало следующее обстоятельство. Нашим семинарским

На послушании

духовником является иеромонах Иов (Гумеров) — очень добрый батюшка, очень хороший, настоящий праведник, на мой взгляд. А еще у меня есть духовник в моем родном городе — приходской священник. Как же это? Мои сомнения разрешил архимандрит Адриан из Псково-Печерского монастыря, которого я уже упоминал. Он мне сказал, что исповедоваться можно у любого батюшки, а советоваться, решать трудные вопросы надо только с тем, кто ближе по духу. Слава Богу, у меня такой пастырь есть!.. Согласно уставу семинарии, мы причащаемся раз в две недели, у кого сил хватает — то и каждую неделю, обязательно — в двунадесятые праздники. За пять лет храм стал местом, где мы непременно бываем каждый день. Стоит сказать хотя бы, что утренние молитвы всегда возносятся нами в церкви. И вообще за время обучения я понял: главное в духовной жизни семинарии — молитва на все случаи жизни.

— Студенты-сретенцы, в силу того что учебное заведение находится в стенах монастыря, очень тесно соприкасаются с его насельниками.

— Это так. Братия нас наставляет, поучает, подает пример. А мы к ним прислушиваемся и стараемся не огорчать.

— Вы участвовали в миссионерских проектах духовной школы?

— Я вместе с другими семинаристами, начиная со второго курса, езжу в школу-интернат в город Михайлов Рязанской области. Там мы общаемся с детьми, преподаем им основы Православия. Обсуждаем самые разные темы, выбор которых всегда сообразуется с возрастом детей. Очень подкупает, что ребята относятся к нам так же, как и мы к ним, — с большой любовью. Они всегда радуются нашему приезду. А для нас это не только приятное, теплое общение, но и полезная практика взаимодействия с детьми, которые воспитывались в неблагополучных

У раки святого праведного Иоанна Кронштадтского

В монастыре у поклонного креста

семьях. К сожалению, ездим мы туда не так часто, как хотелось бы.

Кроме того, летом 2009 года семинаристы-сретенцы побывали под Костромой, где был организован молодежный патриотический лагерь. Там собрались ребята из многих российских городов, студенты светских вузов, разного возраста. Говорить им о Православии было сложнее, чем воспитанникам Михайловского интерната. Огорчало то, что молодые люди задавали поверхностные вопросы: какой распорядок дня семинаристов, например. Девушки и вовсе восхищались только нашим внешним видом: «Утро, туман, а вы идете в подрясниках. Такая красота!» Духовная жизнь их не трогала, как бы мы ни пытались говорить с ними о посмертной участи человеческой души, о ее загробном состоянии.

Учась на третьем курсе, мы получили миссионерский опыт иного свойства. На Страстной седмице 2009 года семинаристы три дня распространяли на станциях московского метро Евангелие от Марка — очень красивое, ярко оформленное. Раздавали — как подарок от приснопамятного патриарха Алексия — абсолютно всем. Конечно, наслушались тогда мы всякого. Каждый вечер мы обязательно собирались в семинарии и обсуждали результаты дня. Мы увидели, как выразился отец Тихон, общество в срезе и поняли: не каждый может почувствовать, что такое евангельские истины, не каждый готов принять подарок от Церкви. Это очень важно — пообщаться с самыми разными людьми, а не только с верующими.

— Сретенская духовная семинария славится организацией паломнических поездок. Где удалось побывать?

— Самая интересная, впечатляющая поездка, которую я не забуду никогда, — это паломничество в Иерусалим в 2008 году. Началось оно, как и всякое доброе дело, с искушения. По дороге в аэропорт мы попали в аварию, из-за которой мы могли не успеть на свой рейс. Но, с помощью Божией, все обошлось: нас даже какое-то время сопровождала машина ГИБДД, чтобы мы в пробке не стояли. А сама поездка, без сомнения, незабываема. Хочется вернуться на Святую Землю хотя бы еще раз.

Организовывали для нас и паломничества в Оптину Пустынь, в Санкт-Петербург. Были и учебные экскурсии по храмам Москвы.

— Как вы проводите свое свободное время?

— В свободное время я, прежде всего, отдыхаю. Стараюсь выезжать с друзьями на природу, в какой-нибудь парк, где побольше деревьев и воздух почище, чем в центре Москвы. Часто бываю у себя дома, в Подмосковье. Там дышится гораздо легче, чем в столице. Раньше,

В крипте храма Сретенского монастыря

когда я учился в художественной школе, я, разумеется, очень любил рисовать, но как только начал пономарить, времени стало катастрофически не хватать, и я перестал брать кисть в руки.

— А как семинаристы проводят праздники?

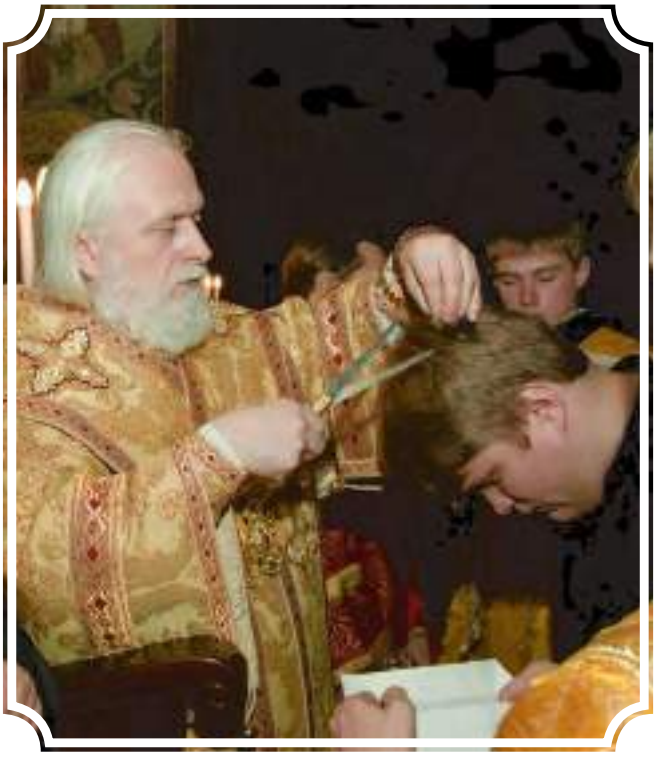
— На все церковные праздники мы вместе собираемся в храме, причащаемся, чтобы почувствовать духовное единение и оценить празднование в его полноте. Потом обед, а далее — свободное время. Кто-то отдыхает, кто-то идет гулять. Иные занимаются, работают над проповедями, сочинениями. Нередко мы собираемся за общим столом: пьем чай, поем песни, разговариваем. Семинаристы очень любят праздники!

— В конце декабря вас постригли во чтецы. Что значит хиротесия для вас?

— Для меня это большое событие, значение которого несравнимо с предыдущими, пусть и очень важными моментами моей жизни. Бог даст, может, еще и хиротония будет. Но и хиротесия накладывает на чтеца большую ответственность, ведь это первая степень священства.

— Виталий, что дали вам семинарские годы?

— В первую очередь, осознание, что такое любовь к ближним, смирение, терпение, братолюбие, неосуждение. Это особенно важно, когда много людей живут вместе, бок о бок. Я уже говорил, мы со временем привыкаем друг к другу, а порой начинаем и надоедать. А вот этому нельзя поддаваться. Нужно с достоинством пройти данное испытание, преодолеть раздражение, проявить чуткость. Это очень ценный урок — на всю жизнь!



Хиротесия во чтецы

«Семинария воспитала меня как личность, как верующего человека»

Кирилл Чистяков

В Сретенскую духовную семинарию я поступил по окончании православной школы — Традиционной гимназии. С самого детства я пономарил в Богоявленском кафедральном соборе, нес послушание иподиакона митрополита Сергия Воронежского и Борисоглебского, когда он приезжал в Москву, а также трудился в школьном храме.

Трудно сказать, что конкретно повлияло на мой выбор пойти учиться в семинарию. Сейчас я даже не могу вспомнить, в какой момент у меня появилось это желание. Когда я только начинал нести послушание иподиакона, такого намерения у меня еще не было: я думал пойти учиться на исторический или юридический факультет какого-нибудь светского вуза. При этом к началу 9-го класса знал наверняка, что более всего меня увлекают гуманитарные науки, к точным же областям я не проявлял никакого интереса... Но иногда кто-то из родных и близких спрашивал меня, не хочу ли я пойти учиться в семинарию. И со временем эта мысль начала посещать меня все чаще. В определенный момент я понял, что она вытеснила все мои доводы о возможности получить светское образование.

Конечно, сейчас я понимаю, что тогда на мой выбор повлияли митрополит Сергий и настоятель собора протопресвитер Матфей Стаднюк, хотя я этого и не осознавал. Я отчетливо понял, что по-настоящему научиться богословию я смогу только в семинарии. И действительно, каждый год в духовной школе значительно преумножал мои знания. Я открывал и открываю для себя новые аспекты духовной жизни, осознавая всю ответственность человека за свои слова, поступки и помыслы. Для меня принципиально важно, что семинарское воспитание подняло мою веру на высоту тех знаний, которые я здесь получил, на высоту духовного опыта, который я смог приобрести благодаря братии Сретенского монастыря и нашим преподавателям. Все это привело меня

к следующему выводу, который кому-то может показаться парадоксальным: вспоминая себя в 18 лет, в то время, когда я только решил поступать в семинарию, я должен признать, что мое тогдашнее желание было не совсем осознанным; хотя, наверное, если лет в 30 я посмотрю на себя 22-летнего, я не смогу оценить свои поступки, которые я совершаю сегодня, как взвешенные и обдуманные, а ведь сейчас я их считаю таковыми.

Я чрезвычайно благодарен своим родственникам и близким за то, что никто и никогда не оспаривал мой выбор, не уговаривал поступать в духовную школу или, напротив, не отговаривал. Если иногда я начинал сомневаться, все мне говорили, что это моя жизнь, и ее пути я должен найти сам. Точно могу сказать, что когда мое решение окончательно созрело, люди, которые окружали меня, были очень рады.

Одноклассники и друзья также отнеслись к моему выбору с пониманием, ведь я учился в православной гимназии. Мы часто ездили в летний лагерь, в паломничества. Несколько ребят из моего класса пошли учиться в Свято-Тихоновский университет на богословский факультет. К сожалению, общаемся мы сейчас редко, у всех много забот: кто-то сочетает учебу и работу, кто-то уже обзавелся семьей и детьми.

Разумеется, перед тем как стать студентом Сретенской духовной семинарии, я преодолел вступительные экзамены. Они прошли для меня на одном дыхании. К поступлению я начал готовиться еще в начале 11-го класса: записался на курсы, посмотрел необходимый материал, выучил его. Но все же страх перед экзаменами был очень сильный. Наверное, он присущ каждому абитуриенту. В школе ты сдаешь экзамены если и не знакомым преподавателям, то находишься-то среди людей, которых ты давно и хорошо знаешь, — и это сильно поддерживает. Честно сказать, перед школьными выпускными экзаменами я переживал куда меньше, чем перед испытаниями в семинарию. Поэтому вместе с ребятами, с которыми меня поселили накануне изложения и собеседования, я каждый вечер что-то читал, просматривал. Помню и то, как мы проверяли друг друга.

На собеседование по богословско-историческим дисциплинам я попал в самом конце, так как вызывали по алфавиту фамилий. Пока ждал своей очереди, сильно волновался. Но, зайдя в аудиторию, ответил все, как мне казалось, одним махом. Так что, когда вышел, даже не понял, что самое ответственное испытание уже позади. Ожидавшим меня ребятам было интересно, о чем меня спрашивали, но вспомнить вопросы, на которые только что отвечал, я не мог.

Принято считать, что первый курс является для студентов очень тяжелым. А я вот не могу вспомнить какие-то особенные трудности в начале обучения, а значит, они не были для меня серьезными. Но все-таки привыкать к системе жизни и обучения в семинарии пришлось — без этого нельзя. Мы поступили в духовную школу, которая уже имела свои традиции и устои, сформированные несколькими поколениями до нас. Очевидно также, что заведенные обычаи будут сохраняться и после нас. И когда ты приходишь на первый курс, поначалу непросто перестроить свою жизнь, адаптировать свои привычки. Хотя если есть желание учиться в семинарии, то все это достаточно легко. Правда, не для каждого. Признаюсь, мне научиться жить по-семинарски помог какой-то внутренний страх ошибиться или сделать что-нибудь не так. Я понимал, что лучше что-то переспросить, чем сделать на свой страх и риск. Благодаря помощи руководства семинарии, старших товарищей переход на «новые рельсы» не стал для меня болезненным. К тому же на первом курсе, особенно в первые месяцы, и администрация, и преподаватели делали нам определенную скидку — «на молодость».

Вообще, взаимная поддержка в семинарии заслуживает отдельного — очень обширного — рассказа. Сейчас отмечу лишь то, что я достаточно легко общаюсь с людьми, завожу знакомства. И новые — семинарские — друзья появились у меня очень быстро. Учимся вместе, живем вместе, на послушания ходим тоже вместе. Поэтому все быстро подружились, с кем-то в сентябре, с кем-то еще на вступительных экзаменах. Особенно сблизились с тогдашним вторым курсом, часто обращались к ним за советом: трудно ли сдавать тот или иной предмет, по каким учебникам лучше готовиться. Часто они делились с нами своими конспектами. Вообще в нашей семинарии есть очень хорошая традиция: мы по сей день передаем младшим

Сокурсники с преподавателем патрологии профессором Сидоровым А.И.

курсам свои материалы, которые когда-то готовили.

Из первого семинарского года более других мне памятен день, когда мне благословили надеть подрясник. Я убежден, что этот момент я не забуду никогда. Подрясник нам благословили в конце декабря, накануне дня памяти священномученика Илариона (Троицкого). К этому времени мы сдали первую сессию. Приближались первые каникулы. Первые полгода в семинарии, которые стали для меня чем-то вроде испытательного срока, мы ходили в обычной, гражданской одежде, и я себя до конца не ощущал студентом духовной школы. Некоторые из моих сокурсников ушли еще до начала первой сессии, и день, когда мы надели подрясники, стал для многих своеобразным рубежом. Я только тогда почувствовал себя настоящим студентом, таким же, как и мои старшие товарищи. Радости в это время было очень много: благословили подрясник, сдал без троек первую сессию, начались первые каникулы, прошла торжественная служба. Знаете, у меня была какая-то особенная детская радость, я радовался всему этому вместе, не понимая до конца, чему я радуюсь конкретно, — просто на душе было хорошо и легко.

В общем, о первом курсе у меня сохранились трогательные и даже немного смешные воспоминания. Только в июне школа провожала нас как выпускников — то есть уже как взрослых людей, а в сентябре, на первом курсе, мы снова как будто стали первоклассниками, которых окружают вниманием и заботой.

Хочется сказать огромное спасибо всем преподавателям семинарии. Для меня в педагогах всегда было особенно важным следующее: преподаватель должен заинтересовать учащегося своим предметом, показать его необходимость, а для этого нужно быть высококвалифицированным специалистом. С этим в нашей семинарии нет абсолютно никаких проблем. Руководство Сретенской духовной школы прилагает все усилия для того, чтобы сохранить свою замечательную профессорско-преподавательскую корпорацию. Каждого из наших педагогов я вспоминаю с самой теплой благодарностью, сожалея, что иногда по

нерадению или лености пропускал их занятия.

Как любой студент, я нашел в семинарии предметы, которые были мне особенно интересными. Так, мне запомнились занятия по догматическому богословию, патрологии, истории Русской Церкви, истории России.

Чрезвычайно многое дал мне курс сравнительного богословия, прочитанный протоиереем Максимом Козловым. Именно по этому предмету я готовлю сейчас дипломное сочинение.

Вообще в семинарии приходится писать достаточное количество работ. На первом и втором курсах мы сдавали по четыре сочинения по разным предметам. Это была необходимая подготовка к курсовой работе, которая становится первым научным трудом в семинарии. Для этого мы должны были поначалу найти учебный предмет, который нам ближе других, а затем выбрать — конечно, при помощи преподавателей — конкретную тему. Я остановился на проблеме католичества в России при Иоанне Павле II и Бенедикте XVI. И моим научным руководителем стал отец Максим. Не последнюю роль в моем выборе сыграли советы старших товарищей, которые заверяли меня, что он поможет с материалом, с составлением плана работы, ответит на все вопросы, и я решился, потом ни разу об этом не пожалев. Над темой я трудился с огромным удовольствием. Первая курсовая работа состоялась. На четвертом курсе я не знал только о том, какой будет моя тема. Зато был убежден: писать хочу только у отца Максима. Он мне посоветовал продолжить работу над прежней проблематикой. Материала по этой теме хватило и для итогового сочинения. Могу сказать с уверенностью: изучать многоступенчато, на протяжении нескольких лет определенный вопрос интересно, то и дело узнаешь что-то новое. Очень надеюсь на то, что защиту дипломной работы, являющуюся последним и чрезвычайно серьезным экзаменом, на котором нужно продемонстрировать самое главное — умение самостоятельно работать, я пройду достойно.

Совершенно незабываемы для меня мои учебные проповеди. Каждую из них я ощущал как первую. Выйти на амвон — это уже непросто. И вот начинаешь проповедовать, вспоминаешь, чему тебя учили на гомилетике и риторике, и все равно ошибаешься, сбиваешься. Первый раз было совсем страшно, на ватных ногах вышел на амвон, крепко взялся руками за аналой, поскольку они тряслись. Ребята сказали, что проповедь я не сказал, а выпалил как из пушки, от страха, минуты за три или четыре. Начал слишком громко, а закончил очень тихо. Несмотря на то, что я хорошо знал содержание,

С друзьями

выучил все цитаты, я все равно постоянно смотрел в листок. После на таких же ватных ногах я вышел из храма, еще минуть десять сидел на улице — не мог прийти в себя. Конечно, теперь я на пятом курсе, уже не один раз говорил проповедь, моя речь стала четче. Но боязнь осталась, руки и ноги все так же не слушаются. Чтобы преодолеть это, нужен большой опыт.

Говорят, учеба — это, прежде всего, будни. Возможно, в этом есть доля правды. Только трудно говорить о «семинарских буднях». Для меня будни — что-то однотипное и однообразное. Дни, которые лениво тянутся один за другим. Но, несмотря на то, что распорядок дня в семинарии действительно одинаковый, каждый день в ней был живым, насыщенным и интересным. Мы получали знания, общались с преподавателями, выполняли послушания, постоянно что-то обсуждали с сокурсниками и сокелейниками. Выходит, новый день был совсем не похож на предыдущий.

Сейчас вспоминаю, что первые дни в семинарии — с непривычки, оттого, что скучал по дому, — иногда казались долгими, а когда я адаптировался, даже не замечал, как пролетают недели, месяцы.

Хочется пожелать всем ребятам, которые еще учатся в семинарии, ценить время и возможность учиться, так как это чрезвычайно ценно и почти невосполнимо.

Никогда не забыть мне того, как мы помогали друг другу на экзаменах, которые, несмотря на объективные сложности, сдавали все же без особых трудностей. Особенно хочется отметить одного нашего товарища, который отличается замечательными организаторскими способностями. Он (его имя я называть не буду) после того, как нам незадолго до экзамена выдавали вопросы, брал на себя труд распределить их между всеми сокурсниками. В результате, когда каждый из нас писал свою часть, он понимал, что этот текст будут читать его товарищи, а потому подходил к делу со всей ответственностью, не желая подвести друзей. Ответы на вопросы получались развернутыми. При их написании использовались не только лекции, но и материал из учебника и дополнительной литературы. Потом, за день или два до экзамена, наш товарищ собирал все ответы, систематизировал их. И предоставлял каждому полный комплект ответов. Это был большой труд, который являлся плодом общих товарищеских усилий, примером взаимопомощи. Студенты пользовались этими материалами в меру своей подготовки и сноровки: кто-то их старательно изучал, а кто-то делал из них шпаргалки.

Если же кто-то при подготовке к ответу попадал, что называется, в лужу, ему пытались помочь, воспринимая это как должное.

Спасти положение, пожалуй, было невозможно лишь тогда, когда преподаватель сажал студентов перед собой, задавал один вопрос для всех и не предоставлял время на подготовку. Так, кстати говоря, проходил экзамен по сравнительному богословию. Тут уже не спишешь, и никто не подскажет, приходилось рассчитывать только на свои знания. Поэтому немало учащихся пересдавали данный предмет.

Говорю всем своим однокашникам братское спасибо за всегдашнюю поддержку на экзаменах и зачетах!

Помимо учебных занятий, в семинарский график включены и послушания. Мне с ними очень повезло. Достаточно быстро меня благословили послушаться в канцелярии духовной школы. Там трудились еще несколько студентов старших курсов. У нас сложился дружный, сработанный коллектив, мы всегда друг другу помогали, подменяли, вместе отмечали праздники, дни ангела, дни рождения. Даже несмотря на то, что мои старшие товарищи, с которыми я нес послушания в семинарии, уже закончили учебу, мы до сих пор часто встречаемся. Считаю, что тот опыт, который я приобрел, трудясь в канцелярии: работа на компьютере, составление писем, подготовка отчетов, оформление справок и иных документов и прочее, — весьма ценен. Я прошел целую школу канцелярской работы и уверен, что в дальнейшем эти навыки мне пригодятся еще не раз.

Все знают, что послушания в семинарии распределяют дежурные помощники проректора. Они же следят за неукоснительным следованием режиму. Наверное, многие слышали различные истории — печальные и веселые — о дежурных помощниках: какие они бывают строгие, не могут понять смягчающих обстоятельств, отпустить в город, войти в положение семинариста и т.п. Слышал о них и я. Но при этом уверен, что никогда ни одна такая история не выходила из стен нашей семинарии.

Все дежурные помощники в Сретенской

духовной школе являются бывшими ее студентами. Иногда бывает так, что твой старший товарищ, студент пятого курса, в новом учебном году назначается на эту должность.

Безусловно, по долгу своей службы они строго подходят к своим обязанностям, но если сам студент по-христиански относится к тому, о чем его просят, не увиливает от работы, не пытается уйти из семинарии тайком или пропустить лекцию без уважительной причины, то и дежурные помощники всегда идут ему навстречу. Зачастую они вместе с семинаристами выходят на послушания, и ты относишься к ним с уважением, понимая, что если ты будешь работать спустя рукава, то подведешь не представителя администрации, а своего друга. И это не преувеличение. К пятому курсу дежурные помощники для меня стали старшими друзьями. Наша семинария не очень большая. И потому дежурные помощники знают о каждом студенте почти все: как и чем он живет, с кем дружит, каковы его учебные успехи. Иначе говоря, мы стали не маленькой семинарией, а большой семьей. Вот это дороже всего.

Было у нас и свободное время, хотя из-за насыщенной семинарской жизни не так и много. Чаще всего оно уходило на подготовку к предстоящим занятиям. На старших курсах, когда периоды отдыха становятся вроде бы более продолжительными, нужно активно работать над курсовыми работами, а потом и над дипломным сочинением: посещать библиотеки, архивы, обрабатывать материалы. Но все-таки мы с друзьями гуляли по Москве, катались на коньках... Нужно сказать, что администрация Сретенской семинарии очень многое делает для того, чтобы студенты проводили свободное время интересно и полезно: мы часто бывали в театрах, консерватории. Также наши наставники нередко поддерживают культурно-просветительские инициативы студентов.

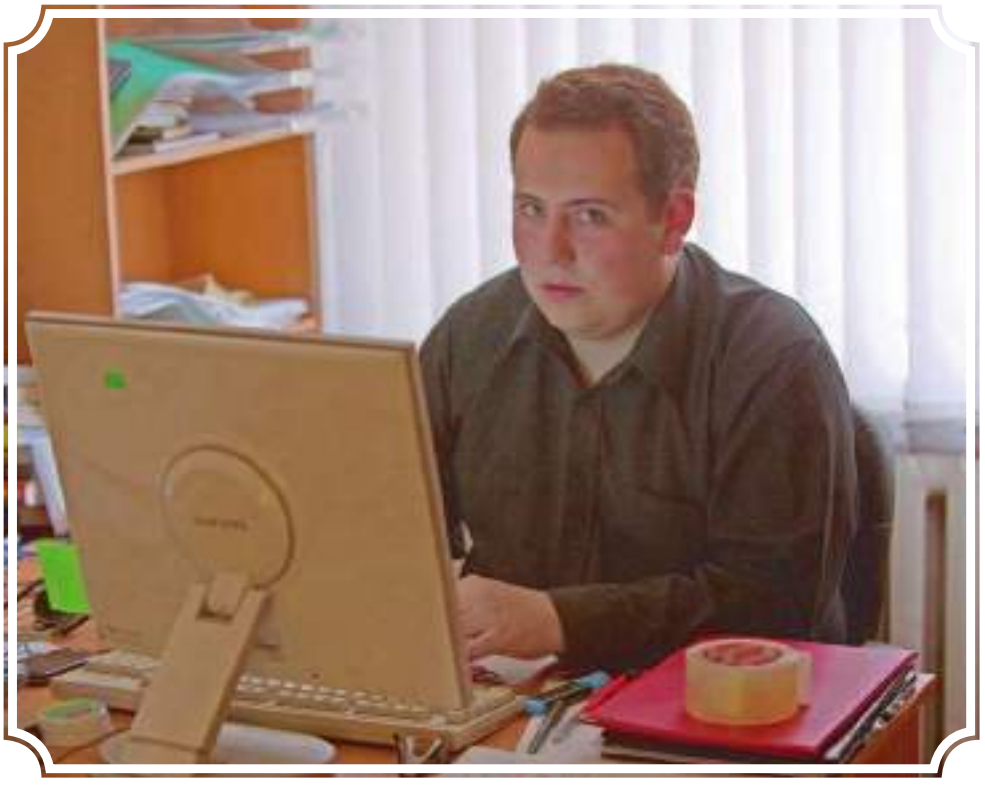
И, конечно, мы часто собирались с сокурсниками у кого-нибудь в келье, пили чай, общались. Очень весело мы отмечали и наши общие праздники.

Конечно, самый первый праздник, связанный с жизнью семинарии, это первое сентября — начало учебного года. В этот день после литургии отец ректор — архимандрит Тихон (Шевкунов) — совершает молебен перед началом учебы. Потом мы все направляемся в библиотеку, где батюшка зачитывает приветствие Патриарха, обращенное к учащимся и учащим духовных школ. Затем сам говорит нам теплые напутственные слова. Знакомит всех студентов с новичками-первокурсниками, которым вручает памятные подарки и студенческие билеты.

Второй семинарский праздник — это день памяти священномученика Илариона. Как я уже говорил, во время всенощной службы студентам первого курса вручают подрясники, что становится для них переломной вехой.

Как правило, накануне этого праздника происходит и хиротесия пятикурсников во чтецы. Я очень волновался накануне этого события. На протяжении всех семинарских лет нам рассказывали об ответственности и трудностях церковного служения. И ждал своей хиротесии с чувством страха и трепета. Ведь, с одной стороны, выполнить свой долг перед Церковью — это наша прямая обязанность. Но, с другой стороны, достойно пронести эту ответственность через всю жизнь невероятно тяжело. Я это прекрасно понимаю. Не скрою, что, как и перед любым важным событием в жизни, мне были посланы тогда искушения. Я вдруг начал сомневаться, смогу ли я стать настоящим служителем Церкви. И я очень благодарен своему семинарскому духовнику, который откликнулся на мои немощи и помог мне их преодолеть. Сразу после хиротесии все сомнения и страхи в одно мгновение исчезли. Сейчас, осознавая важность произошедшего события, я стараюсь каждый день в меру своих сил нести то послушание, которое дала мне Церковь. В чине посвящения во чтецы есть слова о том, что ему полагается ежедневно читать Священное Писание. Конечно, это входит в обязанности каждого христианина, но после хиротесии смотришь на данное предписание совсем по-другому. Понимаешь, что нести по жизни это, на первый взгляд, легкое послушание, не потерять его в суете и тяготах бурлящих дней подчас бывает гораздо труднее, чем один раз сделать какое-то большое дело.

В конце учебного года, 3 июня, в день празднования Владимирской иконы Божией Матери, в Сретенской семинарии проходит выпускной акт. Это очень радостный праздник: уже сданы экзамены, наступают летние каникулы.



Послушание в канцеляри семинарии

Радостный и все же волнительный. Особенно в этом году, когда мы сами заканчиваем обучение в духовной школе.

Оценить то, что дала мне семинария, непросто. Не исключено, что размышлять об этом я буду на протяжении всей жизни. Я не рассматриваю семинарию только как учебное заведение, где я получил определенные знания — бесспорно, фундаментальные. Скорее, это значимый — возможно, самый значимый — этап в моей жизни, который во многом воспитал меня как личность, как верующего человека. Семинария сформировала во мне настоящее христианское отношение к жизни, основанное не только на вере, но и на знаниях, а также на гармоничном сочетании духовности и интеллекта.

Первую серьезную исповедь, осознанно подготовленную, не раз продуманную, я прошел именно здесь — и то не на первых курсах. Теперь я понимаю, что моя духовная жизнь в семинарии стала более глубокой и осмысленной. Мы постоянно находимся в Сретенской обители, рядом с братией монастыря, молимся за богослужениями, общаемся со священниками в неформальной обстановке. В общем, семинария дает самые благоприятные условия для становления, развития и укрепления духовной жизни своих воспитанников. Главное — не упустить драгоценное время, разумно им воспользоваться.

Если говорить, из чего складывается духовная жизнь семинаристов, здесь вроде бы все как и у остальных православных верующих: молитва, участие в богослужении, Причастие святых Христовых Таин, чтение Священного Писания, духовной литературы. Но только в семинарии на этом строится вся наша жизнь.

Рассказывать об этом подробно не представляется возможным, поскольку я уверен: духовная школа заложила в меня гораздо больше, чем я думаю. Очень надеюсь, в будущем с Божией помощью я сумею раскрыть данный мне потенциал.

Это можно сравнить с воспитанием ребенка. Родители его воспитывают, за что-то ругают, что-то не разрешают. А он порой даже и не понимает, зачем его воспитывают, почему что-то запрещают, за что-то наказывают. Но взрослые все равно продолжают это делать. Ведь они знают: их задача — заложить фундамент, наметить вектор развития будущей личности. Так и семинария: приняла нас детьми, а выпускает взрослыми людьми, как и положено alma mater — родной матери.

«Надо быть терпеливыми друг к другу и помнить, что трудности делают нас сильнее»

Владислав Павлушенко

После окончания одиннадцатого класса мне, как и всем выпускникам средней школы, нужно было определяться с дальнейшей жизнью. Что выбрать: светский вуз или духовные школы? Я хорошо понимал, что мое решение станет основополагающим для всей будущей жизни.

Поэтому я постоянно обдумывал вопрос о выборе пути, советовался с друзьями и близкими, но решения принять так и не мог. Успокаивал себя тем, что пошел в школу в шесть лет, закончил ее в шестнадцать, а значит, у меня еще был год в запасе. Его я провел с пользой: принимал участие в обустройстве помещения для воскресной школы.

Незаметно наступило лето и время вступительных экзаменов, а у решения-то у меня опять нет!

Здесь нужно сказать, что к тому времени мой отец был священником около пяти лет. И он хотел, чтобы я пошел по его пути, первой ступенькой которого является учеба в духовной школе.

В начале июля 2005 года он побывал в Московском Сретенском монастыре и увидел объявление о наборе в Сретенскую духовную семинарию. Ему очень понравились условия, в которых проживали студенты, оценил он и уровень профессионализма профессорско-преподавательского состава. Но самое главное достоинство Сретенской семинарии отец увидел в том, что она располагается в стенах монастыря. Это давало уникальную возможность постоянной сопричастности его молитвенной жизни и духовного окормления у священников обители.

Если бы за год-два до названных событий кто-либо сказал мне, что я буду учиться в духовной школе, я вряд ли поверил ему. Но к моменту поступления моя жизнь, отношение к ней, взгляды на окружающих меня людей изменились. Главную причину я вижу в двухнедельной паломнической поездке по святым

местам Севера России: Псков — Питер — Соловки — Валаам. Что-то тогда во мне переменилось — невидимое снаружи, но отчетливо ощущаемое внутри...

И все же я не думаю, что до конца осознавал свое намерение получить духовное образование. Я поехал поступать скорее по послушанию. Но постепенно, с каждым новым семинарским годом, я понимал: учеба в семинарии дает не только образование — чрезвычайно высокого уровня, но понимание ответственности, возложенной на тебя при поступлении сюда. Многие люди видят в семинаристе будущего священнослужителя. И поэтому важно вести себя подобающе, стараться не вызывать соблазна у верующих. А это очень сложно!

Несмотря на то, что к поступлению в семинарию я готовился усиленно, все равно чувствовал ограниченность во времени, а потому не был уверен в своих силах.

Перед началом приемных испытаний абитуриенты в течение недели живут в монастыре, знакомятся с повседневным распорядком обители, трудятся на послушаниях, молятся за богослужениями, читают утреннее и вечернее правило. Мне кажется, это очень правильно — ребятам дана возможность окунуться в полноценную студенческую жизнь, почувствовать ее тяжесть и радость.

И вот пришла пора экзаменов, которые у нас были как письменными, так и устными. Знаете, мне чужды сильные эмоции и волнения. Но когда я вошел в помещение нижней трапезной, где заседала приемная комиссия, то понял, что забыл даже свое собственное имя. Болезненное состояние, ватные ноги, заплетающийся, пересохший язык — в общем, все признаки невероятного волнения. Ведь я прекрасно понимал, что в тот момент решалась моя дальнейшая судьба. Смутно помню: с какими-то вопросами справился, с какими-то — нет. Но когда я вышел оттуда, волнение пропало, в голову пришла мысль — единственно правильная: «На все воля Божья!»

Кубок по футболу

Экзаменационные дни пролетели, и все ожидали результатов. Услышав свою фамилию среди поступивших, я осознал, что это начало новой — семинарской — жизни.

Разумеется, родители были очень рады тому, что отныне я учусь в духовной школе. А вот друзья и школьные учителя недоумевали: «Зачем?! Ты же мог поступить в институт, получить хорошую профессию!» В связи с этим наши отношения постепенно перешли в иное русло. К тому же обучение в семинарии предполагает пребывание в течение учебной недели в стенах монастыря, а значит, все внешние контакты пришлось резко сократить. Да и я довольно быстро утратил интерес к прежним хобби, привычкам. Я не считаю это прискорбным, так как в семинарии я познакомился с ребятами, которые мне близки не только по возрасту, интересам, но и по духу.

Итак, началось мое семинарское житье-бытье. Первые полгода, проведенные в духовной школе, выработали определенный режим дня, который наряду с учебой, подготовкой и послушаниями оставлял лишь пару часов свободного времени, которые я решил проводить активно.

Вообще, я очень люблю спорт. С его помощью я поддерживаю физическую форму и одновременно отдыхаю. Согласитесь, намного интереснее поиграть в футбол, чем просто валяться в постели. По просьбам семинаристов администрация монастыря оборудовала небольшой тренажерный зал, куда мы с ребятами приходили позаниматься на снарядах. Иногда мы собирались с друзьями по вечерам и играли в волейбол. На втором курсе представилась возможность ходить на занятия по рукопашному бою.

И все же безусловный спортивный приоритет отдавался футболу. К тому же собрать команду не составляло особого труда. Так, когда я учился на третьем-четвертом курсах, была создана футбольная команда «СДС-Москва». Благодаря упорным тренировкам — два раза в неделю мы занимались в Лужниках — в 2009 году она была признана лучшей среди команд московских семинарий.

Часто небольшой компанией мы гуляли по вечерней Москве — такие прогулки нельзя забыть.

Также мне нравилось посещать выставки, музеи, театры, а особенно консерваторию имени П.И. Чайковского и Третьяковскую галерею.

Собирались мы и с приятелями в келье: смотрели интересные фильмы или просто общались.

Когда я был первокурсником, в семинарии провели первый набор в интересный кружок — по изучению колокольного звона. Его организовал звонарь Сретенского монастыря — Николай Иванович Завьялов, один из ведущих кампанологов страны. Изначально я немного сомневался в том, нужны ли мне подобные знания и навыки. Но после того, как я побывал на нескольких занятиях по колокольному звону, понял, что они не только расширяют кругозор, но и дают богатейшую — я бы сказал, эксклюзивную — практику, которая в будущем пригодится многим.

Большой удачей я считаю то, что меня зачислили в хор Сретенской духовной семинарии. Конечно, я пел на праздниках в детском саду и школе — пел как все дети, ничем не выделяясь среди сверстников. Музыкальной школы я не заканчивал и поэтому о своем участии в церковном хоре мог только мечтать.

Так получилось, что регент семинарского хора — Александр Викторович Амерха-

нов — предложил всем желающим пройти прослушивание. Я его успешно преодолел. И начал посещать спевки, чтобы постепенно изучить репертуар и иметь возможность петь на клиросе. На развитие слуха, голоса и изучение нотной грамоты было выделено одно занятие в неделю, и этого катастрофически не хватало. Со мной и еще несколькими студентами Александр Викторович стал заниматься вокалом дополнительно — еще два раза в неделю, что весьма плодотворно повлияло на музыкальные успехи. Конечно, до уровня большинства семинаристов, поющих в хоре, мне было очень далеко — у них за плечами была музыкальная школа и многолетняя практика церковного пения, но со второго курса меня взяли в семинарский хор. Год, проведенный там, дал очень многое. Главное — я начал глубже понимать церковное пение.

Однако через год я был поставлен перед выбором — непростым выбором: семинарский хор или воскресная школа. Совмещать учебу и несколько послушаний оказалось очень тяжело. Я решил: школа важнее. И начал преподавать Закон Божий. Позже вел практический курс для алтарников, который включает в себя изучение истории и чинопоследования богослужения, его структуры, устройства храма, иерархии Церкви и т.д.

Также во время ежегодной летней практики на втором курсе мне предложили попробовать себя в качестве вожатого в лагере. Летний лагерь — для чего он? Отдохнуть, весело провести время, приобрести новых друзей? Возможно. Но у нас была другая цель — показать детям, которые являются учениками воскресной школы и имеют разную степень воцерковленности, что у той «культуры», которая массированно насаждается сейчас, есть альтернатива, существующая более двух тысячелетий. Это непросто — на собственном примере продемонстрировать возможность интересного и полезного времяпрепровождения, которое связано со здоровым образом жизни, настоящей дружбой, взаимовыручкой и христианской любовью.

В нашем лагере все было направлено на духовное воспитание детей: утренние и вечерние молитвы, беседы со священниками, молитва до и после трапезы, богослужения, принятие Таинств.

У кого-то подобная форма работы может вызвать скептическую улыбку. Но ведь нужно всегда смотреть на результаты. А они были положительными. Одна из девочек крестилась прямо в лагере. Многие дети начали даже воцерковлять своих родителей, водить их в храм, на службы. Какое это счастье — видеть по субботам, воскресеньям, праздничным дням знакомые лица в церкви!

Три года я послушаюсь в воскресной школе, и это мне только в радость.

В то же время, если нужна моя помощь в каких-то коллективных послушаниях: разгрузке большого тиража книг, продовольствия, уборке снега, — я всегда в них участвую, поскольку работа, в которой задействовано много людей, проходит весело и незаметно. И вообще, большинство послушаний (в том числе пономарство в храме, дежурство в трапезной, бане, уборка территории), которые несут семинаристы, имеют общий характер.

Мне же хотелось иметь свое — индивидуальное — послушание, какой-то объем работы, за который в ответе был бы только я. И такой случай мне представился. По моей просьбе мне было поручено следить за чистотой санузлов в семинарском корпусе. Наверное, это не скромно, но, исполняя это послушание, я предпринял ряд действий, которые улучшили — и без того неплохие — бытовые условия семинаристов: руководство разрешило приобрести стиральную машинку, сушилки для одежды и для рук, диспенсеры для жидкого мыла, новую мебель и т.д.

Конечно, здесь были свои курьезы и трудности: не раз приходилось убирать последствия потопа из-за прорвавшей трубы водоснабжения. Но вскоре эти проблемы были решены, поскольку было принято решение поменять старые металлические, не слишком надежные трубы на новые — пластиковые.

И хотя моей заслуги в этом не было, но я чувствовал причастность к важному, полезному делу, без выполнения которого немыслима повседневная жизнь людей.

Что еще сказать о послушаниях? Да, на них уходит довольно много времени, которое, как говорят многие семинаристы, можно было бы использовать на подготовку к учебным занятиям. Но послушания имеют огромный воспитательный эффект. Они, без преувеличения, формируют ответственность, учат самостоятельно принимать решения. Подобный опыт способствует взрослению, а в конечном счете становлению человеческой личности. Это бесценно для будущего пастыря!

И все-таки главным послушанием любого семинариста является учеба. Скажу сразу — и скажу с безграничной благодарностью: в нашей семинарии подобран замечательный профессорско-преподавательский коллектив. Особенно мне хотелось бы выделить моего первого научного руководителя, преподавателя Священного Писания Нового Завета — отца Андрея Рахновского. Батюшка не только интересно преподнес свой предмет — очень трудный, но такой важный, он стал для меня примером достойного несения священнического креста.

Очень понравились и лекции о. Максима Козлова, о. Олега Корытко, Алексея Ивановича

Сидорова, Геннадия Георгиевича Майорова, Александра Николаевича Ужанкова, Олега Викторовича Стародубцева, Ольги Юрьевны Васильевой. В курсах, которые они читали, чувствовалась индивидуальность.

Вспоминаю преподавателя истории Русской Церкви — Игоря Петровича Шаповалова. У некоторых семинаристов есть дурная привычка — при ответе вставлять ненужные слова-паразиты: «ну», «как бы», «само собой» и др. И если их было больше, чем обычно, Игорь Петрович в качестве интеллектуального наказания задавал на дом выучить наизусть тексты из русских классиков. Так вот, после того, как я выучил и рассказал курсу письмо Татьяны к Онегину, я навсегда избавился от слов-паразитов. Такая интересная и чрезвычайно действенная практика...

Учась в семинарии, я осознал: предмет не может быть любимым или нелюбимым. Просто, чем старательнее ты готовишься к занятиям, чем больше дополнительной литературы читаешь, чем глубже пытаешься вникнуть в изучаемые темы, тем ближе и понятнее они становятся.

Что касается курсовых работ, то новая семинарская программа предполагает их написание на третьем и четвертом курсах. Это помогает студентам лучше и полнее подготовиться к дипломному сочинению.

Будучи третьекурсником, я решил писать курсовую работу на тему «Эсхатология посланий апостола Петра». Я проанализировал тогда проблемы личной эсхатологии в современном обществе — на основе экзегетического анализа первого и второго посланий апостола Петра.

Когда человек пытается уяснить смысл трудных и непонятных мест Слова Божьего, надо избегать излишнего теоретизирования, необоснованных предположений и исходить из святоотеческих, общепринятых Церковью толкований Священного Писания. Если не придерживаться этого правила, можно прийти к расколу. Когда я писал свою курсовую работу, группа людей в Пензенской области, «предвидя» скорый конец света, решила спрятаться в землянках, чтобы там ждать апокалипсиса. При этом, разумеется, все отношения с Православной Церковью были разорваны. В свете

происходивших событий изучаемая мной тема стала чрезвычайно актуальной.

Писать мне было достаточно трудно, так как приходилось работать с дореволюционными изданиями, которые отличаются не только особой орфографией, но и оборотами речи (причем большинство текстов были доступны только в электронном варианте). Но тогда меня всячески поддерживал и ободрял прекрасный педагог и пастырь, мой научный руководитель — священник Андрей Рахновский.

А на четвертом курсе я приступил к написанию работы по истории, о чем давно мечтал. Мне хотелось поработать с источниками, документами, которые были посвящены жизни Житомирской епархии и которые были рассекречены только в девяностых годах. Причем в мои планы входило рассмотрение достаточно большого хронологического периода.

Итак, мне предстояло решить следующие задачи: характеристика сложного времени оккупации и церковных расколов (взгляд на них со стороны Русской Православной Церкви, советской власти, оккупантов); описание того, как открывались церкви и как происходила борьба за действующие храмы в послевоенные годы. Кроме того, я попытался осветить религиозно-нравственное состояние населения, его отношение к духовенству и атеистической пропаганде и проанализировать деятельность епископата и священства в условиях жесткого контроля со стороны власти.

В общем, целей было много и достичь их было нелегко. Для того, чтобы написать курсовую работу к сроку, я трудился весь учебный год, каждую неделю, начиная с осени. Поэтому ко времени предварительной проверки у меня был большой объем проработанного материала. Мое сочинение получилось довольно обдуманным, а не написанным в горячке — в последний момент, как это часто бывает у студентов.

Моим научным руководителем выступила профессор Ольга Юрьевна Васильева — замечательный преподаватель истории Русской Церкви XX века. Во время написания работ я всегда чувствовал ее поддержку, за что я ей очень благодарен. Ольга Юрьевна помогла расставить правильные акценты, добиться целостности работы. Благодаря ей я полюбил, казалось бы, скучную работу с архивами. Но, когда используешь материалы, которые лишь десять лет назад стали доступными, чувствуешь себя первопроходцем. Интереса добавляло и то, что работа была действительно самостоятельной, отличалась известной новизной и многоаспектностью. Поэтому я и решился

Святая Земля. В темнице Спасителя

На спевке

детализировать и углубить намеченные мною вопросы в дипломной работе.

Время экзаменационной сессии... Его ждут с нетерпением и волнением.

Ведь наступление сессии означает скорое окончание учебного семестра, начало каникул — и это не может не радовать. Но сессия — прежде всего время проверки знаний, время усиленного повторения пройденного материала.

Безусловно, сессия сопряжена со сложностями, хотя бы потому, что ее расписание довольно плотное и за короткое время приходится повторить и выучить большое количество материала. И если случается, что три-четыре экзамена нужно сдать за неделю, то входишь в своеобразный онлайн-режим: день и ночь готовишься к экзамену, утром сдаешь, спишь до вечера, а затем начинаешь учить следующий предмет. Да, режим жесткий. Но он очень сильно сплачивает ребят на курсе, обостряет возможности и... дает почувствовать невероятную радость от крепкого, спокойного сна.

И, конечно, во время экзаменов очень помогают горячие молитвы к Царице Небесной. Мы вот всегда собирались группками и молились.

А теперь пришло время сказать о наших наставниках — людях, которым мы более всего обязаны, на которых стараемся равняться. Конечно, мы как студенты часто не до конца понимали руководство, мысленно вносили «гениальные изменения» в учебный график и быт, были чем-то недовольны. Но со временем, постепенно взрослея, вникая в суть дела и приходя к необходимости принимать ответственные решения, мы осознавали, что наши наставники делают все исключительно для нашей пользы. И все чаще на ум приходила пословица индейцев пуэбло: «Не оценивай другого человека, пока ты не прошел хотя бы мили в его мокасинах».

Безусловным примером для меня за эти пять лет стал архимандрит Тихон (Шевкунов) — ректор семинарии, наместник Сретенского монастыря. Несмотря на свою занятость и очень плотный график, он всегда принимал меня и помогал решить важные вопросы, поддерживал, приободрял. К тому же отец ректор является образцом необычайного трудолюбия для всех студентов.

Иеромонах Иоанн (Лудищев) — проректор семинарии, благочинный монастыря. Я не понимаю, как батюшке удается совмещать два таких послушания. Это тяжелый крест!

Наверное, больше всего я старался равняться на насельника Сретенского монастыря — иеромонаха Иринея (Пиковского). Батюшка руководил воскресной школой и проектами, связанными с ней, являясь моим прямым начальником.

Служение заупокойной литии

Я не буду описывать всего — это слишком личное! Могу сказать только одно: формированию своей личности я обязан отцу Иринею, за что говорю ему огромное спасибо.

В решении многих духовных вопросов мне помогли также отцы Лука (Ауле) и Амвросий (Коньков).

Все эти замечательные батюшки преподали мне важный урок духовного воспитания. Состоит он в следующем: надо быть терпеливыми друг к другу и помнить, что трудности делают нас сильнее.

Не могу не сказать о том, что в Сретенской обители сложилась очень интересная практика, которая имеет, однако, древние корни, — служение ночных Литургий. Они совершаются один раз в неделю — ночью. За ними молятся в первую очередь сотрудники монастыря, участвуя в Таинствах Причастия и Исповеди. Обычно службу возглавляет отец Амвросий.

Участвуют в этих Литургиях и студенты: они молятся, поют на клиросе, пономарят (причем на следующий день они нередко даже освобождаются от утренних послушаний).

Мне трудно передать впечатления от этих ночных служб. Но когда Литургия проходит под тихое спокойное пение, при тусклом свете свечей и лампад, когда причащаются почти все собравшиеся, — приходит сознание соборности, единения посредством Таинств со всем христианским миром. И ты чувствуешь огромную духовную радость от молитвы, радость, о которой пишут в своих творениях святые отцы.

Нельзя не вспомнить и о молебнах с акафистом преподобной Марии Египетской — они совершаются по воскресеньям, после вечерней службы. Молебен служит отец Лука. Притягивает то, что в молебне принимают участие все прихожане: им раздают акафистники, все следят за текстом и подпевают. Опять-таки ощущается соборность молитвы. Я с однокурсником, Геннадием Новиковым, неоднократно присоединялся к молящимся, и вскоре отец Лука благословил меня и еще нескольких ребят читать и петь акафист по очереди. Мне это очень нравилось, но, к сожалению, когда я перешел на следующий курс, воскресный вечер оказался занятым.

Напоследок принято обращаться к студентам, которые еще продолжают обучение в духовной школе. Я бы хотел пожелать ребятам в первую очередь ценить крепкую семинарскую дружбу.

«Семинария дала мне самое главное — она заложила фундамент духовной жизни»

Геннадий Новиков

Геннадий, расскажите немного о своей жизни.

— Вырос я в семье священника и до поступления в семинарию учился в православной гимназии имени преподобного Сергия Радонежского в поселке Саракташ Оренбургской области. В связи с назначением моего отца на должность настоятеля прихода я завершал учебу в обычной средней общеобразовательной школе села Троицкого Тюльганского района Оренбургской области. На протяжении всех своих школьных лет я нес послушание пономаря. Сначала в Свято-Троицкой обители милосердия, в храме Покрова Пресвятой Богородицы, у протоиерея Николая Стремского, а после выполнял обязанности чтеца, пономаря и певчего у своего отца на сельском приходе, в храме святых бессребреников Космы и Дамиана. Получив благословение на поступление в семинарию у правящего архиерея — митрополита Оренбургского и Бузулукского Валентина, я приехал в Сретенскую духовную семинарию. Тогда я впервые познакомился с Москвой, впервые увидел Сретенский монастырь, где перед мной открылись все его святыни: мощи священномученика Илариона, мощи преподобной Марии Египетской, Владимирская икона Пресвятой Богородицы, копия Туринской плащаницы и многое другое.

— А что привело вас в семинарию?

— Помню, такой вопрос был в анкете, которую мы заполняли при подаче документов в семинарию. В духовную школу меня привело твердое желание получить разнообразные богословские знания, для того чтобы применить их на практике, стать священнослужителем и нести слово Божие народу. Иного жизненного поприща я для себя не мыслил. С раннего детства я рос в церковной среде. Когда я родился, мои родители были еще вне Церкви, но сердцем присутствовали в ней, живя по естественному закону совести, который заложен в человеческую природу. Потом, в подростковом

возрасте, Господь послал мне встречу с настоятелем Свято-Троицкой обители милосердия протоиереем Николаем Стремским, который внес неоценимый вклад в формирование моей личности. И вообще, все мои воспитатели свидетельствовали о Христе всей своей жизнью и остаются для меня по сегодняшний день примерами ревностного служения Церкви. Впоследствии Господь даровал мне в духовные наставники родного отца, которому я сердечно благодарен.

Но не только жизнь священников, но и жизнь простых мирян стала основанием для моего решения служить Церкви. Находясь на приходе у своего отца, я познакомился с одним прихожанином — сельским учителем, который за десять километров ходил на молитву в храм Божий. Несмотря на погодные условия, зимой или весной, летом или осенью, он спешил в храм и боялся даже опоздать на богослужение. Его жизнь была наполнена любовью к Богу и ближнему. Будучи тяжело больным, он неустанно трудился, писал картины, стихи, молился, набирался сил и шел в храм. Его слова, однажды обращенные ко мне, оставили неизгладимый отпечаток в моей душе. Он говорил, чтобы я, вопреки трудностям жизни, уверенно служил Церкви и стал священником.

Это только один из замечательных примеров того, как формировалось мое решение о поступлении в семинарию, но на самом деле их было очень много. По слову апостола Павла: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13: 7).

Обучаясь в духовной школе, я все больше и больше укрепляюсь в своем выборе, и, если будет на то воля Божия, стану священником и буду служить Богу столько, сколько мне будет суждено.

— Каково было отношение ваших родителей и близких к выбору вами духовного образования?

— Отношение моих родителей и близких к тому, что я решил поступать в семинарию, было, конечно, положительным. Так как каждые отец и мать в каждой семье желают, чтобы их дети встали на правильный жизненный путь. И этот правильный путь в моей жизни,

С братией Сретенского монастыря

повторюсь, я увидел именно в служении Богу.

— Давайте с вами вернемся на пять лет назад и вспомним вступительные экзамены: собеседование, изложение. Как они проходили?

— Когда в 2005 году все абитуриенты съехались на вступительные экзамены, мы прожили три особых дня. Именно они запомнились неповторимым чувством переживаний и напряженной молитвой. Надо сказать, что эти ощущения я пронес через все семинарские годы.

Первый день был посвящен изложению с элементами сочинения. Тема изложения относилась к житию и деяниям священномученика Илариона. Интересно, что накануне этого экзамена я читал первый том собрания творений священномученика Илариона, где подробно описывалась его биография. Данное обстоятельство, безусловно, облегчило мне написание изложения. Второй день был связан с прохождением медицинской комиссии. И вот наступил наконец третий день, день, когда действительно должна была решиться моя участь. Собеседование с ректором — архимандритом Тихоном (Шевкуновым) — запечатлелось в моей памяти чрезвычайно ярко. Батюшка очень подробно спрашивал меня о моей жизни: я был уставщиком, значит, мне предлагался вопрос по Уставу, пел — значит, должен был вспомнить определенное песнопение и тому подобное. Преодолев с помощью Господа трудный путь, я, как и все абитуриенты, пребывал в нетерпении: уже очень хотелось поскорей узнать о решении приемной комиссии. И вот по воле Божией я стал учащимся Сретенской духовной семинарии.

— Скажите, какие трудности вам пришлось испытать во время пребывания в семинарии: духовные, учебные или житейские?

— Житейских трудностей, могу сказать твердо, не было, потому что администрация семинарии создает прекрасные бытовые условия для учащихся. А вот духовные и учебные сложности возникали. Куда же от них деться?!

Например, в начале моего обучения, так как я раньше никуда не уезжал от своих родителей, появились уныние и внутреннее волнение, какое бывает, наверное, у каждого человека, покинувшего родное гнездо. С этой непростой проблемой мне помог справиться наш семинарский духовник — иеромонах Иов (Гумеров), который молитвенно укрепил меня и

На занятиях в семинарии

поддержал своим пастырским словом в трудную минуту. Ответы на возникавшие у меня духовные вопросы мне помогали находить священнослужители Сретенского монастыря. И особенно хочется сказать о замечательном батюшке — иеромонахе Луке (Ауле). Он подарил мне чудесные минуты душевной тишины, наполнив мое сердце сладким спокойствием. Помогая ему на молебнах у мощей преподобной Марии Египетской в воскресный день, я неизменно завершал малую Пасху осознанием внутри себя великой милости и любви Божией. После молебна всегда было чаепитие, где я мог спокойно задавать батюшке вопросы о духовной жизни православного христианина. Я каждый раз получал нужный мне именно в тот момент ответ и уходил от отца Луки радостным, ведь я, помимо духовной помощи, обретал новые знания из жизни святых отцов.

Что касается трудностей в учебе, они были особенно значительными на первом курсе. Я учился в российской глубинке, и уровень моей подготовки, конечно, отличался от уровня тех,

кто уже прошел институт или закончил общеобразовательные учреждения в столице. Поэтому мне приходилось усиленно пополнять свои знания. Я много читал: учебную, святоотеческую литературу, русскую классику... Все это принесло плоды, и мне, как кажется, удалось встать на одну ступеньку с моими однокурсниками и вполне успешно усваивать духовные дисциплины.

— И все-таки, что было для вас в духовной школе в новинку?

— Совершенно новым для меня оказался режим дня, достаточно нелегкий. Привыкнуть к новому распорядку мне помогли дежурные помощники и, конечно же, проректор Сретенской семинарии — иеромонах Иоанн (Лудищев). Одно из важнейших мест, конечно, в семинарии занимает братский молебен. До семинарии я никогда не молился за такими ранними богослужениями. И когда я, придя в духовную школу, узнал о них, обрадовался, так как общая молитва с братией монастыря только укрепляет молодого человека в его духовной жизни. Незабываемыми оказались и ночные литургии. Совместная, единодушная молитва всегда полезна и плодотворна, по слову Самого Спасителя: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18: 20). Божественная литургия рождает ни с чем не сравнимые чувства. Подготовка к святому причастию, сама евхаристия объединяет всех учащихся истинно христианским духом — в каждом сердце звучат слова вечности: «Ядущий Мою плоть и пиющий Мою кровь имеет жизнь вечную» (Ин. 6: 54).

— Обычно за годы обучения в семинарии появляется много друзей...

— Друзья — это ценнейшее приобретение семинарских лет. Духовная школа дарит много друзей и знакомых. Все мы — семинаристы и монастырская братия — объединены духовным родством. А разве может брат не общаться с братом? Все ребята ценны для меня тем, что, несмотря на разницу в характерах и привычках, они всегда приходят на помощь, что на деле подтверждает подлинность нашей дружбы. Появились у меня, конечно, и близкие друзья, товарищи, с которыми я жил в одной келье, с которыми делил и радость, и печаль. Им я искренне благодарен за золотые минуты жизни, в которые нас связывало неподдельное

С друзьями

содружество. Я часто вспоминаю их мудрые советы, ценю их поддержку.

— Что, по-вашему, укрепляет дружбу?

— Дружбу укрепляет сам смысл жизни. Достаточно задать вопрос, для чего ты живешь? И настоящим ответом будут не ложные рассуждения об эгоистической пользе, а простые и в то же время такие сложные слова о нравственной основе духовного развития. Мы живем не ради любви к самому себе, но ради Бога и ближнего своего. Это и есть дружба. Спаситель учит нас: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15: 13).

— Наверное, по окончании духовной школы вы будете поддерживать отношения со своими семинарскими друзьями, преподавателями, насельниками Сретенской обители?

— Конечно, я буду стараться как можно чаще видеться с духовенством Сретенского

монастыря, преподавателями нашей семинарии и, конечно, с друзьями, которых здесь дал мне Бог. В ветхозаветной книге Сираха можно найти следующие слова: «Верный друг — крепкая защита, кто нашел его, нашел сокровище». Из этого мудрого суждения, мне кажется, можно сделать такой вывод: как человек, приобретший сокровище, будет оберегать и хранить его, так и человек, получивший от Господа друзей, должен хранить дружбу, поскольку она является поистине великим сокровищем.

— Расскажите, пожалуйста, о преподавателях, которые учили вас в течение пяти лет, и о курсах, читаемых ими.

— Предмет всегда характеризует преподавателя. Каков педагог, таково и содержание его курса, и это, безусловно, определяет отношение и к нему, и к его дисциплине. Так как в нашей семинарии трудятся самые лучшие преподаватели, то и предметы, которые они преподают, самые важные и интересные. Вместе с тем во все времена человек выбирает именно то, что ближе его разумению и сердцу, следовательно, начинает проявлять к каким-то предметам наибольший интерес. Мне лично особо запомнились такие дисциплины, как катехизис, преподает который протоиерей Николай Скурат, догматическое богословие — иерей Вадим Леонов, гомилетика — иерей Алексий Лымарев, литургика — диакон Павел Бобров, миссиология — иеромонах Никодим (Шматько), история Русской Церкви — профессор Алексей Константинович Светозарский, история России XX века — профессор Ольга Юрьевна Васильева, но всего не перечислишь... За любовь, проявленную к учащимся, мне хочется выразить искренние слова благодарности всем нашим педагогам и наставникам. Они заложили в нас необходимую основу тех знаний, которые будут востребованы в нашей жизни и служении. А самое главное — на протяжении всех пяти лет они верили в нас, в наши силы, помогали нам достойно нести звание семинариста.

— Каковы ваши воспоминания об экзаменационных сессиях — горячем времени для всех студентов?

— Время сессии по-настоящему тяжелое время — это правда. Нужно в довольно сжатые сроки повторить пройденный за семестр, а то и за год учебный материал. Нужно отметить, что наши преподаватели с пониманием относятся к нашим трудностям и немощам. Разумеется, они строги и взыскательны, их нельзя провести, но все же они прощают нам отдельные пробелы.

— Известно, что, начиная с третьего курса, каждый семинарист регулярно произносит учебные проповеди.

В храме Сретенского монастыря

В миссионерской поездке

Что чувствовали вы, когда читали вашу первую проповедь?

— Первая проповедь запоминается сильными переживаниями. Страх ошибиться и волнение по поводу того, как воспримут слушающие твое слово. Надеешься только на то, что Господь все управит и даст силы не потерять мысль. Поэтому мне запомнилась не только сама первая проповедь, но и минуты внутренней молитвы перед ее произнесением.

— Вы несете послушание в семинарском хоре. Как вы были зачислены в него? Что вам дало это послушание?

— Послушание в семинарском хоре оказалось очень интересным и благодатным. Попасть в хор нелегко. Но в нашей духовной школе приветствуется желание и старание. Мне пришлось немало заниматься, чтобы меня приняли в основной состав хора, а впоследствии и в состав малых певческих групп. За годы, проведенные в семинарском хоре, я не только познал музыковедческие основы — я стал певчим. Мы пели на службах, много раз принимали участие в концертах в городах нашего родного Отечества и за рубежом. И это, без сомнения, позволило мне расширить кругозор. Благодаря нашему руководству — отцу ректору, отцу проректору и регенту хора Александру Викторовичу Амерханову, мы записали памятный аудиодиск, за что все семинаристы сердечно признательны нашим наставникам.

— Вы активно участвуете в миссионерских проектах Сретенской духовной семинарии. Как давно ведется эта деятельность и каковы ее плоды?

— Понятно, что миссионерские проекты семинарии неразрывно связаны с миссионерской деятельностью Сретенского монастыря, который с самого начала своего возрождения в 1995 году привел к Богу тысячи людей и помог огромному числу страждущих. Семинарию в этом смысле можно образно назвать отростком, который питается от ствола мощного дерева. Миссионерская деятельность семинарии разнообразна. Группа ее воспитанников проводит

тематические беседы с прихожанами монастыря, активно проявляют себя ребята в воскресной школе, кто-то преподает, кто-то проводит экскурсии по обители. Помимо этого, студенты посещают школы-интернаты, детские дома, много и плодотворно взаимодействуют с разными молодежными организациями России. При всесторонней поддержке Сретенского монастыря не так давно была организована интереснейшая миссионерская поездка по вологодской земле. Год от года крепнет наша дружба со школой-интернатом в городе Михайлове Рязанской области. Там студенты прислуживают за богослужениями, проводят беседы, концерты, чаепития. Чрезвычайно важными являются наши поездки в тюрьмы. Туда мы возим продуктовые и вещевые наборы, книги, священники совершают службы, студенты устраивают концерты. Обширная миссионерская деятельность семинарии и монастыря открыла нам глаза на многие важные вопросы, помогла приобрести опыт служения, который так необходим будущим пастырям.

— Вы упомянули о школе-интернате в Михайлове. Какие мероприятия были проведены там студентами и педагогами Сретенской духовной семинарии? Каковы ваши конкретные учебно-миссионерские наработки? Как бы вы в самом общем виде охарактеризовали возникающие проблемы и пути их решения?

— Казалось бы, Михайлов мы начали посещать не так давно, но прошло уже три года. Радостно осознавать, что ребята там каждый раз ждут нас.

Три года назад отцом проректором мне было поручено нести послушание миссионерского служения в школе-интернате города Михайлова. При поддержке преподавателя семинарии иеромонаха Никодима (Шматько) и братии Сретенского монастыря был выработан развернутый план миссионерской деятельности. Отец Никодим, имея большой опыт миссионерского служения, щедро делится с нами своими разработками и на основных занятиях по миссиологии, и в ходе факультативных бесед. Он является автором мультимедийного пособия и других материалов, используемых в миссионерской работе.

Пройдя необходимую подготовку, сформированная группа семинаристов была направлена в первую поездку в школу-интернат города Михайлова. Это произошло 21 ноября 2007 года. Прибыло тогда к ребятам 44 человека, в том числе и семинарский хор. Тема первой встречи «Смысл человеческой жизни» была освещена для учащихся с первого по девятый классы. В разработке бесед нам очень помог опыт, накопленный специалистами православной гимназии при Троице-Сергиевой лавре. В частности, у них мы заимствовали учебные материалы по катехизису: «Семь бесед о христианском мировоззрении», «Основы христианской нравственности» и «Основы христианского православного мировоззрения». Помимо этого, семинаристами использовалось мультимедийное пособие.

Надо сказать, беседовали и беседуем мы не только с ребятами, но и с педагогами, причем всегда результативно.

Не могу не отметить, что дети живут в хороших бытовых условиях, но в интернат они попали, испытав большие жизненные трудности. Многие из них никогда не ели досыта, не видели своих родителей трезвыми. Им очень тяжело. И они нуждаются в духовной поддержке, которую им дает директор интерната, выпускник нашей семинарии иерей Владимир Щетинин. Надеюсь, что наши семинаристы тоже вносят свою лепту в благое дело духовного оздоровления этих ребят.

Конечно, у нас возникают трудности, но так бывает всегда, когда делается доброе дело. Вражеские силы препятствует добру, поэтому не нужно отчаиваться, нужно с помощью Божией продвигаться вперед и добиваться результата. И пускай подготовительная работа порой весьма и весьма трудна, но ее результат, выраженный в детской радости, неизменно вызывает радость и у самих семинаристов. И это дороже всего. Даже когда совсем тяжело и нет сил что-то терпеть, что-то делать, вспоминаешь искренние ребячьи улыбки — и продолжаешь трудиться.

Современное миссионерство, как, впрочем, и миссионерство в любое время, сопряжено с чередой трудностей. Встав на этот путь, необходимо ежеминутно помнить: все в руках Господа. Если есть воля Божия, все получится и трудности будут преодолены. В наше время, когда расшатываются многие нравственные основы, когда размывается понятие о грехе, поле миссионерской деятельности расширяется и осложняется. Людям сейчас приходится рассказывать о

самом простом, о том, без чего человечество самоуничтожается. Но познакомить детей с такими начальными знаниями — полдела. Важнейшим этапом является правильное, осознанное освоение этой информации. Наши подопечные должны бескомпромиссно понять, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Я горячо уповаю на то, что наша духовная школа — Сретенская семинария — будет развивать данное миссионерское направление и впредь, а монастырь не оставит школу-интернат без своего духовного окормления.

— Одним из масштабных миссионерских проектов семинарии и монастыря стала организация летнего лагеря «Скит».

— Да, это так. С этим временем у меня связаны особенные воспоминания. Я был одним из организаторов лагеря «Скит». И я тогда очень многое понял для себя. Прежде всего, я посмотрел несколько иным взглядом на тех, кто меня окружает. Детский летний православный лагерь «Скит» было решено организовать на рязанской земле, неподалеку от села Красного — там находится Серафимовский скит Сретенского монастыря. Участниками лагеря стали воспитанники школы-интерната города Михайлова. Вожатыми выступили в первую очередь семинаристы, а также студенты других учебных заведений Москвы и Подмосковья. Несмотря на трудности, с которыми мы столкнулись, мы достаточно успешно справились с поставленными задачами. Вместе с тем вскрылись и ошибки, недостатки, которые мы, надо надеяться, оперативно устраняли. Повторюсь еще раз: просчеты неизбежны. Ведь недаром же существует народная мудрость: «не ошибается тот, кто ничего не делает». Мы очень старались тогда, старались ради детей, лишенных родительской заботы и ласки. Поначалу, играя с ребятами на волейбольном поле, участвуя в разных конкурсах, мини-походах, мы видели их лица — не по годам взрослые и печальные — и всячески пытались наладить с ними контакт, подружиться с ними, показать, что существует взаимопомощь, взаимопонимание. В результате общая молитва, трапеза, туристические походы, кружок по альпинизму, познавательные экскурсии и многое другое сделали свое дело — дети открылись. Они стали добрей, вежливей, культурней и... скажу честно, мне было жалко расставаться с ними. Любовь к ребятам, нерушимая вера, надежда на благополучный исход нашего проекта стали залогом тогдашнего успеха. Студенты и воспитанники интерната до сих пор с восторженной теплотой вспоминают о тех летних днях.

— Как вам вспоминается поездка по Сибири и Дальнему Востоку по окончании третьего курса?

— Знаете, я вообще очень люблю вспоминать — это приносит необычайную радость, которая в данном случае умножилась на мое давнее желание побывать на Байкале. Фотографии

В летнем лагере

В поездке на Байкал

с его видами небывалой красоты я увидел у моего семинарского друга, который живет в Иркутске. И вот Господь даровал мне эту возможность. Почти полгода я и мои товарищи обдумывали план нашего путешествия, размышляли о культурно-паломнической программе. Обозначив наши цели и задачи, мы связались с духовенством Иркутской епархии, благодаря которому побывали не только в храмах города, но и посетили церкви и достопримечательности области. Ехали до места целых пять дней, но этот долгий путь только укрепил нашу дружбу.

Посетив по дороге Омск, Новосибирск, Красноярск и другие города Сибири, мы наконец прибыли в Иркутск. Остановившись в доме родителей нашего товарища, мы встретились с руководителем миссионерского отдела Иркутской епархии протоиереем Вячеславом Пушкаревым, который организовал нам автобусную экскурсию на остров Ольхон. Но сначала мы посетили храмы города Иркутска и приложились к мощам святителя Иннокентия, просветителя иркутской земли, затем направились по течению вдоль русла реки Ангара и прибыли на Байкал. Здесь нас ждала экскурсия по исследовательскому музею озера Байкал, восхождение на смотровую площадку и прогулка на катере «Ракета». Так долгий путь и масса ярких впечатлений привели нас к чудному острову Ольхон, на котором находится православный храм.

Ольхон — довольно известное место, которое привлекает к себе огромное количество туристов. Нас тепло встретили друзья батюшки Вячеслава. На следующий день была совершена Божественная литургия. А параллельно шел... шаманский праздник. Разумеется, православные священнослужители не могли не совершить молебен о спасении Русской земли от злых духов, — молебен, который прославлял Пресвятую Троицу и свидетельствовал о Боге. Вот такой показательный эпизод!

По возвращении с острова Ольхон нас ждала экскурсия по старой Кругобайкальской железнодорожной магистрали, после мы побывали в Тункинской долине (в Республике Бурятия), где в это время базировался летний православный лагерь «Роднички». Его организаторы с большой радостью встретили нас, а дети показали нам свои великолепные концертные номера. Этот теплый и душевный прием не забыть никогда.

С той поры прошло уже два года, многие из участников поездки закончили семинарию.

Но воспоминания о тогдашнем паломничестве живут в наших сердцах и радуют нас, несмотря на расстояния, которые нас разделяют.

— Будучи студентом пятого курса, вы побывали в Пекине…

— Наш семинарский хор пел на освящении храма в честь Успения Божией Матери, который находится в Пекине, на территории посольства России.

Путь в китайскую столицу был долгим, наполненным интересными событиями и встречами. Удивительно, как широка наша Россия, как велика она в своих просторах! У нас была остановка во Владивостоке, где нас встречало местное духовенство. Осмотрев достопримечательности и святыни Владивостока, вечером того же дня мы вылетели в Пекин.

И вот мы участвуем в чине освящения храма, который полвека был закрыт. Я не в состоянии описать свои чувства в тот момент, когда зазвонили церковные колокола. Вокруг посольства собрались сотни китайцев. Все как будто свидетельствовало: вновь вернулись те времена, когда голос Русской Православной Церкви возвещал китайской земле о радости Воскресения Христова…

А далее была насыщенная культурно-ознакомительная программа. Особенно запомнился летний парк императора, посещение ресторана, где мы пробовали весьма экзотичные блюда китайской кухни. Но впереди нас ждало чрезвычайно ответственное выступление в российском посольстве. По окончании концерта мы почувствовали, что привезли русским людям, которые живут в Китае, радость. Радость, которую подкрепляла наша любовь к Родине. Свидетельствуя о Православии и русской культуре, мы явились своеобразными трансляторами национальных традиций, прежде всего, музыкально-песенных. Нас встретили с огромным воодушевлением, а проводили под бурные аплодисменты. Удивительная поездка и удивительные впечатления!

— Чем занимаются семинаристы в свободное от учебы и послушаний время?

— Многие наши ребята в свободное время читают духовную литературу, немало семинаристов занимается спортом, мы ходим в музеи, библиотеки, совершаем паломничества по святым местам города Москвы. К тому же в начале своего обучения я любил проводить свое свободное время в столярной мастерской, изготавливая из древесины рамки для икон.

— Подводя итоги нашей беседы, ответьте: что дала вам семинария?

— Семинария дала мне самое главное — она заложила фундамент духовной жизни. В его формировании деятельно участвовали руководители нашей духовной школы, любимые преподаватели и братия Сретенского монастыря, за что им низкий поклон. Сретенской семинарии несказанно повезло — она находится при монастыре. И это формирует особенный дух нашего учебного заведения. Несомненно также, что здесь для всех находятся возможности для развития и ума, и духа. Большую роль в нашем становлении играют духовники, которые и наставят, и укрепят. А самое главное — мы каждый день имеем возможность наблюдать за священнослужителями, общаться с ними, обретая неоценимые образцы пастырства. Семинария подарила мне мир, тишину в сердце, укрепила любовь к Богу и людям, я получил большое количество богословских знаний. У меня была возможность увидеть мир во всем его разнообразии. Наши паломнические поездки, которые организуются далеко не в каждой духовной школе, показали мне всю богатую полноту Православной Церкви. Я еще раз хочу поблагодарить администрацию нашей семинарии, ее профессорско-преподавательскую корпорацию, насельников монастыря, которые на протяжении пяти лет, не жалея времени и сил, воспитывали в нас православных людей.

— Геннадий, что бы вы пожелали будущим студентам Сретенской духовной семинарии?

— Хочется пожелать ребятам сил, непоколебимой веры, любви к ближнему и Богу. Не надо расстраиваться из-за неудач, касающихся обучения. Нужно брать пример с преподавателей, которые своим упорным трудом и беззаветным упованием на Божию волю, достигли больших успехов и при этом не навредили своей душе. Необходимо опираться на советы духовников и братии монастыря, которые неустанно молятся о нас. Ни в коем случае нельзя позволять себе лениться, нужно использовать каждую минуту на пользу своего духовного развития и нести свои послушания с усердием. Ведь все мы должны помнить слова пророка Иеремии: «Проклят, кто дело Божие делает небрежно» (Иер. 48: 10)

«Семинария укрепила мой дух, научила быть стойким во мнении и при этом понимать людей»

Денис Павлов

Еще до того как я родился, мой отец помогал в передаче Церкви и восстановлении большого храма Трех святителей (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста), что находится в крымском городе Симферополе. Будучи художником, он участвовал в росписи и реставрации фресок, а во время богослужений читал на клиросе. После долгих лет запустения храм находился в ужасном состоянии, но отец со своими друзьями и единомышленниками в годы перестройки восстановил его. В год моего рождения настоятель церкви походатайствовал перед правящим архиереем о рукоположении отца. И он в течение двух с половиной лет прослужил диаконом в храме Трех святителей. Затем его возвели в сан иерея.

Понятно, что я посещал храм Трех святителей с младенчества. С семи лет пономарил, читал и пел на клиросе. Специально для меня был сшит маленький стихарь, а архиепископ благословил даже на ношение ораря.

Через несколько лет отца, уже протоиерея, перевели на приход, в храм Николая Чудотворца.

В остальном моя жизнь протекала обыкновенно: я учился в городской гимназии и получил полное среднее образование. Занимался спортом: атлетикой, боксом, борьбой. По окончании школы работал на стройке нового храма Николая Чудотворца, который отец возводит на берегу Черного моря, в курортном поселке Николаевка.

Когда пришло время, выбрать для себя будущее поприще, принять решение мне помог мой отец: он убедил меня, что нужно идти по его стопам. В детстве я и сам мечтал однажды сослужить с ним у Святого Престола. И все же поначалу я ему прекословил, но потом смирился, поняв, что на все воля Божья

Несмотря на все трудности, свой выбор я сделал осознанно. Я знал, что хочу служить Господу нашему, чтобы стать мостом спасения в Царствие Небесное для людей, чтобы совершать

У входа в трапезную

великое и непостижимое Таинство Евхаристии. Несомненно, я пришел в семинарию и затем, чтобы получить духовное образование, восполнив тем самым пробелы в своих знаниях.

Вступительные экзамены прошли с легкостью, я совсем не волновался, уповая на волю Господа. Помню только, что немного запутался, когда архимандрит Тихон (Шевкунов) — ректор Сретенской духовной семинарии — спросил меня что-то по Новому Завету, но, собравшись с мыслями, я все же ответил правильно...

Ярко запечатлелось в моей памяти то летнее время, когда я приехал в Сретенский монастырь для поступления в духовную школу. Отчетливо помню, как нас поселили в комнаты, как мы работали, как молились на Литургии в храме — это был своеобразный испытательный срок. В трапезной каждый день нас ждал настоящий пир: огромные персики, семга и красная икра. В тот период мне понравилось буквально все. После поступления в семинарию я приехал домой в восторге...

Когда начались учебные будни, мне предстояло столкнуться с трудностями семинарской жизни. В начале тяжело было привыкнуть к новой обстановке закрытого заведения. Непросто было соблюдать положенный режим, который, несмотря на свою однообразность, отличается нестабильностью: к примеру, подъем семинаристов осуществляется в разное время. Давало о себе знать и фактическое отсутствие выходных дней. Безусловно, поначалу я очень сильно тосковал по дому, родным и друзьям. Нелегко было и в учебе, не хватало времени на самостоятельное изучение материала и домашние задания, к тому же у нас было достаточно много послушаний: мы убирали монастырскую территорию, здания, работали на книжном складе.

На первом курсе я нес послушание помощника садовника. Мы трудились с иеромонахом Клеопой (Даненяном). Мне нравилось ухаживать за прекрасными цветами, кустарниками, деревьями в небольшом монастырском саду.

Позже я был переведен на так называемые общие послушания. На пятом курсе меня поставили старшим по территории: я распределяю и контролирую работу студентов младших курсов. Чтобы ни случилось, я всегда старался исполнять порученные мне задания своевременно и добросовестно.

Свободное время я старался проводить с пользой. При поддержке проректора — иеромонаха Иоанна (Лудищева) — и помощи друзей мы оборудовали тренажерную комнату. Там я проводил часть свободного времени. Конечно, в семинарские годы я прочитал много книг. Иногда рисовал, гулял по Москве. Бывало, что, собравшись с друзьями, смотрели какой-нибудь хороший фильм. А вообще-то, у семинариста не так уж и много свободного времени.

Не буду скрывать, что на протяжении пяти лет у меня возникали трения с окружающими людьми, в том числе и с дежурными помощниками проректора. Помню, я не ладил с одним из них. И вот он пригласил меня к себе на чай, у нас случился очень искренний разговор, в результате которого мы изменили отношение друг к другу — в лучшую сторону, конечно. Теперь я даже исповедуюсь у этого батюшки. Я убежден: над стабилизацией взаимных отношений мы должны работать все вместе. И тогда с Божией помощью все конфликтные ситуации будут сводиться на нет.

Вообще, в семинарии я обрел много новых товарищей, с некоторыми мы сдружились еще в абитуриентскую пору. Их общение было для меня всегда приятным и полезным, я знал, что они обязательно придут на помощь. Нашел я здесь друзей, которые мне особенно близки и дороги. Надеюсь, что после выпуска мы не потеряем общения друг с другом.

Находясь в семинарии, не забывал я и своих светских друзей, отношение которых ко мне никак не поменялось в связи с местом моей учебы. С ними я общаюсь с первых классов школы. Они знали о том, что я православный верующий, и мое мнение всегда считалось для них значимым. До сих пор мы собираемся вместе, как и раньше, беседуем, отдыхаем. Многие из ребят ходят в храм. Есть среди нас и мусульманин. Мы, храня наши отношения, с большим уважением относимся к религиозным чувствам друг друга.

В свободное время

Возьму на себя смелость заявить, что профессорско-преподавательская корпорация Сретенской семинарии состоит из светил духовной и светской науки. Хочется отметить, например, одного из самых ярких наших преподавателей — профессора, протоиерея Максима Козлова; его лекции были замечательно познавательными, особенно по пастырскому богословию. Иногда он любил остро подшутить над нерадивыми учащимися, зачастую выказывал строгость. Я очень рад, что отец Максим выступил руководителем двух моих курсовых сочинений, а также дипломной работы. Их я писал с большим интересом и старанием. Так, на четвертом курсе я, в рамках дисциплины «Сравнительное богословие», подготовил работу по теме «Архиепископ Марсель Лефевр и современное состояние католиков-традиционалистов», а на третьем — раскрыл вопросы, связанные с началом понтификата Бенедикта XVI. Данную тему отец Максим

Зимой в Сретенском монастыре

предложил мне исследовать более подробно в дипломном сочинении.

Нельзя не упомянуть Олега Викторовича Стародубцева. Студенты его уважают, поскольку он относится к ним с пониманием и самое главное — на его лекциях никогда не бывает скучно. Профессор Алексей Иванович Сидоров — бодрый, веселый, строгий, но справедливый преподаватель. Отцы Олег Корытко, Николай Данилевич — одни из самых уважаемых преподавателей нашей духовной школы. Их лекции всегда исключительно интересны. Обязательно нужно сказать об отцах Андрее Рахновском и Александре Задорнове, ведь они любимы, пожалуй, всеми семинаристами. Очень познавательными были занятия по практическому руководству для пастыря, которые вел отец Алексий Круглик.

Одной из непременных составляющих нашего учебного процесса является подготовка и произнесение проповедей. Впервые я проповедовал в трапезной, после вечерних молитв. Немного волновался по поводу того, что мои слова могут не дойти до сердец слушателей. Но меня одобрили, и я получил отличную оценку.

Любой учебный курс заканчивается либо экзаменом, либо зачетом. Вопреки общепринятому мнению, я думаю, что сессия — самое замечательное время для любого студента, поскольку на экзаменах и зачетах проявляются настоящие знания и возможности учащихся. Слава Богу, я в период сессий не испытывал серьезных трудностей, никогда не зубрил. Не было у меня и учебных задолженностей: искренне помолившись, я все сдавал с первого раза. Шпаргалки я всегда рассматривал как резервный вариант — на тот случай, когда не знаешь вообще ничего.

Негативных воспоминаний от сессий у меня не осталось, видимо, прежде всего потому, что наш курс был очень сплоченным, и на экзамене никто и никогда не оставлял товарища в беде — все старались помочь друг другу.

Краеугольным камнем семинарской системы является духовное воспитание. По моему мнению, духовная жизнь учащегося должна складываться в первую очередь из участия в Таинствах Исповеди и Евхаристии. К ним человеку — осознанно и добровольно — следует приобщаться как можно чаще, ведь от этого зависит его духовное здоровье. Нельзя пренебрегать семинаристу и личной искренней молитвой. Да, мы все вместе вычитываем утреннее и вечернее правило, но зачастую делаем это рассеянно: одни думают о сне, другие — о предстоящем опросе или итоговой контрольной работе. Поэтому каждый студент, руководствуясь собственной совестью и возможностями, должен совершать молитвенное правило самостоятельно, помня, что молитва — это общение с Богом. Без молитвы и Таинств нет духовной жизни. А без нее душа мертва.

Очень много для верующего человека дают паломничества по святым местам. Так, мне никогда не забыть поездку в Иерусалим, которая была организована для нас руководством семинарии. За несколько дней мы прикоснулись к величайшим христианским святыням, посетили знаменитые храмы, своими глазами увидели места земного пребывания Христа. Впечатлили меня и прогулки по Иерусалиму. Надеюсь, что Господь сподобит меня посетить Святую Землю еще раз...

Немаловажными для литургической жизни, духовного развития семинаристов я считаю и совместное празднование памятных событий. Разумеется, самыми торжественными праздниками являются Пасха, день памяти священномученика Илариона и Владимирской иконы Божией Матери. Так вышло, что указанные даты всегда связаны еще и с окончанием сессии, каникулами. Этим праздникам студенты радуются вдвойне. Поскольку учащиеся не только вместе молятся за богослужением, приобщаются Христовых Таин, но для каждого из них празднование приобретает еще и личный характер: кто-то выпускается, у кого-то наступает учебный экватор, кто-то удачно сдал свою самую первую сессию.

К семинарским праздникам можно также отнести дни рождения и именины студентов. Виновники торжества собирают всех своих друзей, готовят угощение. Эти вечера пронизаны общей, теплой радостью.

Если отвечать на вопрос о том, что дала мне семинария, нужно прежде всего назвать добротные знания. Несомненно, что пройденные годы развеяли множество иллюзий. Безусловно и то, что семинария сформировала новый взгляд на жизнь. Здесь я понял, что такое иерархия, что нужно искоренять свои страсти во благо общему делу, нужно стяжать смирение и уничтожать гордыню. Семинария укрепила мой дух, научила быть стойким во мнении и при этом понимать людей.

Таким образом, завершая свое образование, я понял, что, претерпев трудности студенческой жизни, с чем-то смирившись, что-то переоценив, подчас кардинально, стал сильнее — и духовно, и телесно.

Главным событием пяти семинарских лет можно считать хиротесию. После пострижения ты со всей отчетливостью — такой новой и такой весомой — начинаешь осознавать всю серьезность церковного служения, на пути которого ты отныне стоишь. Теперь ты чтец — настоящий служитель Церкви. Ты понимаешь, что это ступень к священнослужению — к предстоянию перед Святым Престолом и совершению Божественной Литургии. Конечно, пути Господни неисповедимы, но все мы должны укрепляться надеждой и упованием на всемилостивую волю нашего Спасителя.

Хиротесия во чтецы

Моя семинария

Иван Коханов

Иван, скажите, почему вы поступили в семинарию? Что повлияло на ваше решение получить духовное образование?

— Большинство людей, которым случается познакомиться с семинаристом, почти всегда задают один и тот же вопрос, который звучит примерно следующим образом: «Почему вы решили поступить в семинарию?» Действительно, вопрос закономерный, однако, задумываясь над ним, порой приходишь к выводу, что очень сложно дать точный и исчерпывающий ответ. Поэтому, часто ловлю себя на том, что либо стараюсь отделаться какой-нибудь общей фразой, что-то вроде «так получилось», или «так сложилась моя жизнь», либо ударяюсь в воспоминания о «похождениях» своей юности. Однако только одна вещь остается неизменной, и с каждым годом постигаешь ее все больше — это то, что в желании и решении человека стать священником присутствует не только его волеизъявление, но, главным образом, действие Божьего Промысла. Проходит время, многое в жизни меняется, одно событие сменяет другое, порой ты просто теряешься в круговороте дней, но, оглядываясь в прошлое, осознаешь: во всем тебя ведет Господь, и Его невидимая рука поддерживает и направляет тебя в жизни. Можно просто рассуждать об этом с умным видом, или верить в это умом и сердцем, но очень часто осознание этого чуда происходит гораздо позже. Словно, оглядываясь назад, ты удивляешься и как бы говоришь себе: «Как это так все получилось? Ведь все так ровно проходило, никаких преград не лежало у меня на пути», — а затем, проанализировав события, понимаешь, что всего этого могло бы не быть, если не было бы на то воли Божией...

Не хочется повторяться, однако нельзя не вспомнить о том, что как когда-то Господь Иисус Христос призвал своих учеников на апостольское служение, так и в наши дни Он призывает на это служение своих верных сынов. Вообще, понятие «призвание» занимает

важное место в христианской жизни, ибо каждый христианин призван идти по пути спасения. При этом служение Богу довольно разнообразно, и каждый христианин имеет определенное призвание в своей жизни. Кому-то определен монашеский путь, кому-то — женатое священство, кому-то — миссионерское делание, работа врача, инженера. И продолжать этот список можно бесконечно, как говорится у всех «плоды и дарования различны»...

— По вашему мнению, какие задачи стоят перед духовной школой? Что учеба в семинарии дала лично вам?

— Я бы сказал, что семинария помогла мне разобраться в себе, в своей жизни и устремлениях, и решить наконец, пойду ли я путем священнического служения Богу и людям. Несомненно, что главная задача семинарии заключается в подготовке молодого человека к священническому служению, и это не является каким-то секретом или новостью. Однако я бы добавил, что помимо этого семинария решает еще несколько задач: это школа, которая формирует у молодых людей взгляд на жизнь, помогает расти духовно и умственно, сообщает опыт христианской жизни, способствует воспитанию характера. Я бы назвал это основными моментами, на которых строится жизнь студента в стенах духовной школы.

— Да, есть над чем задуматься... Расскажите, пожалуйста о вашей учебе, что запомнилось, какие особенности вы могли бы отметить? Вообще, сложно ли учиться в семинарии?

— Когда человека просят рассказать о времени, проведенном в вузе, техникуме, семинарии по прошествии нескольких лет, то обычно вспоминаются самые яркие моменты и ключевые события. Когда же приходится делиться тем, что еще так свежо в памяти, что происходило совсем недавно, как ни парадоксально, сталкиваешься с серьезной проблемой. Впечатлений и событий так много, что не хватает ни времени, ни сил рассказать обо всем, ибо воспоминания просто переполняют тебя.

Разумеется, в семинарии учиться нелегко. И дело здесь не только в количестве и объеме изучаемых дисциплин. Вся сложность заключается в том, что, поступив в семинарию, молодой человек из обычного, домашнего уклада жизни попадает в совершенно иной мир, иные жизненные реалии. Пребывание в семинарии можно охарактеризовать как нечто среднее между армейской службой и монастырской жизнью. К тому же имеет большое значение то, что еще в девяностые годы в семинарии поступали молодые люди в возрасте примерно от двадцати лет и старше (то есть после службы в армии или учебы в светских вузах). Однако сейчас в стены духовных школ приходят юноши лет шестнадцати-семнадцати — сразу после получения среднего образования. Представьте себе, как сложно вчерашнему школьнику (пускай первокурсники и абитуриенты на меня не обижаются) перестроиться на новый жизненный ритм. Семинарская нагрузка колоссальна — не буду этого отрицать. И порой сам удивляешься: ну куда только время уходит? Наваливается много всяких дел, и больших и не очень, и порой в их круговерти проходит весь день. Помню, когда я учился на начальных курсах, то почти каждый вечер занимался после отбоя — то есть отпрашивался у дежурного помощника, брал книжки под мышку и шел в аудиторию. И нередко засыпал с этой книжкой в той же аудитории. Однако это время, наверное, было самым подходящим для учебы — кругом тишина, все (ну, или почти все) спят, никто тебе не мешает: сиди себе, читай, или делай латынь на завтра, или, на худой конец, пиши сочинение...Понятно, такие «посиделки» сказывались на общем физическом состоянии. И тогда, посмотрев на меня, прихожане Сретенского монастыря могли бы сделать не слишком приятное заключение: семинарист — это такое вечно жующее, сонное, унылое существо с заспанными красными глазами (это я шучу, конечно).

— А как складывались ваши отношения с другими студентами, были ли какие-нибудь сложности?

Очень непростым и то же время очень нужным для меня моментом семинарской жизни было то, что я обычно называю «притиркой характеров». Когда я поступил на первый курс, я, честно сказать, был довольно категоричным и ригористично настроенным юношей. Разумеется, в первую очередь я был строг к себе, однако и собратья-студенты не ускользали от моего пристального внимания. Нет, разумеется, я почти не делал никому никаких замечаний, однако составлял о человеке определенные представления. Причин такого моего поведения было несколько, однако я назову только

одну. Заключалась она в том, что я поступил в семинарию после окончания автомобильно-дорожного колледжа, где учиться мне было довольно непросто. Сложности заключались главным образом в том, что годы учебы в колледже пришлись на время моего становления как христианина. Тогда я был еще новопришедшим в Церковь юношей, и вел, так сказать, довольно «активный образ церковной жизни». Я трудился в своем приходском храме почти каждый день с утра до вечера — помогал с ремонтом, работал сторожем, пел и читал на клиросе. В общем, мне было не до учебы. Вспоминая то время, часто удивляюсь, как тогда я все успевал, а если что-то и не получалось сделать вовремя, я все равно умудрялся сносно учиться, хотя и регулярно сдавал задолженности. В группе мне была отведена роль инакомыслящего человека, поэтому отношения с ребятами особо не клеились, ограничиваясь лишь рамками колледжа. Мои сокурсники знали, что я верующий, но на это обычно никак не реагировали — ни хорошо, ни плохо. Просто никак. Короче говоря, поступая в семинарию, я ожидал встретить здесь только святых людей. И те, кто не подходили под этот строгий критерий, подвергались моему внутреннему суду. Конечно, такое наивное «юродство» довольно быстро покинуло меня. Хотя бы потому, что я стал жить в комнате с тремя моими сокурсниками.

Все мы были очень разными: и характерами, и интересами, и предпочтениями. Но всех нас объединяли две вещи — вера в Бога и желание стать Его служителями. Известно, как непросто жить человеку в большом социуме. Однако поверьте, еще сложнее жить вчетвером в одной комнате — и трудностей здесь встречается просто миллион. И потому для мирного сосуществования каждому приходится ломать себя, свои привычки, заставлять делать то, к чему не привык. Однако в итоге получаешь то, что и должен был получить: друзей и жизненный опыт. Знаете, находясь в семинарии, учишься — именно учишься — не осуждать. В прямом смысле. Ведь поводов к осуждению в таком тесном сообществе всегда предостаточно. К тому же может сказаться усталость, вчерашняя двойка по логике, выговор от отца проректора. И вот тут наступает настоящая внутренняя борьба: буду ли я предавать внутреннему суду своего

Поломничество в Китай

У соборного храма Сретенского монастыря

собрата, или же забуду о его ошибках и постараюсь все простить? Те, кто учатся в семинарии или учились когда-нибудь, поймут, о чем я говорю. Я уверен, что этот семинарский опыт остается на всю жизнь. И каждый из нас, возможно, уже будучи облечен священным саном, тысячу раз подумает, прежде чем осудить кого-то, будь то сослужитель-священник, или прихожанин.

— Какие послушания вам довелось нести в семинарии?

Если говорить о послушаниях, которые мне довелось проходить во время моей учебы, то хочу сразу заметить, что, помимо всех общих послушаний, было два основных, которые буквально перевернули мою жизнь. Первым из них был хор. Почти с начала первого курса я начал петь в семинарском хоре — и продолжаю петь в нем сейчас. Хор стал той дверью, что впустила меня в новый, малознакомый мир церковной красоты, величия и мелодики православного богослужения. Разумеется, дома у меня были кассеты с записями хора Московской Духовной академии и семинарии, я что-то слышал про архимандрита о. Матфея (Мормыля) и очень любил церковное пение. Но, восторгаясь записями хора отца Матфея двадцатилетней давности, я никогда и не мечтал, что когда-нибудь буду петь в подобном церковном хоре и буду исполнять такие же песнопения.

Через год меня приняли в хор Сретенского монастыря (у нас его называют Большой хор) — это было для меня еще большим подарком — ведь о таком можно было только мечтать, по моим соображениям. Это много мне дало. Могу смело сказать, что во многом регент семинарского хора Александр Викторович Амерханов и регент Большого хора Никон Степанович Жила были для меня теми примерами, от которых я старался брать только самое лучшее и применять на практике. Учась на 2-м курсе, мы с друзьями скооперировались и создали свою певческую группу в количестве пяти человек, где я впервые начал регентовать. Мы все очень старались: учились петь по нотам, петь гласы, держать свою голосовую партию, разбираться в Уставе, организовывали спевки. Всех нас объединяло одно желание: мы хотели создать что-то свое, индивидуальное,

На празднике воскресной школы

небольшое — в общем, свой квартет. Это, действительно, объединяло.

Безусловно, пение в церковном хоре — это такое же богослужебное послушание, как и все остальные. Однако от того, что и как поется на службе, зависит молитвенный настрой священника и молящихся в храме людей. Пение не должно отвлекать от молитвы, а наоборот, должно ей способствовать. Поэтому такая большая ответственность лежит на регенте — человеке, который управляет хоровым механизмом, приводит в движение все струны этого сложного инструмента человеческих голосов.

— Еще вы работали в воскресной школе при Сретенском монастыре…

— Да, вторым послушанием, которое стало для меня своего рода глотком живой воды, была воскресная школа. Это, без преувеличения, второе чудо в моей жизни, после чуда обращения к Богу.

Школа… Когда начинаешь вспоминать, с чего она начиналась тогда, в 2006 году, и какой она стала теперь, то просто не веришь своим глазам и ушам… Конечно, я не был ни первым, и ни последним преподавателем в воскресной школе, однако, можно сказать, что ее рождение в нынешнем виде происходило буквально на моих глазах.

Когда отец Ириней (а тогда еще студент 5-го курса — Иван Пиковский) предложил мне преподавать в воскресной школе, мне было очень сложно определиться. С одной стороны, я понимал, что не имею ни опыта, ни квалификации для работы с детьми, а с другой — было большое желание работать в школе. Пускай даже не преподавать, а просто чем-нибудь помогать. Мне очень хотелось пообщаться с детьми, узнать о них побольше: что это за народ такой — дети? Конечно, в чем-то эти мотивы можно назвать эгоистичными, но одно мне было ясно: я действительно хотел этого всем сердцем и умом.

Занятия с ребятами проходили по субботам, с пятнадцати до шестнадцати часов. Каким же счастливым я уходил из школы после очередного проведенного урока! Общение с детьми давало мне жизнь, я словно заражался их жизнерадостностью, непосредственностью и оптимизмом. Действительно, дети обладают такой способностью: они умеют прощать, любить, искренне выражать свои чувства. Недаром Господь Иисус Христос сказал, чтобы мы были подобны детям — разумеется, не в их шалостях и капризах, а в открытости сердца и непосредственности любви. Временами было нелегко, даже казалось, что ничего не получается и урок прошел впустую. Однако сейчас мне

кажется, что ничего не прошло впустую — все дало свои плоды: ведь иногда ребенку нужны не столько знания, сколько понимание и внимание взрослых. И одна из задач воскресной школы — сообщить ребенку атмосферу любви и понимания, чтобы школа была тем местом, где его всегда будут ждать. Наверное, одна из самых сложных вещей в жизни — заслужить чье-либо доверие, и я благодарен своим ученикам за оказанное мне доверие, за их поддержку и энтузиазм. Это многого стоит. Мне кажется, преподавание в воскресной школе — первая ступень на пути подготовки к пастырскому служению. Меня спросят, почему? Да потому, что как священник несет ответственность за людей, за их души, так и христианский преподаватель всегда несет большую ответственность за порученных ему детей. В первую очередь, ответственность за врученные ему детские души. Существует ведь такое правило, которое можно назвать также заповедью христианского педагога: «Не навреди». Вот в этом-то и состоит серьезная ответственность: не навредить детским душам, не посеять в них маловерие и лицемерие, а наоборот, помочь им укрепиться в вере, сохранить ее, чтобы, став старше, они сделали сознательный выбор в сторону Христа и Его Церкви.

— Сейчас вы уже заканчиваете пятый курс семинарии. Наступает время подводить итоги…

— Подводя итоги моего пребывания в семинарии, могу сказать, что я пришел сюда мальчиком, а ухожу мужчиной. Это не хвала себе любимому, а просто констатация факта. Слишком много произошло здесь со мной, я многому научился, многое понял и осознал. Мне кажется, что тот задел, который произведен здесь, должен будет в дальнейшем разрабатываться каждым из нас в той или иной мере уже самостоятельно.

Еще семинария дала мне друзей. Настоящих друзей. И это не высокие слова, это реальность. Я знаю, на кого в жизни могу положиться, кто никогда не подведет и явится по первому зову, если вдруг это понадобится, — это мои друзья. Само собой, что в трудную минуту также поступлю и я — это называется и всегда называлось словом «дружба», но подразумевается более глубокое понятие — «христианская любовь».

— Какими будут ваши пожелания нынешним и будущим студентам семинарии?

В паломнической поездке

— Знаете, мне часто вспоминаются слова нашего ректора, отца архимандрита Тихона (Шевкунова), сказанные как-то нам, когда мы учились еще на втором курсе. Так вот, он сказал примерно следующее: «Не забывайте о чувстве благодарности. Если вы научитесь быть благодарными тем людям, которые делают нам добро, вы научитесь быть благодарными Богу. При этом одного без другого просто быть не может — это закон христианской жизни».

Из моего небольшого опыта могу посоветовать братьям-семинаристам: братцы, дорожите вашими друзьями и духовными наставниками, цените ваши годы учебы здесь, наполняйте их максимально интересными и полезными делами, не давайте себе особенно расслабляться — все это очень пригодится в жизни. И, конечно, не теряйте оптимизма и веры в добро!

«Человек, который не приемлет дисциплину, не может обучаться в духовной школе»

Гурий Балаянц

До поступления в семинарию я закончил военно-технический университет. Было в моей жизни и такое совершенно замечательное время, когда я работал водителем у митрополита Питирима (Нечаева). От общения с владыкой у меня остались самые теплые и приятные воспоминания, которые я бережно храню в своем сердце.

Очень часто людей, которые решили получать духовное образование, спрашивают об отношении к их выбору родителей и друзей. Мои папа и мама — верующие и воцерковленные люди, которые всегда давали мне полную свободу действий. Хотя, узнав о том, что я поступаю в семинарию, улыбались, поскольку немного сомневались, что я выдержу вступительные испытания и смогу отучиться целых пять лет в учебном заведении особого типа.

А вот друзья удивились моему поступлению в семинарию сильно. При этом они узнали обо всем только через год моего пребывания в духовной школе. И стали часто приходить ко мне в гости, живо интересоваться учебой и бытом семинаристов. Я очень стараюсь поддерживать отношения со своими светскими приятелями, ведь с годами настоящих друзей обрести все сложнее и сложнее.

И еще скажу так: недаром мои родители переживали за то, как я буду сдавать вступительные экзамены в семинарию. Это очень интересная и продолжительная процедура, если сравнивать ее с гражданским вузом. Абитуриенту нужно пройти несколько ступеней. Начинается все с рекомендации приходского духовника. Получив ее, отправляешься записываться на заседание епархиальной комиссии. Именно ее члены определяют, если можно так сказать, первично твою пригодность к обучению в конкретной семинарии. Отстояв длинную очередь в Московской Патриархии (в Чистом переулке) и получив благословение епархиальной комиссии, я стал абитуриентом Сретенской духовной семинарии.

В здании семинарии

Тут экзамены начались прямо с того момента, как я вступил на монастырскую территорию. Кстати говоря, получилось так, что до подачи документов я ни разу не был в Сретенской обители. Конечно, меня поразил ландшафтный дизайн, великолепие цветочных красок. Одним словом, я попал из каменных джунглей в чудеснейший оазис. И, конечно, потрясла меня неповторимая атмосфера Сретенского монастыря.

Из вступительных испытаний лучше всего мне запомнилось собеседование. Оно длилось сорок пять минут. Проходил экзамен в нижней трапезной, где собралась многочисленная комиссия. Я стоял перед преподавателями семинарии и отвечал на самые разнообразные вопросы относительно Священного Писания, молитв и даже личной жизни.

Но я прошел этот экзамен и стал студентом Сретенской школы. Конечно, трудностей — особенно поначалу — было море, но касались они в основном учебы: учиться мне было и интересно, и сложно одновременно. Например, нужно было научиться петь и аккомпанировать на фортепьяно за три занятия. Согласитесь, в двадцать шесть лет — это почти немыслимая задача, которую я решал бессонными ночами.

Из событий первого курса в память врезался день, когда нас благословили надеть подрясник. Произошло это 27 декабря, на всенощной под память священномученика Илариона, мощи которого покоятся в Сретенском монастыре. Благословение на подрясники нашему курсу преподал ректор духовной семинарии — архимандрит Тихон (Шевкунов). Это был очень волнительный момент, который, уверен, впишется в лучшие мгновения жизни. К тому же прошло полгода обучения и начались рождественские каникулы. Все были очень рады тогда и стремились к своим близким, родным, друзьям. Всем, наконец, хотелось немного отдохнуть, поскольку свободного времени у семинаристов совсем немного, распорядок дня чрезвычайно насыщенный и многие на каникулах просто отсыпаются всласть.

Возможно, кому-то это покажется странным, но на втором курсе учиться мне было гораздо труднее, чем на первом. И, слава Богу, что мне, как некоторым абитуриентам, не предложили начать духовное образование сразу со второго курса.

Одним из самых важных моментов третьего года является произнесение проповеди. Забыть это совершенно невозможно! Читал я свою проповедь в храме в один из будних дней. Меня даже тайком приходила послушать мама.

Пятый курс, без сомнения, запомнился тем, что нас, выпускников семинарии, постригли во чтецов. Это трогательный и захватывающий момент, во время которого явно чувствуешь присутствие Божие — как на первом Причастии. Совершал посвящение владыка Евгений,

а наш отец Тихон ему сослужил. И какую любовь, какое соучастие батюшка проявил к каждому из нас. Находясь рядом пытался поддержать каждого за руку или просто с нежностью посмотреть глазами отца на свое чадо.

Да, за пять лет было много радостей, но были и трудности. Взять хотя бы экзаменационные сессии. Это пора усиленного труда для каждого студента. Это период, когда умственное напряжение ничуть не уступает артериальному. А еще... во время сессии нет предела студенческой смекалке в изобретательности.

Иными словами, проблемы — самые разные — довольно быстро разрешались. Во многом благодаря новым друзьям, которых я нашел в семинарии, моим товарищам по учебе, мы нашли общий язык. Да и как его не найти, ведь мы и быт делим вместе.

Хочется поблагодарить всех наших преподавателей, которых я бесконечно люблю, за их высокий профессионализм, педагогическое мастерство и христианское долготерпение.

Образование в семинарии складывается из двух составляющих — учебного процесса и воспитательной работы. Это помогает бороться со сложностями, корректирует индивидуальное поведение и межличностные отношения. Человек, который не приемлет жесткую дисциплину, не может обучаться в стенах семинарии, есть для этого институты, курсы и т.п.

И здесь надо сказать о семинарских послушаниях, которые учат ответственному отношению к делу, умению распределять свое время и взаимодействовать с другими людьми. Я нес послушания банщика. И мне это было совсем не сложно. Мой дедушка был директором банно-физиотерапевтического комплекса в Ставропольском крае. Да и мои родители с детства прививали мне любовь к здоровому образу жизни и уважительное отношение к любому труду.

Кроме того, я достаточно давно занимаюсь профессиональной фотографией, в частности художественной и свадебной съемкой. Мои знания и умения оказались востребованными в семинарии и монастыре. В моем архиве хранится большое количество фотографий, сделанных для издательства, сайта «Pravoslavie.ru» и магазина «Сретение». Немало снимков посвящены счастливым мгновениям жизни семинаристов: свадьбам, дням рождения, крестинам первенцев...

Паломничество на Святую Землю

Понять, что такое дисциплина, семинаристам помогают взаимодействие с дежурными помощниками. Они вникают в обстоятельства студентов, изнутри знают их жизнь. Они ищут и находят оптимальный контакт с семинаристами, которые принадлежат прежде всего к разным возрастным и образовательным группам: у нас учатся и вчерашние школьники, и люди достаточно зрелые, имеющие за плечами высшее образование, облеченные саном. Дежурным помощникам очень непросто, ведь быть отзывчивым и одновременно спрашивать по всей строгости — большая наука.

А еще всем семинаристам важно помнить: жизнь любого христианина должна быть прозрачна для совести. Здесь не может быть ошибок и лазеек. Ведь недаром говорят: «От себя не убежишь»». От проблем можно закрыться, но лишь на короткое время, поскольку их все равно придется решать.

Все семинарии называются духовными. Такое определение, среди прочего, очень точно указывает на первейшую задачу тех, кто вступил на путь пастырства. Слово же «семинария» в переводе с латыни означает «рассадник». Так и выходит, что учебное заведение, где получают богословское образование, — это духовный рассадник, место, где возрастают человеческие души, формируются характеры.

Всему этому, безусловно, способствуют регулярные исповеди у семинарского духовника, который помогает всем идти по избранному пути. Это очень достойные люди, способные по три, четыре часа выстаивать и принимать исповеди прихожан: они и утешают и назидают. В общем, становятся настоящими отцами для воспитанников духовной школы. Атмосфера семейственности является отличительной особенностью общежительного сосуществования и соработничества семинаристов и монастырской братии.

Немало для духовного развития дают и паломничества. Учась в семинарии, я побывал на Святой Земле и привез оттуда незабываемые впечатления и ощущения, которые я вспоминаю с благодарной теплотой в сердце. Говорю огромное спасибо всем, кто был причастен к осуществлению этой паломнической поездки.

Годы, проведенные мною в семинарии были скорее практикой, чем теорией, здесь мне приходилось применять те знания, которые я почерпнул из предыдущего образования и из своей жизни, и, несомненно, то, чему научился здесь. Возможность принимать мужские решения и не бояться отвечать за себя и тех, кто тебе доверился, помогает выработать характер христианина. Любой труд дает свои плоды, только делай... Имей благое намерение и приложи каплю самого себя — и остальное Господь управит и поможет, порой даже неожиданно!

«Мы не имеем права отвернуть человека от Бога»

Георгий Мовчан

В семинарию я поступил сразу после окончания школы. В храме я с самого рождения. С раннего детства пономарил на приходе у моего отца, он священник. Он-то и стал первым человеком, который повлиял на то, что я выбрал духовное образование, причем повлиял не советами, а примером. Мне всегда очень хотелось хотя бы отчасти стать духовно похожим на него, стать ближе к его служению.

Разумеется, в определении жизненного пути мне очень помог мой духовник — отец Филарет, слова и наставления которого чрезвычайно важны для меня.

Некоторое время я хотел пойти учиться в медицинский институт. Но под влиянием духовного отца, который, кстати говоря, по первому образованию доктор, осознал, что эти поприща очень близки. Так что желание стать врачом по профессии изменилось на желание быть лекарем по призванию.

Понятно, что мои родители очень радовались, когда я принял окончательное решение о поступлении в духовную школу. Поддерживали меня и одноклассники, и даже директор школы, которая, как потом выяснилось, тоже ходила в храм и хотела, чтобы ее сын поступил в семинарию, но, так как он пошел по другому пути, весьма трепетно отнеслась к моему выбору. Так что теперь каждый раз, когда я приезжаю домой на каникулы, классная руководитель и директор школы непременно либо звонят мне, либо приходят на чай, и я должен перед ними отчитаться в своей жизни и учебе в семинарии. Иначе говоря, когда я направлялся сдавать экзамены, я чувствовал молитвенную и моральную поддержку многих людей.

Вступительные испытания в семинарии поделены на три части, которые можно охарактеризовать, — конечно, очень условно, — следующим образом. Первый этап — трудовой: жизнь при монастыре и послушания. Вторая

часть — прозаическая: изложение. А вот третья ступень — самая эмоциональная и трудно преодолимая. Это собеседование. Все экзамены заняли пять дней, во время которых мы жили в стенах Сретенского монастыря. Самый первый день моего пребывания в обители оказался и самым ярким. Так как не все ожидали, что по приезде нас сразу поставят на послушания, некоторые, в том числе и я, не взяли с собой рабочую одежду. И нам пришлось трудиться в том, в чем мы приехали. Моим первым послушанием стала чистка парилки наждачной бумагой. Уверен, все, кто прошел через него тогда, будут долго помнить, как мы чистили баню. После трудового дня, полного впечатлений, наступил долгожданный отдых, но, конечно же, никто не смог уснуть от волнения. И часов до трех, чтобы хоть как-то успокоиться и выплеснуть свои эмоции, мы, успев познакомиться, очень активно беседовали, а потом как-то быстро уснули.

Изложение прошло достаточно гладко. А вот собеседование принесло массу эмоций и волнения. Первый человек вышел с этого экзамена только через час, и на него тут же накинулись с расспросами, что да как. Накал страстей был просто невероятным. Но когда я вошел в нижнюю трапезную, где и проходило собеседование, все мое волнение куда-то улетучилось и я довольно хорошо отвечал на предлагаемые вопросы.

И вот я стал студентом Сретенской духовной семинарии. Прожив восемнадцать лет под боком у родителей, я оказался за тысячу километров от них. И, получив свободу и независимость, столкнулся с вполне логичной необходимостью — научиться самостоятельно отвечать за свои действия.

Была и еще одна непростая проблема, с которой мы соприкоснулись еще в абитуриентскую пору: как совместить послушания с учебой и отдыхом. Каждый решал эту задачу по-своему. Мне очень помог один мой однокурсник. Общаясь со мной, он выяснил, что до семинарии я, как и он, помогал выпекать просфоры. Здесь надо указать на то, что, когда мы только начинали учиться, в просфорне работали по списку дежурств — один день. То есть отцу Киприану (Партсу), который отвечает за выпечку, нужно было ежедневно объяснять порядок действий, что было и сложно, и неудобно, а главное — тормозило процесс. И вот мы — я и мой друг — пошли попытать счастья у отца Иоанна (Лудищева), проректора Сретенской семинарии, и оказались на постоянном послушании в просфорне. Данное благословение отца проректора, без сомнения, стало залогом нашей начальной адаптации в духовной школе.

С однокурсниками

Я ни разу не посетовал, что несу послушание на просворне. Прежде всего мне всегда было очень интересно беседовать с отцом Киприаном, батюшкой, который имеет немалый духовный опыт. Работа в просфорне — это механические, повторяющиеся действия: раскатывание, нарезание, печатание, выпечка. Сначала это очень захватывает, а потом может превратиться в рутинную привычку. А это просто страшно, поскольку мы участвуем в изготовлении богослужебных и «народных» просвор, без которых немыслима Литургия. А значит, нужно помолиться и время от времени вносить разнообразие в свою ответственную работу: рассказать житейскую историю, добавить в нее горсть юмора, щепотку дискуссий. И все, с Божией помощью, получится! И пусть иногда мы недосыпали, особенно перед праздниками, когда требовалось сделать три замеса, каждый из которых по времени занимает шесть часов, а начинаем мы работу часа в три после полудня. Арифметика, согласитесь, несложная, и она почти не допускает сна. Но я никогда не жалел и не жаловался.

Конечно, в течение пяти лет многое в семинарии менялось и корректировалось, и к этому приходилось адаптироваться. Но все проходило незаметно и безболезненно. Правда, нередко изменения встречались преизрядным студенческим возмущением, вполне соответствующим нашему незрелому возрасту. Но оно быстро утихало. Ведь семинарская повседневность — это жизнь большой семьи. А в хорошей семье всегда есть родители. У нас это ректор, архимандрит Тихон (Шевкунов), и проректор — отец Иоанн. А еще у нас есть ближайшие родственники — в первую очередь дежурный помощник проректора монах Николай (Муромцев). Именно он очень поддерживает первый курс, помогает новичкам освоиться, но он становится и дланью наказующей, если мы в чем-нибудь провинимся. Я убежден, без дежурных помощников в семинарии никуда. Это отчетливо понимаешь к концу обучения, когда некоторые из них становятся для тебя настоящими друзьями.

Как я уже говорил, с моими будущими сокурсниками я подружился еще при поступлении. Наш курс на то время был самым

большим — двадцать четыре человека, но сплотились мы очень быстро. Сложность состояла лишь в одном: как уживаться друг с другом, ведь многие из нас пришли в семинарию сразу после школы, так что опыта общежития не было. Не буду скрывать, жить, с кем поселят, и не роптать я научился к концу третьего курса. С тех пор некоторые ребята говорили про меня, что я универсальный сокелейник.

Не совсем привычным оказался и распорядок семинарского дня, который находится в прямой зависимости от монастырского ритма. Понедельник, среда, пятница — дни, когда был братский молебен, по вторникам, четвергам и субботам мы сообща вычитывали утренние молитвы. Каждый день перед занятиями нам назначали послушание, потом шли занятия, в час дня — обед. После лекций все вновь расходились на послушания, полдник — в семнадцать часов, потом свободное время — до вечерних молитв, если нет службы, и после молитв до двадцати трех, когда звучал сигнал отбоя. Это общая схема, по которой распределяется учебное и неучебное время в большинстве семинарий.

Понятно, что большая часть дня отводится для аудиторных занятий. Тут мне бы очень хотелось вспомнить наших дорогих преподавателей. Каждый из них был по-своему интересен и запомнился неповторимыми нюансами. Особенно я бы выделил преподавателей догматического и сравнительного богословия — священника Вадима Леонова и протоиерея Максима Козлова. Пусть на их лекциях приходилось много писать, пусть эти предметы являются, пожалуй, самыми сложными в программе семинарии, но их многослойное содержание, сдобренное любовью и юмором преподавателей, становилось легко понятным и без труда воспринимаемым.

Весьма ярким воспоминанием семинарских лет стала моя первая учебная проповедь. Она прошла по известной присказке: первый блин комом. Но мы все учимся на своих ошибках и на преодолении своих страхов. Мне кажется: любому человеку станет не по себе, когда ему нужно будет не просто выйти и что-то сказать, а своим словом научить. Так что буду откровенен: во время произнесения первой проповеди было страшно, колени дрожали, о том, чтобы говорить без бумаги, я даже и не

Чтение в трапезной

думал, поскольку не сумел толком и прочесть написанное, а когда закончил, мой подрясник можно было отжимать.

Нелегко мне давались сначала и письменные работы, которых семинарский план предполагает немало. Нелегко в первую очередь потому, что я, как большинство студентов, откладывал их на последний день, а то и ночь. Так, например, было написано мое первое сочинение. Конечно, на следующий день на лекциях находиться было очень тяжело, поскольку клонило в сон. Я учел свой неудачный опыт и очередное сочинение начал писать в тот же день, когда сдал предыдущее.

Отдельного внимания заслуживают курсовые работы. Мы стали первыми, кто стал их готовить не на четвертом курсе, как раньше, а на третьем. Если сочинение можно было написать от руки, курсовая работа должна быть

напечатана. А так как на нашем курсе учится более двадцати человек, а компьютеров в компьютерном классе всего шесть, мы столкнулись с необходимостью приобрести ноутбуки. После решения этого вопроса нас ждала более серьезная проблема — ГОСТ. Оказалось, написать работу — это полдела, ее еще надо грамотно оформить. А для этого необходимо ознакомиться с правилами объемом в девяносто страниц!

Любой учебный курс завершается аттестацией, то есть зачетно-экзаменационной сессией. Это время, когда все, даже, кажется, самые заядлые лентяи, начинают учиться. И многим для успешного освоения материала, как правило, не хватает ночи, часа, десяти минут. Так что каждый сдавал экзамены, как считал правильным. Не стоит таить: шпаргалками пользовались все — в разной мере, в разных их формах. Я подходил к сдаче экзаменов так: всегда шел первым, без подготовки. Во-первых, когда начинается экзамен, ничего уже в голову не вмещается, а стоять в коридоре с книжкой или тетрадкой в руках бесполезно. Во-вторых, начинаешь сравнивать свои знания с багажом сокурсников, и это заставляет нервничать, а значит, ты забываешь то, что с таким трудом выучил. Посему, чтобы не бояться и побыстрее покончить с экзаменом, сдаешь первым, без подготовки, получаешь оценку и идешь отдыхать. Так проходит сессия — проходит так быстро, что через несколько дней после ее окончания кажется, что она была давным-давно.

Подводя итоги пятилетнего обучения и житья-бытья в семинарии, понимаешь: самое важное, что дала духовная школа, — это умение общаться с людьми. Причем не только в узком кругу. Наше образование было выстроено так, что мы имели возможность широкого, свободного общения с прихожанами Сретенского монастыря, учащимися воскресной школы, воспитанниками Михайловского интерната и др. Это очень важный навык для будущих священников. Наши наставники научили нас помнить правило: «Не навреди». Мы можем чего-то не знать, у нас еще недостаточно жизненного опыта, но мы не имеем права отвернуть человека от Бога.

«Каждый наш миссионерский шаг — это всегда соучастие в Божием Промысле о людях»

Александр Красиков

После окончания средней школы я поступил в авиационную академию в своем родном городе Рыбинске и закончил ее, получив специальность «Инженер-электронщик». У меня было сильное желание поработать по специальности, и я пошел на авиационный завод. Но в скором времени пришло понимание, что свою профессию полюбить я не смогу. По истечении годичного контракта я ушел работать на приход: был пономарем, церковным сторожем. И передо мной во всем величии развернулась новая жизнь.

Тогда же пришла мысль и об учебе в семинарии, чтобы получить знания о церковной, духовной жизни и повысить уровень общегуманитарной подготовки, а главное — чтобы укрепиться в вере и стать ближе к Господу.

В данном вопросе я решил положиться на волю Божию. Мне предстояло понять, есть или нет на мое желание согласие Господа. Разрешил я свой вопрос так: сам о своем желании я никому не говорил, положив, что пойду учиться, если это предложит один из священников, служащих на нашем приходе. В скором времени на Литургии ко мне подошел отец Алексий, к которому я был сердечно расположен, и спросил, есть ли у меня планы получить духовное образование. Тогда я и принял для себя окончательное решение. Для моих родителей оно было очень неожиданным, и приняли они его тяжело, со слезами на глазах. Здесь нужно сказать, что мои папа и мама до сих пор не воцерковлены. И то, что я, их единственный сын, не стал работать по специальности, бросил хорошо оплачиваемую работу, стало для них сильным потрясением. Конечно, теперь они видят, что все у меня складывается благополучно, и потому спокойны за мою судьбу.

Нетрудно догадаться, что довольно резким изменениям подверглись и мои отношения со светскими друзьями — с того момента, как я начал воцерковляться. Мы стали реже общаться, так как нас соединяет все меньше и

На послушании

меньше. Со многими отношения и вовсе прервались, потому что слишком разными мы стали. Но я до сих пор с теплотою вспоминаю о своих друзьях и всегда рад встрече с ними.

И вот мое желание исполнилось — я стал студентом Сретенской духовной школы, где и приобрел настоящих товарищей, единомышленников. Христианская дружба отличается от светского приятельства тем, что общность интересов заключается в самом святом — в вере. А она сильнее сближает и укрепляет отношения между людьми.

Учиться мне было всегда очень интересно, но, к сожалению, никогда не хватало времени на обстоятельное, исчерпывающее изучение какого-либо вопроса, особенно духовного.

При чрезвычайно напряженном ритме жизни в семинарии непросто организовать себя так, чтобы не только хорошо учиться, но и ответственно выполнять послушания. Очень часто не хватало физических сил. Но эта проблема решалась по милости Господа, Который щедро подавал их.

А вообще, расписание семинарской жизни, в котором находится место учебным занятиям, послушаниям, службам, очень плодотворно для души. Человек научается смиряться, терпеть, быть кротким, трудолюбивым, воздержанным, организованным, в том числе и во время краткого досуга, который я проводил обычно в прогулках по улочкам Москвы.

Если обратиться к нашему непосредственному послушанию — учебе, то самым полезными и нужными предметами я считаю Священное Писание и догматическое богословие. Жаль, что преподаватели у нас менялись, что несколько тормозило освоение материала, поскольку приходилось привыкать к новому педагогическому стилю.

Чрезвычайно насыщенными были лекции по патрологии, которые читал Алексей Иванович Сидоров. Он, очень отзывчивый человек, стал близок для многих студентов.

Из учебных эпизодов очень памятно произнесение первой проповеди. Прежде всего стоит сказать об огромном волнении, которое я испытывал тогда. Со временем оно ослабевает, но до конца все равно не исчезает. Переживаешь по поводу текста проповеди, хотя много раз его перечитывал и даже давал на проверку преподавателю, думаешь о том, как себя вести, каким голосом говорить, какие чувства вызовут твои слова у присутствующих. В общем, целая гамма чувств. Конечно, чтобы произносить

хорошие, вразумительные проповеди, нужно иметь богатый духовный опыт и вкус к размышлению. Только при этих условиях твои слова будут полезны людям.

Теперь скажу об экзаменационных сессиях. Придя в семинарию, я дал себе обещание не пользоваться шпаргалками, так как это обман, но все-таки два раза не удержался, хотя потом очень сожалел об этом. Особенно тяжело сдавать летнюю сессию, поскольку экзаменов и зачетов гораздо больше, чем зимой, и срок подготовки к ним минимален.

Другой составляющей семинарского образования становится планомерное духовное воспитание. Студентам-сретенцам повезло — они живут и учатся в стенах древнейшей монашеской обители и имеют возможность жить в ее ритме: утренние и вечерние молитвы (каждый день), полиелейные службы, Всенощное бдение, Литургия.

Важнейшая сторона духовной жизни — познание веры, которое теоретически происходит на занятиях. Но в первую очередь становлению и возрастанию христианской души способствует регулярное участие в Таинствах Исповеди и Причастия. Каждый студент имеет своего духовника, с которым может обсудить самые нужные и важные для него вопросы. Что касается сложностей в духовной жизни, они имеют вневременной характер: как избавиться от тех или иных грехов и страстей.

Здесь, безусловно, очень помогает чтение Евангелия, Нового Завета. И очень обидно, что зачастую на это не хватало ни времени, ни сил. Досадно мало я почерпнул из сокровищницы аскетической литературы. Надеюсь, в дальнейшем мне удастся восполнить эти пробелы.

Свою роль в духовном воспитании играет участие семинаристов в различных миссионерских проектах. Учась на втором курсе, мы проводили просветительские беседы и даже дискуссии в Политехническом музее. Они дали хороший опыт общения с самыми разными людьми — верующими и неверующими. Начиная с третьего курса, мы занимаемся с детьми из Михайловского дома-интерната. Организуем для них уроки православной веры. Летом 2009 года ездили в миссионерскую поездку в Вологодскую епархию. Каждый наш миссионерский шаг — это всегда соучастие в Божием Промысле о людях. Данное понимание всегда приносит необыкновенную радость и счастливое осознание важности каждого сказанного тобой слова.

Кроме того, в моей семинарской биографии было четыре паломнические поездки: по московским храмам, во Владимирскую и Вологодскую епархии, в Санкт-Петербург и на Святую Землю. Каждая из них стала настоящим духовным праздником, интереснейшим знакомством с церковным наследием наших предков. Мне посчастливилось увидеть грандиозные храмы, великолепные иконы, искусные росписи, я мог приложиться к величайшим христианским святыням и молиться перед ними.

Разумеется, ни с чем нельзя сравнить паломничество на Святую Землю. Ты находишься в тех местах, где проходил Господь и где проповедовал, любуешься теми пейзажами, которые видел Он. Перед тобой зримо предстают все евангельские события. Это создает ощущение сопричастности событиям давних лет.

Я очень благодарен руководству семинарии за эти поездки, которые они организовали для нас.

Очень значимым для моей духовной жизни оказался день, когда нас, первокурсников, прошедших начальный семестр, благословили на ношение подрясника. Произошло это на зимнюю память священномученика Илариона, архиепископа Верейского. Тот день я помню до сих пор, поскольку воспринимаю его как важнейшую ступень в приобщении к служению Господу.

Несомненно, что, пройдя семинарию, я стал более укорененным в церковном ритме. Вообще, моя жизнь стала церковной по своему характеру. Расширились мои познания о богослужении, Священном Писании, духовной жизни христианина, о Церкви. Сформировалась внутренняя зрелость, готовность нести различные послушания. Я научился лучше организовывать себя, стал более самостоятельным и постоянным в делах и отношениях...

В середине пятого курса нас посвятили во чтецы. Мы стали настоящими служителями Церкви. Это очень высокое звание, которое нельзя посрамить.

«Духовная школа дала мне возможность жить настоящей жизнью»

Алексей Ковалев

Алексей, как отнеслись ваши родители к тому, что вы решили получить духовное образование?

— Совершенно спокойно. Ведь я с детства пономарил в одном храме и проводил там много времени. К тому же я закончил духовное училище. Поэтому мое решение поступить в семинарию ни для кого не было чем-то новым и неожиданным.

— И все же: насколько осознанным было ваше желание учиться в семинарии?

— Однозначно ответить на этот вопрос довольно сложно. Конечно, я знал, что такое жизнь священнослужителя, знал, что пастырство — это служение, а не работа, после которой можно снять костюм и все забыть. Ведь на священника ложится огромная ответственность за каждого вопрошающего. Но я это только представлял, а не осознавал сполна. Поэтому скажу так: я неплохо знал, на что иду, но до конца не осознавал.

— Расскажите, пожалуйста, о вступительных экзаменах в семинарию.

— Вступительные экзамены, на мой взгляд, не представляли значительных сложностей. Мы писали изложение и проходили собеседование. К вопросам, которые мне были предложены, я был более или менее готов, поскольку все они входили в программу училища.

— Повлияло ли ваше поступление в духовную школу на общение со светскими друзьями?

— Для общения непременно нужны точки соприкосновения. Стоит признать, что со светскими ровесниками у меня их не слишком много. Поэтому и время, которое мы проводим в общении, сокращается. Это, наверное, единственное изменение в межличностных отношениях. При этом они не задают мне вопросов по поводу учебы в семинарии, я же в свою очередь не считаю возможным им что-то навязать.

— Легко ли было привыкнуть к семинарскому распорядку?

— Распорядок распорядку рознь. И, конечно, сложности возникали, но они достаточно

Хоровое послушание

быстро и безболезненно преодолевались. В целом все было великолепно. Могу сказать с уверенностью: все то, что происходило, уже сослужило и, безусловно, сослужит добрую службу, где-то смирило, где-то закалило, где-то умудрило, а главное — преподало ценнейший урок. Ведь семинария — это не только учеба, это пять лет жизни, а может быть, даже отдельная часть жизни, которая была наполнена переживаниями, смутными сомнениями, безграничной радостью и решениями, мудрыми и не очень. В общем, духовная школа — прежде всего полнота событий.

— Наверняка во время обучения вы выделяли для себя отдельные предметы, к которым испытывали особый интерес?

— Мне очень нравилась история — во всех ее многообразных аспектах.

— А какими останутся в вашей памяти преподаватели Сретенской духовной школы?

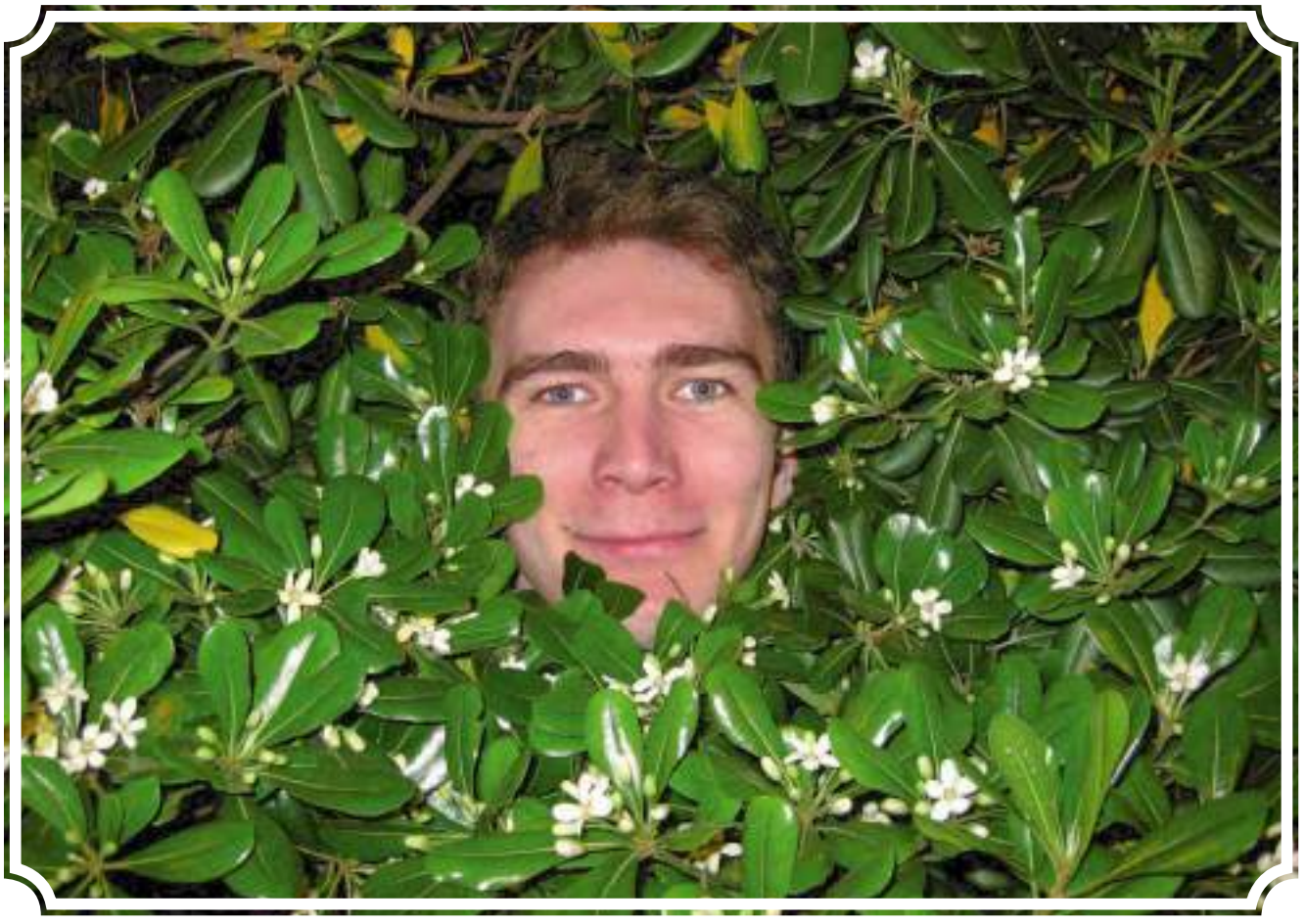
— Бесспорно, каждый из них сыграл определенную, чрезвычайно важную роль в моей жизни. Они щедро делились с нами бесценным опытом, который, уверен, будет востребован в нашем будущем служении Церкви.

— Каковы ваши впечатления от экзаменационных сессий?

— По извечной студенческой привычке от сессии до сессии вроде бы ничего необычного и не происходит. А вот во время экзаменов и зачетов приходится потрудиться. И все же сессии я переживал гораздо легче, чем учебное время. Поскольку подготовка к экзаменам целиком зависит от тебя, от того, как ты распределишь свое время. Находиться же на занятиях было иногда очень сложно, сложно прежде всего физически, особенно с учетом плотного расписания.

— Тогда вопрос о послушаниях. Когда вы были зачислены в хор Сретенской духовной семинарии?

— Обычно прослушивание для вновь поступивших у нас проходит в сентябре, но я это время отсутствовал. И лишь на первой неделе Великого Поста, то есть в середине первого курса, я подошел к регенту семинарского хора — Александру Викторовичу Амерханову — и попросил взять меня в хор. И он не



Паломничество на Святую Землю

задавал мне вопросов, может быть, потому, что я сообщил ему об имеющемся у меня опыте клиросного пения. И с тех пор я пою в нашем хоре. Это действительно уникальный коллектив. Жаль, что подобное осознание приходит во всей полноте лишь тогда, когда совсем скоро покинешь семинарию. Неслучайно, все мои друзья-выпускники, которые тоже пели в хоре, говорят, что они нигде больше не встретили такого коллектива и очень скучают по нему, по уникальной атмосфере, которая сложилась в нем.

— Хор Сретенской семинарии побывал во многих паломнических поездках…

— Да, это так. Расскажу о самой первой и самой запомнившейся нашей поездке. Это было на втором курсе. Тогда архимандрит Тихон (Шевкунов) — наш ректор — благословил нас поехать в Италию. Мы пели тогда очень много служб, в том числе и на буднях (по подгруппам), поскольку хор Сретенского монастыря (Большой хор) был в поездке. За это мы получили поощрение. В ту поездку в Италию мы спели всенощную в храме святителя Николая в городе Бари, а на следующий день — Литургию у мощей святителя Николая, в базилике. Вечером мы сидели на берегу моря, был шторм, и мы смотрели, как волны разбиваются о камни. Это была уникальная возможность пообщаться в необычной обстановке. Посетили мы тогда и сказочный город Альбаробелло, с его небольшими домиками и каменными крышами, чем-то напоминающими юрты. Эта поездка запечатлелась в моей памяти лучше других, может быть, потому, что мы поехали очень дружным коллективом.

— А какие еще послушания вы несли?

— Я пономарил в храме, работал в трапезной, убирал территорию и корпуса. Так называемых постоянных послушаний, кроме хора, у меня не было. Я нес общие послушания. На младших курсах их было больше, потом стало поменьше.

— Как семинаристы проводят свой досуг?

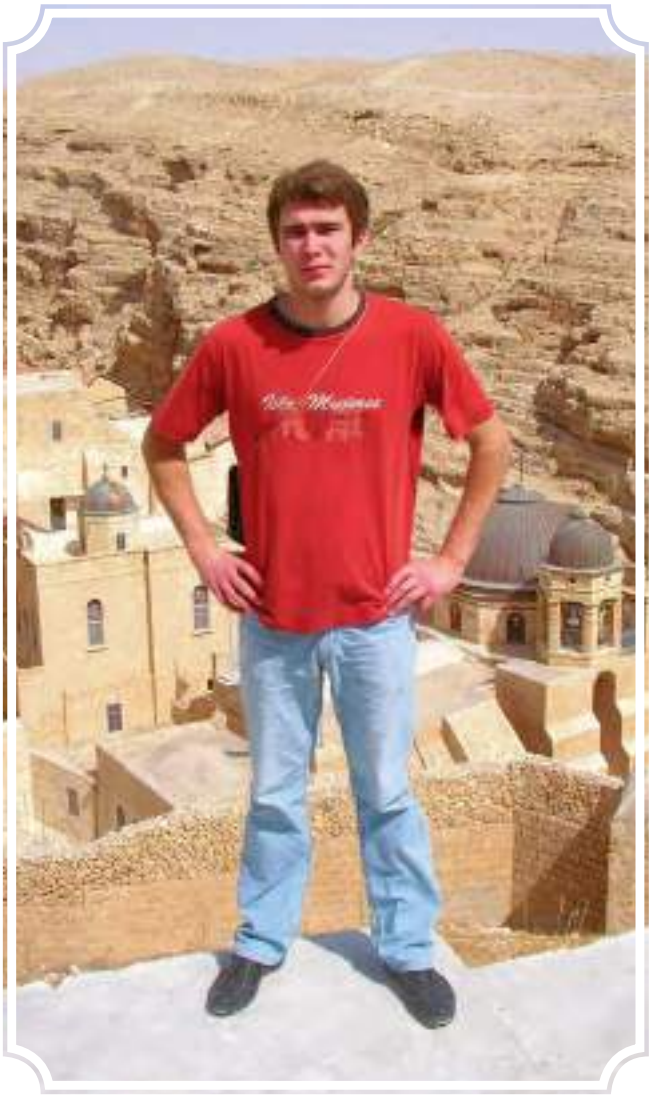
— Свободного времени у нас немного. И очень часто мы его проводили в задушевных разговорах за чашкой чая. Занимались и спортом: играли в футбол в Лужниках пару раз в неделю, в волейбол — в спортзале, который находится возле семинарии. Некоторые семинаристы увлекаются и другими видами спорта, в том числе и я. Иногда просто гуляем по городу.

— Как можно сформулировать итоги пятилетней учебы в семинарии?

— Знаете, я провел в семинарии почти четверть жизни. И можно без преувеличения сказать, что духовная школа дала мне возможность жить, мыслить и поступать не так, как диктует нам современный мир. Семинария дала серьезный шанс задуматься, почему в нашей жизни происходят те или иные события, почему нужно делать что-то так, а не иначе. Считаю это очень важным, поскольку будущий священник должен сначала разобраться в себе, а потом уже другим послужить.

— Что бы вы хотели пожелать семинаристам младших курсов?

— Желаю им всегда, что бы ни случилось, оставаться человеком. В течение пяти семинарских лет с человеком происходит много изменений, как внешних, так и внутренних. И главное при этом — сохранить открытость и желание прийти на помощь тем, кто тебя окружает. Немаловажно также быть благодарным за все, что тебе дают, и никогда не забывать своих наставников.



Паломничество на Святую Землю

Воспоминания о Сретенской семинарии

Дмитрий Корольков

Родился я и вырос в Ростове-на-Дону, прекрасном южном городе. Беззаботное, счастливое детство протекало как в сказке, в кругу семьи и близких людей. Родители в храм ходили не часто — в основном освятить куличи да пасхи, поставить свечу в Рождественскую ночь. О Церкви знали самую малость, жили обычно, по-мирскому, не углубляясь в подробности веры. Первым шагам православной жизни нас с сестрой обучила бабушка — читать наизусть «Отче наш» и трижды крестить подушку перед сном. Очень часто вспоминаю бабушку. Ее светлые глаза и живую веру в Бога. Она не училась в семинарии, не всегда грамотно писала, но я могу точно сказать, что Христа она знала лучше, чем многие из ученых богословов.

Время от времени мама водила нас на Святое Причастие. Хорошо помню свою первую исповедь, восторг от красоты и торжественности богослужения. Всегда старался стоять (сидеть) ближе к алтарю, чтобы через маленькие дверцы разглядывать, что же там, за иконостасом, в Святая Святых. Пожалуй, именно тогда, лет 15 назад, чистая и детская душа маленького меня почувствовала близость Бога, даже потребность в Нем. С тех пор я был как будто уверен, что когда вырасту, закончу семинарию и буду служить Богу и людям. Хотя не ясно, откуда могла появиться подобная уверенность, ведь я не сын священника, не прислуживал в алтаре? Скорее, это было очень сильное желание где-то на подсознательном уровне.

Шли годы. К концу подходили тяжелые 90-е, и в один прекрасный момент вся наша семья оказалась в секте евангелистов. Ходили мы к ним два года, активно принимали участие в их деятельности. Однажды на очередных курсах повышения квалификации маме выпало задание подготовить доклад о Православной Церкви. Мама пришла в православный центр, где столкнулась со священником. Попросила уделить ей время, на что батюшка ответил:

«Четыре минуты — спешу». В результате они проговорили четыре часа. Домой мама пришла вся в слезах и без доклада. «Возвращаемся в Православие», — сказала она, и мы вернулись. Но не одни. После нашего ухода многие из секты евангелистов задумались, заинтересовались верой отцов и перешли в Русскую Православную Церковь вслед за нами. Ищущий да обрящет. Только по-настоящему ищущий, по совести.

Когда я был уже в 8-м классе, мы познакомились с молодым батюшкой, который служил под Ростовом и которому не хватало пономарей. Отец Сергий Красников. Он впервые ввел меня в алтарь, научил со страхом и трепетом класть поклоны перед святым престолом. Как сейчас вижу эти моменты, минуты, а я о них и мечтать боялся. Спаси, Господи, отца Сергия! До конца дней своих буду ему благодарен.

Вступительные экзамены в семинарию

Сдавать экзамены было немного страшно. Как первый раз в первый класс. Всё вокруг было новым и незнакомым. Ребята приехали со всей России, некоторые из Украины, все достаточно подготовленные и воцерковленные. Сразу выделялись сыновья священников и иподиаконы архиереев, важные и серьезные. Но практически все мы — совсем дети, выпускники средних школ. И наш слух резали непривычные «ректор» и «проректор» вместо «директор» и «завуч». Слово «дежпом» (дежурный помощник), вовсе окутанное тайной и страшилками, вызывало трепет в душе.

Перед входом в зал, где принимались экзамены, напряженные абитуриенты косяками, а кто особняком, ходили из стороны в сторону с «Законом Божиим» в руках и бегло читали, неуверенно и неумело пытались подбадривать друг друга, а потом упирались взглядом в небо и шептали молитвы. Конечно, страшно: внутри под расписными сводами за длинными столами сидели ректор, проректор и дежурные помощники, которые имели законную власть принять тебя в число студентов или оставить на произвол судьбы! Комиссия предлагала два испытания, а точнее три.

Первое — изложение. Нам зачитали отрывок из повести Бориса Зайцева «Афон» и предложили его пересказать. Повесть мне очень понравилась, и с первой задачей я справился достаточно легко, — тихая и углубленная молитва монахов, стремление к чистоте сердца, постоянная молитва, — до сих пор помню.

Затем была некая смесь собеседования и экзамена по всей экзаменационной программе, причем системности в вопросах не

Причащение мирян в Сретенском монастыре

наблюдалось вообще. Меня просто попросили прочитать какую-то кафизму из Псалтири, на память воспроизвести десятую молитву из вечерних молитв. Погоняли по «Закону Божию», напоследок я спел бывшее на слуху песнопение — и всё.

Третье испытание оказалось самым сложным, и длилось оно все дни нашего пребывания в качестве абитуриентов. Послушание... Послушание решало очень многое, если не всё. Ты можешь сдать экзамен на «отлично» и не поступить в семинарию за плохое поведение, непочитание старших или халатное отношение к Уставу. Но, в общем, все мы под Богом ходим и не будем забывать слов Господа, сказавшего ученикам: «Не вы Меня избрали, а Я вас и избрал и поставил, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал» (Ин 15, 16). Эти слова как раз к семинаристам.

О некоторых вопросах

Как сказал мне один батюшка, когда я открыл ему намерение поступать в духовное заведение: «Самое сложное — закончить семинарию и не стать атеистом». Очень часто я вспоминал его необычные слова, примерял их к себе в течение всех семинарских лет, наблюдая, как меняется человек, и теперь могу ясно сказать, что самое страшное в духовной школе — это потеря трепетного отношения к тому, с чем нам, семинаристам, приходится сталкиваться каждый день. Пономарское послушание, пение на клиросе, частое присутствие в храме Божием, — они переходят в привычку, теряется благоговение, и, если вовремя это не осознать, можно впасть в окамененное нечувствие, когда за материальным теряется духовное. Из подобного недуга выйти крайне сложно, и результат порой бывает весьма плачевный.

Я уверен, что все духовные проблемы появляются от недостаточно крепкой веры и отсутствия духовного опыта. Безусловно, вера — величайший дар Божий, но каждый из нас должен ее подпитывать и укреплять, чтобы она не увяла, как тыква пророка Ионы. Другими словами, наша вера крепчает с годами упорной работы над собой, и чем дольше опыт этой работы, тем непоколебимее вера.

Вот почему я все чаще склоняюсь к мнению, что в семинарию лучше приходить не сразу по окончании школы, а спустя несколько лет: после окончания вуза, например. Во-первых, высшее светское образование никогда не помешает. Во-вторых, уже не тот возраст, когда тянет на неизведанные приключения и «все по колено». И, в-третьих, как следствие, совсем другое отношение начальства и дежурных помощников, о которых скажу чуть ниже. Семинария, на мой взгляд, — очень серьезное воспитание веры и смирения.

Вся семинарская система выстраивается исключительно с одной целью: помогать семинаристам в развитии их духовной и учебной деятельности. Просто нужно увидеть, чего от тебя хочет Бог, найти свое предназначение. Случайностей не бывает, не бывает напрасных скорбей и испытаний — во всем есть глубокий смысл Божиего Промысла. Семинария научила меня ценить абсолютно всё, что встречается в жизни. Недавно к нам приезжал владыка Алексий Орехово-Зуевский, а ныне уже Костромской. В своей речи к семинаристам он сказал слова, которые мне не просто

С епископом Агапитом на Святой Земле

понравились, а прозвучали так, как будто они всегда были в моем сердце, и он их просто озвучил: «Живите нравственной, духовной жизнью, ничего не просите и ни от чего не отказывайтесь» — вот она, формула счастливой жизни, если хотите.

Паломничества

У нас дома все легки на подъем. С детства люблю путешествовать, открывать неизведанные места, будь то в соседней деревне или на краю света. Жизнь в семинарии даже для самого ленивого домоседа не обходится без увлекательных поездок и приключений. Каждые два-три года всех нас отправляют на Святую Землю. Что может быть прекрасней для верующего человека?.. Ребят, поющих в хоре, также иногда делегируют отдельными составами за границу. Так, например, в далеком 2005-м я в первый раз оказался в Италии, у мощей святителя Николая. В 2006-м милостью Божией принимал участие в миссионерской поездке по русскому Дальнему Востоку. В 2007-м и 8-м — в поездках по епархиям РПЦЗ по случаю восстановления канонического единства, но об этом можно писать тома. В течение нескольких недель мы перелетали с континента на континент и всякий раз оказывались среди русских людей, в православных храмах, как дома. Необычные ощущения. Бесконечная благодарность за это руководству нашей семинарии!

Дежурные помощники

Дежурные помощники, они как целая система в семинарской системе, как некая жизнь в жизни каждого из семинаристов. Внимательные, очень верные стражи порядка, они ограждают нас от пороков и непослушания. Изо дня в день, заботливые, они желают нам доброго утра и спокойной ночи. Любое твое деяние, доброе или худое, не укроется от их

проницательных глаз. У каждого из нас свои личные отношения с ними. Вообще нам очень повезло, потому что все наши дежурные помощники являются выпускниками нашей же семинарии, сами еще недавно были такими же воспитанниками, как и мы, хорошо знают и понимают нас.

Однако есть некий парадокс. Без проблем прожить в любом случае не получалось. Это не повод расстраиваться или роптать, это просто так есть. Мой послужной список всегда был достаточно обширным, особенно на первых курсах. Тут вспоминается история про митрополита Владимира (Сабодана). Когда он был ректором МДАиС, он проходил после отбоя по лавре. А в это время два семинариста спускались из окна. Сначала спрыгнул один и столкнулся прямо лицом к лицу с владыкой. Что было делать? Он поклонился и сказал: «Благословите, Владыка, на сон грядущих». И тут спрыгивает второй! Он повторяет ту же процедуру. Владыка Владимир все понял, с любовью благословил их и отправил спать. А на следующем собрании студентов в актовом зале он сказал: «Братья, если вы когда-нибудь из окна увидете идущего ректора, не надо спрыгивать, чтобы взять благословение на сон грядущим!» Так вот, чаще всего я страдал за самовольный выход в город, после чего мыл посуду и чистил котлы в трапезной на мойке. Но везде надо искать плюсы и не отчаиваться. Крепкие связи с трапезной — всегда хорошо, а работа объединяет. И недаром Церковь учит, что смирение — одна из главных добродетелей. Добровольно смирившегося человека смирить невозможно, как бы кто ни старался. Поэтому, если вы провинились — никогда не спорьте, не возражайте и больше молчите. Нельзя забывать, враг не дремлет, но чем жестче рамки, тем в каком-то смысле лучше — ведь только так можно узнать себя.

Друзья

Люди говорят, что много друзей не бывает — один или два (максимум) за всю жизнь. Остальные — хорошие приятели или знакомые. Хороших приятелей у меня всегда было много, как верующих, так и далеких от Церкви или стремящихся к Ней. Надо сказать, я никогда не скрывал свою принадлежность к Православию, открыто, но ненавязчиво разговаривал о вере со сверстниками. Поэтому никто из окружающих меня людей сильно не удивился и не был против, когда я поступил в семинарию. Сначала протестовала только бабушка, всё переживала, как ее внучек выживет в такой дали от дома, без ее пирожков и ласки. Но и она со временем искренне порадовалась за мой осознанный выбор. Так что в дружеских отношениях не может быть проблем, если есть взаимное уважение и общий интерес, пусть ты семинарист, а твой приятель — атеист.

Пожелания

Самые теплые слова благодарности хотел бы выразить отцу ректору, отцу проректору и дежурным помощникам, всему преподавательскому составу. К сожалению, во многом я не был примером для подражания все эти годы и был бы еще хуже, если бы не своевременная помощь и отрезвляющие наставления отца Тихона.

Годы обучения пролетели, если честно, очень быстро. Похожие друг на друга дни учебы, захватывающие сессии и такие же путешествия, знакомства, общение с преподавателями и дежпомами, — подошли к концу. Скоро закроется еще одна страничка моей жизни; как студент, я долго ждал выпуска, но почему-то грустно, неохотно думаю об этом теперь. В общем, выпускники меня поймут.

Тем, кому интересно, советую почитать митрополита Вениамина (Федченкова) «О вере, неверии и сомнении».

Будем стараться вести нравственный образ жизни, хотя бы стараться. До идеала нам бесконечно далеко, но ведь и самое малое движение нашего сердца от Господа не утаится. Да и «человек внезапно смертен», как сказал М.А.Булгаков. А впереди — вечность.

О жизни семинарской

Иоанн Середа

Родился я в семье священника, служащего в маленьком городке в Новгородской области. Все мое детство прошло на свежем воздухе, практически в деревне, и приход в Сретенскую семинарию стал для меня началом серьезной эпохи в моей жизни.

До прихода в семинарию я был обычным школьником со своими интересами, увлечениями и мечтами. Поступление в семинарию в то время стояло для меня далеко не на первом месте, но со временем я осознанно выбрал этот путь. Будучи сыном священника, я всегда получал поддержку этому желанию, хотя уверен, что родители поддержали бы любой мой осознанный выбор. Для меня главным примером стал, безусловно, мой отец, и именно на него я хочу стать похожим, если Господь благословит меня быть священником.

Когда я закончил школу, предо мной раскрылось, как мне тогда казалось, необозримое море выбора, и восхищающего и пугающего одновременно. В отличие от распространенного мнения, что в традиционных священнических семьях куда скажут, туда ребенок и направляет свои стопы, родители на меня не оказывали ни малейшего давления. Не буду скрывать, что при такой свободе семинария была далеко не на первом месте среди приоритетов. Буквально за месяц до поступления, я решил, что семинария — именно то место, в котором я должен и буду учиться, и пришлось отказаться от заманчивой, но, как показали годы, детской идеи поступать на летчика дальней авиации.

Несмотря на то, что родители предоставили мне полную свободу выбора, именно моим дорогим и любимым папе и маме я особо благодарен за то, что поступил именно в семинарию и выбрал путь служения Богу. Никто другой не оказал такого влияния на формирование моих фундаментальных взглядов на жизнь (хотя внешне я могу вызывать множество нареканий). Именно

На троне китайского императора

их пример сделал для меня веру в Бога и христианские принципы жизни осознанным выбором. Окончательно убедило меня в правильности моих действий благословение отца Иоанна (Крестьянкина) и слова, сказанные мне архиереем, когда я брал благословение на поступление, о том, что более важного служения, чем служение Богу, нет. Казалось бы, это сама собой разумеющаяся истина, но мне было важно, чтобы кто-то ее проговорил, за то я очень благодарен владыке Льву.

Когда я поступал в семинарию, был солнечный и теплый день, однако было не до наслаждения хорошей погодой. Помню как познакомился тогда с некоторыми своими будущими однокурсниками — мы читали акафист святителю Николаю, видимо, с его помощью я и смог поступить.

Трясло перед экзаменами страшно, но моя говорливость даже в таком состоянии меня не оставила, и поэтому на экзамене — собеседовании с комиссией — у меня шел открытый и конструктивный диалог. Вступительные экзамены были быстро забыты, и через месяц я уже вышагивал по коридорам Сретенки.

Втянулся в семинарские будни я довольно быстро. Мне было довольно привычно находиться среди большого количества людей. Честно сказать, свою первую келью вспоминаю с трудом, хотя, безусловно, помнится, что там пришлось доказывать более старшим обитателям свое право на существование.

Не могу сказать, что пять лет пролетели как один день, но дни мелькали довольно быстро, запоминаясь только серьезными событиями.

Несмотря на то, что жизнь в семинарии — это в первую очередь живой опыт, опыт общения, смирения, взаимопомощи, это, конечно же, еще и учеба, с этим аспектом жизни семинарской у меня складывались особые, иногда драматические отношения.

К любимым предметам у меня всегда относилась история в большинстве ее проявлений, кто бы ее ни преподавал. Для меня это всегда было семинарское направление № 1. Эту любовь мне привил мой отец, за что я ему несказанно благодарен. Соответственно, любимые преподаватели или напрямую преподавали историю, или в их дисциплинах история занимала значительное место. Особо я благодарен преподавателям протоиерею Н. Данилевичу и проф. О. Ю. Васильевой.

Не могу ничего особенного сказать о ежедневной семинарской жизни, в первую очередь потому, что они, если не были скучными, то были очень не похожими друг на друга. Свободное время чаще всего на первых двух курсах проходило на улице, и за это время я довольно хорошо изучил столицу. Но потом наступили периоды курсовых работ, и я стал проводить много времени за компьютером. Безусловно, остальные интересы тоже со временем менялись, спорт, которым я интересовался до семинарии, постепенно ушел, его место заняли занятия и разнообразие семинарской жизни.

Главным интересом и занятием на время учебы для меня стало пение в семинарском хоре и правом хоре монастыря. Это занятие стало для меня главным на все пять лет жизни в семинарии, опять же, любовь и уважение

к церковной музыке мне было привито с детства. Несмотря на отторжение фортепиано, петь я любил всегда, в нашей семье не проходило ни одного праздника (на семейных праздниках всегда было много гостей), чтобы за столом не пелись народные песни, многие я знал уже с детства. В семинарии я получил возможность более хорошо оформить свое умение, получая необходимые навыки во время пения в правом хоре. Надеюсь, подобного рода приоритеты в годы семинарии, принесут мне в дальнейшем немало пользы в моем служении.

Считается, что сессия — труднейшее время в жизни студента, у меня получилось немного не так. Нельзя сказать, чтобы я отдыхал, но жизнь текла довольно комфортно, можно было хорошо распределить время.

За все время учебы я смог научиться в первую очередь терпению и умению находить общий язык с людьми. Это давалось нелегко, но со временем пришло и понимание других, и отказ от навязывания своего мнения, последнее мне далось особенно трудно.

Особой статьей были поездки по святым местам. Кроме всех прочих мест, Господь за эти пять лет сподобил меня также побывать на месте Своих страданий в городе Иерусалиме. Город поразил меня количеством противоречий и тем, как дьявол пытается сделать это место из святого местом раздора и злобы. И несмотря на все его старания, это место проникнуто святостью, и, находясь там, начинаешь ощущать всю важность и благодатность этого места. Особенно сильное впечатление произвел Храм Гроба Господня. Простота и необъяснимое величие этого места наполняет душу благоговением. Мысли о суете в стенах этого древнего храма уходят на второй план. Слава Богу за все, что я получил в этой незабываемой поездке.

Самыми запоминающимися поездками с хором за пять лет стали, наверное, поездки в Италию и тур по Южной Америке. Сам

На певческом послушании

факт того, что я первым из своей семьи сподобился припасть к мощам нашего заступника святителя Николая, для меня является великим чудом. По моему глубокому убеждению, Господь сподобил меня этого, несмотря на то, что я меньше всего был этого достоин. Очень хорошо помнится, с какой радостью я прикладывался к раке с его мощами, и, хотя стояла умопомрачительная жара, я был на седьмом небе от счастья, так как нашей семье Святитель помогал, и не раз. Кроме того, мой дедушка – протоиерей Владимир всю жизнь и по сей день служит в храме святителя Николая.

Что же касается поездки в Южную Америку, то она в первую очередь незабываема из-за колоритности этой прекрасной земли. Особенно мне запомнились Куба и Аргентина. Эти страны отличаются непохожестью даже на своих соседей. Куба выделяется из общей картины, во-первых, своей невероятной бедностью (средняя зарплата там не превышает 20 долларов США в месяц), а, во-вторых, интереснейшими, очень живыми и милыми людьми, живущими на прекраснейшем острове. Аргентина в свою очередь — страна интеллигентов. Из всех государств Южной Америки она выделяется высоким уровнем жизни во всех смыслах этого слова и устойчивыми традициями, которые успели сложиться в столь молодом государстве. Кроме того, поражает стиль и красота столицы – Буэнос-Айреса.

Несмотря на то, что ехал я в эту поездку с хором, на всех службах мне пришлось иподиаконствовать (в паре с Лисовским А.). Благодаря этому, я имел возможность более хорошо познакомиться с православными представителями тех краев. Это, безусловно, дало много полезного опыта и знаний.

Особняком для меня всегда стояли послушания. Кроме обычных, я по своей бедовости всегда находил на свою голову дополнительные. За время учебы не осталось такой службы монастыря, где бы меня не знали: и на посуде, и на складе, и в бане – везде я успел стать завсегдатаем. Безусловно, в моем рвении к службам мне помогали дежурные помощники, никогда мои проступки не оставались без их отеческого внимания, не могу сказать, что всегда был благодарен подобным проявлениям внимания, но то, что это пошло мне на пользу, я уверен.

Много чего происходило со мной за эти годы, выделить что-то одно, как главное, я не могу, ведь не зря в кругах семинаристов духовные учебные заведения называются «системой» – местом, где все становится на свои места в мировоззренческой картине человека. Я благодарю Бога за то, что мне удалось закончить семинарию и решить для себя, зачем и почему я выбрал этот путь.

«Учеба в семинарии — это важное церковное послушание»

Инок Киприан (Литвиченко)

Отец Киприан, вы учитесь на отделении экстерната Сретенской духовной семинарии, живете в Германии в монастыре, расскажите, пожалуйста, о вашей обители и какие послушания вы там несете?

— Обитель прп. Иова Почаевского Русской Зарубежной Церкви была основана в Мюнхене после Второй мировой войны, эта обитель стала частью братства прп. Иова, которое размещалось в Ладомирово, в Чехословакии. Позже большинство монахов (до 40 человек) выехало в США, где и был основан Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле. Несколько монахов, оставшихся в нашей обители, подвизались и по ее благоустройству, и в монашеских подвигах, также занимались издательской деятельностью.

В начале 80-х годов все насельники монастыря уже почили, и обитель, ставшая к этому времени приходским храмом, получила новый импульс к существованию — новый епископ Германской епархии Марк сделал ее своей резиденцией и стал собственноручно восстанавливать ее с помощью двух своих послушников. Наш монастырь расположен на северо-западной окраине Мюнхена, в тихом, живописном месте. Во время войны в этом здании располагался центр молодежной фашистской организации «Гитлерюгенд», кое-что еще напоминает здесь о былых хозяевах. Например, в ризнице есть нож, которым разрезаем антидор, с фашистской свастикой, она, правда, была забита, но всё равно видна; есть почему-то и американский военно-морской нож, им пользуемся в свечной мастерской для обрезки фитилей — вот такие «трофеи» еще имеются с давних времен.

Сейчас в обители около 12 насельников, не считая двух епископов, которые также являются насельниками нашего монастыря. Национальный состав братии разнородный: есть русские, немцы, американец, русский француз, словак, были насельники также из Англии, Австралии, Польши, Сербии.

Архиепископ Марк — наш настоятель и духовник братии, в его отсутствие его обязанности исполняет или епископ Агапит Штуттгартский — викарий владыки Марка, или игумен Евфимий, он также в отсутствие владыки Марка совершает весь цикл ежедневных богослужений, предусмотренных уставом. Устав нашего монастыря заимствован владыкой Марком из афонской практики, где и довелось начинать ему свой монашеский подвиг. С небольшими изменениями этот устав блюдется у нас до сего дня.

В свое время я сподобился войти в братию обители прп. Иова, где по милости Божией и пребываю. Послушания разные нес. Моим основным полсушанием в течение четырех лет было производство свечей. У нас есть свой свечной завод. Сейчас мое послушание другое — теперь занимаюсь рассылкой наших свечей по приходам как в Германии, так и в другие страны Европы. Работа не сложная, но требует внимания и определенного администрирования. Если возникают проблемы со свечной машиной и заказами материалов и запчастей, то так же связываемся с заводом-изготовителем, нашими поставщиками и т.д.

Конечно, есть и внутримонастырские и богослужебные послушания. Например, мы сами готовим пищу. Все текущие послушания по поддержанию жизнедеятельности обители выполняем сами: стирка, уборка, кухня, прием богомольцев. Да, как и раньше, монастырь издает литературу. Но издательскими послушаниями занимаются другие братья обители. В монастрые выходит и наше периодическое издание «Вестник Германской епархии» на русском и немецком языках, где освещаются все текущие события жизни епархии. Этот журнал выходит, как правило, раз в два месяца и распростаняется по всем приходам епархии.

— Отец Киприан, скажите, пожалуйста, почему вы решили поступить в семинарию?

— Как-то само пришло желание учиться и побольше узнать о нашей Церкви и православной вере. Иногда спрашивают люди неверующие или иноверцы о Православии, и часто не знаешь, что ответить. Но было и нечто другое: в детстве, в начале 80-х, мой отец говорит однажды маме: «А сынок наш в семинарии учиться будет...» Мама начала смеяться: «Какая семинария! Кругом атеизм да коммунизм», я и сам еще не знал, что значит семинария, все мечтал стать то космонавтом, то летчиком, то военным моряком. Но прошли годы, окончил вуз и остался преподавать в нем, потом переехали в Германию, там тоже поступил в университет, и уже тогда отец перед своей смертью благословил меня на уход в монастырь. После облачения в послушники решил по благословению нашего владыки поступать в Сретенскую духовную семинарию... А когда уже начал учиться, то вспомнил завет отца... Вот такие чудеса в жизни бывают.

— Наверное, можно выделить какие-то особенности, которые почувствовались на новом месте обучения, какие-то трудности?

— Как у насельника монастыря у меня не возникло особых трудностей с монастырским распорядком дня. Но после физического труда, которым я занимался в монастыре по послушанию, снова пришлось привыкать к учебному процессу. Однако эта трудность с лихвой компенсировалась увлекательными и полезными лекциями наших преподавателей. К воздуху в центре Москвы также пришлось привыкать — в тех местах, где расположен наш монастырь (окраины Мюнхена), воздух другой; изменились и условия проживания: в келье нас по 4–5 человек поселили (в нашей обители у каждого насельника, как правило, своя келья). О тишине пришлось забыть: молодежь — народ неугомонный, так что стало весело, и не просто уединиться для исполнения келейного правила. Но, слава Богу, и это трудности мнимые, ведь не зря прп. Макарий Египетский говорил, что ничего извне не может мешать человеку, а только то, что внутри нас, мешает и приносит нам вред. Этому хотя, может, и в малой степени, но довелось учиться в семинарии. Другим соблазном стало и то, что ребята-семинаристы все-таки не монахи или послушники, — думают о женитьбе, естественно, и разговоры, и интересы об этом... Пришлось и к этому привыкать мне, иноку, думающему о монашестве. Так, в нашей келье экстравагантное фото любимой девушки иногда соседствовало с иноческим клобуком. Но, как учит прп. авва Дорофей, любовь к Богу сильнее естественной любви, и эти трудности — временные. Ребят я прекрасно понимаю, и дай Бог им толковых матушек, чтобы они помогали будущим батюшкам нести нелегкий, но благой крест священства.

— Какие послушания вам довелось нести в семинарии?

— Нес разные послушания: подметал монастырский двор, помогал готовить храм к праздникам, занимался уборкой в корпусах, нес разные церковные послушания во время богослужений, чаще помогал поддерживать порядок на службе, на кухне довелось немного помочь, снег убирал вместе с ребятами-семинаристами. Всякое дело в монастыре в радость — здесь плохих послушаний не бывает.

— Можете ли назвать свои любимые дисциплины из тех, которые довелось вам изучать в семинарии? Почему понравились именно они?

— Хочется сказать, что все дисциплины в семинарии нужные, и не было такого случая, чтобы вышел с урока и не приобрел ничего полезного. Конечно, всякий предмет — это прежде всего тот преподаватель, который его читает. Главное — в Сретенской семинарии все преподаватели с большой любовью относятся к своему делу; с нашими учителями у нас складывались поистине семейные отношения. Именно эта атмосфера — ключ к успеху преподавания. Всех любим и за всех наших дорогих преподавателей молимся всегда, дай Бог им здоровья и сил на многая и благая лета! Можно было бы много рассказать о каждом из наших учителей...

Упомяну лишь один очень смешной и для меня редкостный случай. Знаете, довелось в разных вузах учиться — и в России, и за границей, но такой случай, как в Сретенской семинарии, — уникальный.

Было это в начале первого курса. Приходит преподаватель (известно, что он из Троице-Сергиевой лавры к нам приезжает) на первое занятие и начинает урок с того, что извиняется, что наш преподаватель не смог приехать, а он — замещает его... этого Стародубцева. И тут начинается самое интересное: этот господин N начинает нам рассказывать про Стародубцева, какой он подлец, льстец, хитрый-прехитрый... и т.д. и т.п. У меня захватывает дыхание: как

Греческий богослов Христос Янарас с выпускниками Сретенской семинарии

можно о коллеге так отзываться?! Вот те номер! А еще из Лавры к нам приезжает, хорошие у них там, значит, в Лавре дела... Лишь в начале второй пары, после шока первого часа я стал догадываться, что тут что-то не так... Выяснилось, что этот господин N и оказался, кем бы Вы думали? Ну да! Самим СТАРОДУБЦЕВЫМ!!! А мы-то поддались на такой великолепный розыгрыш! Когда же я спросил, а в праве ли преподаватель так разыгрывать своих семинаристов, он хорошо ответил, что мы не должны терять бдительности и слепо верить всему, что говорит учитель. Оказалось, что это — классический лаврский прием-розыгрыш. Сработал великолепно! Спасибо, Олег Викторович!

— Можете ли назвать любимые книги, каких-то дорогих и более близких Вам святых отцов или других авторов?

— Из святых отцов нравятся писания прп. Макария Египетского, прп. Феодора Студита, свт. Василия Великого. Из современных — книги св. прав. Иоанна Кронштадтского, проповеди свт. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского и, конечно, Священное Писание — неисчерпаемый источник знаний, духовного богатства и утешения.

— Что вы можете рассказать об учебном процессе в Сретенской семинарии?

— Учебный процесс хорошо отлажен: молитва, учеба, послушания сменяют друг друга, кроме того, все это заключено в жесткие рамки режима дня, к которому можно быстро привыкнуть. Обычно бывает ежедневно 3–4 пары занятий, но иногда и больше. Тогда, честно говоря, уже тяжеловато переносится, но обеденная пауза дает возможность отдохнуть, перевести дыхание. В семинарии хорошая библиотека, есть возможность поработать с Интернетом, достаточно времени на самоподготовку. Так что нужны только желание и терпение.

— Что вам запомнилось из повседневной и бытовой жизни семинарии?

Запомнилось сразу, с первого курса то, что вечером, перед отбоем, как деток дома мама, дежурные помощники (сокращенно «дежпомы») укладывали нас спать, — когда тебе уже за тридцать, это кажется немного странным, но для меня это стало настоящим удовольствием — вернулось ощущение «домашности» и материнской заботы. Так до пятого курса и заходили к нам наши заботливые отцы-«дежпомы» с пожеланиями спокойной ночи. Вот и посудите сами, разве после этого Сретенская семинария не станет для нас родным домом?

— Какие можете выделить особенности опросов на уроках и на экзаменационных сессиях?

— Конечно, каждый преподаватель строит систему опросов по-своему, но в целом бывает, что если в течение семестра студент работал активно, то итоговую оценку он получает «автоматом». Так что у ребят есть стимул готовиться к урокам получше, проще будет на экзаменах, как говорится: кто работает во время семестра — тот отдыхает на сессии.

Вот еще особенность семинарских экзаменов: взаимная поддержка в ходе экзамена — вся группа присутствует в классе, пока не ответят все студенты. Тут в полноте проявляется чувство товарищества, скажу даже, духовного братства, и это, знаете, тоже душу греет. Вдруг понимаешь, что с такими друзьями, как говорят военные, можно в разведку пойти — не подведут.

— Расскажете, пожалуйста, о богослужениях в Сретенском монастыре, ведь они занимают достаточно заметное место в жизни семинаристов.

— Богослужения в Сретенском монастыре отличаются разнообразием: особенно благолепны праздничные службы, на них собирается много молящихся, поет знаменитый профессиональный сретенский хор, он исполняет черезвычайно сложные в музыкальном отношении произведения, что создает атмосферу особой пышности, монументальности, если можно так сказать, царского величия. У семинаристов во время богослужений ответственные послушания в храме: поддержка порядка во время службы, чтение на клиросе, прислуживание в алтаре. Будничные службы более скромны: на буднях есть несколько хоровых составов — это и несколько коллективов семинаристов, и женский хор, и раз в неделю поет сборный хор прихожан храма. Каждый из этих хоров по-своему интересен. Когда поют семинаристы, переживаешь за ребят, если бывают сбои, но они стараются петь хорошо, и у них выходит молитвенно и сердечно. Когда поет женский хор, высокие тона голосов напоминают ангельское пение, хотя иногда меня, не привыкшему к женским октавам в храме, слишком высокие голоса несколько глушат. Когда поет сборный хор прихожан, бывает легко молиться и сосредоточиваться на богослужении. Жаль, что братский хор поет редко — когда поют братия, тогда чувствуешь себя будто перенесенным в старые времена, словно оживают фрески древнего храма, и понимаешь, что для Бога нет вермени — русская древность, современность и неизвестное будущее сливаются в вечность непреходящую...

Особое место на богослужениях занимают проповеди. В монастыре много хороших монахов-проповедников: сам архимандрит Тихон, на мой взгляд, имеет высокий дар слова — его проповеди просты и доступны, и вместе с тем глубоки в духовном отношении, для меня почти всякая проповедь батюшки — откровение. Отличается проповедническим талантом и один из наших духовников — отец Иов, его проповеди также очень интересны, полезны, доходчивы и проникновенны. Можно продолжать этот ряд, но скажем кратко: всякая проповедь для нас семинаристов — пример для подражания и духовное обогащение.

— Кто из преподавателей и духовных наставников особенно вам запомнился? Кому-то, возможно, вы особо благодарны?

— Благодарен всем нашим учителям за их терпение, любовь, поистине христианскую снисходительность и, где надо, — умеренную строгость, за передачу их жизненного духовного опыта, о чем ни в каких книжках не написано!

Наши духовники — это наши отцы, ведь недаром в Церкви священников принято называть отцами — всегда находишь добрый совет и утешение! Низкий поклон отцу Тихону, отцам Иову, Луке и Клеопе, Павлу и Никодиму, у которых довелось окормляться, скажу честно: вся монастырская братия, каждый понемногу, чему-то научили меня в духовной жизни. Это ценнейший опыт. Добавлю, что и братья-семинаристы также многому научили. Всем низкий поклон и благодарение!!!

— Что вам запомнилось из тех миссионерских проектов и попечительного служения, которые совершались студентами семинарии?

— Не получалось напрямую участвовать в проектах, так как в семинарии бываю только на сессиях как семинарист экстерната, но запомнилась одна поездка в Ярославль со звонарем нашего собора Сретенского монастыря Николаем Ивановичем Завьяловым. По приглашению игумена Спасо-Яковлевского монастыря Николай Иванович со своими подопечными, нашими семинаристами, проводил мастер-класс по колокольному звону, и хотя я не был на курсах звонарей, но с радостью согласился на любезное приглашение Николая Ивановича поехать. Очень понравилось — и позвонили, и помолились у мощей свт. Димитрия Ростовского и других святых, и потрапезничать нас братия пригласили, — пообщались с ярославскими молодыми звонарями. Эта поездка запомнится на всю жизнь!

— Какие трудности возникали у вас при обучении на экстернате по сравнению со студентами очного отделения?

Главная трудность — отсутствие непосредственного контакта с преподавателями и невозможность регулярно посещать лекции. Иногда не было под рукой нужной книги, выручала наша монастырская библиотека или Интернет. А некоторые сложные вопросы обсуждал со старшей братией за чашкой чая,

так что не могу сказать, что я учился совсем самостоятельно, все — и здесь сретенцы, и там, в обители — помогали мне и поддерживали, а главное, поддерживали молитвенно и морально. Поэтому когда захожу в Сретенский, — радуюсь; домой попал, в Мюнхен, и в свою обитель захожу — опять радость, приехал домой. Ведь правда в Евангелии читаем, что у нас будет во сто крат больше и братьев и отцев и сестер и домов еще в этой жизни... я это на своем опыте постоянно ощущаю. Конечно, ребята-семинаристы, мои одногруппники, всегда помогали и конспектами, и советами, и при необходимости в письмах; администрация семинарии также всегда шла навстречу и помогала в трудных ситуациях — всем низкий поклон и благодарность! Преподаватели всегда уделяли внимание студентам экстерната, давали индивидуальные задания, готовы были заниматься с нами по необходимости и во внеурочное время, были снисходительны при наших ошибках и терпеливы, когда мы что-то не в срок сдавали или что-то не так делали.

— Скажите, пожалуйста, пару слов о вашей дипломной работе

— Дипломная работа по пастырскому богословию посвящена свт. Иоанну Шанхайскому и Сан-Францисскому — одному из святых Зарубежной Церкви, можно сказать, наших дней. Это удивительный святой: великий молитвенник и аскет, строгий монах и любящий отец своей паствы, непреклонный защитник Церкви и ревнитель богослужений, великий чудотворец и неутомимый делатель евангельских заповедей, готовый всегда положить душу свою за други своя. Этому святителю довелось нести архипастырский подвиг за границей, в разных странах и на разных континентах — и везде он был светом мира и солью земли, для всех старался быть всем, по словам св. апостола Павла. Читаешь жизнеописания этого святого — и просто не перестаешь удивляться, откуда у человека такие силы и высота святости, пребывание в благодати Божией! У свт. Иоанна вера — адамант, мужество первых христиан-мучеников. Когда я заканчивал написание диплома, даже жаль стало, что приходится прервать изучение жизненного подвига этого святителя, хотя диплом давался нелегко.

— Каждый этап в жизни человека предусмотрен Богом для чего-то определенного и обязательно приносит какие-то плоды. Что вам дал период обучения в семинарии и чем он для вас является?

— Семинария дала нам знания о нашей Православной Церкви, но и не только это. Семинария — большая семья, где все друг с другом связаны и друг за друга ответственны. Пребывая в Церкви, мы являемся частью Тела Христова: плохо одному — хуже всем, радость одного — радость для всех. Где, как не в семинарии, мы учимся любить Бога и ближнего своего в различных жизненных ситуациях? А семинарская жизнь, слава Богу, предоставляет обилие таковых. К духовной семинарии можно приложить следующие слова из Псалтири: пройдохом сквозе огнь и воду и извел ны еси в покой, хотя нам, выпускникам, о покое говорить рано...

— Что вы хотите пожелать и посоветовать студентам семинарии из вашего опыта?

— Чтобы не смущались при встрече с неизбежными трудностями в процессе обучения, преодолевали их с Божией помощью. Чтобы старались усердно вести конспекты на занятиях — это огромное подспорье в подготовке к экзаменам. Иногда подкрадывается лукавая мысль бросить семинарию. С этим помыслом надо всячески бороться, прибегая к помощи Божией и заступничеству Пресвятой Богородицы и святых, к моливам наших духовников, и помнить, что учеба в семинарии — не просто какой-то каприз, а ответственное церковное послушание.

Семинарская жизнь

Иван Ефимов

Иван, скажите, почему вы решили поступить в семинарию?

— Это решение пришло не в одночасье. Я родом из города Печоры Псковской области, известного древним Псково-Печерский монастырем. На протяжении нескольких лет я пел в детско-юношеском хоре при монастыре. Там я проводил почти все свободное время, и там я впервые получил возможность участвовать в богослужении. Руководство Псково-Печерского монастыря уделяло нам много внимания и времени. Хор для нас был особенным местом: здесь мы общались, ездили в паломнические поездки, которые нам устраивали наместник и братия монастыря. Кроме того, мы постоянно находились среди братии и общались с духовными людьми. Нашим церковным воспитанием занимался духовник хора. Некоторое время им был нынешний духовник братии архимандрит Таврион. После него на протяжении многих лет духовником хора был архимандрит Филарет, который особенно много занимался нами. Я благодарен Богу за те годы, которые мне посчастливилось прожить рядом с этой славной обителью. И когда пришло время оканчивать школу, передо мной уже не стояло вопроса, куда идти дальше. Не стояло вопроса и с выбором семинарии, поскольку я с самого начала был настроен учиться в Сретенской духовной семинарии.

Наша семинария находится в монастыре, который исторически связан с Псково-Печерской обителью. На протяжении многих лет семинария располагалась в братских корпусах, и поэтому всегда чувствовалась атмосфера, сродная с той, которая царит в Псково-Печерском монастыре.

— Наверное, можно выделить какие-то особенности, которые вы почувствовали на новом месте обучения, какие-то трудности?

— Да, действительно, с приходом в семинарию жизнь изменилась очень сильно. Самое первое, с чем пришлось столкнуться — это

то, что студенты должны обязательно жить в семинарии, а значит, в монастыре. Поэтому можно выделить три основных аспекта: это новый распорядок дня, жизнь в рамках монастыря и отношения между собратьями.

Вся жизнь в семинарии подчинена определенному порядку: утренний подъем — строго в определенные часы, далее обязательные утренние молитвы, в некоторые дни и литургия. Далее завтрак и утренние послушания, лекции с перерывом на обед и дневные послушания. Затем свободное время, или, точнее сказать, время для самообразования, вечерние молитвы и отбой.

Другой принципиальной особенностью семинарской жизни является то, что она проходит в монастыре, поэтому внутренний уклад жизни согласуется с монастырским уставом. Здесь я бы выделил две стороны: во-первых, это совместная богослужебная жизнь, во-вторых, участие в жизни обители.

С первого курса вместе с насельниками обители мы трижды в неделю, рано утром, молились в храме на братском молебне и полунощнице. В Первую и Страстную седмицы Великого поста наравне с братией монастыря участвовали в полном суточном круге богослужений.

Ни одно значимое для монастыря событие не обходится без студентов, будь то ремонт корпусов, праздник, приезд Патриарха или гостей. В воскресные и праздничные дни с чином Панагии студенты вместе с братией идут в трапезную, где за одним столом и обедают. Часто в такие дни мы имели возможность общаться и с гостями монастыря — интересными людьми и духовными лицами, такими, например, как владыка Афанасий (Евтич). В такие дни мы, студенты, не оставались и без слов назидания, обращенных в наш адрес.

Что же касается повседневной жизни, то в течение пяти лет, живя рядом с духовенством, мы имели возможность отчасти прикоснуться к монашескому быту. В течение четырех лет, до переезда семинарии в новый корпус, мы буквально жили под одной крышей с братией. Таким образом, мы имели возможность

В паломнической поездке

узнать не понаслышке, как протекает жизнь монастыря.

Порой, выходя из учебной аудитории, можно было встретить в коридоре кого-нибудь из священников, взять благословение и получить совет на затруднительный вопрос или узнать что-то новое для себя. Спустя время осознаешь, насколько ценна эта возможность, поскольку не раз приходилось видеть прихожан, подолгу ждущих священника у дверей храма.

Еще одна принципиальная особенность, с которой пришлось столкнуться, — это отношения внутри студенческой братии. А именно, с первого дня в семинарии каждому студенту приходится жить, как я уже говорил, в ее стенах. Всех студентов расселяют по кельям, в среднем по четыре человека. На лекциях, по 5–6 часов, с одними и теми же людьми приходится находиться в одной аудитории, после лекций с теми же людьми ты идешь на послушание, при том что вы сокелейники. Вот и особенности, вот и трудности. У каждого свой мир и свои привычки. Иногда мы мешали друг другу и, не замечая, обижали ближнего. Еще бы, когда живешь дома, у тебя есть своя комната, в которой порядок вещей и обстановка подчинены твоему желанию. В семинарии же даже книжную полку приходится делить с товарищем. На первых порах это нелегко. Приходится себя в чем-то ущемлять, что-то терпеть, потому что и тебя терпят. Через некоторое время, постепенно каждый выбирается из своего «мирка», особенности каждого учтены, и жизнь идет своим чередом. Бывает и так, что, приезжая с летних каникул, обнаруживаешь некоторые перемены: например, в новом учебном году ты живешь в другой келье, с другими людьми. А это означает начало нового процесса «уживания».

Если говорить об отношениях среди студентов, то не могу не вспомнить того времени, когда я начал учиться на первом курсе: меня поразило доброе и братское отношение большинства старшекурсников. Они были по отношению к нам внимательны и добры, часто помогали советом в учебе, да и просто выручали в трудный момент. Многие из них и по сей день остались добрыми друзьями.

— Какие послушания вам довелось нести в семинарии?

— В первый год обучения я, как и все мои сокурсники, трудился на общих послушаниях. В семинарии есть некоторое разделение послушаний на «общие» и «индивидуальные». Общие послушания — это работа «на тему дня»: выпал снег — значит, его убираем, на склад привезли книги — значит, разгружаем, начался ремонт — значит, красим, моем, убираем, и т.д. К индивидуальным послушаниям относится работа, которую студент должен

выполнять постоянно, изо дня в день, и, как правило, она сопряжена с определенной ответственностью. Такие студенты, естественно, не задействованы на общие послушания. Например, работа в ризнице, что означает ежедневную уборку алтаря и участие в подготовке богослужения.

Среди всех моих послушаний самым длительным было пение в хоре. Это послушание принесло мне много пользы. Пение в хоре — это серьезное занятие, которое развивает студента во многих направлениях. Оно дает некоторые практические знания в области богослужебного устава, развивает музыкальные способности, дает представление о культуре исполнения богослужебных песнопений. Да и вообще, хор культурно развивает человека, прививая эстетический вкус к этому направлению искусства. Конечно, говоря о столь значимом занятии, не могу не вспомнить с благодарностью регента нашего семинарского хора — Амерханова А. В., благодаря которому я по-настоящему научился петь.

— Расскажите о том, в каких поездках вы участвовали?

— Действительно, стоит отдельно вспомнить те путешествия, в которых я участвовал в составе семинарского хора. Среди них были поездки в Италию, на Святую Землю, во Владивосток и в Китай. Эти поездки, конечно, были нашим церковным послушанием, но помимо участия в богослужениях и концертах у нас было и немного свободного времени. Его-то мы и использовали помаксимуму — узнать и увидеть как можно больше. Во время этих поездок возникали и трудности, и дорожные приключения, которые сплотили наш коллектив. Говоря об этих путешествиях, было бы уместно вспомнить, что каждой поездке, каждому выступлению хора предшествовал тяжелый и кропотливый труд на спевках в течение нескольких недель.

Помимо хора в разное время нес послушание в семинарской видеотеке, на монастырском сайте pravoslavie.ru, которое длится и по сей день. Также мне приходилось нести послушание в канцелярии семинарии. На четвертом курсе проректором семинарии я был назначен преподавателем истории Поместных Православных Церквей в Московскую Академию образования Натальи Нестеровой. Это было одним из самых ответственных моих послушаний. Приходилось очень много готовиться к лекциям «не за страх, а за совесть». Это был мой первый опыт на преподавательском поприще. Нужно отдать должное, мои семинарские преподаватели помогали своевременным советом и делились своим педагогическим опытом.

— Можете ли назвать какие-то любимые дисциплины из всех, которые довелось изучать? Почему понравились именно они?

— На каждом курсе были предметы, которые я любил. В основном, они были связаны с тем, кто и как их преподает. Однако еще с первого курса у меня появилось особое отношение к Церковной истории. Придя в семинарию после школы, я не считал историю серьезным предметом, которому нужно предавать какое-то особое значение. На первом курсе у нас начался курс истории Русской Церкви. Помню, как на этих лекциях нам приходилось нелегко, огромные конспекты, которые мы еле успевали записывать, были полны цитат и ссылок. Перед лекцией — опросы, которых мы все ждали затаив дыхание и с тяжелым сердцем. В то время я понял, что история — это серьезная дисциплина, требующая колоссальных знаний и серьезной работы. На втором курсе у нас был предмет «Всеобщая церковная история». Тогда ее преподавал диакон Николай Данилевич. Его лекции проходили настолько живо и интересно, что после занятий я шел в библиотеку за дополнительной литературой и с интересом ее читал. С тех пор, наверное, я и полюбил историю.

С началом курса истории Поместных Православных Церквей у меня появился живой интерес к этому предмету. При выборе тем курсовой работы на четвертом курсе я отдал предпочтение именно этому предмету. Поэтому, возможно, меня и назначили преподавать эту дисциплину.

С четвертого курса началось изучение истории Русской Церкви XX века, которую преподавала проф. О.Ю. Васильева, меня заинтересовали события советского периода настолько, что я решился написать дипломную работу по этому предмету.

— Можете ли назвать свои любимые книги, каких-то дорогих вам и более близких святых отцов и других авторов?

Среди святоотеческой литературы для меня особое место занимают письма свтт. Иоанна Златоуста, Феофана Затворника и Николая Сербского.

Из наших современников — письма и проповеди схиигумена Саввы (Остапенко) и архимандрита Иоанна (Кресьянкина).

— Что вы можете рассказать об учебном процессе в Сретенской семинарии?

— Учебный процесс состоит из двух полугодий, которые заканчиваются двухтрехнедельной сессией. Лекции идут по шесть дней в неделю и охватывают довольно широкий спектр изучаемых дисциплин. В процессе обучения студенты с первого курса пишут обязательные сочинения, а с третьего — курсовые работы, на пятом — дипломную работу, которая подразумевает серьезную подготовку по данной дисциплине.

Нужно отдать должное руководству семинарии, которое смогло собрать столь уникальный по своему составу преподавательский коллектив из ведущих специалистов духовных и светских вузов.

— Что вам запомнилось из повседневной и бытовой жизни семинарии?

— Первое, что приходит на память,— это дружеское общение со своими семинарскими товарищами. В перерывах между лекциями, идя по коридору, можно услышать горячие обсуждения и даже споры между студентами на самые различные темы. Через общение происходит и обмен полезной информацией, который во многом стимулирует учебный процесс.

— Какие можете выделить особенности опросов на занятиях и на экзаменационных сессиях?

— Среди особенностей я бы выделил наличие сравнительно небольшой аудитории, вследствие чего при опросе практически невозможно избежать вопроса в свой адрес. Это обстоятельство заставляет чаще готовиться к лекциям.

Что касается экзаменационной сессии, то она занимает небольшой временной отрезок. Следовательно, если в течение учебного полугодия не учиться как следует, то на сессии в сжатые сроки подготовиться к экзамену достаточно сложно.

— Что вы расскажете о богослужении в Сретенском монастыре, ведь они занимают достаточно заметное место в жизни семинаристов?

— Думаю, что богослужения в Сретенском монастыре во многом являются образцом и добрым примером для студентов. Да и как может быть иначе? То, что семинаристы видят и слышат, они будут повторять на местах своего церковного служения. Семинаристы задействованы практически во всех богослужениях монастыря: кто-то поет, кто-то читает или помогает в алтаре. Это дает дополнительные практические знания.

— Расскажите о преподавателях, которые вам особенно запомнились?

— Особенно запомнились те преподаватели, которые помимо учебного процесса уделяли время на общение со студентами. Эти преподаватели интересовались нашей жизнью, обсуждали с нами интересующие нас проблемы современного общества, рассказывали о традициях духовной школы, да и просто делились своим опытом. Среди этих преподавателей я бы отметил о. Андрея Рахновского, о. Александра Тимофеева, Васильеву О.Ю., Стародубцева О.В., Шаповалова И.П., Сидорова А.И., Светозарского А.К. и многих других.

— Скажите, пожалуйста, пару слов о вашей дипломной работе?

— Моя дипломная работа посвящена истории Псково-Печерского монастыря в послевоенный период. Под руководством моего научного руководителя профессора О.Ю. Васильевой, которая действительно руководила моими изысканиями в фондах государственных архивов, моя работа повествует о жизни монастыря в Советском государстве, отношении с государственной властью, с уполномоченным Совета по делам РПЦ, о событиях в тот период в обители и в Печорском районе.

— Расскажите о вашей первой проповеди.

— Свою первую проповедь я произнес на 3-м курсе в день памяти ап. Иоанна Богослова и свт. Тихона. Помню, готовил ее около недели. Когда же пришло время ее произносить, а это было в трапезной в присутствии студентов и братии, я очень разволновался и прочитал ее очень быстро. Впоследствии мне приходилось произносить проповеди в храме, и хотя это особое ощущение, однако впечатление от первой проповеди осталось самым сильным.

— Что дали годы, проведенные в семинарии?

— Время, проведенное в стенах семинарии, мне принесло много пользы. Помимо образовательного процесса, семинария научила меня разбираться во многих вещах, привила мне вкус к богослужебной традиции. В период моей жизни в стенах обители я нашел ответ на некоторые принципиально важные для меня вопросы. Кроме того, в период обучения я приобрел надежных друзей, да и простой жизненный опыт.

—Расскажите о духовной жизни в семинарии.

— В центре духовной жизни семинарии, несомненно, находится Литургия. Очень многое в этом плане дает сочетание теоретических знаний с практическим опытом, который мы можем перенять у семинарских духовников.

— Расскажите о Вашей хиротесии во чтеца. Насколько это событие для вас важно?

— Несомненно, это событие стало одним из самых важных за прошедший год. Оно принесло осознание ответственности перед Церковью, сообразной с данным священнодействием.

— Какие советы и пожелания вы можете дать студентам семинарии из вашего опыта?

— Каждый день в стенах нашей духовной школы несет в себе что-то новое, что-то интересное. Однако помимо хороших моментов бывают и неприятности. Поэтому я хотел бы пожелать будущим и настоящим студентам семинарии при невзгодах и неприятностях сохранять свой внутренний мир в спокойствии. Это сложно, однако не стоит забывать, что наша семинария находится в монастыре, и нам всегда можно зайти в храм. Кроме того, в трудных вопросах всегда есть возможность обратиться за советом к одному из духовников монастыря и получить мудрый совет.

Следующее, что я хотел бы пожелать — это беречь время и не растрачивать его по пустякам. Делайте все в свое время и не упускайте возможности для собственного развития.

В завершение я хотел бы сказать — берегите здоровье, по возможности высыпайтесь, потому что плохое самочувствие лишает человека многих возможностей, ограничивает жизнедеятельность, а значит, не позволит ему в должной мере нести свое церковное послушание.

Пожелания выпускников 2010 года студентам Сретенской семинарии

Священник Евгений Терехов

Всегда нужно просить у Бога помощи в учебе, но не следует забывать: Господь помогает тем, кто трудится.

Надо добросовестно относиться к богослужебным послушаниям, что значительно облегчает усвоение литургики.

Спать лучше ночью, а не днем, во время лекций.

А поэтому еще одно полезное правило, которому, правда, мне редко удавалось следовать, — все надо делать заранее.

Диакон Александр Лисовский

Желаю с уважением относиться к руководству духовной школы.

Желаю всегда иметь перед собой цель и достигать ее.

Желаю побольше заниматься изучением иностранных языков.

Желаю не забывать о чтении Священного Писания и святых отцов.

Диакон Андрей Тихонов

Желаю упования на волю Господа и сделать правильный выбор на дальнейшем жизненном пути с тем, чтобы и по окончании семинарии продолжать познание Богооткровенных истин и жить полноценной литургической жизнью.

Инок Киприан (Литвиченко)

Желаю усердно заниматься учебой, по возможности не отставать в ней, а случающиеся долги сдавать как можно скорее, не унывать, впрочем, если что не получается, то прибегать к помощи преподавателей как старших братий и сестер, к совету духовников, к молитве — с верой, что Господь непременно поможет.

Необходимо непрестанно бороться с леностью, стремиться соблюдать режим дня, не перегружаться ни слишком долгим сном, ни слишком малым отдыхом. Стараться соблюдать во всем и везде меру, дабы не повредить себе и близким своим. Не увлекаться неполезными вещами, а в случае сомнений в их полезности испрашивать о том духовников. Вообще, при всякой скорби или недоразумении надо обращаться к опытным батюшкам и они дадут мудрое наставление.

Следует хранить мир в общежитии с братиями-семинаристами, с преподавателями и, с помощью Божией, со всяким человеком, а если случится поссориться, то по возможности сразу мириться, не тая зла друг на друга.

Нужно понуждать себя к благоговейному предстоянию в храме во время служб церковных и радеть о регулярной исповеди и Причастии Святых Христовых Таин.

Степан Бажков

Мне кажется, семинаристу очень важно не подстраиваться под окружающих и не поступать так, как все. И хотя мы склонны к подобному, это очень вредно для нас. Христианину всегда надо поступать так, как велит совесть, а не подчиняться большинству — даже и церковному. Пусть это будет поведение наперекор, но бездумно поддаваться общим настроениям — неправильно. Надо смотреть не на то, как делают все, а на то, как должно быть, как велят нам евангельские заповеди.

Другое мое пожелание — использовать прекрасную возможность часто бывать на богослужениях. Да, поначалу долгие, регулярные службы могут восприниматься очень тяжело и казаться скучными. Но от понуждения себя со временем появится особая любовь к ним. Господь не оставляет разумных ревнителей богослужения ни в учебе, ни в послушаниях. Они будут протекать гораздо легче и успешнее, если человек постарается уделять время богослужениям и молитве. И здесь опять важно ориентироваться не на внешние, минимальные нормы, а поступать от сердца, воспитывать в себе любовь к Литургии.

Гурий Балаянц

Желаю находить общий язык, понимание с руководством семинарии и оставаться самим собой, помня, что наше ближайшее окружение, на которое можно положиться, это товарищи по учебе.

Желаю беречь и ценить время.

Желаю проявлять в учебе усердие и ответственность. Это поможет снискать уважение у преподавателей и разбудить собственный интерес к учебным предметам.

Желаю никогда не просыпать братский молебен и не пропускать богослужение.

Желаю держать себя в хорошей физической форме, памятуя, что здоровье — это дар Божий, который дает надежду на продление наших земных дней.

Иван Ефимов

Учиться в семинарии означает не просто получать высшее образование, но еще и жить в особых условиях. Духовная школа — это целый мир, необыкновенный мир. Каждый день в этих стенах несет в себе что-то новое, что-то интересное.

Однако в жизни каждого студента бывают и неприятные истории, которые нарушают обычный порядок вещей. Поэтому я хотел бы пожелать будущим и настоящим студентам семинарии при невзгодах и неприятностях сохранять свой внутренний мир в спокойствии. Это сложно, но не стоит забывать, что наша семинария находится в монастыре, а значит, студент всегда имеет возможность зайти в храм. Кроме того, для решения трудных вопросов можно обратиться за советом к одному из духовников Сретенской обители, и верный совет непременно будет получен.

Следующее, что бы я хотел пожелать, — беречь время и не растрачивать его по пустякам. Нужно все делать вовремя и не упускать возможности для собственного развития — интеллектуального и духовного.

В завершение я хотел бы сказать: берегите свое здоровье, старайтесь высыпаться, поскольку плохое самочувствие лишает человека многих возможностей, ограничивает его жизнедеятельность, а в конечном счете не позволяет в должной мере делать то, к чему он призван.

Алексей Ковалев

Пожелаю ребятам всегда, что бы ни случилось, оставаться людьми. В течение пяти семинарских лет с человеком происходит много изменений, как внешних, так и внутренних. И главное при этом — сохранить открытость и желание прийти на помощь тем, кто тебя окружает. Немаловажно также быть благодарным за все, что тебе дают, и никогда не забывать своих наставников.

Дмитрий Корольков

Что можно пожелать семинаристам? А вообще, что может пожелать христианин христианину? Все мы — единое целое, одно Тело Христово. Так что могу пожелать всем нам прежде всего здоровья и счастья.

Как собранию единомышленников желаю, чтобы вся наша деятельность определялась одной единственной целью — целью личностного спасения и спасения ближних.

Не забывайте, что успехи в учебе зависят от усердия человека, от его желания постичь духовную мудрость.

И еще желаю почаще бывать на природе. Учиться ведь можно, не только читая миллионы мудрых книг. Учитесь читать послания всеохватной любви от Бога, записанные в дуновении ветра, шелесте листвы, солнечном закате, — во всем этом прекрасном мире!

Крепости духа, трезвенности мыслей и незыблемого терпения! Благословенных успехов в добрых начинаниях!

Помоги Вам Господь!

Александр Красиков

Желаю всем студентам-сретенцам помощи Божией в их благих начинаниях, самоотверженности в труде, ответственности и смирения, а главное — желаю, чтобы за время обучения в семинарии они укрепились в вере.

Виталий Ляховский

Хочу пожелать вам того, чего не хватало, да и сейчас не хватает мне самому: терпения, взаимопонимания, смирения, послушания, а самое главное — истинной любви, любви к Богу и людям, любви, о которой говорил Спаситель: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин 13, 35). И если будет такая любовь, то Господь даст и все необходимое для спасения и для жизни.

Желаю вам сделать правильный выбор, выбор перед которым рано или поздно встает, наверное, каждый семинарист, — монашество или женитьба.

Желаю достойно провести время семинарской жизни, получить как можно больше полезных и нужных знаний и выйти из этих стен духовно опытными и нравственно возвышенными людьми, чтобы быть для окружающих образцом христианской жизни.

Желаю вам всем, дорогие братья, всего самого доброго, самого светлого!

Геннадий Новиков

Желаю важных приобретений в духовной жизни.

Желаю высоко ценить время, проведенное в семинарии.

Желаю нести окружающим любовь и сострадание

Денис Павлов

Нельзя свои надежды обращать только к людям, имеющим авторитет и власть, поскольку они очень призрачны. Все свое упование нужно полагать на Бога, лишь Он один поддержит и выручит в самую тяжкую минуту.

Если вы пострадали невинно — за правду, из-за клеветы, радуйтесь, ибо Бог наградит вас. Ни в коем случае не ропщите, потому как в своих ошибках виноваты только мы сами. Ропот ослабляет веру, а без веры умирает душа.

Если вам кто-то не нравится или кто-то раздражает, то постарайтесь побороть такие чувства. Ведь рядом с этим человеком вам жить и учиться пять семинарских лет.

«Возлюби ближнего своего как самого себя», — заповедал нам Христос. Тяжело человеку находить общий язык со своими собратьями, ведь все мы очень разные. В сложных случаях нужно вспоминать евангельские деяния Спасителя, Который не гнушался мытарей и блудниц.

И последний совет: никогда не слушайте басни и анекдоты о церковной жизни — все, касающееся правильного духовного устроения, вы почерпнете из Священного Писания.

Владислав Павлушенко

Желаю почерпнуть богословские знания, сформировать основы духовной жизни, ценить и преумножать крепкую семинарскую дружбу, научиться любить, прощать и благодарить.

Владимир Правдолюбов

Желаю в любой ситуации не забывать говорить: «Слава Богу за всё!»

Никогда не унывать, помнить, что плохих людей нет.

Ценить знания, полученные в семинарии, и использовать их исключительно во благо Церкви, поскольку главная задача христианина и тем более семинариста — служить Господу.

Осознать, что усвоение знаний и воспитание трудолюбия — вещи, которые нужны нам самим, а не священноначалию.

Константин Розников

Желаю с благодарностью вспоминать годы, проведенные в стенах духовной школы.

Желаю хранить и развивать дружеское общение с однокурсниками, сокелейниками, преподавателями и администрацией духовной школы.

Желаю продолжать дальнейшее обучение и самообразование, так необходимое для священнослужителя.

Желаю всегда оставаться верными чадами Церкви, хранить и возгревать веру Христову.

Кирилл Чистяков

Всем, кто сейчас учится в семинарии, хочется пожелать ценить то время, которое они проводят в стенах духовной школы, использовать его рационально, не тратить понапрасну. При этом нужно делать так, чтобы оно уходило не только на учебу, но и на самовоспитание, межличностное общение, культурное совершенствование.

Желаю ценить ту дружбу, которая зародилась в семинарии, ценить, чтобы никогда ее не потерять.

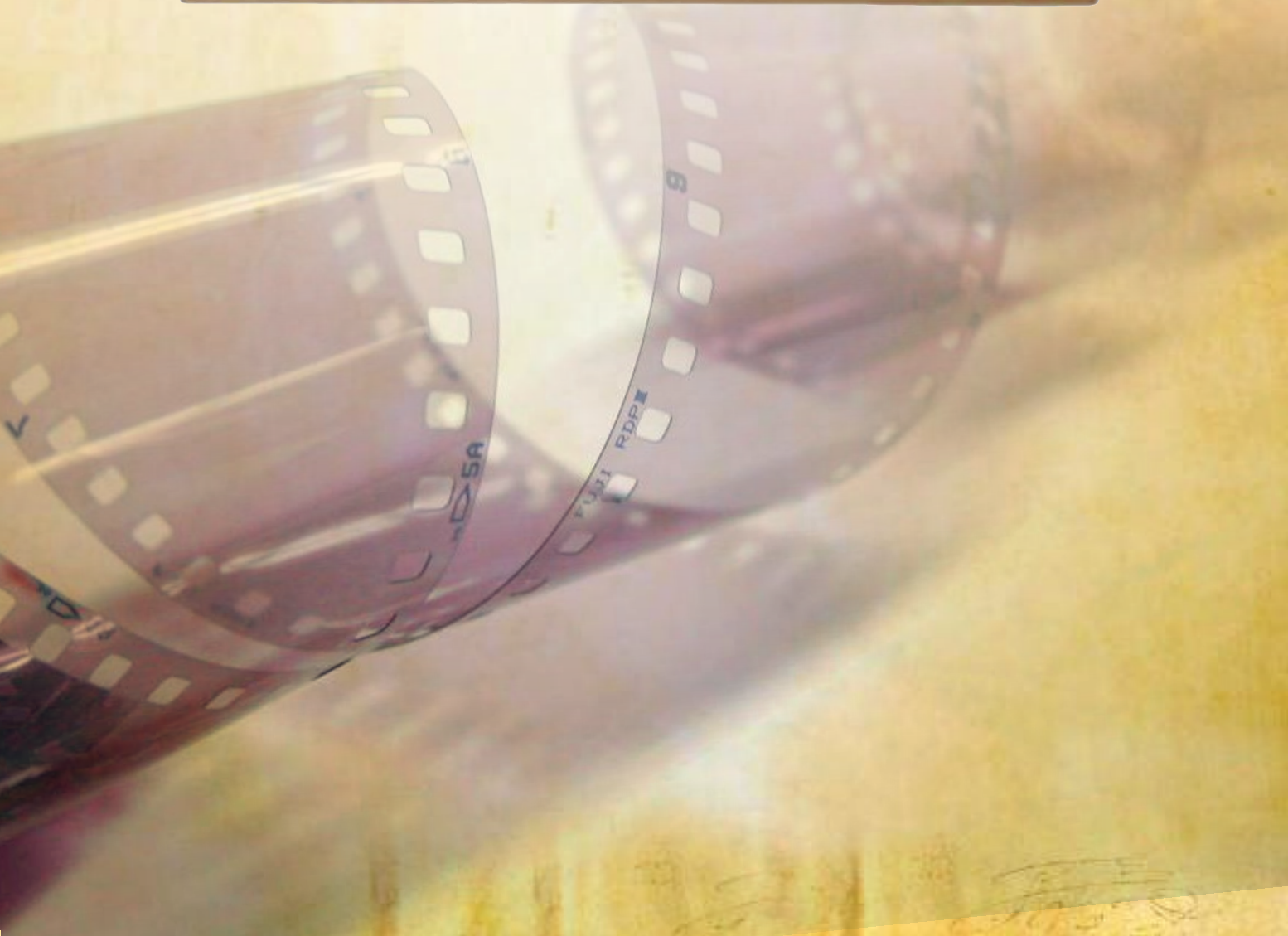
Желаю твердо идти по тому пути, на который каждого призвал Господь и по которому каждый решил идти.

Сергей Шестаков

Хочу пожелать всем запастись мужеством и терпением в начатом деле. Переступив порог духовной школы, вы взяли на себя ответственность перед Богом и Церковью. Помните слова Спасителя, обращенные к апостолам: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал» (Ин 15, 16).

Старайтесь не потерять своего достоинства, «поступайте достойно того звания, в которое вы призваны» (Еф 4, 1).

Фотогалерея



Сретенский монастырь

Сретенский монастырь. Художник С.Н.Ивлева

Соборный храм Сретения Владимирской иконы Божией Матери

Из истории монастыря

Монастырь в 1930-е годы

Никольский храм, разрушенный большевиками

Храм прп. Марии Египетской, разрушенный большевиками

Монастырь в советское время

Часть собора монастыря и корпус наместника

Восстановление монастыря

Место братского корпуса, где расположен медпункт и баня

Вид на корпус наместника и братские корпуса

в 1990-е годы

Семинарский корпус

Здание трапезной

Современный вид монастыря

Семинарский и братский корпуса

Корпус наместника

Крест в память новомучеников

Икона Владимирской Божией Матери

Административный корпус

Монастырский храм

Центральная часть храма

Главный престол храма

Придел Рождества Иоанна Предтечи

Крипта Воскресения Христова

Придел прп. Марии Египетской

Святейший Патриарх Кирилл

Святейший Патриарх Алексий

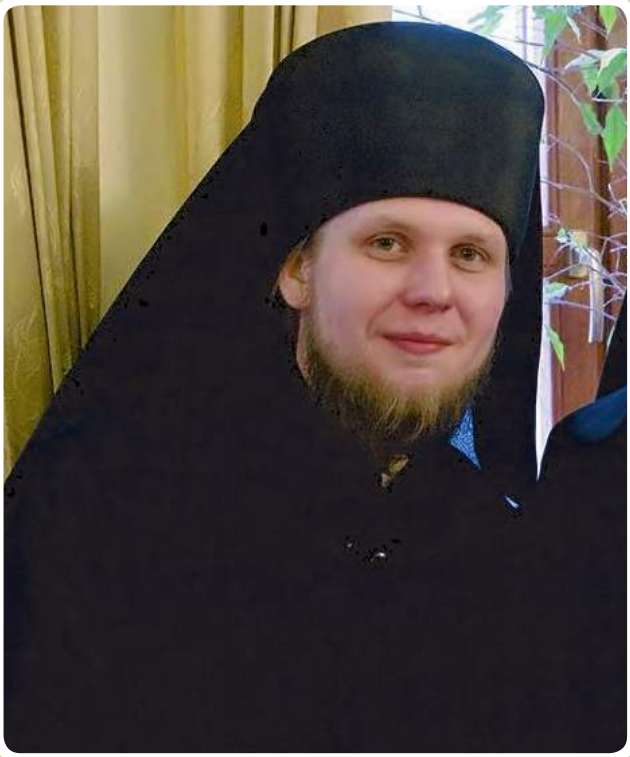
Руководство семинарии

Ректор семинарии — архимандрит Тихон (Шевкунов)

Проректор — иеромонах Иоанн (Лудищев)

Секретарь — Дмитрий Дементьев

Дежурные помощники



Иеродиакон Севастиан (Астафуров)

Монах Николай (Муромцев)

Диакон Антоний Новиков

Игорь Максимов

Семинарские духовники

Архимандрит Тихон (Шевкунов)

Игумен Киприан (Партс)

Иеромонах Иов (Гумеров)

Иеромонах Никодим (Бекенев)

Иеромонах Павел (Щербачев)

Выпуск 2004 года

Выпуск 2005 года

Выпуск 2006 года

Выпуск 2007 года

Выпуск 2008 года

Выпуск 2009 года

Выпуск

Чтец Димитрий Корольков

Диакон Владимир Галкин

Диакон Андрей Тихонов

Иерей Евгений Терехов

Чтец Иоанн Середа

Чтец Геннадий Новиков

Чтец Виталий Ляховский

Чтец Иоанн Ефимов

Чтец Алексий Ковалев

Чтец Владимир Правдолюбов

Чтец Сергий Шестаков

Чтец Александр Красиков

2010 года

Иерей Александр Брагин

Диакон Александр Лисовский

Диакон Сергий Попов

Чтец Кирилл Чистяков

Чтец Георгий Мовчан

Чтец Владислав Палушенко

Инок Киприан (Литвиченко)

Чтец Стефан Бажков

Чтец Дионисий Павлов

Чтец Гурий Балаянц

Чтец Иоанн Коханов

Константин Розников

Выражаем благодарность

Иеромонаху Симеону (Томачинскому)
с сотрудниками издательства
Сретенского монастыря
и преподавателям Сретенской духовной
семинарии:
Маршевой Ларисе Ивановне
Трубицыной Галине Ивановне
Ковыневой Ирине Евгеньевне
за помощь в редактировании и подготовке
данного сборника

Благодарим также студентов Сретенской
духовной семинарии: Гольцова Вячеслава,
Никитина Сергея, Гизитдинова Дмитрия,
Бровко Виталия, Михалева Петра,
Митрофанова Диомида, Павлушенко Владислава,
Новикова Геннадия, Тихонова Андрея,
Красикова Александра, Шахмирзояна
Романа, Чепкого Ивана, Теплова Евгения,
Ланцева Георгия, Никифорова Никиту

и фотографов: Балаянц Гурия,
Родионов Михаила

Сборник подготовлен проректором Сретенской
Семинарии иеромонахом Иоанном
и иеродиаконом Матфеем